ISSN 0131—5706

Научно-публицистический журнал

3/2006

РОССИЯ

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации

Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

3/2006

(№ 56)

СОДЕРЖАНИЕ

4 Проблемы развития регионального социума

Проблемы федерализма

9 **И.В.Бахлов.** Советский федерализм: идейные истоки и концептуальные особенности

Территориальное управление

20 **М.Э.Буянова.** Оценка региональных рисков регионов Южного федерального округа

33 **М.Р.Долотказин.** Программно-целевое управление развитием инновационной деятельности региона

40 **Е.Н.Королева.** Типологизация муниципальных образований в региональных исследованиях

Экономика региона

49 Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в первом полугодии 2006 г.

78 **И.Н.Крутова.** О ходе реализации национального проекта «Развитие АПК» в Республике Мордовия

87 **Л.В.Иваненко.** Территориально-организационные формы экономики регионов

97 **Т.А.Фролова.** Развитие потребительского кредитования как фактор стимулирования делового спроса в регионе

105 **В.В.Кузнецов.** Проблемы развития сельскохозяйственного производства в муниципальных образованиях Ульяновской области

116 **О.В.Афанасьева.** Формирование экономического механизма устойчивого развития предприятия

124 **Г.Б.Козырева.** Роль лесного бизнеса в социально-экономическом развитии приграничного региона (на примере Республики Карелия)

135 **Ю.И.Базаев.** Специфика сельскохозяйственной корпорации региона

140 **Т.Е.Минякова.** Этапы перевода системы ЖКХ региона на рыночные отношения

145 **А.Н.Федонин.** Эффективность использования биологически активных добавок в рационах сельскохозяйственных животных и птицы как фактор повышения их продуктивности в региональном АПК

Региональные проблемы науки и образования

152 **В.Ю.Петров, Н.Н.Матушкин, А.А.Ташкинов, Т.А.Кузнецова, В.Д.Черкасов, С.И.Пахомов.** Эффективность интеграции образования и науки как основа повышения качества подготовки кадров высшей квалификации

162 **Л.А.Аухадеева.** Отличительные особенности коммуникативной культуры студентов педагогического вуза Республики Татарстан

171 **М.И.Каргин.** Системно-контекстная психодиагностика в общеобразовательных школах региона

Социология региона

179 **Н.Н.Логинова, С.В.Першин.** Влияние миграции на социально-демографическое развитие региона

188 **О.В.Нестерова.** Социокультурные аспекты взаимодействия групп мигрантов и местного населения региона

193 **М.В.Каймакова.** Проблемы комплексного развития села региона

201 **Л.Н.Липатова, И.В.Егоров.** Трансформация социально-трудовых отношений на предприятиях региона

Социальное развитие региона

211 **Е.Н.Суняйкина.** Региональный аспект межсекторного взаимодействия в России

217 **А.Ф.Кузнецов.** Потребление социальных услуг населением региона

Экология региона

225 **М.М.Гераськин, М.И.Кудашкин.** Основные параметры эффективности агроландшафтной организации территории региона

232 **А.В.Каверин, А.В.Ненастин.** Эколого-экономическая оптимизация использования аграресурсного потенциала муниципального образования

Региональная история и историография

242 **Ю.Н.Сушкова.** Доказательственная база этнического правосудия у мордвы

254 **Е.В.Брыжинская.** Организация и деятельность судов общественной самодеятельности на территории Мордовии в 1928—1937 гг.

264 **А.Г.Берман.** Беседничество и старчество в Среднем Поволжье

274 **В.Ф.Лёвин.** Российское законодательство по борьбе с религиозными преступлениями конца XIX — начала XX в.

282 **Е.В.Агаева.** Историография проблемы художественной интеллигенции Чувашии 1920—1941 гг.

Провинциальная культура

293 **Т.И.Волостнова.** Художественное отражение фактов истории в культурной традиции мордовского народа

305 **Л.В.Абрамова.** «Моление о лошадях» как отражение синкретизации форм верований и обрядов мордвы в конце XIX — начале XX в.

311 **Ю.И.Бокатина.** Историческое комментирование лингвистического явления как средство изучения истории и культуры региона

317 **С.Н.Овсянников.** Столичный и провинциальный зодчие в архитектурном поле одного региона

326 **А.Г.Бурнаев.** Культурфилософские основания современного танца

332 **НИИ регионологии — 15 лет**

343 **Конференции. Встречи. Дискуссии**

348 **Новые книги**

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

© «Регионология», 2006

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Реформирование современного российского общества породило немало уникальных социально-экономических, политических и духовных практик, что, в свою очередь, пределило возникновение новых идей и направлений в области гуманитарного знания. Поскольку реформы носят глубинный, системный характер, постольку и исследовательское поле характеризуется стремлением осмыслить системообразующие основы социальной жизни. К таковым научным направлениям относится **регионология**, предметной областью которой являются закономерности системного экономического, социального, политического, экологического, духовного функционирования и развития территориальных социумов (общностей людей), формы и методы регулирования этих процессов.

В последние 15 лет существенно актуализировалась региональная проблематика в общественном сознании и практике россиян. Следует отметить, что региональные аспекты имеют практически все отрасли научного знания, связанные с территориальными проблемами функционирования и развития социумов. Однако в отличие от них регионология изучает системность целостного воспроизводства социальной жизни на конкретной территории, очерченной государственными и административными (внутригосударственными) границами.

Такой подход представляется наиболее приемлемым в процессе реализации приоритетных национальных проектов «Образование», «Здравоохранение», «Доступное и комфортное жилье» и «Развитие АПК», проблем демографического развития территориальных общностей.

Актуализация проблем развития региональных социумов России в 90-е гг. XX в. имела свои основания. Радикальные реформы российского общества, начатые «сверху», не были подкреплены законодательно, экономически, организационно и идеологически. Социально-экономические и политические реалии России переходного периода требовали адекватного реагирования государственной власти, прежде всего федерального центра, которое постоянно запаздывало, поэтому регионы (субъекты Российской Федерации) вынуждены были действовать самостоятельно, методом проб

и ошибок, результатом чего стали противоречия между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти некоторых субъектов РФ. Более того, регионализация российского социально-экономического, политического и духовного пространств проходила в противовес глобализации пространства мирового. Эйфория первых лет суверенизации и «демократической вольности» быстро прошла. Изоляционизм, национальная исключительность, стихийный рынок в очередной раз доказали свою несостоятельность, а регионализация стала рассматриваться как способ проявления качественного (территориального, природного, этнокультурного и т.п.) своеобразия, включенного в контекст всероссийского и общемирового развития.

Стратегическими приоритетами федеральной региональной политики стали модернизация общероссийского жизненного пространства благодаря реализации воспроизводственной парадигмы регионального социума как системной целостности, повышение качества жизни, использование потенциала культурного многообразия регионов, развитие инновационного научного и образовательного потенциалов региональных социумов.

Региональный социум — это территориальная общность людей, характеризующаяся органической целостностью, способная к самовоспроизводству в соответствии с закономерностями современной цивилизации. Самовоспроизводство регионального социума определяется соотношением ресурсов и потребностей территориальной общности людей, функционирующих в системе качественно определенного способа производства материальных и духовных благ. Причем центральное место в этом процессе принадлежит диалектике потребностей, интересов и ресурсов субъектов регионального социума. Совпадение или несовпадение интересов является основой *гармонизации или конфликтности* в развитии регионального социума. Гармоничное развитие в данном случае понимается не только как комплексное, целостное воспроизводство структуры социума, но и *преодоление разбалансированности потребностей, интересов, уровней, внутренних и внешних взаимоотношений субъектов регионального социума.*

Общеизвестна приоритетность социально-экономического развития территорий, создания условий для достойной жизни и свободного развития человека. В связи с этим

принципиально важен выбор системы стратегических приоритетов развития, без определения которых деятельность субъектов социума неизбежно трансформируется в нескончаемый процесс нерационального расходования социальной энергии. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации, правительства и муниципалитеты крупных городов России стали использовать методы стратегического планирования и управления. Основным механизмом реализации стратегических приоритетов становится создание условий для саморегулируемого системного воспроизводства региональных социумов.

Жизненной основой регионального социума было, есть и будет рациональное природопользование. Основной целью в этой области жизни человеческих сообществ остается улучшение качества окружающей природной среды. Следует иметь в виду, что на Земле нет бедной природы, а люди еще не создали технологии, позволяющие все природные ресурсы сделать полезными.

В современных условиях возрастает роль территориальных комплексов в развитии экономики России. Обостряются диспропорции в социально-экономическом развитии регионов в условиях рыночной экономики.

Комплексность хозяйства региона предполагает сбалансированность, пропорциональное согласованное развитие его производительных сил. Это такая взаимосвязь элементов хозяйства, когда эффективно выполняется основная народно-хозяйственная функция (специализация региона), не наблюдаются значительные внутрирегиональные диспропорции, сохраняется способность региона осуществлять в своих пределах расширенное воспроизводство на основе имеющихся ресурсов. Комплексность и целостность служат предпосылками относительной автономности регионов в рамках национального хозяйства. Они проявляются в том, что часть воспроизводственных связей ограничивается конкретной территорией, и на этой основе образуется относительная самостоятельность, выражающая степень обеспеченности его ресурсами для самостоятельного и ответственного решения социально-экономических вопросов, входящих в компетенцию регионального уровня хозяйствования.

Современная социальная реальность проявляется в сочетании двух тенденций: глобализации и регионализации.

Регионализация является, с одной стороны, социальной конструкцией в масштабах различного диапазона, с другой — всегда «привязана» к определенным территориальным образованиям. Различные глобальные явления находят выражения в процессах регионализации, вследствие чего возникают информационное, коммуникационное, образовательное, конфессиональное, этническое и другие пространства регионов. Для создания современной теории социального пространства важное значение имеет анализ структуры и динамики конкретных пространств.

Процесс трансформации российского общества привел к возникновению двух тенденций в культурном развитии региональных социумов. С одной стороны, идет обновление многих культурных институтов общества: образования, науки, религии; нивелирование процессов культурной (этнической, конфессиональной) дифференциации. С другой — процессы трансформации обусловливают поиск новых культурных идентичностей, усиление культурной дифференциации, стремление сохранить культурную (национальную, этническую, конфессиональную) идентичность и самобытность каждого региона. При формировании стратегии развития регионального социума необходимо учитывать обе эти тенденции, их гармонизацию.

Осмысление политико-правовых процессов в сфере регионального управления, происходивших в период реформирования 90-х гг. XX в., дает основания считать важнейшей характеристикой развития региональных социумов *политико-правовую асимметрию субъектов Российской Федерации.* В связи с этим весьма актуальной стала разработка примерной модели перехода от асимметричной федерации к единому социально-политическому пространству. Необходимо совершенствование научной экспертизы регионального законодательства.

Анализ различных аспектов развития региональных социумов Российской Федерации позволяет считать сложившимся и перспективным научным направлением регионологию, осуществляющую анализ комплексного, гармоничного развития региональных социумов. В связи с этим следует обратить особое внимание на изучение процессов гармонизации региональных социумов, диалектику соотношения глобализации и регионализации, повышение роли межре-

гионального разделения труда. Одной из приоритетных задач развития региональных социумов является анализ реализации национальных проектов «Образование», «Здравоохранение», «Доступное и комфортное жилье» и «Развитие АПК».

В целях повышения эффективности управления природопользованием и охраной окружающей среды необходимо разграничение полномочий между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также разработка региональных законов об охране окружающей среды.

Решению проблем гармоничного развития региональных социумов во многом способствуют федерально-региональные программы комплексного экономического и социального развития регионов и их муниципальных образований. Разработку таких программ следует признать необходимой во всех субъектах Российской Федерации.

Для формирования концептуальных моделей регионального социума целесообразной представляется более активная разработка теории социального пространства. При формировании политики культурного развития регионального социума следует учитывать взаимодействие тенденций глобализации и регионализации процессов этнокультурного развития. Научному сообществу регионов следует активно поддерживать и развивать связи с Отделением общественных наук РАН, Российской социологической ассоциацией и другими научными обществами в проведении исследований комплексного развития региональных социумов. В связи с этим адекватному представлению о современном социально-экономическом состоянии регионального социума будет способствовать создание экономических энциклопедий регионов.

Следует оказывать всемерную поддержку учебным заведениям, осуществляющим подготовку кадров по специальностям «Социология» и «Регионоведение» с акцентом на комплексное изучение развития субъектов Российской Федерации и специализацию по регулированию развития региональных социально-экономических комплексов. Во многом пониманию этих процессов может способствовать организация постоянно действующего межрегионального научно-практического семинара по проблемам регионологии.

И.В.БАХЛОВ

СОВЕТСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Советский федерализм представляет собой во многом уникальное явление в мировой теории и практике. Хотя на его формирование определяющее влияние оказали социально-политические идеи классиков марксизма, его осуществление и достаточно длительное развитие в нашей стране оказались бы невозможными без соответствующей адаптации к специфике политико-территориальной организации российского государства в сложные революционный и постреволюционный периоды распада бывшей Российской империи.

Взгляды основателей марксизма на проблемы территориального устройства государства были обусловлены необходимостью коренной ломки социально-политических и экономических отношений старого общества, в осуществлении которой главная роль отводилась государству диктатуры пролетариата. К.Маркс и Ф.Энгельс выступали за централизованное государство, создававшее наиболее благоприятные условия для объединения рабочего класса и других трудящихся масс в борьбе за социалистическое преобразование общества. При этом они считали, что федерация сможет способствовать достижению этой цели лишь в тех странах, где она станет политической формой создания единого централизованного государства[1].

Г.Б.Агабеков приводит основные выводы Энгельса в отношении буржуазной федерации, сформулированные им в работе «К критике проекта социал-демократической про-

---

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

граммы 1891 г.». На почве капитализма федеративное устройство оправдано для достижения хозяйственно-политического единства страны с большой территорией и разобщенными районами. С выполнением этой задачи федеративная структура становится помехой на пути дальнейшего эффективного развития, поэтому ее сохранение нецелесообразно. Наиболее прогрессивна федеративная система, построенная с учетом интересов различных наций и народностей, проживающих совместно в рамках одного и того же государства. Федерирование развитого в хозяйственно-политическом отношении государства с мононациональным составом населения объективно является искусственным мероприятием — «шагом назад»[2]

Однако Маркс и Энгельс считали федерацию в принципе нежелательной формой государственного устройства не только для буржуазного, но и для пролетарского государства. Противопоставляя федерации унитарное централизованное государство и отмечая, что буржуазия начала централизацию, которая приведет к победе пролетариата в его классовой борьбе, они полагали, что пролетариат после достижения своей победы должен будет значительно усилить централизацию государства. Они допускали возможность создания федерации лишь в том случае, если она обеспечит переход от состояния раздробленности к централистской республике и будет шагом вперед на пути к разрешению национального вопроса[3].

Можно согласиться с утверждением А.Каппелера о том, что в марксистском мировоззрении национальный вопрос играл подчиненную роль, т. к. считалось, что он связан с буржуазно-капиталистическим миром, и как только этот мир уступит место социализму, социальные причины национальных антагонизмов будут устранены, и откроется свободный путь к сверхнациональному мировому сообществу. Таким образом, по мнению исследователя, большевики пытались донациональное официальное устройство царской империи заменить постнациональным, пролетарско-интернационалистским устройством и перескочить через ту стадию развития, которая связана с формированием национального государства[4].

Интересна динамика взглядов В.И.Ленина и партии большевиков по вопросу государственного устройства России.

Начиная с 1903 г. он высказался о федерации отрицательно, связывая свое отношение (в духе марксизма) с критикой децентрализаторского характера будущей федерации в России. Он писал: «Не дело пролетариата *проповедовать* федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное *классовое* государство», тогда как от него требовалось «*теснее* сплачивать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм»[5] До Первой мировой войны позиция большевиков по этому вопросу практически не менялась. В своей работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин по-прежнему выступал против федерации как помехи на пути развития капитализма, объединения пролетариата России для грядущей революции и конкретизировал свое отношение: «...пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации», т.к. «централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира». Но, по его мнению, «непозволительно было бы забывать, что, отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм...», который «не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т.п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*»[6]

В то же время Д.Л.Златопольский справедливо подчеркивает, что позиция В.И.Ленина в этом вопросе полностью определялась учетом конкретной исторической действительности в России и исходила из целесообразности федеративного устройства в данный конкретный момент времени[7]

Поэтому неслучайно, что в работе «О праве наций на самоопределение» Ленин детально поясняет свою позицию по национальному вопросу. Он пишет, что самоопределение наций в программе марксистов не может иметь с историко-экономической точки зрения иного значения, кроме как

политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства, объясняя такую позицию спецификой национального устройства России. На его взгляд, она заключается в том, что «Россия — государство с единым национальным центром, вели-
русским», занимающим гигантскую сплошную территорию. В отношении иных национальностей он подчеркивает ряд особенностей. «Инородцы», в целом составляющие большинство населения, населяют как раз окраины. Их угнетение гораздо сильнее, чем в соседних государствах, и в ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью. Развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «инородческих» окраинах, чем в центре государства, а активизация буржуазных революций и национальных движений в соседних азиатских государствах частично захватывает родственные народности в пределах России. Отсюда Ленин делает вывод: «именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху».

Он также поясняет, что «практицизм» (а именно из него исходит политик-реалист) в национальном вопросе может иметь всего три альтернативы: «либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: „да или нет“ на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную „осуществимость“ национальных требований». Исходя из этого, он выделяет главную практическую задачу как великорусского, так и инонационального пролетариата — агитацию против всяких государственно-национальных привилегий, за одинаковое право всех наций на свое национальное государство, так как только таким путем «мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций», причем он специально подчеркивает, что «такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе». По мнению Ленина, «только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и без-

вредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении». Краткое содержание своей национальной программы он сформулировал в трех лозунгах: «полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций»[8]

Как справедливо отмечает М.Ферро, новый импульс, который в это время получает национальное движение, заставил обратиться к изучению этой проблемы и Ленина, увидевшего перспективы интеграции в революционной деятельности разрушительной силы национализма окраин. Ленин разрабатывает большевистскую теорию национального самоопределения именно тогда, когда эксплуатация национальной проблематики обеспечивала безграничные возможности для политической мобилизации[9]

На политическую мобилизацию населения национальных окраин и дальнейшее развитие революционного движения были рассчитаны разработанные В.И.Лениным на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) положения «Резолюции по национальному вопросу» (1917 г.). В ней говорилось, что «за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и неприятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий». Но «вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент», так как этот вопрос партия «должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм». Конкретная программа партии в национальном вопросе предполагала требование широкой областной автономии, ликвидации надзора сверху, отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава и т.п.; включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными

какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств. В то же время специально подчеркивалось, что «партия пролетариата решительно отвергает так называемую культурно-национальную автономию, т.е. изъятие из ведения ударства школьного дела и т.п. и передачу его в руки своего рода национальных сеймов», так как она искусственно размежевывает рабочих, живущих в одной местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях, по принадлежности к той или иной «национальной культуре», т.е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций[10]

Однако с точки зрения Ю.В.Шишкова, когда дело дошло до практической реализации провозглашенного права, В.И.Ленин и ВКП(б) всеми средствами стремились сохранить территориальную целостность страны. В национальную политику партии срочно вносится «уточнение», прозвучавшее на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. в устах наркома по национальным делам И.В.Сталина: принцип самоопределения необходимо толковать «как право на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[11]

В вышедшей 1918 г. работе «Государство и революция» В.И.Ленин конкретизирует свое понимание централизма следующим образом: «...если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу... разве это не будет самый последовательный демократический централизм?». По его мнению, реформистам «...просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию», так как им «...централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным»[12]. Тем самым Ленин подчеркивает особое понимание централизма как процесса добровольного объединения возникших в ходе революции ассоциаций населения.

В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» (март 1918 г.) он писал: «Противники

централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму»[13]

О.И.Чистяков полагает, что динамика взглядов Ленина на проблемы федерации прошла путь от неприятия федерализма через понимание федерации как только союзного государства до возможности организации многонационального государства на принципе автономии. При этом автономия и федерация рассматривались Лениным как вещи разные, но служащие одной цели, а отличие между этими формами государственного единства виделось в степени централизации[14]. На наш взгляд, эта динамика — следствие попытки адаптации мировой теории федерализма, основанной на признании добровольности заключаемого субъектами союза, к политическим реалиям российского государства. Естественно, что в процессе адаптации теория подверглась серьезной трансформации сквозь призму марксистской концепции классовой борьбы, что обусловило ее не государственно-правовой, а социально-экономический характер. В этом нетрудно заметить значительное сходство с концепциями анархистов. Однако в отличие от них взгляды Ленина на федерацию основывались на признании добровольного союза не любых объединений, а лишь ассоциаций победившего в революции пролетариата (в том числе национальных окраин) с примкнувшим к нему беднейшим крестьянством. Отсюда недопустимость идеи о национально-культурной автономии как о возможности разъединения революционных сил и развития на местах буржуазного национализма.

Таким образом, исходя из анализа работ Ленина, написанных им в дореволюционный и революционный периоды, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, на его взгляды о проблемах федерации повлияли соображения политической целесообразности, понимаемой им как дости-

жение победы социалистической революции путем мобилизации эксплуатируемых классов российского общества. Во-вторых, признание им возможности будущего федеративного устройства России обусловливалось, по нашему мнению, не столько стремлением решить национальный вопрос в
инципе, сколько необходимостью увязать его решение с социальным вопросом. Предполагалась не федерализация Российской империи, а создание союза государственных образований, сформированных в процессе социалистической революции пролетариатом не только центра, но и национальных окраин бывшей империи, т.е. федерация выступала лишь возможным, но не обязательным следствием социалистической революции. В-третьих, при разработке своей концепции Ленин изначально пытался исходить из положений классической теории федерализма (федерация как союз равноправных партнеров), однако из соображений целесообразности (организации нового государства и боязни победы националистических движений на окраинах) вынужден был дополнить ее традиционной для российской федеративной мысли идеей автономии, т.е. фактически заменить идею создания федерации снизу вверх признанием приоритета центра, в связи с чем демократический централизм изменил свой первоначальный смысл и стал пониматься не как инициатива местных ассоциаций к объединению, а как особый вид централизации.

Концепция Ленина была положена в основу государственного устройства советской России. Так, еще 16 (3) ноября 1917 г. опубликована Декларация прав народов России, в которой говорилось: «...Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[15] Эти принципы нашли свое выражение и в таких актах, как Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 8 ноября (26 октября) 1917 г.;

обращение Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (3 декабря (20 ноября) 1917 г.); признание Советом народных комиссаров РСФСР независимости Украинской и Финляндской республик (постановления от 17 и 31 (4 и 18) декабря 1917 г.); утвержденная III Всероссийским съездом Советов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (25 (12) января 1918 г.); резолюции того же съезда от 28 (15) января о политике Совета народных комиссаров по национальному вопросу и о федеральных учреждениях Российской республики[16]

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, вошедшая в качестве первого раздела в Конституцию (Основной закон) РСФСР, принятую V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., провозглашала, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик», при этом «...стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». Глава V Конституции дополняла основы федеративного устройства России следующим пунктом: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы». Кроме того, «эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику»[17].

Таким образом, Конституция РСФСР 1918 г. декларировала устройство Российского государства на федеративной основе, но не в форме союза путем заключения дого-

вора, а в форме государства с автономными образованиями путем признания автономного статуса регионов центральной властью. Сама «федеративная» связь выглядела достаточно противоречиво: с одной стороны, допускались инициатива снизу в образовании автономных областных юзов и возможность выхода (хотя и при признании его центральными органами) из состава федерации, с другой — автоматически признавался факт их вхождения в состав РСФСР (или требовалось признание их вхождения высшими органами), а также определение компетенции их органов власти центром. Тем самым в теории и практике федерализма появляется совершенно новый тип — *советская федерация* — «государство диктатуры пролетариата или общенародное государство, имеющее в своем составе, на основе добровольности, национально-государственные единицы, связанные между собой союзными, договорными отношениями или обладающие автономией»[18] Соответственно в этот период Ленин допускает расширительную трактовку федерации. Так, в тезисах по национальному и колониальному вопросам для II Конгресса Коминтерна (1920 г.) он писал: «Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)»[19] Фактически советская федерация представляла собой своеобразный гибрид унитаризма и федерализма при явном доминировании унитарных тенденций, вызванных к жизни исключительно политической целесообразностью: стремлением предотвратить распад государства и решить проблему активизации местных национализмов, т.е. установить новый баланс отношений между центром и периферией, между центростремительными и центробежными процессами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Карапетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства. М., 2001. С. 45.

[2] *Агабеков Г.Б.* Современные буржуазные концепции федерализма: научно-аналитический обзор. М., 1983. С. 5.

[3] См.: *Златопольский Д.Л.* СССР — федеративное государство. М., 1967. С. 13, 19.

[4] См.: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 273.

[5] *Ленин В.И.* О манифесте «Союза армянских социал-демократов» // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 105.

[6] *Ленин В.И.* Т. 24. С. 144.

[7] См.: *Златопольский Д.Л.* Указ. раб. С. 29.

[8] *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320.

[9] См.: *Ферро М.* Война, революция, империя: временное правительство и проблема национальностей // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 330—331.

[10] См.: *Ленин В.И.* Революция по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 439—440.

[11] Цит. по: *Шишков Ю.В.* Распад империи: ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8. С. 8.

[12] *Ленин В.И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50—51.

[13] *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151.

[14] См.: *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966. С. 19—21.

[15] Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922—1936) / Под ред. И.П.Трайнина. М., 1940. С. 4.

[16] Там же. С. 4—5.

[17] *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 190—193.

[18] *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации. С. 22.

[19] *Ленин В.И.* Тезисы по национальному и колониальному вопросам // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 164.

Поступила 13.06.06.

М.Э.БУЯНОВА

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Развитие региона — многоаспектный процесс, обычно рассматривающийся с точки зрения совокупности различных социальных и экономических целей. Под ним понимается режим функционирования региональной системы, ориентированный на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и взаимонеразрушающим воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории[1]

В условиях возрастающей динамичности функционирования и развития российского рынка многие экономические процессы в регионе характеризуются значительной неопределенностью в ожидаемых результатах. Изменчивость внешних и внутренних факторов, влиянию которых подвержена деятельность хозяйствующих субъектов региона, вынуждает предугадывать последствия принимаемых управленческих решений для предотвращения финансовых потерь и повышения уровня социально-экономического потенциала с целью обеспечения устойчивого развития регионального хозяйственного комплекса. Именно поэтому многие социологи, политики, экономисты, характеризуя современный период развития экономики России, ее субъектов, используют такие экономические категории, как устойчивость, равновесие, безопасность, риск. Эти категории показывают эффективность развития экономики как единой системы и могут служить комплексной оценкой, критериями стабильного поступательного социально-экономического развития региона.

Неоднозначность протекания экономических процессов в региональной системе, многообразие превращения возможностей в действительность, существование множества со-

---

БУЯНОВА Марина Эдуардовна, докторант кафедры экономической теории Волгоградского государственного университета.

стояний и т.д. выражают *неопределенность развития* социально-экономической системы региона.

Под *риском* мы понимаем порожденную неопределенностью возможность того, что при осуществлении целевых программ развития поставленная цель не достигается. К источникам неопределенности протекания экономических процессов в регионах следует отнести своеволие (коррумпированность) в выработке, принятии и реализации управленческих решений; нечеткость и постоянную изменчивость законодательных и нормативных актов, регулирующих экономические процессы; ограниченность управленческого сознания в разработке и принятии своевременных решений; противодействие органов регионального управления реализации принятых решений на вышестоящем уровне; неполноту, недостаточность знаний регионального уровня управления об экономической сфере; противодействие экономических агентов принятым решениям; случайность[2] Таким образом, рискованная ситуация характеризуется наличием неопределенности; необходимостью выбора альтернативы (отказ от выбора также является разновидностью выбора); оценкой выбираемых альтернатив.

Чтобы обеспечить стабильность и надежность функционирования региональной социально-экономической системы, необходим мониторинг региональных рисков. Создание системы мониторинга региональных рисков предполагает, во-первых, выявление и исследование природы различных форм возмущений, с которыми система встречается в процессе развития. Эти возмущения проявляются в изменениях сроков реализации технических новаций, непредвиденных экономических последствий от различных направлений НТП, а также в виде возможных диспропорций в региональной системе, когда новейшие технологии внедряются лишь на отдельных участках технической системы при сохранении старых технологий на других. Кроме того, подобные возмущения возможны на отдельных предприятиях региона при общей отсталости производственно-технической инфраструктуры, недостатке высококвалифицированных кадров. Не менее важное значение имеют изменчивость минерально-сырьевой базы; природно-климатические факторы; недостаточная согласованность в развитии отдельных звеньев или

элементов «экономической конструкции» региона; изменение схем кооперации и межрегиональных связей[3].

Таким образом, учитывая эти возмущения, важно выяснить, при каких условиях может быть обеспечена надеж-
:ть (безопасность) функционирования системы.

Экономическая надежность (безопасность) развития социально-экономической системы определяет способность реализации национально-государственных интересов, устойчивую дееспособность хозяйствующих субъектов, достойные условия жизнедеятельности населения, устранение возникающих угроз их достижению и рассматривается в качестве важнейшей характеристики системы[4]

Во-вторых, выявление и отслеживание факторов риска развития социально-экономической системы, а также их влияние на устойчивость регионального воспроизводственного процесса.

В хозяйственной деятельности складываются определенные связи и формы отношений между производителями, потребителями и посредниками или распорядителями жизненно необходимых благ и услуг. Они формируют механизмы хозяйствования, способность и методы которых обеспечивают предложение и спрос, движение ресурсов и удовлетворение потребностей. Каждое звено этого механизма, будучи динамичным элементом системы, подвержено влиянию различного рода воздействий (политических, экономических, технологических, информационных), могущих приносить вред, создавать опасности, угрозы социально-экономическому развитию.

На региональном уровне следует выделить следующие факторы риска: изменение федерального законодательства, в том числе налогового; неисполнение федерального бюджета, обеспечивающего региональные потребности; неполучение инвестиций; экономический ущерб в результате природных или техногенных чрезвычайных ситуаций; зависимость от поставок из-за пределов региона; изменение условий реализации продукции, услуг региона за его пределами.

Известно, что разделение труда в России многие годы определялось природными предпосылками, расчетами приведенных народно-хозяйственных затрат, политическими и

национальными соображениями и военными доктринами. Децентрализация управления, переход к экономической самостоятельности субъектов федерации в сочетании с низкой эффективностью экономики страны и невозможностью устойчивого дотационного поддержания всех нуждающихся регионов усиливают риск нежелательных социальных последствий от разрушения региональных структур. Население региона выступает как заложник сложившейся производственной структуры, страдает от низких доходов, безработицы, социальной напряженности, сопровождаемой ростом преступности[5]. Это привело к тому, что на региональные власти были возложены проблемы поддержания уровня жизнедеятельности населения, при том что риск ненаполняемости региональных бюджетов и недостатка ресурсов стал перманентным.

Таким образом, основополагающим фактором оценивания риска в региональной экономике является риск невыполнения регионального бюджета. Следует также учитывать, что в каждом регионе существуют риски в различных сферах деятельности (сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, сфере услуг и т.д.), которые могут привести к недостатку в регионе необходимых ресурсов.

Не исключено явление интегрального регионального риска, который формируется в условиях неопределенности экономического взаимодействия субъектов. Он может выступать как суммарное значение всех локальных рисков экономических субъектов, порождаемых их сложными финансовыми связями между собой[6] Тогда интегральный экономический риск характеризует степень надежности воспроизводства уже не отдельного субъекта, а всей региональной системы в целом.

В-третьих, отбор качественных и количественных показателей, способных служить индикаторами развития.

В социоэкономической системе региона индикатором ее развития может служить любой макроэкономический параметр региональной экономики. Многие ученые полагают, что основным показателем, характеризующим региональное развитие, может выступать показатель ВРП, позволяющий оценить экономическое положение региона. ВРП аккумулирует в себе результат взаимодействия многих экономиче-

ских факторов, идентифицирует уровень регионального развития. Следовательно, он является универсальным обобщающим показателем, позволяющим оценить экономическое положение региональной системы, сложившуюся структуру экономики, особенности развития отдельных отраслей, а также эффективность их функционирования. Показатель ВРП при определенной нормировке может использоваться как индикатор, отражающий структурную динамику региона, уровень его развития и способность к расширенному воспроизводству, и может быть взят за основу величины регионального риска. Вероятность отклонения реального ВРП от его среднего значения по РФ может служить показателем регионального риска.

Хотя субъекты Южного федерального округа (ЮФО) жестко не связаны между собой, они представляют собой холистическую систему, между элементами которой существуют «слабые связи». Эти связи определяются едиными территориально-климатическими условиями, системой управления и социоприродохозяйственным комплексом, снабжением и эксплуатацией, а также целью функционирования.

В целом на долю ЮФО приходится 7,76 % ВВП страны. Начиная с 1999 г. в Российской Федерации, в том числе в ЮФО, отмечался рост ВВП. Самый высокий темп (110 %) был в 2000 г. Однако в 2005—2006 гг. темпы роста замедлились.

Производство валового продукта распределено по регионам ЮФО неравномерно. Это обусловлено неравномерным размещением производственных сил, различной площадью и численностью населения субъектов федерации. Например, наряду с субъектами федерации, удельный вес которых в суммарном ВРП довольно значителен (в рамках ЮФО — это Краснодарский край, Волгоградская и Ростовская области), имеются регионы, вклад которых исчисляется сотыми долями процентов. В ЮФО к таковым относятся республики Адыгея, Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Калмыкия.

Особенностью ВРП ЮФО является самая высокая среди федеральных округов доля сельского хозяйства при пониженном вкладе промышленности. Для ЮФО характерен

также довольно высокий (по сравнению с другими федеральными округами, кроме Уральского) удельный вес строительства. За счет промышленности достаточно большую часть ВРП формируют Волгоградская (31 %), Астраханская (26,6 %) и Ростовская (26 %) области. Исключительно низким уровнем развития промышленности отличается Республика Калмыкия (7,8 %, причем в основном за счет продолжения практики внутренних оффшоров). Большая доля сельского хозяйства в структуре ВРП характерна для Кабардино-Балкарской Республики (32,9 %), Республики Дагестан (28,2 %), Карачаево-Черкесской Республики (24,8 %), Краснодарского края (18,5 %). Благодаря крупным морским портам и газонефтепроводам в Краснодарском крае — самый высокий из всех субъектов ЮФО удельный вес транспорта. Торговля и коммерческая деятельность составляют значительную часть в структуре ВРП Ростовской области (19,1 %), республик Ингушетия (17,8 %), Северной Осетии-Алании (16,5 %), Адыгеи (16 %).

Учитывая замедление темпов развития основных отраслей экономики в большинстве субъектов федерации в пределах округа, необходимо наращивать ежегодные объемы ВРП темпами, превышающими среднероссийские показатели[7]

Уровень регионального риска, на наш взгляд, необходимо оценивать с учетом величины социально-экономического потенциала конкретного региона. Потенциал выражает возможности, способности, скрытые, нереализованные резервы, которые при изменении окружающих условий могут из возможностей перейти в действительность[8]

Региональный риск представляет собой вероятность снижения социально-экономического потенциала, возникающую в силу отсутствия стабильности в экономической, политической, социальной сферах региона и проявляющуюся в отрицательной динамике структурных элементов потенциала региона.

Возникает вопрос: что выбрать в качестве исходных показателей при построении оценочных индикаторов риска регионального развития? Прежде всего необходимо определить, какие именно явления служат индикаторами социально-экономического развития региона, отражают соци-

ально-экономические интересы, а также угрозы экономической безопасности, и выразить их через систему показателей.

Главными региональными интересами в области экономики являются повышение благосостояния населения и интеграция региональной экономики, кооперация ее отраслей с другими регионами. Соответственно главной угрозой экономической безопасности является снижение всех видов доходов населения до уровня, вызывающего социальные конфликты и дестабилизацию общества. Эта угроза находит свое выражение в низких реальных доходах населения; высоком уровне бедности; расслоении населения на узкий круг богатых и преобладающую массу бедных; росте безработицы; недоступности для широких слоев населения образования, медицинских услуг, культуры, жилищно-коммунальных благ[9].

Чтобы быстро и надежно оценить результативность регионального развития, надо иметь несколько интегральных показателей, которые были бы достаточно чувствительны к изменениям региональной социально-экономической ситуации во времени, пространстве и которые можно было бы количественно измерить (табл. 1).

Таблица 1

Система показателей многофакторной оценки риска социально-экономического развития регионов

Показатель	Метод расчета
1	2
Валовой региональный продукт региона на душу населения	Отношение валового регионального продукта к численности населения, деленное на коэффициент уровня покупательской способности
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения	Отношение объема инвестиций к численности населения, деленное на коэффициент удорожания затрат
Объем внешнеторгового оборота на душу населения	Отношение суммарного объема экспорта и импорта к численности населения
Финансовая обеспеченность региона на душу населения	Отношение доходов региона к численности, деленное на коэффициент уровня покупательской способности

Окончание табл. 1

1	2
Доля среднесписочной численности работников, занятых в малых предприятиях	Отношение среднесписочной численности работников в малом бизнесе к общему числу занятых
Уровень зарегистрированной безработицы	Уровень зарегистрированной безработицы к экономически активному населению
Соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума	Отношение среднедушевых доходов к величине прожиточного минимума
Доля населения с доходом ниже прожиточного минимума	Доля населения с доходом ниже прожиточного минимума в общей численности населения
Суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения	Отношение суммы объема розничного товарооборота и объема платных услуг к численности, деленное на коэффициент уровня покупательской способности
Основные фонды отраслей экономики на душу населения	Отношение стоимости основных фондов к численности населения, деленное на районный коэффициент степени удорожания затрат
Коэффициент плотности автомобильных дорог	Отношение плотности дорог к корню квадратному от плотности населения
Уровень развития отраслей социальной инфраструктуры	Рассчитывается на основе первичных индикаторов

Таким образом, нами было отобрано двенадцать частных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития региона, его потенциала и используемых для оценки регионального риска развития.

В результате анализа и интеграции различных подходов к проблеме построения интегральных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие, нами рассчитан интегральный индикатор социально-экономического развития (ИСЭР) по регионам ЮФО за период 2000—2002 гг. и определено место в рейтинге регионов ЮФО по уровню 2002 г. Регионы России по значению ИСЭР были разделены

на 5 групп: группа 1 — регионы с уровнем развития выше среднего (ИСЭР больше 0); группа 2 — со средним уровнем развития (от 0 до −10); группа 3 — с уровнем развития ниже среднего (от −20 до −10); группа 4 — с низким уровнем развития (от −40 до −20); группа 5 — регионы с крайне низким уровнем развития (менее −40). Положительные ранги присваивались в случае превышения значения показателя в регионе над среднероссийским уровнем и отрицательные — в противном случае (рис. 1).

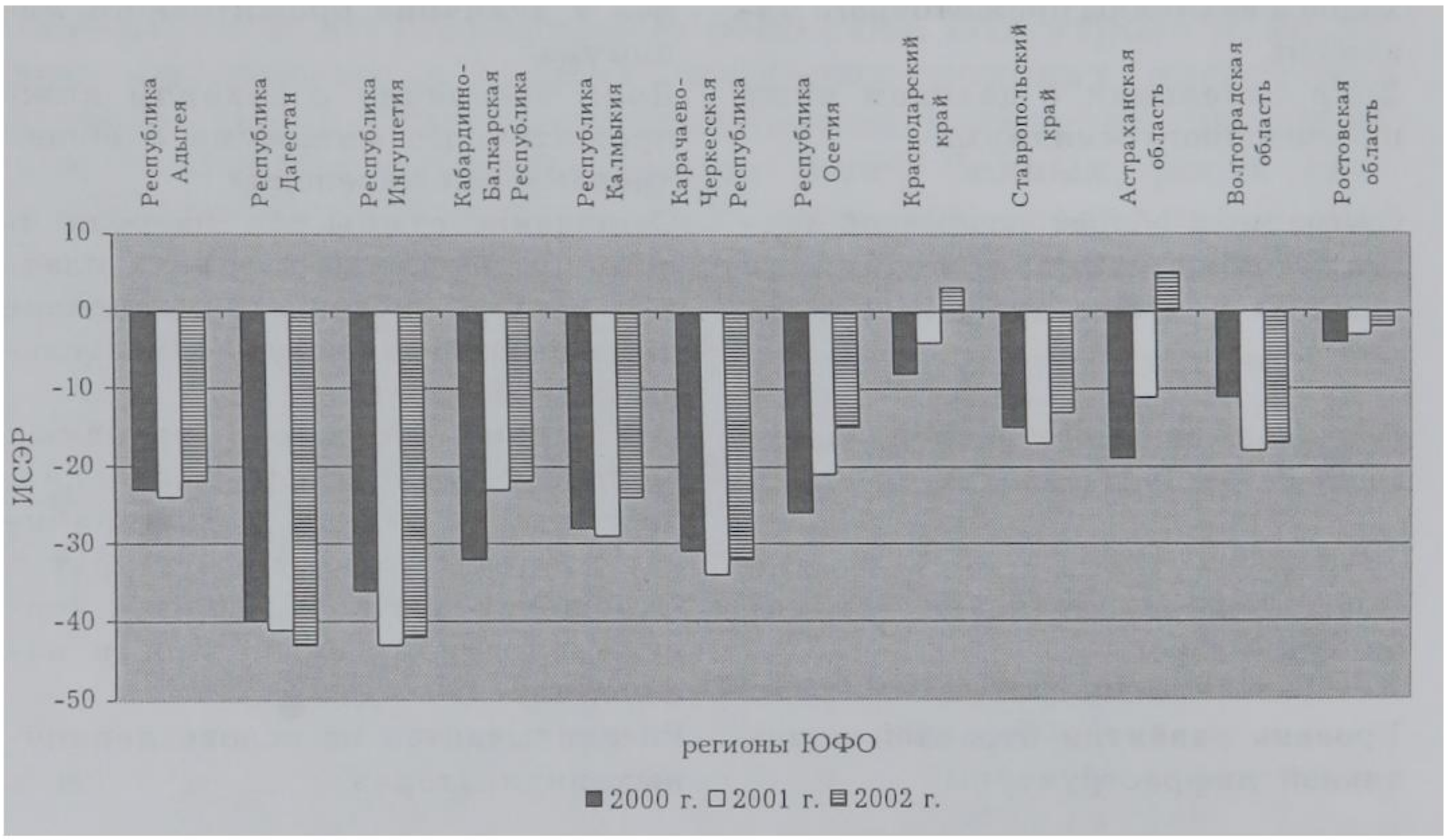

Рис. 1. Динамика социально-экономического развития регионов ЮФО

В ЮФО регионами с уровнем развития выше среднего являются Астраханская область и Краснодарский край; регионы со средним уровнем развития — Ростовская область, Осетия; с низким уровнем развития — Кабардино-Балкария, Адыгея, Калмыкия, Карачаево-Черкессия; регионы с крайне низким уровнем развития — Дагестан и Ингушетия.

Основным фактором, определяющим итоговое место региона в комплексной оценке социально-экономического по-

тенциала развития, является уровень риска. Уровень регионального риска — интегральный критерий, сводными показателями которого являются структурные элементы социально-экономического потенциала региона.

С учетом частных показателей, рассмотренных выше, их динамики и сравнения со среденероссийским уровнем, величину риска в регионе предлагается рассчитывать следующим образом:

$$R_j = 1 - \frac{\frac{Ind_i^j}{Ind_i^{RF}}}{n},$$

где: R_j — региональный риск j-го региона; Ind_i^j — числовое значение i-го показателя по j-му региону; Ind_i^{RF} — числовое значение i-го показателя в среднем по России; n — количество структурных элементов.

По этой формуле риск рассчитывается с учетом стандартизированного значения i-го показателя по j-му региону и их количества. При этом риск (R_j) изменяется в диапазоне от 0 до 1 и характеризует вероятность снижения социально-экономического потенциала в регионе. Показатель R_j показывает, насколько более рискованным является социально-экономическое развитие j-го региона по сравнению с ситуацией в стране. Чем ближе значение R_j к 1, тем

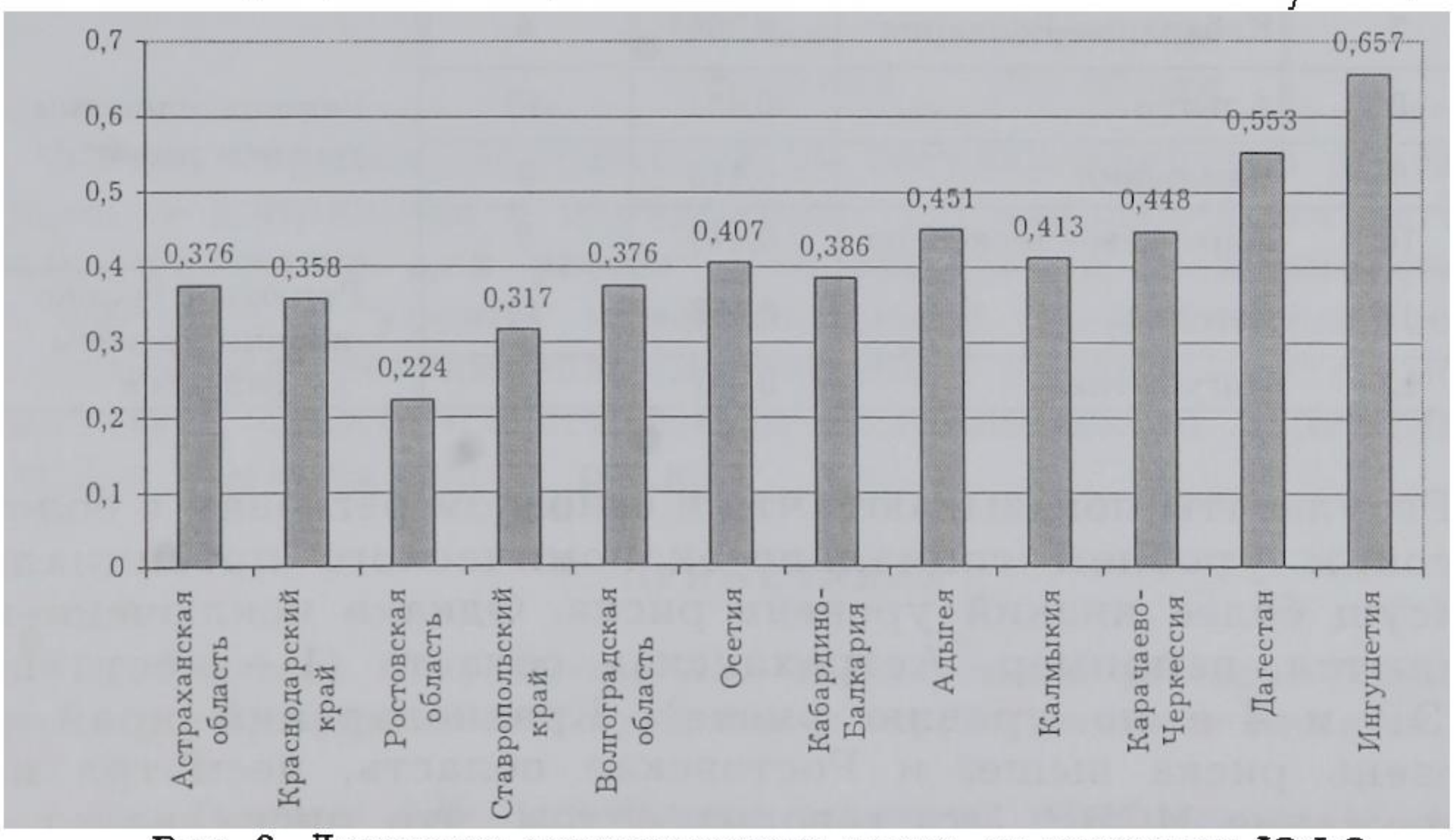

Рис. 2. Динамика регионального риска по регионам ЮФО

выше уровень риска в регионе. В итоге нами рассчитан среднегодовой уровень риска по регионам ЮФО и присвоен ранг в порядке возрастания величины риска (рис. 2).

В табл. 2 приведены ранги регионов ЮФО по социально-экономическому развитию и среднегодовому уровню регионального риска по уровню 2002 г.

Таблица 2

Ранги регионов ЮФО по социально-экономическому развитию и среднегодовому уровню регионального риска

Место в рейтинге по индексу СЭР по ЮФО (уровень 2002 г.)	Регион	Среднегодовой уровень риска	Ранг по среднегодовому уровню риска	Группа
1	Астраханская обл.	0,376	4	Регионы с уровнем развития выше среднего
2	Краснодарский край	0,358	3	
3	Ростовская область	0,224	1	Регионы со средним уровнем развития
4	Ставропольский край	0,317	2	Регионы с уровнем развития ниже среднего
5	Волгоградская область	0,376	5	
6	Осетия	0,407	7	
7	Кабардино-Балкария	0,386	6	Регионы с низким уровнем развития
8	Адыгея	0,451	10	
9	Калмыкия	0,413	8	
10	Карачаево-Черкессия	0,448	9	
11	Дагестан	0,553	11	Регионы с крайне низким уровнем развития
12	Ингушетия	0,657	12	

Результаты показывают, что в основном регионам с более высоким уровнем социально-экономического потенциала присущ более низкий уровень риска. Однако исключением являются, например, Астраханская область (1-е место по ИСЭР и 4-е по уровню риска), Краснодарский край — уровень риска выше, и Ростовская область, несмотря на опережение ИСЭР. Это говорит о том, что риск является не только обобщающим показателем социально-экономи-

ческого развития, но учитывает поступательность и равномерность развития.

Для выработки адекватной стратегии развития регионов, входящих в ЮФО, важно проведение зонирования территории с учетом регионального риска и выявление проблемных регионов, отличающихся низким уровнем социально-экономического развития и высоким уровнем риска (табл. 3).

Таблица 3

Группировка регионов ЮФО по зонам регионального риска

Уровень регионального риска	Безрисковая область Уровень риска 0—0,1000	Зона минимального риска Уровень риска 0,001 — 0,3500	Зона повышенного риска Уровень риска 0,3501—0,4000	Зона критического риска Уровень риска 0,4001—0,5001	Зона недопустимого риска Уровень риска 0,5001—1,000
Регионы ЮФО	—	Ростовская область; Ставропольский край	Краснодарский край; Волгоградская область; Астраханская область; Кабардино-Балкарская Республика	Республика Северная Осетия; Республика Адыгея; Калмыкия; Карачаево-Черкесская Республика	Дагестан; Ингушетия

Таким образом, необходимость государственного регулирования сопряжена с необходимостью минимизации регионального риска для увеличения социально-экономического потенциала и уровня инвестиционной привлекательности. Главная цель регулирования экономики региона — это выбор желаемой стратегии социально-экономического развития с учетом регионального риска.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1997. С. 29.

[2] См.: *Гаврилов А.И.* Региональная экономика и управление. М., 2002. С. 87.

[3] См.: *Попов Е.Г.* Институционально-эволюционная миниэкономическая теория. Екатеринбург, 2004. С. 253.

[4] См.: *Ефремов К.И.* Экономическая безопасность как комплексная оценка социально-экономического развития региона // Вопросы статистики. 2002. № 2. С. 57—59.

[5] См.: *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая). М., 2002. С. 84.

[6] См.: *Уткин Э.А., Денисов А.В.* Государственное и региональное управление. М., 2002. С. 100.

[7] См.: *Алехина Г.А.* Фактор неопределенности в развитии социально-экономической системы региона // Принципы неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем: Материалы III Всерос. науч. семинара // Электрон. ресурс [режим доступа: http://lpur.tsu.ru].

[8] См.: *Унтура Г.А.* Моделирование интегральных рисков социально-экономического взаимодействия в регионе // Регион: экономика и социология. 1998. № 4. С. 3—20.

[9] См.: Особенности социально-экономического развития регионов ЮФО: Информационное агентство «Консультант» // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.dinform.ru].

[10] *Дубова М. Д.* Экономика региона. Волгоград, 1997. С. 142.

[11] *Сенчагов В.К.* Указ. соч. С. 90.

Поступила 02.11.05.

М.Р.ДОЛОТКАЗИН

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

В субъектах Российской Федерации разрабатывается и реализуется довольно много инновационных проектов. Факторами регионализации инновационного развития страны являются специфика научно-технического и производственного потенциалов регионов, кадровое обеспечение, социальные и экологические проблемы инноваций; формирование инновационной инфраструктуры и т.д.[1]

Для всех сегодня очевидна необходимость собственной российской региональной инновационной политики, разработка целевых региональных инновационных программ и проектов. Подобная программа была создана в Татарстане по поручению Президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева и принята Правительством республики в 2004 г. Ее основной целью является интенсивное, высокотехнологичное развитие экономики региона, повышение качества жизни населения республики за счет создания условий для роста конкурентоспособности продукции предприятий, импортозамещения на внутреннем рынке.

Приоритетными отраслями инновационного развития Республики Татарстан являются нефтяной, нефтехимический, оборонно-промышленный, агропромышленный комплексы, автомобиле-, авиа-, компрессоростроение, медицинская, легкая и деревообрабатывающая промышленность, энергетика, ресурсосбережение, информационные системы.

Программой предусмотрено комплексное использование ряда стратегий, представленных в Концепции государственной инновационной политики Российской Федерации на

ДОЛОТКАЗИН Марсель Рафикович, аспирант кафедры экономики производства Казанского государственного финансово-экономического института.

Заказ № 6329

период 2002—2004 гг. Стратегия «наращивания» базируется на использовании технико-технологической базы (лабораторий, научно-исследовательских структур) при вузах, НИИ, технопарках, предприятиях, стратегия «переноса» — на использовании зарубежных инновационных продуктов и технологий.

Доля прироста ВВП за счет инноваций в экономически развитых странах составляет более 75 %. В России имеется ряд проблем, не позволяющих развиваться экономике по интенсивному пути. Естественно, они присущи и экономике Татарстана. Во-первых, объем наукоемких продуктов и технологий, «наработанных» за время существования СССР, исчерпан. Во-вторых, большинство прогрессивных технологий, разрабатываемых сегодня в России, уходят за рубеж из-за невостребованности на отечественном рынке инноваций.

В советское время практически каждое крупное предприятие тесно сотрудничало с профильными научными учреждениями, которые конкретное изобретение доводили до внедрения в производство. Сегодня многие научные учреждения прекратили свое существование или пытаются выжить, производя продукцию самостоятельно, конкурируя с предприятиями, на которые работали раньше. В целом спрос на продуктовые и технико-технологические инновации в России остается крайне низким и не соответствует задаче удвоения ВВП. Доля выручки от реализации инновационной продукции предприятий Татарстана составила, например, в 2003 г. 2,7 %. В структуре затрат на технологические инновации преобладают расходы на закупку оборудования и технологических процессов (73,8 % всех затрат на инновации) и лишь 7,7 % — на исследования и разработки (в 1998 г. — 19,0 %). Это усиливает тенденцию к инновационной зависимости от экономически развитых стран, следовательно, можно ставить вопрос об экономической безопасности страны.

Структура затрат на финансирование инноваций отличается значительными отраслевыми диспропорциями. Так, 53 % затрат сосредоточены в топливной промышленности, 34,1 % — в металлообработке и машиностроении. Эти отрасли являются бюджетообразующими. На оставшиеся от-

расли приходится 12,9 %. Однако ряд отраслей с высоким инновационным потенциалом (информация и связь, пищевая и деревообрабатывающая промышленность) требует к себе особого внимания. Их инновационное развитие может стать основной предпосылкой увеличения конкурентоспособности продукции Татарстана.

Анализ инновационного потенциала республики показывает, что здесь присутствуют предпосылки активизации инновационного процесса, проявляющиеся в значительных производственных возможностях, активной работе научных и инновационных учреждений. Однако работа этих структур разобщена, нет целевой ориентации в расходовании государственных средств на инновационные проекты. Все это приводит к разрыву непрерывной цепочки инновационного процесса.

Для решения данных проблем была разработана Программа развития инновационной деятельности Республики Татарстан на 2004—2010 гг. Работу по созданию программы координировало Министерство экономики и промышленности РТ. Необходимость создания такой программы назрела уже давно: характер взаимоотношений науки и производства никого не удовлетворял, попытки объединения усилий предпринимались как на федеральном, так и на региональном уровне. В разное время разрабатывались инновационные программы, но главный их недостаток заключался в том, что они носили локальный характер, не выходили за рамки отдельных отраслей. Создать программу для республики в целом не удавалось. Президент РТ в Послании Госсовету РТ высказал идею о том, что в целях перевода экономики на интенсивный путь развития назрела необходимость создания программы, которая позволит консолидировать усилия всех производственных и научных структур Татарстана в этом направлении.

Изначально было оговорено, что программа должна решать ряд задач, направленных на формирование целостной эффективной инновационной системы, интегрировать имеющиеся в республике ресурсы и структуры, сосредоточив их на приоритетных направлениях развития инновационной сферы, вовлечь в инновационный процесс весь научно-технический потенциал республики. Это предполагает со-

здание и развитие отраслевой технико-технологической базы для разработки и внедрения высокотехнологичной, наукоемкой продукции и технологий в производство в форме промышленных округов, технополисов, технопарков. Необходимо также создание в республике инновационной инфраструктуры, включающей в себя институциональную, информационную, ресурсно-кредитную, налоговую, бюджетную и тарифную компоненты. Решение этой задачи способствует формированию прогрессивного технологического уклада и привлекательности инновационного пространства республики. Нельзя не отметить повышение спроса на инновации и привлечение частного капитала к финансированию отраслевых проектов технологического перевооружения промышленности и других отраслей производства, а также сокращение трансакционных издержек инновационных процессов в республике, в том числе путем минимизации рисков при реализации инновационных проектов за счет привлечения механизмов страховой защиты.

При решении этих задач следует выдерживать баланс интересов государства и бизнеса. Это достигается формированием при государственной поддержке инфраструктурных элементов инновационной системы (правительственная комиссия РТ по научно-технической и инновационной политике, департамент инноваций в Минэкономпроме РТ, инновационный технопарк «Идея», технополисы и др.) с последующим распространением опыта на другие субъекты, создаваемые на коммерческой основе.

Важно внесение в формируемую инновационную систему республики технологий инновационной деятельности, форм государственной и негосударственной поддержки извне, привлечение транснациональных корпораций к разработке на доконкурентной стадии и продвижению на мировые рынки отечественных инноваций при условии поступлений доли от продаж созданной инновационной продукции разработчикам, стимулирование синергетических эффектов инновационных проектов.

Поскольку речь идет об использовании государственных средств, выход создаваемых при государственной поддержке субъектов на режим самоокупаемости должен быть максимально быстрым.

Что касается количественных индикаторов, то к концу срока реализации программы, т.е. к 2010 г., республика должна ежегодно увеличивать, во-первых, на 2 % долю конкурентоспособной инновационной продукции и услуг в добавленной стоимости; во-вторых, на 3 % долю затрат на технологические инновации по отношению к объему ВРП.

Программу планируется реализовать в два этапа. Первый — интегрирующий (2004—2005 гг.), второй — инвестиционный (2005—2010 гг.). Систему программных мероприятий можно разделить по нескольким направлениям. Первая группа направлена на определение перечня отраслевых инновационных проектов, которым должна быть оказана государственная поддержка, вторая — связана с разработкой документов нормативно-правового, организационного и методического обеспечения инновационной деятельности. Цель третьей группы программных мероприятий — создание инфраструктуры инновационной деятельности в республике. Четвертая связана с вопросами защиты прав собственности на результаты инновационной деятельности, включающими в себя разработку и порядок заключения лицензионных и прочих договоров. Пятая группа направлена на создание многоуровневой системы кадрового обеспечения инновационной деятельности.

На инвестиционном этапе программа предусматривает мероприятия, направленные на формирование и развитие конкурентных преимуществ предприятий и отраслей народного хозяйства республики за счет реализации отраслевых и межотраслевых инновационных проектов. Эти мероприятия затрагивают в основном финансовые взаимоотношения участников программы. Во-первых, это действия государства, стимулирующие привлечение частного капитала в инновационную сферу. Во-вторых, используются инвестиционные возможности государства, которое может размещать государственные заказы на выпуск продукции и услуг, разработку инновационных проектов, проведение маркетинговой экспертизы инновационных проектов.

В программе представлен весьма широкий перечень источников ее финансирования. В целом их можно разделить на две большие группы: собственные средства пред-

приятий (в том числе привлекаемые за счет эмиссии ценных бумаг) и привлеченные.

Следует отметить, что на государственных предприятиях объем средств, направляемых на внедрение новых технологий, уменьшается, а на частных или там, где имеется ольшая доля частного капитала, наоборот, растет. Таким образом, в инновации вкладывают средства предприятия, уже работающие на открытом рынке. У них нет возможности защищаться административными мерами. У бизнесмена есть товар, если он сумел его реализовать, то преуспел, если нет — «прогорел». Следовательно, частный бизнес вынужден вкладывать свои средства в новые технологии, реализацию новых интересных решений.

Мировая практика показывает, что предприятия не могут развиваться быстро только за счет собственных средств, они вынуждены привлекать средства со стороны. Из привлеченных средств в российских условиях прежде всего можно выделить средства бюджетов всех уровней. Ежегодно в республиканский бюджет РТ закладывается около 600—700 млн руб., которые могут быть направлены на поддержку предприятий, реализующих инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики. Но, к сожалению, растущий из года в год дефицит бюджета не позволяет государству в необходимом объеме поддерживать предприятия, так что особо уповать на этот источник не стоит. Другим источником будут средства федерального бюджета, в том числе выделяемые в рамках реализуемых федеральных целевых программ.

Имеются еще два крупных источника: банковские средства и средства сторонних инвесторов (венчурных организаций, инвестиционных и других фондов, средства фондов страховых организаций, частных инвесторов, заинтересованных в повышении конкурентоспособности собственной продукции и услуг). Банковские возможности при государственной поддержке используются. В частности, компенсация государством процентной ставки позволяет привлечь существенный банковский капитал для осуществления отдельных проектов. Например, в 2005 г., израсходовав из бюджета чуть более 100 млн руб. на компенсацию процентной ставки, Татарстану удалось привлечь более 2 млрд

руб. кредитов. Если бы эти деньги были даны предприятиям просто в долг, сумма кредита не превысила бы 100 млн руб.

Может возникнуть вопрос: зачем вообще нужна программа, если у государства нет серьезных денег, чтобы дать их предприятиям, развивающим науку? Дело в том, что государство в рамках этой программы не столько оказывает финансовую поддержку, сколько создает условия для инновационного рывка.

В мире существует около 50 макротехнологий, обеспечивающих производство востребованной на рынке продукции. Россия, по самым оптимистичным подсчетам, может принять участие в 10 из них. Это энергетика, в некоторой степени судостроение, ядерные технологии, космос, авиастроение и др. Задачей, стоящей перед республикой, является максимальная интеграция предприятий Татарстана и науки внутри этих макротехнологий.

Реализация программы уже дала результаты. С 2003 по 2005 г. в Республике Татарстан отгружена инновационная продукция собственного производства на сумму 40 223,5 млн руб. Республика в 2005 г. заняла третье место (14,3 %) по удельному весу организаций, занимающихся инновационной деятельностью (по России — 9,2 %). В 2003 г. в Татарстане на долю инновационной продукции приходилось 12,0 % (в России — 9,1 %), в 2005 г. эта доля составила 14,1 %. Совокупная доля принципиально новой и подвергшейся усовершенствованию продукции в 2005 г. в Республике Татарстан в среднем составила 69,0 % от общего объема инновационной продукции инновационно-активных организаций (по России — 56,8 %).

Таким образом, программно-целевое регулирование инновационной деятельности регионов является непременным условием перехода экономики страны на качественно новый уровень.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: *Плотников А.Н.* Моделирование стимулирования инновационной деятельности региона // Регионология. 2003. № 3. С. 226—233.

Поступила 10.07.06.

Е.Н.КОРОЛЕВА

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Типологизация широко применяется в практике управления региональным развитием. Отечественная региональная наука имеет богатый опыт теоретических и прикладных территориально ориентированных исследований. Вместе с тем муниципальные образования представляют собой новый предмет для классификационных и типологических разработок в сложившихся российских условиях, определяемых, с одной стороны, процессами становления современной системы местного самоуправления в России, с другой — усиливающейся конкуренцией территорий в ходе глобализации экономики.

В региональных исследованиях широко используются методы типологических группировок, разработанные в рамках статистики. При этом предпочтение отдается методам сложных группировок, когда разделение исследуемой совокупности на группы (типы) осуществляется по двум и более классификационным признакам, взятым в комбинации[1] В этом случае при классификационном подходе используется статистическая информация, позволяющая количественно выразить классификационные критерии. Однако возможно использование и качественных характеристик. Тогда в основе критериев классификации будут лежать качественные признаки.

В 1998 г. федеральная статистика выделяла 7 типов муниципальных образований: города (областные центры); районы в городе; районы; города (региональные центры); поселки; сельские округа; другие поселения. С 1999 г. стала применяться другая типология: административные районы;

КОРОЛЕВА Елена Николаевна, доцент кафедры национальной экономики и природных ресурсов Самарского государственного экономического университета, кандидат экономических наук.

города, в том числе республиканского, краевого, областного, окружного подчинения; городские районы и округа; поселки городского типа; сельские администрации; сельские населенные пункты.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2] вводится пять категорий (типов) муниципальных образований: сельское поселение; городское поселение; муниципальный район; городской округ; внутригородская территория города федерального значения. При этом важно отличать понятие «поселение» как самоуправляемая территория от понятия «населенный пункт». Поселение может состоять из одного или нескольких населенных пунктов. Эта типология связана с различием муниципальных образований по другим параметрам численности населения; форме расселения; выполняемым функциям (и виду деятельности трудоспособного населения); различиям природных, исторических, демографических и других факторов, обусловливающих обособленность и структуру территории.

В качестве критериев типологии муниципальных образований были определены территория и население; правовой статус муниципального образования; единство инфраструктуры муниципального хозяйства; формы организации хозяйственной жизни на территории муниципального образования[3] Последний из указанных критериев является комплексным и, по нашему мнению, построение практической типологии на его основе — труднореализуемая задача. Для определения основных типов муниципальных образований России с учетом прикладного аспекта также рекомендована систематизация, учитывающая территориальный и отраслевой факторы, включающая два уровня: первый — все муниципальные образования подразделяются на три группы: поселенческие, территориально-поселенческие, территориальные. Второй — муниципальные образования классифицируются на многофункциональные и монофункциональные, последние, в свою очередь, подразделяются на производственные и бюджетные[4]

В рамках разработки стратегических программ развития муниципальных образований в этот же период специали-

стами АНО «УРБЭКС-развитие» предложены методические подходы к типологии муниципальных образований, позволившие выделить три группы. Первая — муниципальные образования городского типа. Это города — центры субъектов федерации; городские поселения (средние и малые города республиканского, краевого, областного значения); городские поселения (средние и малые города, в основном бывшие районные центры); поселки городского типа, рабочие поселки, военные городки. Вторая — муниципальные образования комплексного типа, представляющие собой агломерационные образования (центральный город с прилегающими поселками и сельскими территориями); районы с городским центром; сельские районы с поселковым центром (поселок городского типа или рабочий поселок). Третья — муниципальные образования сельского типа. Это крупные и средние сельские районы с «внешним» административным городским центром (бывшим районным центром); средние и малые сельские районы с центром негородского типа; сельские округа и волости[5]

В основу типологии положен ряд признаков: хозяйственная специфика территории; численность населения, административный статус муниципального образования. Поскольку тип муниципального образования и связанные с ним особенности местного сообщества существенно оказывают воздействие на выбор объекта программирования и характер перспективных разработок, выделенные особенности, учитывающие специфику муниципальных образований разных типов, позволили сформулировать требования к разработке стратегических программ их развития. Наиболее существенным является различие между городскими и сельскими муниципальными образованиями, вытекающее из видов хозяйственной деятельности, формы расселения и уклада жизни городской и сельской местности (табл. 1).

Существуют многочисленные подходы к классификации и последующей типологии городских поселений, особенно городов. Особая роль здесь принадлежит географии и экономике. Как муниципальному образованию городу присущи такие особенности, как численность и плотность населения, урбанистическая концентрация, пространственная неоднородность, динамизм, диверсификация, противоречивость и

Таблица 1

Основные различия между городскими и сельскими поселениями[6]

Признак	Сельские поселения	Городские поселения
Правовой статус	Сельское поселение	Городское поселение или городской округ
Территориальные ресурсы	Значительные территориальные ресурсы развития	Незначительные территориальные ресурсы развития
Характер расселения	Рассредоточенность, относительно низкая плотность населения	Урбанистическая концентрация, относительно высокая плотность населения
Характер местной экономики	Высокая зависимость от природно-климатических условий Преобладание отраслей сельскохозяйственного производства Наличие личного подворья сельских домохозяйств, определяющее их образ жизни и играющее значительную роль в производстве продукции	Невысокая зависимость от природно-климатических условий Развитость отраслевой структуры производства и услуг Отсутствие личного подворья городских домохозяйств, ограничивающее трудовую деятельность его членов основным местом работы
Занятость	Преобладание сельскохозяйственных видов занятости, ее сезонный характер	Преобладание несельскохозяйственных видов занятости, ее постоянный характер
Инженерная инфраструктура	Инженерная инфраструктура децентрализована и поддерживается самими жителями	Инженерная инфраструктура централизована и обслуживается специализированными службами
Характер застройки	Низкоэтажная, малоквартирная	Многоэтажная, многоквартирная
Транспорт и связь	Худшая транспортная доступность и обеспеченность современными средствами связи	Лучшая транспортная доступность и обеспеченность современными средствами связи
Заключаемые сделки	Имеют, как правило, личностный характер и вызывают низкий уровень трансакционных издержек	Осуществляются, как правило, между малознакомыми людьми и вызывают высокий уровень трансакционных издержек

проблемность[7] Весьма показательна классификация городских поселений по численности населения в РФ (табл. 2).

Таблица 2

Классификация городских посселений по численности населения в Градостроительном кодексе РФ

Группы	Города, тыс. чел.	Поселки, чел.
Сверхкрупные	Свыше 3 000	—
Крупнейшие	Свыше 1 000 до 3 000	—
Крупные	Свыше 250 до 1 000	Свыше 5 000
Большие	Свыше 100 до 250	От 1 000 до 5 000
Средние	Свыше 50 до 100	Свыше 200 до 1 000
Малые	Менее 50	Менее 200

В России преобладают малые города (768 единиц, или 70 % всех городов), в них проживает только 17 % населения страны. Число городов-миллионеров сокращается. В 2004 г. их насчитывалось 11 вместо 13 (2003 г.). Бесспорным лидером остается Москва, за ней следуют Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа.

Г.М.Лаппо, рассматривая город в качестве объекта географии, выделяет генетическую, функциональную и синтетическую (интегральную) типологию городов[8] Особенностью этой типологии является то, что разрабатывались они в основном с экономико-географической, а не социогеографической точки зрения. На первый план выдвигались признаки, связанные с градообразующими функциями города, а также его экономико-географическим положением. Свойства городской среды, социально-культурный потенциал города, образ жизни селения и им подобные основанием для типологии не служили.

Анализ различных мнений российских ученых позволяет выделить основные подходы типологизации городов: функциональная типология городов; типология, основанная на комплексном сравнительном анализе социально-экономических ситуаций; типология городов по характеру динамики социально-экономического развития; типология городов проблемной ориентации.

Основание функциональной типологии — назначение, определяющее структуру занятости в городах, а также профиль производственной деятельности градообразующих предприятий. Положенный в основу классификации критерий занятости впервые был использован в 1943 г. американским ученым Ч.Д.Гаррисом, разработавшим классификацию для 377 американских городов, на базе ее выделено 9 категорий городов: промышленные, города с менее выраженными промышленными функциями, города горнодобывающей промышленности, города розничной торговли, города оптовой торговли, коммуникационные города, университетские города, курортные города и многофункциональные города[9].

Следует различать понятия «профиль» и «функции» города. Монопрофильность определяется доминированием какой-либо отрасли хозяйства, прежде всего промышленности, поскольку именно последняя лежит в основе экономической базы большинства городских поселений. Функции города — более широкое понятие, чем профиль и включает в себя промышленный вклад города в общее хозяйство страны, значение его непроизводственной сферы, степень ее влияния на окружающую территорию, охват обслуживаемого населения по видам услуг. Это и его место в системе населенных мест, транспортной структуре и т.д[10]

О функциональной структуре городов РФ можно судить по статистическим данным о распределении занятого населения по отраслям народного хозяйства. Дополнительной информацией при определении функциональных типов городов служат экономико-географическое положение города; его место в системе расселения, районоорганизующая роль; положение и роль города в транспортной системе; наличие природных ресурсов, в том числе рекреационных; исторический статус города; наличие крупных промышленных предприятий и других учреждений и объектов федерального и регионального значения и т.д.

Относительно типологии, основанной на комплексном сравнительном анализе социально-экономических ситуаций, следует сказать, что этот подход наиболее полно, на наш взгляд, реализован учеными Красноярского исследовательского центра[11] Этот подход позволил выделить различные

группы городов: «развивающиеся», «стабильные», «оптимизирующиеся», «проблемные», «кризисные». Был осуществлен сравнительный анализ 170 российских городов по 30 социально-экономическим характеристикам, скомплексированным в обобщенные индексы («потребление», «преступность», «индустриальность», «строительство» и др.), которые позволили выявить особенности социально-экономической ситуации каждого города.

В рамках типологии городов по характеру динамики социально-экономического развития малые города России условно разделены на быстроразвивающиеся, умеренно развивающиеся, слаборазвивающиеся, стагнирующие и «умирающие» (22 малых города РФ относятся к быстроразвивающимся, 204 развиваются умеренными темпами, 256 слабо развиваются, 192 — стагнирующие, 20 — «умирающие», из них 8 — исторические)[12]

Вопросам типологизации проблемных регионов в последние годы уделяется значительное внимание. Выявление различных типов регионов определяется требованиями научного анализа причинно-следственных связей в процессах территориального развития, его прогнозирования на перспективу, а также необходимостью обоснования решений, принимаемых в сфере государственной региональной политики. Применительно к понятию и критериям выделения городов, находящихся в сложной, проблемной ситуации, выделяются две их категории: депрессивные и кризисные города[13]. В первом случае обозначается определенная стадия развития города, характеризующаяся по сравнению с предшествующим периодом спадом производства, появлением безработицы, снижением инвестиционной привлекательности. Во втором — стадия, следующая за депрессивным состоянием, когда депрессия принимает затяжной характер и сопровождается дальнейшим ухудшением. В этой ситуации город не может самостоятельно преодолеть сложившуюся тяжелую ситуацию и нуждается во внешней помощи.

В качестве основных критериев идентификации кризисных городов выделяются относительно высокий уровень падения объемов производства и услуг; высокий уровень безработицы; сокращение численности населения; экологи-

ческая напряженность; политическая нестабильность (масштабы миграции населения). Предварительный подсчет «кандидатов» в кризисные города России показал, что их общее количество превышает 300 городов. Кроме того, значительная часть (около 50 %) поселков городского типа также претендует на статус кризисных.

Наряду с развитием и применением рассмотренных типологий, которые условно можно назвать традиционными, в современных условиях формируются новые направления и подходы классификации и дальнейшей типологизации городов. Среди новых подходов, получивших развитие в последнее десятилетие, следует назвать типологию городов по степени развития интеллектуально емкого производства в структуре экономики; типологию городов как центров роста; типологию, определяющую виды инновационных стратегий городов; типологию городов с точки зрения применения методов стратегического управления развитием; типологию городов по степени вовлеченности в процессы глобализации.

Направления дальнейшей разработки методологических подходов типологии муниципальных образований будут определяться, на наш взгляд, целями их адекватного позиционирования среди других территорий, эффективными методами стратегического управления территориальным развитием.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 118.

[2] См.: Рос. газ. 2003. 8 окт.; 30 дек.

[3] См.: *Воронин А.Г., Лапин В.А., Широков А.Н.* Основы управления муниципальным хозяйством: Учеб. пособие. М., 1998. С. 30—31.

[4] Там же. С. 32.

[5] См.: *Бочкарева Т.В.* Стратегия развития муниципального образования: технологические основы программирования. М., 2003.

[6] Составлена по: Система муниципального управления: Учеб. для вузов / Под ред. В.Б.Зотова. М., 2006; Факторы развития производительных сил сельской территории в условиях конкурентной экономики / Под ред. Г.Р.Хасаева, Е.Н.Королевой. Самара, 2004.

[7] См.: *Лаппо Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М., 1997; *Рой О.М.* Система государственного и муниципального управления. СПб., 2006.

[8] См.: *Лаппо Г.М.* Указ. соч. С. 39—45.

[9] См.: *Harris C. P.. Ulman E. L.* The Nature of Cities // Annales, 242. nov., 1945.

[10] См.: Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / Отв. ред. Г.Ю.Кузнецова, В.Я.Любовный. М.. 2004.

[1] См.: Города России: из кризиса к благополучию: Аналитический доклад / Рук. В.С.Ефимов. Красноярск, 2006.

[12] См.: Экономика градостроительства: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Ю.Ф.Симионова, Н.Н.Титомирова. М.; Ростов н/Д., 2003. С. 13.

[13] См.: *Любовный В.Я., Герцберг Л.Я., Кузнецова Г.Ю.* Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития. М., 1998.

Поступила 07.07.06.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2006 г.

Регион	Индекс промышленного производства, % к I полугодию 2005 г.	Индекс производства по видам экономической деятельности, % к I полугодию 2005 г.			Строительство жилых домов			Инвестиции в основной капитал		Иностранные инвестиции, тыс. дол. США
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство и распределение электроэнергии, газа и воды	тыс. кв. м общей площади	% к I полугодию 2005 г.	из общего объема — введено индивидуальными застройщиками, тыс. кв. м	млн руб.	% к I полугодию 2005 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Российская Федерация	***104,4***	***102,3***	***104,5***	***105,7***	***15664,3***	***109,8***	***7471,3***	***1582683,0***	***110,8***	***23410409***
Центральный федеральный округ	**114,7**	**103,0**	**115,7**	**110,1**	**5837,4**	**108,0**	**2118,1**	**371068,6**	**104,3**	**11926865**
Белгородская область	108,4	100,9	105,0	162,1	304,6	126,0	179,9	14170,5	111,3	33762
Брянская область	113,0	55,2	114,5	79,1	107,3	180,2	51,4	3043,4	114,2	2245
Владимирская область	101,9	79,9	102,0	102,5	87,9	93,6	62,5	6382,7	131,0	132018
Воронежская область	101,4	109,8	87,3	в 2,1 р.	126,7	55,8	86,5	12104,6	130,4	56793
Ивановская область	110,7	105,0	113,0	105,8	44,8	112,2	17,8	4520,6	101,1	265
Калужская область	105,5	100,8	105,8	103,2	105,5	185,4	53,2	4122,9	96,2	29596
Костромская область	114,6	101,3	117,9	108,6	35,3	83,2	16,8	2752,6	48,2	33309
Курская область	100,7	110,2	110,2	88,0	116,1	141,9	35,2	5149,1	87,5	10727
Липецкая область	110,8	84,8	110,7	115,0	157,2	118,7	111,8	16190,0	133,6	78544
Московская область	129,1	88,8	130,6	111,8	1658,5	115,0	1112,9	71229,8	111,7	1907554
Орловская область	106,8	124,3	108,5	98,1	92,3	86,9	34,5	3752,5	102,6	24448
Рязанская область	107,6	108,2	104,5	117,3	193,6	165,9	58,4	8523,1	92,0	3165
Смоленская область	106,3	98,5	106,6	106,0	108,3	104,0	50,9	5943,0	86,2	27122
Тамбовская область	109,2	89,8	111,7	100,1	137,6	108,7	125,9	6089,4	120,0	2627

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тверская область	107,6	50,9	105,7	110,0	110,7	121,2	58,3	7776,1	78,1	5931
Тульская область	101,6	106,3	99,9	111,6	40,2	70,2	36,0	8015,0	130,1	121592
Ярославская область	102,8	124,6	104,4	93,1	60,3	92,9	26,0	12726,7	90,1	29751
г. Москва	118,5	38,0	119,9	102,2	2350,7	101,3	—	178576,6	102,4	9427416
Северо-Западный федеральный округ	**111,4**	**107,8**	**111,7**	**112,8**	**1405,5**	**102,3**	**337,4**	**240526,9**	**1253,**	**2656980**
Республика Карелия	102,3	110,9	102,5	95,8	33,8	177,6	12,8	5796,3	94,4	59845
Республика Коми	104,2	104,5	104,7	101,9	20,8	131,0	14,6	32987,5	153,6	85970
Архангельская область	100,6	107,4	98,2	90,4	56,4	120,5	23,3	31408,3	160,8	277290
в том числе Ненецкий авт. округ	108,5	108,1	121,0	111,9	13,3	93,4	1,5	13751,7	148,2	181918
Вологодская область	106,9	45,4	107,4	100,3	75,4	94,4	31,1	28267,0	101,6	220072
Калининградская область	153,2	128,0	96,8	в 6,8 р.	191,6	130,5	51,0	8829,2	83,3	29270
Ленинградская область	130,5	104,8	135,3	97,7	156,4	88,2	135,3	50532,3	169,7	204498
Мурманская область	101,3	100,4	101,6	101,7	5,0	в 3,5 р.	—	9062,2	119,9	86060
Новгородская область	100,3	95,8	101,6	88,9	43,8	100,9	20,6	7076,9	150,9	114608
Псковская область	104,6	78,0	102,8	108,9	25,2	96,9	13,3	2299,6	117,8	7490
г. Санкт-Петербург	106,1	105,3	106,9	101,6	797,2	97,5	35,5	64267,4	104,1	1571877
Южный федеральный округ	**107,9**	**99,8**	**110,5**	**98,9**	**2555,9**	**103,3**	**1838,5**	**132832,1**	**109,5**	**473275**
Республика Адыгея	115,5	70,7	121,0	97,3	14,0	49,5	14,0	809,7	99,8	633
Республика Дагестан	86,1	96,2	86,5	75,9	218,6	123,2	188,8	8833,6	118,0	—
Республика Ингушетия	91,7	91,8	90,8	—	12,2	в 3,8 р.	5,7	763,4	125,9	—
Кабардино-Балкарская Республика	117,7	91,8	121,9	98,0	94,9	89,5	94,9	2302,7	97,1	—
Республика Калмыкия	91,5	91,7	91,3	88,9	15,8	65,7	10,7	1005,7	114,2	—
Карачаево-Черкесская Республика	115,2	94,9	123,6	97,3	20,3	74,8	20,3	2509,4	126,0	—
Республика Северная Осетия—Алания	74,9	65,4	71,4	106,8	42,7	103,6	21,8	1891,4	89,8	—
Чеченская Республика	...	...	...	...	—	—	—	872,1	35,3	—
Краснодарский край	113,0	105,4	115,5	96,3	876,3	96,5	673,9	51107,9	115,1	217612
Ставропольский край	100,6	121,7	92,7	115,8	353,6	106,3	215,7	11115,6	106,4	7533

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Астраханская область	110,0	101,2	115,8	96,7	147,8	100,7	133,0	8027,8	100,1	44872
Волгоградская область	100,2	96,2	103,3	92,1	166,4	105,9	88,5	11392,4	71,5	27500
Ростовская область	112,5	88,8	115,0	104,4	593,6	113,7	371,3	32200,4	135,3	175125
Приволжский федеральный округ	**105,1**	**101,2**	**107,1**	**102,6**	**2689,3**	**102,2**	**1629,0**	**249486,9**	**108,8**	**847860**
Республика Башкортостан	103,9	101,0	104,7	106,2	645,2	108,6	392,9	32921,0	98,9	11992
Республика Марий Эл	111,1	93,4	114,9	96,4	76,3	121,3	43,4	3266,7	113,2	693
Республика Мордовия	105,4	82,8	105,4	105,0	48,8	101,1	35,7	6403,5	144,4	26547
Республика Татарстан	106,8	102,1	113,3	102,1	451,7	131,0	275,1	57429,4	100,2	128875
Удмуртская Республика	100,6	101,6	98,7	102,3	90,9	116,0	87,2	9295,8	109,8	31265
Чувашская Республика	109,6	156,5	112,0	98,8	226,7	116,8	120,8	8199,1	103,8	814
Пермский край	99,0	104,0	97,3	103,7	187,4	94,4	87,3	25113,6	119,8	78317
Кировская область	107,5	94,0	108,4	104,9	40,7	55,5	19,8	6339,8	120,1	3335
Нижегородская область	105,4	16,4	106,7	99,3	184,9	73,0	90,7	29837,9	122,5	44941
Оренбургская область	107,3	104,0	113,1	104,9	227,8	124,1	176,1	18105,3	119,0	92374
Пензенская область	104,9	98,8	107,8	95,4	97,6	122,7	70,2	6634,0	111,4	3905
Самарская область	103,7	91,1	105,9	103,2	138,3	48,8	103,4	26122,0	103,7	390350
Саратовская область	114,2	104,6	120,0	104,8	197,1	111,8	83,9	13063,4	104,1	1347
Ульяновская область	105,1	90,4	112,0	94,9	75,8	122,7	42,7	6755,1	121,7	33105
Уральский федеральный округ	**104,4**	**102,7**	**107,3**	**106,9**	**1178,6**	**122,3**	**497,1**	**294969,4**	**110,8**	**2422486**
Курганская область	104,0	153,4	98,6	123,6	65,6	161,4	34,1	3909,3	128,9	2945
Свердловская область	104,5	103,9	104,0	109,0	309,5	106,8	160,5	49489,2	128,1	397017
Тюменская область	104,2	102,7	117,0	105,8	477,8	117,3	141,1	208271,8	110,1	1276583
в том числе										
Ханты-Мансийский авт.округ—Югра	102,1	103,6	86,5	103,5	112,2	93,2	27,8	126098,6	120,8	1203366
Ямало-Ненецкий авт. округ	100,5	101,4	89,8	98,4	39,5	102,8	3,9	63200,3	91,8	51140
Челябинская область	107,0	94,4	107,3	105,1	325,7	144,4	161,4	33299,1	93,4	745941
Сибирский федеральный округ	**104,3**	**106,2**	**103,7**	**102,7**	**1738,0**	**156,0**	**899,9**	**158850,1**	**114,1**	**805002**
Республика Алтай	103,5	121,5	81,1	103,5	10,4	157,3	5,9	1275,9	123,0	—
Республика Бурятия	112,7	102,0	125,0	106,8	56,1	113,5	54,0	3716,7	140,0	39589

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Республика Тыва	103,3	84,8	в 2,4 р.	94,8	5,6	172,8	5,6	526,1	186,3	—
Республика Хакасия	105,2	106,2	90,4	102,4	46,7	97,7	15,8	7956,8	в 2,0 р.	1128
Алтайский край	102,8	110,3	101,8	104,9	144,0	129,7	109,4	8650,4	98,0	1917
Красноярский край	101,4	116,7	98,0	102,7	149,7	112,2	57,9	33604,7	115,0	45480
в том числе										
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	109,6	130,1	64,9	101,1	—	—	—	342,1	64,4	—
Эвенкийский авт. округ	102,7	128,7	69,2	89,6	1,8	127,4	1,2	222,5	72,2	—
Иркутская область	107,3	103,0	111,0	96,5	89,7	123,8	38,0	16784,0	133,4	120194
в том числе										
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	91,0	96,7	85,1	131,4	1,3	в 3,1 р.	1,3	183,5	120,3	—
Кемеровская область	105,8	107,2	105,5	103,5	386,4	в 2,8 р.	224,3	36955,7	97,6	177255
Новосибирская область	107,1	135,9	104,8	106,1	262,4	в 2,9 р.	148,5	15638,4	109,4	21737
Омская область	110,6	115,7	110,1	112,8	402,9	132,2	201,7	16154,9	108,8	282999
Томская область	93,3	81,6	99,8	100,9	154,9	117,4	22,9	11766,3	154,4	77463
Читинская область	103,8	105,5	105,1	101,6	29,1	117,7	16,0	5820,3	99,0	37240
в том числе Агинский Бурятский авт. округ	138,7	в 2,9 р.	104,5	110,8	8,6	97,8	4,2	1106,5	в 2,4 р.	849
Дальневосточный федеральный округ	**104,1**	**110,6**	**96,3**	**101,4**	**238,3**	**85,3**	**134,1**	**110754,7**	**106,4**	**4277941**
Республика Саха (Якутия)	99,3	101,0	73,6	103,2	41,1	108,6	25,7	17840,2	95,2	310059
Приморский край	123,5	97,8	141,3	99,2	85,3	101,2	57,0	9533,0	107,3	18087
Хабаровский край	84,6	101,2	74,9	97,5	28,3	39,6	13,8	18285,6	114,4	95332
Амурская область	101,8	111,6	82,0	106,3	28,9	55,0	15,3	8932,4	91,2	60153
Камчатская область	100,9	105,7	89,8	111,1	13,1	243,2	6,8	2566,3	96,4	16459
в том числе										
Корякский авт. округ	75,0	73,3	42,4	98,9	—	—	—	607,1	в 2,3 р.	6725
Магаданская область	79,6	80,3	66,7	98,2	0,2	57,6	0,2	1641,6	84,8	1534
Сахалинская область	156,2	178,3	113,4	101,3	30,8	238,8	12,1	48476,3	117,4	3776010
Еврейская авт. область	96,8	82,0	100,9	92,5	9,9	153,7	3,2	2373,4	85,9	307
Чукотский авт. округ	88,8	91,2	95,2	85,8	0,6	7,9	—	1106,0	74,9	—

Регион	Оборот розничной торговли, % к I полугодию 2005 г.	Объем платных услуг населению, % к I полугодию 2005 г.	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в июне		Стоимость минимального набора продуктов питания в июне		Индекс потребительских цен, июнь, % I полугодию 2005 г.	Индекс цен производителей промышленных товаров, июнь, % к декабрю 2005 г.	Реальные денежные доходы населения, % к I полугодию 2005 г.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.
			руб.	% к среднероссийской стоимости	руб.	% к среднероссийской стоимости				
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Российская Федерация	***111,3***	***107,6***	***5116,7***	***100***	***1511,9***	***100***	***106,2***	***109,4***	***111,6***	***98963[1]***
Центральный федеральный округ	**109,8**	**107,5**	**5493,6**	**107**	**1534,2**	**101**	**106,5**	**107,8**	**112,9**	**11357,4**
Белгородская область	113,4	110,0	4444,7	87	1319,2	87	106,5	106,5	115,1	7849,8
Брянская область	114,3	103,7	4343,6	85	1299,7	86	106,8	106,4	112,9	5919,7
Владимирская область	116,6	105,1	4591,1	90	1437,3	95	107,1	111,6	112,6	6312,6
Воронежская область	111,3	117,2	4766,1	93	1405,9	93	106,8	106,3	125,0	6117,2
Ивановская область	119,5	98,5	4588,6	90	1340,9	89	107,6	104,6	115,6	6013,1
Калужская область	110,0	109,3	4689,5	92	1469,3	97	106,1	104,0	111,2	7822,5
Костромская область	115,5	113,1	4300,7	84	1390,0	92	106,9	108,1	115,5	6989,2
Курская область	123,7	123,3	4198,3	82	1259,2	83	106,6	110,3	111,3	6267,0
Липецкая область	118,2	105,0	4230,5	83	1304,7	86	105,9	104,1	116,7	7865,2
Московская область	120,1	103,8	5417,3	106	1555,7	103	106,7	111,1	129,5	10788,6
Орловская область	104,6	112,7	4125,8	81	1287,0	85	105,2	105,2	109,1	6172,4
Рязанская область	117,4	107,9	4580,6	90	1336,1	88	106,1	105,4	114,9	7165,3
Смоленская область	112,3	102,0	4390,3	86	1524,2	101	106,8	108,5	105,7	7287,5
Тамбовская область	109,4	109,2	4310,7	84	1290,5	85	106,3	106,3	105,3	5668,1
Тверская область	114,9	110,4	4801,5	94	1495,7	99	106,1	107,3	117,6	7426,1
Тульская область	108,0	112,5	4390,4	86	1431,7	95	105,4	107,2	113,7	7223,1
Ярославская область	117,9	112,2	4570,7	89	1488,9	98	108,1	109,2	118,8	8379,5
г. Москва	106,6	107,5	7548,6	148	1824,6	121	106,5	107,4	109,2	17320,9

Продолжение табл.

1	12	13	14	15	16	17	18	19	--	21
Северо-Западный федеральный округ	**113,3**	**108,3**	**5330,7**	**104**	**1604,8**	**106**	**106,1**	**109,1**	**111,9**	**11017,4**
Республика Карелия	105,6	100,3	4993,2	98	1656,3	110	106,5	107,8	110,2	10001,2
Республика Коми	110,2	103,8	5898,2	115	1685,6	111	106,3	114,5	107,3	13433,3
Архангельская область	112,4	127,0	5250,8	103	1623,8	107	105,1	122,1	114,1	11113,6
в том числе										
Ненецкий авт. округ	111,2	148,5	8198,0	160	2864,1	189	105,7	157,0	102,5	26321,3
Вологодская область	114,3	109,0	5038,3	98	1528,8	101	106,3	104,2	117,9	10101,2
Калининградская область	121,0	118,2	5406,9	106	1623,4	107	104,5	99,9	130,4	8262,3
Ленинградская область	107,4	102,0	5154,7	101	1640,6	109	107,2	102,0	125,1	9857,4
Мурманская область	107,1	108,3	6761,0	132	1781,3	118	106,1	126,8	107,6	14070,9
Новгородская область	116,2	101,6	4794,2	94	1542,4	102	108,7	107,7	122,9	8249,0
Псковская область	112,6	101,0	4542,2	89	1488,7	98	107,0	108,8	105,9	6458,8
г. Санкт-Петербург	116,3	107,7	5342,7	104	1604,7	106	105,7	107,7	108,2	12024,3
Южный федеральный округ	**109,8**	**108,8**	**4669,4**	**91**	**1399,3**	**93**	**106,3**	**109,2**	**114,9**	**6625,2**[1]
Республика Адыгея	111,7	94,5	4791,5	94	1401,9	93	104,6	103,7	111,6	5839,1
Республика Дагестан	120,0	127,0	4172,1	82	1292,9	86	105,5	116,8	124,1	4575,8
Республика Ингушетия	115,3	176,6	4558,8	89	1602,3	106	107,4	114,4	101,0	6488,3
Кабардино-Балкарская Республика	112,3	99,5	4183,4	82	1332,2	88	106,3	109,2	112,0	5377,0
Республика Калмыкия	120,3	92,2	4445,4	87	1302,6	86	109,5	133,1	121,3	5022,9
Карачаево-Черкесская Республика	119,3	117,8	4359,0	85	1361,3	90	107,8	113,7	123,8	5550,4
Республика Северная Осетия—Алания	105,9	101,9	4141,7	81	1378,0	91	108,3	116,3	102,4	5364,6
Чеченская Республика	82,6	...	4507,1	88	1576,3	104	106,1	100,2	...	7554,0
Краснодарский край	107,1	108,1	4869,1	95	1451,2	96	105,8	106,0	115,4	7354,9
Ставропольский край	112,7	110,3	4977,4	97	1366,9	90	105,3	108,1	118,8	6183,0
Астраханская область	117,5	108,3	4598,5	90	1411,1	93	107,6	122,8	112,3	7735,6
Волгоградская область	107,0	102,1	4638,6	91	1378,3	91	106,5	111,9	118,6	6925,5
Ростовская область	107,8	109,3	4805,6	94	1436,7	95	107,2	106,1	107,5	6770,9

Продолжение табл.

1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Приволжский федеральный округ	**118,0**	**107,4**	**4602,0**	**90**	**1360,3**	**90**	**106,1**	**111,2**	**118,4**	**7474,0**
Республика Башкортостан	122,3	107,3	4351,4	85	1340,7	89	106,6	118,5	120,0	7664,6
Республика Марий Эл	131,7	114,0	4063,5	79	1297,8	86	105,5	104,3	124,3	5987,6
Республика Мордовия	111,1	102,0	4217,3	82	1243,5	82	105,3	106,2	99,8	5777,4
Республика Татарстан	133,6	117,8	4318,1	84	1272,2	84	105,8	111,0	131,9	8211,8
Удмуртская Республика	121,4	106,5	4331,2	85	1327,8	88	107,2	113,4	113,4	7312,8
Чувашская Республика	116,1	102,2	4114,6	80	1232,7	82	106,3	105,9	109,5	5827,4
Пермский край	121,2	106,5	5123,5	100	1422,8	94	106,6	105,9	121,7	8841,4
Кировская область	112,7	104,9	4675,5	91	1394,5	92	105,8	113,6	109,2	6573,0
Нижегородская область	110,1	115,9	4910,4	96	1412,7	93	107,2	107,4	121,8	7562,6
Оренбургская область	119,4	98,9	4265,6	83	1292,5	85	106,1	119,5	112,6	7152,9
Пензенская область	107,2	106,9	4398,4	86	1271,2	84	106,3	107,1	111,6	5862,8
Самарская область	110,7	101,6	5563,9	109	1601,9	106	105,3	110,6	111,5	8769,4
Саратовская область	114,3	104,2	4394,3	86	1336,4	88	106,3	104,8	114,4	6560,0
Ульяновская область	117,1	104,1	4401,1	86	1310,4	87	105,4	105,8	115,9	6214,5
Уральский федеральный округ	**117,8**	**109,8**	**5193,1**	**101**	**1596,7**	**106**	**106,8**	**108,9**	**113,4**	**13334,7**
Курганская область	119,1	108,1	4555,2	89	1324,9	88	107,4	111,0	117,9	6668,0
Свердловская область	117,2	111,4	4930,2	96	1584,1	105	106,6	107,4	116,3	10087,8
Тюменская область	116,0	107,9	6393,2	125	1841,6	122	107,4	110,9	109,7	22204,6
в том числе										
Ханты-Мансийский авт. округ—Югра	111,7	110,9	7106,9	139	1893,0	125	106,3	109,7	109,8	24329,0
Ямало-Ненецкий авт. округ	121,6	103,3	7860,2	154	2184,6	144	107,6	112,1	106,5	32544,0
Челябинская область	120,8	110,3	4595,9	90	1464,2	97	106,6	103,8	114,4	8677,6
Сибирский федеральный округ	**116,0**	**107,4**	**4906,0**	**96**	**1527,5**	**101**	**105,4**	**112,7**	**111,9**	**9187,0**
Республика Алтай	112,9	104,9	4943,9	97	1467,8	97	105,6	104,5	114,5	6935,7
Республика Бурятия	106,6	112,3	5536,8	108	1628,1	108	104,1	96,6	102,2	8711,2
Республика Тыва	109,7	116,7	4889,9	96	1542,8	102	103,9	110,0	108,7	8357,5
Республика Хакасия	122,8	107,1	4824,8	94	1521,6	101	105,2	121,8	102,0	8911,5

Окончание табл.

1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Алтайский край	119,8	109,2	4553,3	89	1382,1	91	103,8	103,0	119,8	5714,2
Красноярский край	109,0	109,7	5473,5	107	1659,5	110	106,4	129,9	107,4	11496,1
в том числе										
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	101,2	91,0	9008,5	176	2980,2	197	114,1	112,0	97,4	20946,6
Эвенкийский авт. округ	102,4	241,6	7232,5	141	2532,4	168	103,2	104,2	98,0	16297,8
Иркутская область	117,0	103,5	4911,8	96	1664,7	110	105,1	113,5	114,3	10223,7
в том числе										
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	127,3	109,5	4634,0	91	1467,3	97	104,9	112,3	119,5	5300,9
Кемеровская область	122,5	104,5	4514,8	88	1457,5	96	105,0	101,5	110,9	9709,0
Новосибирская область	120,4	106,0	5098,3	100	1542,9	102	106,2	106,8	111,2	8393,6
Омская область	113,4	106,0	4336,1	85	1309,5	87	107,0	107,5	115,4	8340,4
Томская область	112,8	112,3	5412,6	106	1577,5	104	105,6	111,4	116,9	10719,8
Читинская область	108,3	110,6	4824,6	94	1616,1	107	105,8	104,1	108,7	9191,5
в том числе Агинский Бурятский авт. округ	106,8	112,3	4803,8	94	1534,1	101	103,2	108,7	113,7	6343,1
Дальневосточный федеральный округ	**112,5**	**105,7**	**6900,7**	135	2096,5	**139**	**105,7**	**106,1**	**108,8**	**12655,0**
Республика Саха (Якутия)	102,3	105,8	7395,5	145	2282,5	151	107,4	102,8	102,6	14761,1
Приморский край	115,4	107,5	6372,6	125	1976,1	131	104,7	103,5	113,8	10208,0
Хабаровский край	112,7	104,7	6863,0	134	1986,9	131	105,7	108,0	108,1	11496,1
Амурская область	117,2	103,3	6006,1	117	1783,5	118	106,5	111,6	104,8	10238,0
Камчатская область	110,2	97,1	8944,6	175	2725,3	180	108,4	111,0	99,9	17621,2
в том числе Корякский авт. округ	96,7	78,6	13454,4	263	3918,6	259	147,3	112,5	87,5	18058,6
Магаданская область	107,2	95,2	7092,0	139	2465,3	163	106,4	121,3	106,6	16858,1
Сахалинская область	120,9	113,7	8102,4	158	2360,1	156	106,8	101,5	115,7	17800,7
Еврейская авт. область	105,8	115,2	5736,5	112	1859,0	123	104,0	109,1	109,2	9073,5
Чукотский авт. округ	110,4	92,0	11605,8	227	5421,2	359	110,5	131,1	104,2	22890,2

Регион	Просроченная задолженность по заработной плате на 1 июля					Безработные, тыс. чел.		Потребность организаций в работниках, заявленная в органы государственной службы занятости на 1 июля, чел.	На 1 000 чел. населения		
	всего, млн руб.	из нее из-за недофинансирования из бюджетов всех уровней			% к фонду заработной платы организаций, имеющих задолженность	по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости	зарегистрированные в органах государственной службы занятости на 1 июля		родившихся	умерших	естественный прирост (+), убыль (−) населения
		федерального бюджета	бюджетов субъектов РФ	местных бюджетов							
1	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
Российская Федерация	***5435[1]***	***35***	***17***	***286***	***151,7***	***5590***	***1732,5***	***1140082***	***10,1***	***16,0***	***−5,9***
Центральный федеральный округ	**1009,6**	**4,9**	**0,1**	**7,8**	**144,3**	**894**	**220,0**	**341486**	**8,9**	**17,5**	**−8,6**
Белгородская область	16,1	—	—	—	157,3	43	10,7	12427	9,1	16,2	−7,1
Брянская область	57,8	—	—	0,5	201,9	42	12,2	6892	9,0	20,0	−11,0
Владимирская область	29,1	0,3	—	—	82,3	91	14,8	11699	9,3	20,3	−11,0
Воронежская область	53,8	1,1	—	2,5	169,0	76	23,3	19148	8,1	19,0	−10,9
Ивановская область	49,8	—	—	—	123,3	36	12,2	10111	8,9	21,4	−12,5
Калужская область	15,5	—	—	0,3	54,4	28	4,1	8406	9,1	18,8	−9,7
Костромская область	57,7	0,2	0,0	3,2	107,2	19	5,4	7768	9,7	20,3	−10,6
Курская область	30,4	0,1	—	—	136,4	46	8,9	6086	8,8	20,2	−11,4
Липецкая область	25,2	—	—	—	334,0	48	4,6	6091	9,3	18,2	−8,9
Московская область	80,2	0,1	—	0,1	230,7	97	31,3	45139	9,0	17,7	−8,7
Орловская область	61,6	2,2	0,1	—	199,2	26	5,8	5343	9,2	19,4	−10,2
Рязанская область	36,5	—	—	—	154,3	33	7,1	6666	8,4	20,1	−11,7
Смоленская область	21,3	—	—	—	184,9	55	5,5	5962	8,8	22,4	−13,6
Тамбовская область	38,6	—	—	0,3	102,9	57	14,9	4199	8,2	19,6	−11,4
Тверская область	60,3	—	—	0,2	127,6	44	6,0	9828	9,4	23,5	−14,1

Продолжение табл.

1	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
Тульская область	200,9	0,1	—	0,6	231,7	33	8,0	8898	7,8	21,7	−13,9
Ярославская область	73,7	—	—	—	156,9	27	113	13760	9,3	19,2	−9,9
г. Москва	101,2	0,8	—	—	83,1	93	33,9	153063	8,8	12,6	−3,8
Северо-Западный федеральный округ	**273,5**	**7,2**	**1,2**	**11,5**	**121,5**	**395**	**116,0**	**140388**	**9,4**	**17,7**	**−8,3**
Республика Карелия	70,3	0,1	0,8	5,9	211,2	21	11,9	5511	10,0	18,0	−8,0
Республика Коми	26,1	—	—	0,5	88,8	62	11,8	8919	11,1	14,9	−3,8
Архангельская область	44,0	—	—	—	153,3	45	15,0	7821	10,8	16,7	−5,9
в том числе											
Ненецкий авт. округ	5,0	—	—	—	132,1	2	0,9	233	13,7	14,8	−1,1
Вологодская область	11,1	—	0,3	2,8	46,7	42	10,7	10314	10,8	18,5	−7,7
Калининградская область	2,6	1,0	—	0,6	128,5	32	7,9	12448	9,4	18,4	−9,0
Ленинградская область	19,9	—	—	0,1	75,4	50	8,7	14935	7,9	20,2	−12,3
Мурманская область	45,0	—	—	—	265,5	39	16,2	8799	9,9	13,3	−3,4
Новгородская область	6,7	—	0,2	0,6	41,4	20	5,0	5275	9,7	23,3	−13,6
Псковская область	18,6	—	—	1,0	78,6	25	11,6	4306	8,9	25,4	−16,5
г Санкт-Петербург	29,2	6,2	—	—	117,8	58	17,1	62060	8,7	16,1	−7,4
Южный федеральный округ	**506,9**[1]	**5,4**	**6,1**	**36,5**	**165,0**	**1523**	**605,0**	**154294**	**11,1**	**13,5**	**−2,4**
Республика Адыгея	35,7	—	—	—	379,3	32	9,5	4448	9,8	16,0	−6,2
Республика Дагестан	46,2	—	—	2,5	161,4	267	55,9	702	14,1	6,1	+8,0
Республика Ингушетия	9,9	—	—	—	299,5	111	38,6	102	14,7	4,0	+10,7
Кабардино-Балкарская Республика	63,4	—	1,9	3,2	375,4	86	41,4	2572	9,8	10,5	−0,7
Республика Калмыкия	25,5	—	—	0,1	194,2	21	6,4	497	13,4	12,2	+1,2
Карачаево-Черкесская Республика	27,5	—	0,8	5,0	127,2	43	7,1	1323	11,7	12,1	−0,4
Республика Северная Осетия—Алания	40,3	—	3,3	7,1	298,4	26	15,4	1505	11,3	12,2	−0,9
Чеченская Республика	984,1	30,5	56,3	82,5	545,9	317[2]	322,3	101	23,6	5,1	+18,5
Краснодарский край	52,7	—	—	3,1	177,2	184	16,5	52324	9,8	15,5	−5,7
Ставропольский край	51,3	2,3	0,1	—	192,0	95	30,8	17251	9,7	15,1	−5,4
Астраханская область	72,3	—	—	14,7	104,9	48	10,6	4548	12,0	15,6	−3,6
Волгоградская область	41,1	—	—	0,9	80,1	110	19,4	32035	9,5	16,3	−6,8

Продолжение табл.

1	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
Ростовская область	40,9	3,1	—	—	170,4	183	31,1	36886	9,1	16,6	−7,5
Приволжский федеральный округ	**1191,7**	**0,9**	**0,2**	**3,7**	**147,6**	**1082**	**230,5**	**199911**	**9,8**	**16,3**	**−6,5**
Республика Башкортостан	151,1	—	—	—	102,5	133	26,4	25473	10,9	14,1	−3,2
Республика Марий Эл	18,8	—	—	—	102,1	38	5,7	4938	10,4	16,6	−6,2
Республика Мордовия	98,5	0,1	—	—	215,4	29	6,0	5176	8,4	17,2	−8,8
Республика Татарстан	18,6	—	—	—	112,0	129	28,1	22625	9,5	13,5	−4,0
Удмуртская Республика	101,6	0,2	—	—	130,5	64	15,9	18255	11,2	15,0	−3,8
Чувашская Республика	15,5	—	—	—	85,8	68	10,5	9960	10,3	15,1	−4,8
Пермский край	150,5	—	—	0,7	141,3	98	20,8	15496	10,9	17,1	−6,2
Кировская область	113,6	—	—	—	116,2	56	20,0	13771	9,6	19,0	−9,4
Нижегородская область	36,3	0,0	—	0,4	99,5	86	12,4	18908	8,8	19,9	−11,1
Оренбургская область	103,9	—	0,2	2,1	203,4	75	9,9	11805	10,5	15,6	−5,1
Пензенская область	63,1	—	—	—	154,6	51	9,8	8525	8,4	18,4	−10,0
Самарская область	120,7	—	—	0,5	203,6	88	25,5	16926	9,7	16,2	−6,5
Саратовская область	62,8	—	—	—	306,6	110	22,3	20401	8,8	16,6	−7,8
Ульяновская область	136,5	0,6	—	—	193,4	58	17,2	7652	8,6	17,3	−8,7
Уральский федеральный округ	**196,2**	**4,4**	**0,1**	**—**	**138,3**	**445**	**116,1**	**110942**	**11,2**	**14,4**	**−3,2**
Курганская область	56,9	—	—	—	181,3	57	12,7	5286	10,5	17,4	−6,9
Свердловская область	36,3	3,6	0,1	—	116,6	153	37,8	42424	10,5	16,0	−5,5
Тюменская область	84,9	0,8	—	—	136,5	127	34,7	37773	13,1	9,7	+3,4
в том числе Ханты-Мансийский авт. округ—Югра	44,0	—	—	—	231,7	58	16,0	16160	13,6	7,1	+6,5
Ямало-Ненецкий авт. округ	22,0	—	—	—	68,6	23	6,2	4741	13,0	6,0	+7,0
Челябинская область	18,1	—	—	—	105,5	108	30,8	25459	10,5	15,9	−5,4
Сибирский федеральный округ	**1412,7**	**6,0**	**5,0**	**158,7**	**167,7**	**982**	**322,0**	**145822**	**11,3**	**15,9**	**−4,6**
Республика Алтай	2,2	—	—	1,0	148,8	11	5,7	1595	16,6	14,5	+2,1
Республика Бурятия	66,4	0,3	1,2	—	193,1	67	15,1	5101	14,6	15,3	−0,7
Республика Тыва	34,8	—	0,6	5,1	173,5	24	13,8	350	19,0	12,8	+6,2

Окончание табл.

1	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
Республика Хакасия	9,0	—	—	—	169,1	26	7,9	2865	11,8	16,2	−4,4
Алтайский край	337,4	—	0,2	8,2	211,1	111	77,0	15117	9,8	16,1	−6,3
Красноярский край	112,7	0,2	0,8	4,7	120,6	161	48,1	18692	10,8	14,8	−4,0
в том числе											
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	17,7	—	—	1,1	208,7	3	1,4	152	13,5	9,6	+3,9
Эвенкийский авт. округ	0,6	—	0,1	—	30,3	0,0	0,7	181	17,0	14,3	+2,7
Иркутская область	89,5	0,1	1,9	25,3	134,2	130	32,7	18617	12,1	15,8	−3,7
в том числе											
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	7,2	—	—	0,4	344,0	7	2,8	307	15,3	14,0	+1,3
Кемеровская область	16,2	—	0,2	0,3	100,0	123	44,4	32110	11,1	18,1	−7,0
Новосибирская область	268,3	3,6	0,1	0,1	201,6	111	21,0	30095	10,2	15,7	−5,5
Омская область	203,0	—	—	—	247,2	105	20,5	10839	10,1	15,5	−5,4
Томская область	50,0	—	—	—	99,9	55	20,8	9289	10,7	14,3	−3,6
Читинская область	223,2	1,9	0,2	114,0	124,0	59	15,2	1152	13,8	16,5	−2,7
в том числе Агинский Бурятский авт. округ	3,2	—	—	—	204,3	1	1,3	58	18,1	12,0	+6,1
Дальневосточный федеральный округ	**844,0**	**5,5**	**4,7**	**67,6**	**151,2**	**269**	**122,9**	**47239**	**11,2**	**14,7**	**−3,5**
Республика Саха (Якутия)	20,5	—	—	—	221,3	39	12,3	6423	14,2	9,7	+4,5
Приморский край	158,3	4,4	—	—	232,8	97	45,2	15891	10,1	15,8	−5,7
Хабаровский край	120,3	—	0,1	35,8	115,8	42	27,6	8499	10,6	15,5	−4,9
Амурская область	42,2	—	—	6,9	102,4	37	20,0	4356	11,7	16,7	−5,0
Камчатская область	297,9	—	4,3	24,9	167,7	20	6,9	4836	11,0	11,8	−0,8
в том числе Корякский авт. округ	217,1	—	3,5	23,2	250,7	1	1,6	25	12,1	18,7	−6,6
Магаданская область	118,5	1,0	—	—	128,3	7	4,9	1128	10,8	13,6	−2,8
Сахалинская область	40,3	0,2	0,3	—	124,2	19	3,8	4265	10,9	16,3	−5,4
Еврейская авт. область	13,9	—	—	—	291,6	8	1,2	963	11,4	16,9	−5,5
Чукотский авт. округ	32,0	—	—	—	112,5	1	1,0	878	14,0	11,0	+3,0

Без учета данных по Чеченской Республике.

[2] Численность официально зарегистрированных безработных.

ВЕЛИЧИНА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, УСТАНОВЛЕННАЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ «О ПРОЖИТОЧНОМ МИНИМУМЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ЗА II КВАРТАЛ 2006 г.

по состоянию на 29 августа 2006 г.;
в среднем на душу населения; руб. в месяц

Регион	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
1	2	3	4	5
Российская Федерация[1]	...	...	...	...
Центральный федеральный округ				
Белгородская область	2 684	2 964	1 967	2 645
Брянская область[2]	2 567	2 787	2 018	2 628
Владимирская область	3 216	3 461	2 692	3 054
Воронежская область	2 872	3 153	2 244	2 838
Ивановская область	2 943	3 204	2 304	2 926
Калужская область	3 060	3 351	2 305	3 070
Костромская область	2 863	3 141	2 214	2 740
Курская область[2]	2 535	2 753	2 130	2 346
Липецкая область	2 653	2 915	1 988	2 636
Московская область	3 852	4 290	2 850	3 632
Орловская область	2 644	2 838	2 289	2 538
Рязанская область	2 977	3 234	2 397	2 937
Смоленская область	3 210	3 462	2 570	3 158
Тамбовская область	2 444	2 708	1 897	2 419
Тверская область[2]	2 961	3 268	2 316	2 927
Тульская область	2 827	3 147	2 204	2 874
Ярославская область	2 991	3 333	2 215	2 940
г. Москва[2]	5 084	5 752	3 497	4 365
Северо-Западный федеральный округ				
Республика Карелия	3 635	3 999	2 831	3 312
Республика Коми	4 215	4 531	3 262	4 045
Архангельская область	3 942	4 304	3 099	3 694
Вологодская область	3 478	3 789	2 711	3 266
Калининградская область	3 551	3 879	2 835	3 371
Ленинградская область	3 242	3 456	2 400	3 159
Мурманская область[2]	5 148	5 316	4 334	5 112
Новгородская область	3 181	3 503	2 415	3 171

[1] Правительством Российской Федерации не установлена.
[2] Данные за I квартал 2006 г.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
Псковская область	2 877	3 172	2 142	2 698
г. Санкт-Петербург	3 463	3 950	2 554	3 036
енецкий авт. округ	5 893	6 390	4 442	5 790
жный федеральный округ				
Республика Адыгея	2 925	3 172	2 395	2 860
Республика Дагестан	2 413	2 561	1 850	2 306
Республика Ингушетия[2]	2 700	2 915	2 033	2 524
Кабардино-Балкарская Республика	2 569	2 758	1 952	2 474
Республика Калмыкия	2 730	2 951	2 164	2 641
Карачаево-Черкесская Республика	2 608	2 852	2 003	2 497
Республика Северная Осетия—Алания[2]	2 589	2 787	2 106	2 487
Чеченская Республика[2]	3 006	3 329	2 295	2 758
Краснодарский край	3 228	3 455	2 693	3 126
Ставропольский край	2 983	3 234	2 344	2 887
Астраханская область	2 842	3 105	2 145	2 692
Волгоградская область	2 792	3 035	2 204	2 794
Ростовская область	3 102	3 358	2 435	3 053
Приволжский федеральный округ				
Республика Башкортостан	2 955	3 158	2 430	2 876
Республика Марий Эл	2 721	2 917	2 070	2 683
Республика Мордовия	2 796	3 045	2 152	2 711
Республика Татарстан	2 766	3 042	2 003	2 745
Удмуртская Республика	3 002	3 206	2 406	2 862
Чувашская Республика	2 557	2 795	1 955	2 564
Кировская область	3 038	3 324	2 293	3 033
Нижегородская область	3 268	3 531	2 621	3 209
Оренбургская область	2 728	2 959	2 086	2 704
Пензенская область	2 941	3 183	2 387	2 819
Пермская область	3 407	3 631	2 734	3 330
Самарская область	3 764	4 157	3 036	3 565
Саратовская область	2 905	3 172	2 194	2 912
Ульяновская область	2 971	3 200	2 368	2 881
Коми-Пермяцкий авт. округ	2 763	3 032	2 036	2 757
Уральский федеральный округ				
Курганская область	2 981	3 251	2 304	2 867
Свердловская область	3 409	3 680	2 700	3 250
Тюменская область	3 175	3 397	2 387	3 142
Челябинская область	2 961	3 227	2 181	2 974
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	5 055	5 324	4 126	4 778
Ямало-Ненецкий авт. округ	5 637	5 865	4 188	5 338
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	3 814	4 083	2 990	3 578
Республика Бурятия	3 463	3 742	2 655	3 296

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Республика Тыва	3 295	3 527	2 516	3 196
Республика Хакасия	3 253	3 476	2 482	3 310
Алтайский край	2 488	2 735	1 863	2 435
Красноярский край	3 707	4 023	2 672	3 607
Иркутская область	3 357	3 589	2 626	3 234
Кемеровская область	2 952	3 196	2 121	2 977
Новосибирская область	3 427	3 743	2 555	3 379
Омская область	3 279	3 480	2 724	3 177
Томская область	3 535	3 793	2 678	3 377
Читинская область	3 180	3 457	2 235	3 051
Агинский Бурятский авт. округ	3 316	3 631	2 684	3 058
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	7 042	7 398	5 419	6 656
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	3 138	3 346	2 457	3 130
Эвенкийский авт. округ	6 099	6 381	5 103	5 692
Дальневосточный федеральный округ				
Республика Саха (Якутия)	5 308	5 744	3 972	5 017
Приморский край	4 362	4 687	3 383	4 202
Хабаровский край	4 842	5 198	3 654	4 649
Амурская область	4 355	4 664	3 328	4 200
Камчатская область	6 516	7 146	4 896	6 272
Магаданская область	5 405	5 709	3 878	5 277
Сахалинская область	5 888	6 228	4 855	5 507
Еврейская авт. область	3 914	4 267	3 153	3 666
Корякский авт. округ	10 541	11 124	9 220	10 180
Чукотский авт. округ	8 670	8 943	6 764	8 634

СПРАВОЧНО — 2005 г.

Регион	Численность постоянного населения на 1 января 2006 г., чел.			Численность студентов государственных и муниципальных учебных заведений на начало 2005/06 учебного года на 10 тыс. чел. населения		Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1 жителя, кв. м	Построено жилья, кв. м на 1 тыс. чел. населения	Число собственных легковых автомобилей на 1 тыс. чел. населения	Телефонная плотность на 1 тыс. чел. населения		Потребление электроэнергии на душу населения, кВт · ч	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения
	всего	в том числе							телефонные аппараты (включая таксофоны)	сотовая подвижная связь		
		городское	сельское	средних специальных	высших							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Российская Федерация	***142753551***	***104104825***	***38648726***	***173***	***419***	***20,9***	***304***	***169***	***300,4***	***865,5***	***6573,1***	***2484***
Центральный федеральный округ	**37356361**	**29999896**	**7356465**	**148**	**452**	**22,5**	**407**	**189**	**363,6**	**972,5**	**5104,6**	**2083**
Белгородская область	1511433	998581	512852	166	431	23,0	550	160	268,5	550,3	7907,8	1670
Брянская область	1331363	906614	424749	177	302	23,0	148	82	234,1	457,4	3054,6	2316
Владимирская область	1472621	1141652	330969	179	299	23,2	221	139	256,6	780,3	4398,5	2491
Воронежская область	2313648	1449700	863948	217	475	23,9	338	185	350,2	456,2	3915,4	1886
Ивановская область	1099908	886421	213487	144	440	22,4	95	117	241,5	768,1	3682,7	2381
Калужская область	1014243	769006	245237	164	267	23,1	258	163	314,8	792,8	4156,4	2560
Костромская область	708988	482343	226645	154	276	23,5	164	134	290,3	734,5	4898,2	2440
Курская область	1183884	740588	443296	173	358	23,1	250	141	222,9	604,7	6564,8	2199

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Липецкая область	1180849	749901	430948	183	268	22,9	429	172	301,9	620,8	8532,7	1568
Московская область	6628107	5330965	1297142	112	191	24,8	799	232	272,4	...	6145,1	1756
Орловская область	833783	534399	299384	150	520	21,9	296	162	256,3	543,2	3477,5	2256
Рязанская область	1182011	824712	357299	182	360	23,5	253	160	259,8	787,8	4846,1	1457
Смоленская область	1005871	714445	291426	212	290	23,8	266	175	313,5	695,5	5897,0	2824
Тамбовская область	1130352	650952	479400	188	344	22,4	308	154	248,2	680,0	3154,3	2014
Тверская область	1406562	1033737	372825	199	264	25,6	206	158	257,0	782,9	4812,7	2866
Тульская область	1599818	1278884	320934	182	270	23,4	123	172	301,2	698,7	6372,7	1271
Ярославская область	1327845	1081921	245924	205	328	22,2	168	130	317,3	877,8	5313,5	3389
г.Москва	10425075	10425075	—	104	822	19,4	446	233	583,2	1947,3[1]	4478,9	2093
Северо-Западный федеральный округ	**13628306**	**111948182**	**433488**	**152**	**464**	**22,8**	**291**	**183**	**377,6**	**989,9**	**7206,8**	**2384**
Республика Карелия	697521	526921	170600	200	304	22,4	125	193	335,6	834,3	12381,0	2200
Республика Коми	985029	744510	240519	160	312	22,6	161	151	347,6	759,0	8116,0	3133
Архангельская область	1291370	942594	348776	177	339	23,3	91	123	313,7	766,2	6282,4	2411
в том числе												
Ненецкий авт. округ	41989	26850	15139	205	77	19,5	776	114	—	—	8573,8[2]	2126
Вологодская область	1235425	842626	392799	182	339	23,8	236	163	310,7	759,6	10868,9	2997
Калининградская область	939887	722587	217300	136	304	20,0	282	235	286,2	950,0	4275,5	2399
Ленинградская область	1643888	1089467	554421	56	104	24,0	323	179	280,5	...	10622,4	2190
Мурманская область	864607	790323	74284	152	326	22,5	9	153	401,7	984,8	14533,0	2102
Новгородская область	665365	468472	196893	171	326	24,7	214	140	318,7	880,3	5247,3	2299
Псковская область	724594	486698	237896	143	258	25,5	136	149	300,0	758,8	2658,5	2535
г. Санкт-Петербург	4580620	4580620	—	165	832	21,9	495	220	496,6	1181,4[3]	4491,8	2186
Южный федеральный округ	**22790246**	**12999968**	**9790278**	**152**	**348**	**19,0**	**272**	**147**	**207,4**	**841,7**	**3201,6**	**1448**
Республика Адыгея	442735	232828	209907	142	325	23,2	161	168	197,2	886,0	1837,0	1358
Республика Дагестан	2640984	1126888	1514096	95	367	15,9	239	55	66,1	132,2	1472,2	519
Республика Ингушетия	486970	208031	278939	46	164	6,4	50	58	27,7	38,4	870,5	343
Кабардино-Балкарская Республика	894014	523159	370855	109	275	16,3	256	108	196,8	232,9	1540,3	1037

Заказ № 6329

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Республика Калмыкия	288675	127527	161148	207	315	20,2	169	141	219,8	1059,8	1780,9	1887
Карачаево-Черкесская Республика	431488	190460	241028	131	337	18,9	138	137	218,9	122,2	2702,1	1456
Республика Северная Осетия—Алания	702338	454505	247833	142	413	25,5	169	142	266,9	532,4	2969,1	973
Чеченская Республика	1162801	398489	764312	85	218	...	35	48	7,2	...	1300,2	590
Краснодарский край	5096572	2682361	2414211	144	255	19,4	380	197	257,7	1889,5[4]	3122,8	1245
Ставропольский край	2710275	1527726	1182549	152	408	19,8	258	176	244,3	748,0	3262,1	1772
Астраханская область	994208	665885	328323	239	360	19,3	651	170	276,7	963,1	3981,6	2852
Волгоградская область	2635640	1987477	648163	197	373	20,0	195	150	279,9	862,4	6879,8	2048
Ростовская область	4303546	2874632	1428914	189	457	19,8	275	163	217,0	602,9	3313,6	1854
Приволжский федеральный округ	**30511236**	**21423265**	**9087971**	**200**	**400**	**20,6**	**299**	**150**	**282,0**	**839,4**	**5879,0**	**2650**
Республика Башкортостан	4063409	2422691	1640718	216	332	19,2	395	180	245,2	787,9	5806,1	2183
Республика Марий Эл	711540	449153	262387	200	348	20,8	255	107	267,9	819,1	4137,4	3084
Республика Мордовия	856833	506881	349952	196	493	22,0	210	109	273,0	549,8	3211,2	1980
Республика Татарстан	3761534	2803905	957629	157	437	20,5	436	134	291,8	832,1	6345,1	2450
Удмуртская Республика	1544426	1069406	475020	217	443	18,4	240	148	271,0	732,8	5171,8	3497
Чувашская Республика	1292236	788908	503328	202	494	20,6	566	87	245,4	880,4	4029,9	2621
Пермский край	2748233	2058583	689650	223	314	19,6	231	132	300,3	815,9	8993,3	4492
Кировская область	1442935	1033201	409734	205	329	20,8	177	134	284,6	706,1	4867,9	2703
Нижегородская область	3411030	2675810	735220	184	450	22,1	218	142	324,9	860,2	6036,1	2841

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Оренбургская область	2137850	1228143	909707	224	332	19,8	271	173	233,6	729,9	692,2	2384
Пензенская область	1407971	926897	481074	191	364	22,0	223	127	246,2	732,6	3168,3	1900
Самарская область	3189003	2561914	627089	190	450	20,7	289	203	319,8	1271,4	7176,6	2573
Саратовская область	2608315	1923609	684706	203	463	22,6	260	151	287,6	796,9	4876,0	2061
Ульяновская область	1335921	974164	361757	229	368	21,4	218	140	292,8	774,6	4415,8	2105
Уральский федеральный округ	**12244214**	**9715331**	**2528883**	**202**	**415**	**20,1**	**290**	**173**	315,2	**896,5**	**12545,0**	**3379**
Курганская область	979908	554438	425470	228	307	19,3	125	161	237,8	697,2	4374,9	3877
Свердловская область	4409731	3664567	745164	220	406	20,9	250	162	313,2	875,3	9726,3	3501
Тюменская область	3323303	2620602	702701	166	470	18,7	395	206	349,7	959,8	22087,6	3698
в том числе												
Ханты-Мансийский авт. округ—Югра	1478178	1344450	133728	140	338	17,5	395	225	385,0	993,6	33743,2[2]	3590
Ямало-Ненецкий авт. округ	530655	450664	79991	87	217	17,3	322	183	374,9	865,5	17379,3[2]	2561
Челябинская область	3531272	2875724	655548	205	406	20,6	288	160	306,6	918,9	9403,3	2787
Сибирский федеральный округ	**19676262**	**13916988**	**5759274**	**194**	**431**	**19,9**	**223**	**152**	**258,2**	**680,0**	**10284,5**	**2892**
Республика Алтай	204474	53070	151404	246	244	15,8	167	167	182,2	398,1	2120,5	2661
Республика Бурятия	963275	536567	426708	214	362	17,9	208	109	194,4	373,7	5777,5	3140
Республика Тыва	308491	158923	149568	212	186	12,4	55	80	122,0	253,1	2210,3	3343
Республика Хакасия	538221	382480	155741	210	299	19,4	225	185	229,1	401,1	22030,2	3572
Алтайский край	2543265	1360924	1182341	175	333	19,8	156	154	259,9	546,9	3732,0	2956
Красноярский край	2906181	2197241	708940	212	413	20,7	268	161	277,3	781,8	17114,2	2831
в том числе												
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	38988	25784	13204	134	151	17,5	3	63	0,9	—	1788,3[2]	1722
Эвенкийский авт. округ	17278	5720	11558	105	—	28,1	202	24	—	—	4364,2[2]	3486
Иркутская область	2526977	1997854	529123	162	477	19,7	119	141	249,0	526,3	20712,8	3376

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
в том числе												
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	133849	—	133849	43	—	17,2	31	102	0,2	—	2190,3[2]	2415
Кемеровская область	2838533	2411717	426816	194	359	20,2	225	140	252,2	849,0	11770,9	1835
Новосибирская область	2649880	1990010	659870	197	593	19,2	265	184	297,7	832,4	5195,4	3355
Омская область	2034590	1406530	628060	222	448	20,2	370	152	234,9	788,8	4856,9	2699
Томская область	1034137	706902	327235	159	717	19,6	310	145	409,2	944,3	8221,8	3107
Читинская область	1128238	714770	413468	200	324	18,5	116	144	171,7	403,0	5908,1	2922
в том числе												
Агинский Бурятский авт. округ	74232	27489	46743	51	125	14,7	301	170	0,1	—	722,2[2]	1846
Дальневосточный федеральный округ	**6546926**	**4854559**	**1692367**	**193**	**446**	**20,1**	**142**	**181**	**286,9**	**699,7**	**6063,6**	**2915**
Республика Саха (Якутия)	949935	610005	339930	183	422	19,5	274	133	296,4	381,0	7077,2	1999
Приморский край	2019529	1522926	496603	172	491	19,3	122	197	280,2	694,6	5329,6	3050
Хабаровский край	1412260	1137232	275028	230	579	19,9	137	168	280,2	879,5	5634,3	3684
Амурская область	881091	578910	302181	230	308	20,1	142	164	211,6	836,7	6965,4	2589
Камчатская область	349240	277191	72049	157	487	21,6	37	245	382,4	881,3	4579,1	2825
в том числе												
Корякский авт. округ	23185	6198	16987	44	—	23,8	—	29	0,8	—	1940,4[2]	1766
Магаданская область	171569	161937	9632	148	413	26,4	52	206	416,7	547,3	12567,9	2692
Сахалинская область	526235	409131	117104	169	226	21,4	84	247	335,5	721,0	5140,8	2757
Еврейская авт. область	186541	123753	62788	200	408	20,3	86	146	250,0	292,0	5828,4	2972
Чукотский авт. округ	50526	33474	17052	143	—	28,9	468	35	406,8	21,7	11256,9	1682

---

[1] Москва и Московская область.
[2] По кругу крупных и средних организаций и продаже электроэнергии населению.
[3] Санкт-Петербург и Ленинградская область.
[4] По месту регистрации оператора связи.

ИСПОЛНЕНИЕ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В I ПОЛУГОДИИ 2006 г.

по предварительным данным Федерального казначейства,
тыс. руб.

Регион	Доходы	Расходы	Профицит, дефицит (–)
1	2	3	4
Российская Федерация, млн руб.	***1 671 617***	***1 426 740***	***244 877***
Центральный федеральный округ	**572 173 206**	**455 073 130**	**117 100 077**
Белгородская область	11 594 360	11 707 832	–113 471
Брянская область	8 285 559	7 515 444	770 116
Владимирская область	8 800 306	8 825 102	-24 796
Воронежская область	13 694 667	12 734 543	960 124
Ивановская область	7 815 707	6 208 515	1 607 191
Калужская область	7 211 531	6 902 075	309 456
Костромская область	4 682 049	4 854 348	–172 299
Курская область	7 424 078	6 702 764	721 315
Липецкая область	12 351 870	11 224 969	1 126 901
Московская область	76 496 495	68 427 931	8 068 565
Орловская область	5 001 345	4 619 789	381 555
Рязанская область	7 633 977	7 756 521	–122 544
Смоленская область	6 331 692	5 579 874	751 817
Тамбовская область	6 839 337	6 131 277	708 060
Тверская область	11 096 384	9 024 554	2 071 830
Тульская область	10 791 611	10 612 712	178 900
Ярославская область	12 023 569	11 744 121	279 447
г. Москва	354 098 670	254 500 759	99 597 911
Северо-Западный федеральный округ	**184 821 404**	**164 476 065**	**20 345 340**
Республика Карелия	7 089 250	7 171 287	–82 037
Республика Коми	13 790 691	12 271 385	1 519 306
Архангельская область	12 221 627	11 842 387	379 240
Вологодская область	13 887 665	13 554 516	333 149
Калининградская область	8 694 426	7 587 603	1 106 823
Ленинградская область	15 107 766	13 836 799	1 270 967
Мурманская область	13 008 166	11 834 030	–1 174 136
Новгородская область	5 491 141	5 613 895	–122 754
Псковская область	5 087 594	4 539 356	548 238
г. Санкт-Петербург	87 727 558	73 536 886	14 190 672
Ненецкий авт. округ	2 715 520	2 687 920	27 600
Южный федеральный округ	**147 078 999**	**130 731 409**	**16 347 590**
Республика Адыгея	2 730 819	2 215 268	515 551

Продолжение табл.

1	2	3	4
Республика Дагестан	13 383 161	11 791 132	1 592 029
Республика Ингушетия	3 145 946	2 738 961	406 985
Кабардино-Балкарская Республика	5 114 507	4 047 271	1 067 236
Республика Калмыкия	2 304 420	2 164 239	140 181
Карачаево-Черкесская Республика	3 316 961	2 859 028	457 933
Республика Северная Осетия—Алания	4 933 650	4 399 231	534 419
Чеченская Республика	10 435 422	9 163 599	1 271 823
Краснодарский край	33 611 888	29 704 262	3 907 626
Ставропольский край	16 137 404	13 971 254	2 166 150
Астраханская область	6 795 419	7 322 253	−526 834
Волгоградская область	17 861 080	16 507 118	1 353 963
Ростовская область	27 308 323	23 847 793	3 460 530
Приволжский федеральный округ	**253 755 504**	**212 007 403**	**41 748 101**
Республика Башкортостан	39 214 690	27 877 833	11 336 856
Республика Марий Эл	5 086 095	4 947 150	138 944
Республика Мордовия	9 126 634	5 662 774	3 463 860
Республика Татарстан	40 451 344	31 196 204	9 255 140
Удмуртская Республика	10 593 601	11 301 555	−707 953
Чувашская Республика	8 773 417	8 420 292	353 125
Кировская область	9 898 521	9 146 304	752 217
Нижегородская область	24 489 002	21 168 292	3 320 710
Оренбургская область	15 676 125	15 772 831	−96 706
Пензенская область	8 971 774	8 234 633	737 141
Пермская область	25 259 326	21 332 569	3 926 757
Самарская область	31 197 474	24 805 859	6 391 615
Саратовская область	14 988 327	13 695 740	1 292 587
Ульяновская область	8 639 071	7 297 780	1 341 291
Коми-Пермяцкий авт. округ	1 390 103	1 147 586	242 517
Уральский федеральный округ	**203 886 049**	**175 102 918**	**28 783 131**
Курганская область	6 436 772	6 082 498	354 275
Свердловская область	42 361 871	33 689 432	8 672 440
Тюменская область	48 824 695	41 985 618	6 839 077
Челябинская область	27 501 797	21 432 052	6 069 745
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	48 512 498	46 507 658	2 004 840
Ямало-Ненецкий авт. округ	30 248 416	25 405 661	4 842 755
Сибирский федеральный округ	**208 263 206**	**188 098 696**	**20 164 510**
Республика Алтай	3 645 771	3 166 006	479 765
Республика Бурятия	10 158 962	9 298 559	860 403
Республика Тыва	3 960 117	3 785 800	174 317
Республика Хакасия	3 903 181	3 702 720	200 461

Окончание табл.

1	2	3	4
Алтайский край	16 892 479	15 077 421	1 815 058
Красноярский край[1]	42 310 028	37 280 918	5 029 111
Иркутская область	22 064 697	22 532 310	-467 612
Кемеровская область	28 289 767	28 661 573	-371 806
Новосибирская область	22 915 562	21 180 788	1 734 773
Омская область	18 263 859	19 786 117	-1 522 258
Томская область	10 992 889	10 314 596	678 293
Читинская область	9 655 724	8 937 501	718 223
Агинский Бурятский авт. округ	13 828 853	3 230 062	10 598 791
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	1 381 318	1 144 326	236 992
Дальневосточный федеральный округ	**101 681 102**	**101 306 030**	**375 072**
Республика Саха (Якутия)	25 647 536	27 109 146	-1 461 610
Приморский край	19 561 411	18 438 622	1 122 789
Хабаровский край	17 194 617	16 622 128	572 489
Амурская область	9 449 885	9 132 787	317 098
Камчатская область	7 756 590	8 410 124	-653 535
Магаданская область	4 693 326	4 537 083	156 243
Сахалинская область	10 098 651	8 946 725	1 151 926
Еврейская авт. область	2 299 826	1 966 220	333 606
Корякский авт. округ	1 709 702	1 728 518	-18 816
Чукотский авт. округ	3 269 558	4 414 677	-1 145 119

[1] Включая данные по Таймырскому (Долгано-Ненецкому) и Эвенкийскому автономным округам.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

Индекс производства — относительный показатель, характеризующий изменение масштабов производства в сравниваемых периодах. Различают индивидуальные и сводные

дексы производства. Индивидуальные индексы отражают ...менение выпуска одного продукта и исчисляются как отношение объемов производства данного вида продукта в натурально-вещественном выражении в сравниваемых периодах. Сводный индекс производства характеризует совокупные изменения всех видов продукции и отражает изменение создаваемой в процессе производства стоимости в результате изменения только физического объема производимой продукции. Для исчисления сводного индекса производства индивидуальные индексы по конкретным видам продукции поэтапно агрегируются в индексы по видам деятельности, подгруппам, группам, подклассам, классам, подразделам и разделам. Индекс промышленного производства — агрегированный индекс производства по видам деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Инвестиции в основной капитал — совокупность затрат, направленных на создание и воспроизводство основных фондов (новое строительство, расширение, а также реконструкция и модернизация объектов, которые приводят к увеличению первоначальной стоимости объектов и относятся на добавочный капитал организации, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, на формирование основного стада, многолетние насаждения и т.д.). Инвестиции в основной капитал по Российской Федерации включают затраты ОАО «РЖД» на централизованное приобретение подвижного состава, а также уточнение параметров неформальной деятельности на федеральном уровне, без распределения по федеральным округам.

Иностранные инвестиции в экономику России — вложения капитала иностранными инвесторами, а также зарубежными филиалами российских юридических лиц в объекты предпринимательской деятельности на территории России в целях получения дохода. Инвестиции делятся на прямые,

портфельные и прочие. Данные приведены без учета органов денежно-кредитного регулирования, коммерческих и сберегательных банков, включая рублевые поступления, пересчитанные в доллары США.

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения по Российской Федерации и отдельным регионам исчисляется на основе единых объемов потребления, а также средних цен по России и ее субъектам. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг. Данные о стоимости набора приведены в расчете на месяц.

Стоимость минимального набора продуктов питания определена на основе минимального набора продуктов питания для мужчины трудоспособного возраста (приведен в Методических рекомендациях по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 1999 г. № 192). Показатель отражает межрегиональную дифференциацию уровней потребительских цен и не является составляющим элементом величины прожиточного минимума, определяемого в субъектах Российской Федерации, что объясняется различием методологических подходов при их формировании. При расчете стоимости минимального набора продуктов питания по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации используются единые (установленные в целом по Российской Федерации) минимальные объемы потребления, в то время как при расчете величины прожиточного минимума — объемы, сформированные на основе зонирования субъектов Российской Федерации в зависимости от факторов, влияющих на особенности потребления продуктов питания. Данные о стоимости набора приведены в расчете на одного человека на месяц.

Индекс потребительских цен характеризует изменение во времени общего уровня цен и тарифов на товары и

услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления. Измеряет отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в текущем периоде к его стоимости в предыдущем периоде. В набор товаров и услуг включены более 400 товаров (услуг) представителей. Наблюдение за ценами и тарифами производится в столицах республик, центрах краев, областей, автономной области, автономных округов, городах федерального значения и выборочно — в районных центрах, отобранных с учетом их представительности в отражении социально-экономического и географического положения регионов.

Индекс цен производителей промышленных товаров рассчитывается на основании регистрации цен на товары-представители в базовых промышленных организациях по видам экономической деятельности. Наблюдение за ценами производителей осуществляется более чем в 7 тыс. промышленных организаций. Расчет средних цен и индексов цен производится более чем по 800 товарам-представителям. Цены производителей представляют собой фактически сложившиеся на момент регистрации цены промышленных организаций на произведенную продукцию, предназначенную для реализации на внутреннем рынке (без косвенных товарных налогов — налога на добавленную стоимость, акциза и т.п.). Рассчитанные по товарам-представителям индексы цен производителей последовательно агрегируются в индексы цен соответствующих видов, классов, разделов экономической деятельности. В качестве весов используются данные об объеме производства в стоимостном выражении базисного периода.

Реальные денежные доходы населения характеризуют изменение денежных доходов населения в сравниваемых периодах в сопоставимых ценах (с корректировкой на индекс потребительских цен). Денежные доходы населения включают доходы лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату (начисленную заработную плату, скорректированную на изменение задолженности) наемных работников, пенсии, пособия, стипендии и другие социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и другие доходы.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата за период исчисляется делением фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников и на количество месяцев в периоде. В фонд заработной платы включаются начисленные работникам суммы в денежной и неденежной формах за отработанное и неотработанное время, доплаты и надбавки, премии и единовременные поощрения, компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условиями труда, а также оплата питания и проживания, имеющая систематический характер.

Просроченной задолженностью по заработной плате считаются фактически начисленные работникам суммы заработной платы, но не выплаченные в срок, установленный коллективным договором или договором на расчетно-кассовое обслуживание, заключенным с банком (расчетно-кассовым центром). Число дней задержки считается, начиная со следующего дня после истечения этого срока.

Безработные в соответствии со стандартами Международной организации труда (МОТ) — лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям:

— не имели работы (доходного занятия);

— занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе, используя при этом любые способы;

— были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели.

Учащиеся, студенты, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Информация об общей численности безработных приведена по данным обследований населения по проблемам занятости, проводимых органами государственной статистики с квартальной периодичностью, по состоянию на последнюю неделю второго месяца квартала.

Безработные, зарегистрированные в органах государственной службы занятости, — трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка (трудового дохода), прожи-

вающие на территории Российской Федерации, зарегистрированные в органах службы занятости по месту жительства в целях поиска подходящей работы, ищущие работу и готовые приступить к ней. Информация о численности безработных, получивших официальный статус в органах государственной службы занятости, разрабатывается Федеральной службой по труду и занятости.

Незначительные расхождения итогов от суммы слагаемых объясняются округлением данных.

Заявленная предприятиями потребность в работниках — число вакансий (требуемых работников), сообщенных предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости.

Общие коэффициенты рождаемости и смертности — отношение соответственно числа родившихся (живыми) и числа умерших к среднегодовой численности населения. Исчисляются на 1000 человек населения. **Естественный прирост (+), убыль (−) населения** — разность общих коэффициентов рождаемости и смертности. Все коэффициенты приведены в пересчете на год.

Первоисточником получения сведений о населении являются переписи населения. **Текущая оценка численности населения на 1 января 2006 г.** рассчитывалась на основании итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. с учетом передвижки данных о численности населения от 9 октября 2002 г. (дата счета населения по переписи) на 1 января 2003 г., к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина в целом по Российской Федерации установлена Федеральным законом «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», в субъектах Российской Федерации она устанав-

ливается законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации.

Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается: в целом по России — Правительством Российской Федерации, в регионах России — в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1 жителя рассчитывается делением размера всего жилищного фонда на конец года на численность постоянного населения на эту же дату.

Число преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения — отношение количества зарегистрированных преступлений к среднегодовой численности населения.

Консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации — бюджет субъекта Российской Федерации и свод бюджетов муниципальных образований, входящих в состав субъекта Российской Федерации (без учета межбюджетных трансфертов между этими бюджетами). Информация приведена с web-сайта Федерального казначейства по состоянию на 5 августа 2006 г.

Федеральная служба государственной статистики
www.gks.ru

«Российская газета». 2006. 6 сент.

И.Н.КРУТОВА

О ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ АПК» В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Правительством Республики Мордовия разработан региональный проект «Развитие АПК» на 2006—2007 гг. В нем запланировано привлечь за этот период в агропромышленный комплекс республики более 10 млрд руб., из них 6,8 млрд руб. — на ускоренное развитие животноводства, 2,2 млрд руб. — на объекты, которые в 2005 г. находились в стадии строительства и реконструкции еще до начала реализации национального проекта, 3,3 млрд руб. планируется привлечь через ОАО «Российский сельскохозяйственный банк» и 3,5 млрд руб. — на стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе[1].

С начала реализации проекта крупные и малые сельскохозяйственные организации Мордовии получили 10 % от выданной банками суммы кредитов по Российской Федерации. Эта положительная динамика — результат работы по развитию межбюджетных отношений, широкой реализации мер государственной поддержки аграрного сектора республики, например, стимулирования развития личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в виде организации закупок произведенной продукции и т.д., что косвенным образом сказалось на улучшении инвестиционного климата региона. Таким образом, аграрный сектор Мордовии по сравнению с другими регионами Российской Федерации, на наш взгляд, более подготовлен к освоению кредитных ресурсов.

Чтобы оценить масштаб запланированных инвестиций, отметим, что расходы бюджета Республики Мордовия в

КРУТОВА Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

2006 г. составляют 12,7 млрд руб., то есть в аграрный сектор республики за два года в качестве инвестиций попадет кредитная масса, равная годовому бюджету всего региона в целом[2] Надо иметь в виду, что привлечение таких крупных инвестиций подразумевает высокую ответственность органов государственной власти республики, так как цена привлекаемых денег, несмотря на их дешевизну из-за субсидирования процентов по кредитам Банка России, довольно высока. На их обслуживание только из бюджета республики за два года будет направлено 508 млн руб. В то же время за первое полугодие 2006 г. на эту цель выделено лишь 2,2 млн руб., что составляет 1—2 % от запланированного.

Отчеты Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия неоднозначны. С одной стороны, они говорят о медленном, недостаточном финансировании запланированного инвестиционного процесса в рамках направления «развитие малых форм хозяйствования», а с другой — о мощном инвестиционном потоке в рамках направления «ускоренное развитие животноводства». За первое полугодие 2006 г. кредитов на ускоренное развитие животноводства выдано на сумму 2 159,80 млн руб. и на развитие малых форм хозяйствования — 396,6 млн руб. Таким образом, если по первой цифре, говоря об эффективном инвестиционном процессе, профинансировано 32 % от запланированной цифры на 2006—2007 гг., т.е. этот показатель превышает план на I полугодие 2006 г. на 7 %; то по кредитованию малых форм хозяйствования — 12 %, т.е. очевидно недофинансирование за I полугодие 2006 г. на 13 % (табл. 1).

Таблица 1

Объемы привлеченных кредитов и займов в аграрном секторе Республики Мордовия по состоянию на 01.07.06 г.

Показатель	Кол-во предприятий	Кол-во договоров	Сумма, тыс. руб.
1	2	3	4
Кредиты, всего		3 637	1 472 990
Сельскохозяйственные предприятия	250	47	1 076 400
Кредиты предприятий малых форм собственности, всего		3 590	396 590

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Кредиты, привлеченные ЛПХ, всего, в т.ч.:	187 400	3 542	290 256
— на срок до 2 лет		1 240	40 636
на срок до 5 лет		2 302	249 620
диты, привлеченные КФХ, всего, в т.ч.:	1 110	43	81 784
— на срок до 1 года		9	15 250
— из них до 3 млн руб. на хозяйство		8	8 250
— на срок до 3 лет		0	0
— из них до 3 млн руб. на хозяйство		0	0
— на срок до 5 лет		34	66 533,7
— из них до 3 млн руб. на хозяйство		34	66 533,7
— на срок до 8 лет		0	0
— из них до 3 млн руб. на хозяйство			
Кредиты, привлеченные сельскохозяйственными потребительскими кооперативами (заготовительными, снабженческо-сбытовыми, перерабатывающими), всего, в т.ч.:	68	5	24 550
— на срок до 2 лет		5	24 550

Что касается обеспеченности кредитами предприятий аграрного сектора республики, то следует отметить, что на одно сельскохозяйственное предприятие на 01.07.06 г. приходится 4 305,6 тыс. руб., ЛПХ — 81,95 тыс. руб., коллективное фермерское хозяйство (КФХ) — 73,68 тыс. руб., на один потребительский кооператив — 361,03 тыс. руб. кредитных денег.

Основная масса кредитов берется в ОАО «Россельхозбанк» (50 % кредитной массы на ускоренное развитие животноводства и 95 % от суммы выданных кредитов на развитие малых форм хозяйствования). Кроме того, в регионе в национальном проекте участвуют Сбербанк России (47 % выданных кредитов на ускоренное развитие животноводства и 3,5 % от суммы выданных кредитов на развитие малых форм хозяйствования) и ОАО АКБ «Актив банк» (3,0 и 1,5 % соответственно). Таким образом, основным поставщиком кредитных ресурсов в рамках национального проекта «Развитие АПК» является ОАО «Россельхозбанк». Это связано с тем, что 3 февраля 2006 г. между Правительством Республики Мордовия и ОАО «Россель-

хозбанк» подписано Генеральное соглашение о сотрудничестве по реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», предусматривающее сотрудничество при реализации задач дальнейшего развития сельского хозяйства Мордовии, поддержку и финансовое развитие сельскохозяйственных предприятий, личных подсобных и фермерских хозяйств, улучшение жизненных условий проживания на селе, реализуемое через совместные программы финансирования и кредитования.

Данные об объемах выданных кредитов и займов в аграрном секторе Республики Мордовия за 1 полугодие 2006 г. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Объемы выданных кредитов и займов в аграрном секторе Республики Мордовия за I полугодие 2006 г.

Кредитор	Предоставлено кредитов на ускоренное развитие животноводства, тыс. руб.	Доля в общей массе, %	Предоставлено кредитов хозяйствующим субъектам малых форм собственности, тыс. руб.	Доля в общей массе, %
ОАО «Россельхозбанк»	1 076 400	50	488 943	95
Сбербанк России	1 006 400	47	16 819	3,5
ОАО АКБ «Актив Банк»	77 000	3	8 500	1,5
Итого	2 159 800	100	514 262	100

Следует отметить, что основная масса кредитов потребляется сельскохозяйственными предприятиями (73 %) и заемщиками малых форм собственности (27 %). По формам собственности заемщиков соотношение следующее: основная масса кредитов берется ЛПХ (их процент в общей сумме кредитования составляет 73,2 %), кредиты, выданные КФХ, составляют в общей кредитной массе 20 %, а кредиты, привлеченные сельскохозяйственными потребительскими кооперативами (СПоК), — 6,2 %.

Вместе с тем основным «плюсом» в кредитовании в рамках национального проекта многие специалисты в области аграрного сектора считают не столько суммы кредитов, сколько субсидирование $^{2}/_{3}$ процентных ставок по ним, например, по инвестиционным кредитам, полученным на

срок до 8 лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов. В настоящее время банковская ставка составляет 13 %, таким образом, из российского бюджета возмещается 8,6 %, кроме того, из бюджета Мордовии оплачивается оставшаяся $^1/_3$ ставки. Похожая ситуация и с субсидированием процентных ставок по кредитам, выданным ЛПХ и КФХ, которым возмещается 95 % ставки рефинансирования банка из федерального бюджета и 5 % — из регионального.

По данным Министерства финансов Республики Мордовия, в течение первого полугодия 2006 г. процент выполнения расходов консолидированного бюджета на субсидирование процентных ставок по аграрным кредитам составил 23 %, в том числе из федерального бюджета — 39 %, из республиканского — 2 % (табл. 3). По предварительным расчетам, недовыполнение плана по этим показателям соответственно составило 27, 11 и 48 %. Таким образом, недофинансирование субсидирования процентных ставок по аграрным кредитам из консолидированного бюджета составило 2,3 раза, из федерального — 1,3 раза, из республиканского — 40,5 раз.

Одной из основных причин можно назвать замедленное освоение кредитов, несмотря на то, что, согласно правилам, после получения кредита заемщик для получения субсидии обязан оформить процедуру покупки, например, скота в трехдневный срок, регистрации скота — в недельный, далее собрать пакет документов и представить их частично в банк и орган местного самоуправления, а основную часть — в Минсельхоз. В реальности заемщик в силу недостаточной разъяснительной работы, т.е. плохой информационной базы, и часто в силу отсутствия элементарной грамотности не справляется с процедурой оформления документов в назначенный срок, следовательно, Минсельхоз не включает его в реестр для получения субсидий по процентным ставкам.

Так, используя данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, легко выявить степень освоенности кредитов, которая на первое полугодие 2006 г. составляет 44 %, в том числе ЛПХ — 42 %, КФХ — 52 % (табл. 4). В процентном соотношении

Таблица 3

Объемы субсидирования части затрат на уплату процентов по кредитам кредитных организаций в аграрном секторе Республики Мордовия за I полугодие 2006 г., тыс. руб.

Субсидии на частичное возмещение уплаченных процентов по кредитам	Назначено на 2006 г.			Исполнено на 10.07.06 г.		
	Федеральный бюджет	Республиканский бюджет РМ	Всего	Федеральный бюджет	Республиканский бюджет РМ	Всего
На реконструкцию животноводческих помещений (с/х организации всех форм собственности и КФХ по кредитам на строительство, реконструкцию и модернизацию животноводческих комплексов сроком до 8 лет)	97 620,0	48 810,0	146430,0	0	0	0
По малым формам хозяйствования (КФХ — по кредитам до 3 млн руб. сроком до 5 лет, личные подсобные хозяйства, с/х потребительские кооперативы)	39930,0	5000,0	44930,0	3000,5	20,5	3021,0
Российских кредитных организаций (не вкл. в нацпроекты) (с/х товаропроизводители — на закупку материальных ресурсов для проведения сезонных работ, инвестиционные кредиты сроком до 5 лет, перерабатывающие продпредприятия и предприятия потребкооперации — на закупку отечественного с/х сырья, ремонтные и агроснабженческие организации — на закупку материалов для ремонта с/х техники, личные подсобные хозяйства — по кредитам на крупногабаритную с/х технику)	87049,9	125116,8	212166,7	84391,6	2178,2	86569,8
Итого	224599,9	178926,8	403526,7	87392,1	2198,7	89590,8

ЛПХ и КФХ в основном берут кредиты на строительство и реконструкцию животноводческих помещений (31 %), приобретение скота (27 %), приобретение ГСМ, семян и удобрений (28 %) и техники (14 %).

Таблица 4

Направления использования кредитов, полученных ЛПХ и КФХ за I полугодие 2006 г., тыс. руб.

Тип хозяйства	Полученная сумма кредита, тыс. руб.	Фактически освоено, тыс. руб.	В том числе на строительство и реконструкцию животноводческих помещений	На приобретение скота	Прочее (ГСМ, семена, удобрения)	Приобретение техники
ЛПХ	375 637,0	155 686,0	53 015,0	57 797,0	27 499,0	17 375,0
КФХ	120 234,0	62 350,0	13 910,0	2 011,0	33 062,0	13 367,0
Итого	495 871,0	218 036,0	66 925,0	59 808,0	60 561,0	30 742,0

В 2006 г. в Российской Федерации планируется создать 1 тыс. сельскохозяйственных кредитно-потребительских кооперативов при участии ОАО «Россельхозбанк». В Мордовии за первое полугодие 2006 г. их создано 68 из запланированных 80. Анализ начального этапа функционирования потребительских кооперативов указывает на замедленный ритм их создания и развития, отсутствие содержательной, целенаправленной деятельности. Основным видом их деятельности стала закупка скота и молока, недостаточной является деятельность по производству кормов, поставкам средств малой механизации, сервисному обслуживанию. Предоставлением кредитов кооперативы не занимаются. Среди учредителей СПоК преобладают юридические лица, что указывает на низкую в них вовлеченность ЛПХ и КФХ. Подобная ситуация препятствует СПоК выполнить свою основную роль — стать базовым звеном в развитие ЛПХ, поднять их на новый, отвечающий задачам национального проекта, уровень.

Кроме того, следует решить некоторые проблемные вопросы налогообложения. Сегодня существуют неравные условия взимания НДС при закупке сельскохозяйственной продукции. Если сырье закупается у физического лица,

предприятие-переработчик платит НДС с разницы между ценой реализации и ценой приобретения, а при закупке у плательщика единого сельскохозяйственного налога — со всей продажной цены. Из этого следует, что сельскохозяйственные кооперативы будут находиться в худших условиях, чем физические лица. Такая система налогообложения не только не стимулирует, а препятствует развитию кооперации.

Анализ ситуации по реализации национального проекта показывает, что не везде включились в работу руководители районных и тем более поселковых муниципальных образований. При этом основная нагрузка в работе с ЛПХ, а также по вопросам оформления земли, согласованию строительства и реконструкции объектов животноводства должна лечь на их плечи. Необходимо каждому муниципалитету принять соответствующие планы-показатели на 2006—2007 гг.

В условиях рыночной экономики динамика развития сельского хозяйства, объем частных инвестиций непосредственно зависят от состояния продовольственного рынка. В связи с тем, что в мире произошло сокращение потребления мяса птицы, в США резко (в 2 раза) снизили цены, с апреля 2006 г. на российский рынок поступили крупные партии такого мяса. Американское мясо птицы занимает почти 40 % российского рынка, и этот факт, если не принять действенных мер, грозит реальному разорению отечественных птицефабрик, а птицеводство — наиболее динамично развивающаяся современная высокотехнологическая отрасль российского животноводства.

По нашему мнению, исправить сложившуюся ситуацию можно, проделав определенную организационно-экономическую работу, а именно: провести разъяснительную работу среди организаций и широких слоев населения о целях и задачах проекта; создать информационно-консультационные службы, инжиниринговые и сервисные центры услуг в каждом муниципальном районе; преодолеть «консервативную» позицию банков путем упрощения процедуры оформления кредитов, отчетности по его использованию, установления залога в размере один к одному, исключения резервирования в банке суммы получаемого кредита; рас-

пространить систему налогообложения НДС, действующую на физических лиц при сдаче сырья в сельскохозяйственные кредитные кооперативы и на крупных сельскохозяйственных товаропроизводителей; ввести квоты на ввоз мяса птицы, импортируемой по демпинговым ценам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия. Саранск, 2006. С. 21.

[2] Здесь и далее использованы данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия.

Поступила 28.09.06.

Л.В.ИВАНЕНКО

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Экономическое состояние региона определяется территориальным размещением производительных сил, балансом отраслей хозяйства, наличием «главных» предприятий, отвечающих за специализацию региона. При этом значительный интерес представляют организационные формы экономики региона.

В регионах страны исторически сформировались разнообразные формы территориальной экономики: агломерация и промышленная агломерация, промышленный узел, территориально-производственный комплекс, холдинг, финансово-промышленные группы, свободные экономические зоны, оффшорные зоны, технополисы или наукограды др.

Промышленный узел — это группа производств, компактно размещенных на достаточно небольшой территории. Отсутствие принципа комплексности территориального развития и ведомственный подход способствуют нерациональному размещению производительных сил, нарушению рыночной специализации, что ведет к снижению эффективности развития промышленного узла. Эта форма организации экономики традиционно отмечается в старопромышленных районах.

Холдинг — достаточно новый способ промышленной интеграции. В его состав входят представители государства, акционерные предприятия, совместные организации, иностранные фирмы. Участники холдинга объединяются и создают уставный капитал холдинга, т.е. образуется акционерная компания открытого типа. Традиционно объединя-

---

ИВАНЕНКО Лариса Викторовна, декан экономического факультета Самарского муниципального института управления, кандидат технических наук, доцент.

ются технологически взаимосвязанные предприятия, находящиеся на одной территории. Объединение предприятий и общее финансирование производства снижает риски и приводит к увеличению объема выпускаемой продукции.

Большую популярность завоевали *финансово-промышленные группы*, к созданию которых привела интеграция производства и финансов. Это совокупность полностью или частично объединившихся предприятий (основных или дочерних фирм) на основе договора о создании финансово-промышленной группы (ФПГ).

Промышленные агломерации — это территориальное экономическое образование, характеризующееся мощной концентрацией различных предприятий, инфраструктуры, инновационно-научных учреждений и весьма значительной плотностью населения. Промышленная агломерация позволяет сократить необходимую площадь примерно на 30 %, число зданий и сооружений — на 25 %, в среднем на 20 % уменьшаются затраты вследствие использования общей инфраструктуры и объектов подсобно-вспомогательного назначения[1]. Такое определение понятия «агломерация» дано с точки зрения размещения производительных сил в регионе. Как форма расселения агломерация имеет несколько иное определение — более объемлющее и глубокое, охватывающее больший спектр экономических и социальных процессов, существующих и протекающих в регионе. По мнению А.Г.Гранберга, «агломерация — территориальное образование, интегрирующее промышленные и транспортные узлы, системы коммуникаций, города и населенные пункты». Т.В.Каракова дает почти такое же определение: «города и населенные пункты, коммуникации, промышленность и транспорт формируют агломерации»[2].

В России городские агломерации являются одной из важнейших форм территориальной организации экономики. В нашей стране имеется более тридцати агломераций, в них сосредоточено более 35 % населения, примерно 40 % научного и кадрового потенциала[3]. В агломерациях сформированы наиболее удобные условия для создания рыночной инфраструктуры и появления новых экономических взаимоотношений.

Необходимо отметить, что в рыночных условиях агломерация оценивается как одна из наиболее совершенных и

современных форм организации экономического пространства. Для эффективного функционирования и развития агломерации необходима целенаправленная деятельность органов государственной власти субъекта федерации, местного самоуправления и хозяйствующих субъектов, расположенных на ее территории. Однако до сих пор отсутствует практика управления агломерацией, хотя имеющиеся в регионах властные структуры формируют условия для их устойчивого развития и повышения уровня и качества жизни населения агломерации.

Одним из наиболее рациональных способов организации экономики являются территориально-производственные комплексы (ТПК), теория которых была разработана еще в условиях советской плановой экономики отечественными учеными-экономистами. В 1921—1922 гг. подкомиссией Госплана России и комиссией ВЦИК была предпринята попытка на научной основе провести районирование страны. Тогда территориально-производственный комплекс отождествляли с экономическим районом сетки Госплана СССР: «Экономический район представляет собой территориально-производственный комплекс, обеспечивающий наиболее полное и рациональное использование природных и трудовых ресурсов района»[4]

Государственный пятилетний план (1971—1975 гг.) предусмотрел развитие шести территориальных производственных комплексов: Среднеобского, Кузбасса, Красноярско-Ачинского, Саянского, Братско-Усть-Илимского и Иркутско-Черемховского. Учитывая размещение этих комплексов, проблемой их развития стали заниматься в Институте экономики и организации производства Сибирского отделения (ИЭ и ОПП) АН СССР[5]

До 1970-х гг. в экономике использовались точечные модели народного хозяйства, но пространственная модель ТПК представляла наибольший интерес для прогнозирования и планирования дальнейшего развития территории. ТПК предполагает создание на определенной территории комплекса крупных производств на основе природных ресурсов региона. В сибирских районах модель ТПК была применена успешно. Затем было предложено использовать эти модели как формы организации производительных сил, во-первых, для решения межотраслевых региональных

проблем, во-вторых, для коренной перестройки промышленных районов с целью их модернизации и, в-третьих, для создания новых межотраслевых территориально-производственных образований. Но из-за распада СССР эти планы не были реализованы.

Кризис в экономике страны и рыночные реформы привели к сокращению государственной помощи регионам. Субъекты федерации обрели значительную самостоятельность. Теперь для организации в регионе экономической жизни необходимо полностью использовать имеющиеся на территории природные, трудовые, энергетические и иные ресурсы, активизировать все возможности. Организация экономического пространства (территории региона) должна осуществляться на основе принципа комплексности, т.е. пропорционального и взаимоувязанного развития производственной и непроизводственной сфер. Этому принципу в достаточной степени соответствует теория ТПК.

Математически рассчитанное формирование ТПК обеспечивает наиболее рациональную организацию общественного производства, т.е. максимально удачные пропорции между промышленностью и сельским хозяйством, добывающей и обрабатывающей отраслями, а также комплексное использование природных ресурсов. Теория ТПК предполагает на конкретной территории объединение предприятий, связанных между собой технологически, т.е. в регионе сочетаются предприятия, на которых поочередно выполняются производственные операции в процессе выпуска определенной продукции.

Тем не менее рыночная модель ведения хозяйства привела к ликвидации задания на поставку продукции территориально-производственных комплексов. Спрос на продукцию ТПК упал почти до нуля. Государство как крупнейший покупатель продукции лишилось своего стратегического положения из-за разрушения системы распределения общественного продукта. Самоликвидировались хозяйственные связи и спрос. Выжили и имеют развитие только предприятия, способные производить продукцию, пользующуюся спросом на отечественном и особенно международном рынках. В связи с этим пропорциональность, плановость и управляемость были утрачены.

Как результат всего произошедшего, ТПК из устойчиво взаимосвязанных объединений превратились в хаотичные объединения предприятий. В настоящее время не существует реальных механизмов управления развитием ТПК. Однако крупные территориально-промышленные комплексы нужны и рыночной отечественной экономике именно для того, чтобы использовать для развития территорий все преимущества концентрации, специализации и кооперации, имеющейся в ТПК[6] Модели ТПК были разработаны и соответствовали, по сути, условиям советской экономики. Современные рыночные условия требуют иных форм организации экономики.

В последнее время в территориальной организации экономики представляет интерес создание *свободных или особых экономических зон.* Это ограниченная территория, на которой действуют особо льготные экономические условия для иностранных и отечественных предпринимателей. Зоны различаются по назначению и механизмам регулирования. Особый таможенный и налоговый режимы позволяют привлечь иностранные инвестиции, передовые технологии, кроме того, имеется возможность использования современного менеджмента. Создание свободных экономических зон осуществляется на специально выбранных территориях, которые могут характеризоваться как депрессивные или кризисные, требующие существенных финансовых вливаний или каких-либо экономических льгот.

Из разновидностей свободных экономических зон наиболее распространены зоны свободной торговли (ЗСТ). В них выделяют торгово-складские зоны. Еще одна разновидность зон свободной торговли — экспортно-производственные зоны, на их территории производят экспортную продукцию из импортных полуфабрикатов и комплектующих. В практике экономической жизни имеются СЭЗ, выделяющиеся по видам деятельности (например, туристическая) и по предоставляемым услугам (банковские, страховые и др.). К свободным экономическим зонам относятся и зоны предпринимательства. Цель их создания — увеличение доходов населения, снижение безработицы.

Следующей разновидностью СЭЗ являются технико-внедренческие или научно-технологические зоны (НТЗ)[7] На

компактной территории объединяется инновационно-научная и производственно-технологическая деятельность, вокруг научно-исследовательского центра, например университета, создаются наукоемкие производства. К ним относятся технополисы, наукограды, научные парки, технопарки. Особую привлекательность технополисам и технопаркам придает комфортная жизнь в небольших городах.

В России получили распространение наукограды в Новосибирске — Академгородок, Подмосковье — Черноголовка, Калужской области — Обнинск и др. В настоящее время развитию российских наукоградов уделяется большое внимание. Принято решение о размещении технополиса в Нижнем Новгороде, технопарка — в Самаре и других регионах.

Широко распространенной на западе формой территориальной организации экономики являются *кластеры*. Зарубежная научная практика свидетельствует, что нужны не крупные, плохо управляемые и разнонаправленные объединения, а мощные промышленные комплексы высококонкурентных компаний, которые могут служить основой формирования и развития новых предприятий и отраслей. Для создания таких комплексов требуются специализированные инструменты управления, к которым может быть отнесен метод управления кластером как формой организации экономики.

Кластер — это сочетание постоянно взаимодействующих между собой независимых фирм, работающих в одной сфере или отрасли, и группа предприятий, оказывающих основным фирмам сервисные услуги. В состав кластера в качестве равноправного члена входят представители регионального правительства. Это позволяет осуществлять эффективную государственную поддержку и решать социальные проблемы территории. Также в состав кластера могут входить финансовые (инвестиционные), образовательные, научно-исследовательские организации и специально созданные структуры, способствующие развитию кластера.

Концепции ТПК и кластеров имеют некоторые общие положения, но в то же время принципиально отличаются. Кластеры предназначены для повышения конкурентоспособности, а ТПК содействуют формированию оптимальной структуры хозяйства, причем в условиях полного отсут-

ствия конкуренции. Работая в рыночной экономике, предприниматель сам решает куда и каким образом (с максимальной прибылью) вложить свои инвестиции. В советской плановой экономике главная задача заключалась в рациональном использовании ресурсов территории (сырьевых, водных, земельных, топливных и др.), капитальных вложений, качественной организации производственного процесса, специализации предприятий и т.д.

Опыт рыночных преобразований последних лет свидетельствует, что ТПК нужны региональной экономике, но для функционирования в современных условиях необходимо провести мероприятия по их реорганизации для приближения принципа их действия к кластерным инициативам.

Ученые США раньше всех начали изучать законы и принципы развития региональных экономик. М.Портер был одним из первых, предложивших кластерную модель экономики в регионе[8] В штатах Вашингтон, Северная Каролина, Аризона, Коннектикут, Огайо, Флорида, Орегон, Миннесото, Калифорния были разработаны свои кластерные стратегии. Самым показательным кластером является «Силиконовая долина», где работают 2,5 млн чел.

Проблемы национальной экономики США были рассмотрены через систему существующих кластеров с применением методики матричного и факторного анализов. В результате исследований кластеров были выявлены 23 производственные кластерные группы, в них входили около 102 тыс. предприятий, где работали от 38 тыс. до 4,5 млн чел., создавая добавленную стоимость от 4,5 до 324 млрд дол. В штате Аризона выделены модели 9 кластеров. Опыт этого штата показал способность кластеров к выживанию и совершенствованию. Была предложена формула определения доминирующих кластеров, т.е. таких, в которых концентрация производства должна достигать 40 %. Таким образом было выявлено 380 крупнейших кластеров США в различных сферах: высоких технологий, индустрии сервиса, добычи природных ресурсов, производства потребительских товаров и т.д. В этих кластерных структурах работало 57 % всего трудового потенциала страны и производился 61 % ВВП.

Термин «кластер» оценивает отраслевую принадлежность и географическую концентрацию предприятий, кото-

рые совместно производят и продают продукцию и сопутствующие товары или изделия. Сложной задачей является определение границ кластера. Они существуют в самых разных отраслях, областях и видах хозяйствования или бизнеса. Кластеры различаются по размерам, глубине развития и широте охвата, представляя собой сложную пространственную форму организации экономики. Важным вопросом является выявление кластеров непосредственно на территории. У теории М.Портера много сторонников, но есть и противники[9].

Современная экономика работает в условиях глобализации мирового рынка и применения новых средств деловой коммуникации. Это приводит к изменению значимости местонахождения бизнеса как фактора конкурентоспособности. В то же время «кластеры — критическая масса необычайного конкурентного успеха в определенной области, сосредоточенная в одном месте»[10], это особая характеристика любой местной, национальной, региональной экономики, действующей в современных развитых странах. Казалось бы, что процессы глобализации отрицают фактор местоположения в конкурентоспособности кластера. Тем не менее наиболее яркие конкурентные преимущества проявляются именно в данном конкретном месте. Необходимо отметить, что конкуренция стала более активной, подвижной, постоянно требующей инноваций.

Россия обладает научной базой на мощном конкурентоспособном уровне, кроме того, в стране много лет функционируют ТПК. Актуальная на Западе кластерная модель начинает внедряться в пространственную организацию экономики России и в управление регионами. Зарубежный опыт свидетельствует, что кластерный метод дает весьма эффективные результаты.

Анализ ТПК, отраслевой структуры экономики России и мировой кластерной практики позволяет представить основные направления экономики, по которым потенциально возможно формирование кластеров совместно с зарубежными партнерами: нефтегазовый комплекс, биотехнологическая промышленность, агропроизводство, технопарки, информационные технологии, коммуникации и транспортный комплекс, металлургическая, химическая и лесобумаж-

ная промышленность, машиностроительное и сборочное производство. В России кластерные принципы на региональном уровне тоже находят широкое применение. Например, авиакосмические крастеры в Москве и Самаре, информационно-телекоммуникационный кластер в Москве, Санкт-Петербурге и Белгородской области, химический — в Туле, Москве и Нижнем Новгороде и др.

Кластерные инициативы находят свое практическое применение в программах социально-экономического развития, в стратегиях развития. В последнее время в России активно создаются центры стратегических разработок, например, Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, Центр стратегических разработок Красноярского края, центр стратегических разработок «Северо-Запад» в Санкт-Петербурге и др. Тема стратегических разработок востребована в современном российском обществе. Достаточно часто в их основе лежат кластеры, создающиеся при помощи властно-управленческих структур, но непременно при участии бизнеса, т.е. совместно.

Имеющиеся в России кластеры отличаются от западных тем, что они практически все созданы на основе ТПК, которые работали в условиях советской плановой экономической системы. Российские кластеры функционируют в рыночной экономике в течение последних 10 лет, поэтому соответствующий механизм сотрудничества, присущий жесткой конкуренции, в них еще не сложился.

В России кластерный подход все чаще применяется в региональных стратегиях развития. В Санкт-Петербурге с 2000 г. выполняется совместный российско-финский проект «Долгосрочная стратегия развития экономики Санкт-Петербурга»[11] В Самарской области сформировались благоприятные условия для создания нескольких кластеров: автомобильного, химического и нефтехимического, авиационного и космического, агропромышленного. Наибольшей зрелостью отличается активно развивающийся автомобильный кластер[12] На Украине с 1997 г. также занимаются кластеризацией, а именно технологией подъема экономики регионов за счет внутренних ресурсов, использования всех возможных факторов, позволяющих повысить конкурентоспособность экономики[13]

Таким образом, в последнее время кластерный подход получает все большее распространение на региональном и федеральном уровнях в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бутов В.И., Игнатов В.Г., Кетова Н.П.* Основы региональной экономики. М.; Ростов н/Д., 2000.

[2] *Иваненко Л.В., Каракова Т.В.* Агломерация и кластеризация как форма развития региона // Науч. вестн. Оренбург. гос. ин-та менеджмента: Сб. ст. IV Междунар. конф. «Россия как трансформирующееся общество: экономика, культура, управление». М., 2005. С. 86—89.

[3] См.: Самарско-Тольяттинская агломерация: современное состояние и пути устойчивого развития / К.А.Титов, В.Я.Любовный, Г.Р.Хасаев и др. М., 1996.

[4] *Казанский Н.Н., Степанов П.Н.* В.И.Ленин и территориальная организация производственных сил СССР // Территориальные производственные комплексы. М., 1970. С. 3—17.

[5] См.: *Пилипенко И.В.* Принципиальные различия в концепциях промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 5. География. 2004. № 5. С. 3—9.

[6] См.: *Воронов А.А., Буряк А.Н.* Кластерный анализ — база управления конкурентоспособностью на макроуровне // Маркетинг. 2003. № 1. С. 11—20.

[7] См.: *Климов С.М., Маценович И.Л., Ходачек А.М.* Государственное регулирование экономики в регионе: Курс лекций для студентов экономических специальностей. СПб., 2005; *Жилкин С.Ф., Андриевская В.П., Эстрин А.П., Ахмедова Е.А., Каракова Т.В., Шабанов В.А.* Стратегическое городское планирование. Самара, 2001.

[8] См.: *Портер М.* Конкуренция. СПб.; М.; Киев, 2003.

[9] См.: *Пилипенко И.В.* Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 580—604.

[10] *Яновская Ю.* Кластеры. Что это такое? // Власть. 2003. № 3. С. 73—76.

[11] См.: *Панченко Л.* Чем болеют наши кластеры? // Невское время. 2000. № 95.

[12] См.: *Михеев Ю.В.* Поволжский автомобильный кластер (ПАК): первые этапы и перспективы // Информационный сборник «Качество и инновации в автомобилестроении Самарской области». Самара, 2005. С. 22—33.

[13] См.: *Соколенко С.И.* Промышленная и территориальная кластеризация как средство рекрустации // Безопасность Евразии. 2002. № 1. С. 435—460.

Поступила 11.04.06.

Т.А.ФРОЛОВА

РАЗВИТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЛОВОГО СПРОСА В РЕГИОНЕ

Существенной проблемой развития российской экономики является ограниченный деловой спрос, его структурными компонентами выступают конечное потребление домашних хозяйств и инвестиции. Важную роль в стимулировании делового спроса на федеральном и региональном уровнях призван сыграть банковский кредит, прежде всего потребительский, поскольку потребительский спрос — определяющий фактор экономической динамики, от его величины зависят масштабы производства, структура и уровень инвестиционной активности.

По оценкам экспертов, сегодня средний житель России недопотребляет, не говоря уже о тех, кто живет за чертой бедности. Заметим, что и структура потребления складывается в основном из продовольственных товаров и оплаты услуг ЖКХ. Среднедушевые доходы россиян лишь в два раза выше прожиточного минимума, а доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляет примерно 1/4 часть от общей численности. Все это свидетельство того, что динамика потребительских расходов домашних хозяйств пока не стала долгосрочным фактором, стимулирующим рост ВВП со стороны совокупного спроса. Сегодняшний крайне низкий уровень доходов и примитивная структура потребительских расходов основной массы населения негативно сказываются на воспроизводственной структуре российской экономики, сдерживают развитие высокотехнологичных и наукоемких производств. По этой причине возрастает роль потребительского креди-

---

ФРОЛОВА Татьяна Анатольевна, аспирант кафедры экономической теории Мордовского государственного университета.

Заказ № 6329

тования, прежде всего лиц, располагающих относительно небольшими доходами. К сожалению, в настоящее время Россия заметно уступает другим странам не только по объемам и удельному весу кредитования домашних хозяйств, но и разнообразию предлагаемых населению банковских услуг. Несмотря на достаточно динамичный рост (за последние три года объем кредитования вырос более чем в 8 раз и приближается к отметке 1,5 трлн руб.), его доля в общем объеме кредитных вложений в экономику пока невелика (19,7 %). Такой показатель, как отношение задолженности населения перед банками в ВВП, составляет в нашей стране менее 1 % (ср.: в США — 71 %, в Западной Европе — 52 %). Особо важное значение имеет дальнейшее развитие потребительского кредитования на покупку товаров длительного пользования и недвижимости, которое пока не играет никакой роли в социально-экономическом развитии современной России.

«Галопирующее» развитие рынка потребительского кредитования в России никак не отражается на состоянии экономики, поскольку происходит почти исключительно за счет роста потребления импортных товаров. Приведенные факты доказывают, что действующая система потребительского кредитования в Российской Федерации развита недостаточно и нуждается в дальнейшем совершенствовании с целью стимулирования делового спроса.

В современных условиях одним из перспективных направлений развития потребительского кредита является ипотечное кредитование, ставшее уже во всем мире классической сферой приложения банковского капитала. В развитых странах на этот вид кредитования приходится до 1/3 совокупных активов кредитных организаций, однако в нашей стране подобный показатель составляет лишь доли процента.

В настоящее время в сфере кредитования жилищного строительства в России имеется множество препятствий, существенно тормозящих его развитие. В Мордовии доля ипотечных кредитов в общем объеме задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам, составляет менее 0,1 %. Многие региональные банки отказываются работать на рынке ипотечного кредитования по причине несовершенства законодательства в этой области.

Государством принимаются меры по дальнейшей стабилизации экономики и реформированию кредитно-финансовой сферы, однако развитие ипотечного кредитования должно, на наш взгляд, стать одним из приоритетных направлений государственной политики. Во многих субъектах РФ началась реализация собственных региональных ипотечных программ. Изучая и посильно внедряя их опыт, оставшиеся регионы могут извлечь позитивный экономический и социальный эффект, так как реализация ипотечных программ приводит к многократному увеличению спроса на товары и услуги других отраслей хозяйства, т.е. в оборот вовлекаются незадействованные сбережения населения.

Одним из препятствий, ограничивающих возможности населения пользоваться банковскими ипотечными кредитами, являются высокие процентные ставки по кредитам, не соответствующие уровню доходов большей части населения и сегодня превышающие общемировой уровень в 3—4 раза. В связи с этим, учитывая общегосударственную значимость проблемы, Банку России следует создать условия, при которых ставки по ипотечным кредитам могли бы существенно снизиться.

Коммерческие банки и кредитные организации, занимающиеся ипотечным кредитованием, могли бы получить финансовую поддержку региональных бюджетов (компенсация разницы процентных ставок). В Республике Мордовия основным банком, работающим с Ипотечной корпорацией и предоставляющим кредиты населению на жилищное строительство, является АКБ «Актив-Банк». В республике действует федеральная программа «Молодая семья», позволяющая молодым семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий (в случае если одному из супругов не более 30 лет и при наличии маленьких детей), получить безвозмездную субсидию из федерального центра на строительство жилья. Из республиканского бюджета РМ правительство республики компенсирует разницу процентных ставок, и ипотечный кредит получается под 5 % годовых. Однако проблема первоначального взноса для строительства жилья через ипотеку остальных категорий граждан остается крайне сложной в связи с низким уровнем жизни населения.

Региональным коммерческим банкам следует рассмотреть возможность развития срочных целевых вкладов населения по повышенным процентным ставкам, режим функционирования которых предусматривал бы возможность предоставления вкладчикам банковских кредитов после истечения предельных сроков заключенных депозитных договоров. При этом целевое назначение денежных средств, накапливаемых вкладчиками на таких депозитных счетах в банках, может быть различным. С одной стороны, широкое внедрение в практику срочных целевых вкладов населения способствовало бы укреплению депозитной базы региональных банков и росту их частной клиентуры, а с другой — развитию их кредитных отношений с домашними хозяйствами и, как следствие, стимулированию делового спроса в экономике.

В числе проблем, сдерживающих рост потребительского кредитования в России и в Мордовии, следует назвать нерешенность вопроса о защите прав кредитора. Известно много примеров, когда банк волею недобросовестного заемщика и нелогичных судебных решений теряет из оборота значительные суммы, несет колоссальные затраты по обслуживанию судебных тяжб. Это является следствием несовершенного законодательства. Банки не могут ни реализовать свое право на имущество, находящееся у них в залоге, ни взыскать просроченную задолженность с поручителя заемщика по предоставленному кредиту. Более того, часто заемщики не имеют в наличии залога или поручителя, которые устраивали бы банк. Ощущается необходимость в модификации залоговой политики, проводимой коммерческими банками в процессе кредитования потребителей, в направлении большей диверсификации форм и видов запрашиваемого от заемщиков кредитного обеспечения. Как правило, при предоставлении потребительского кредита частным лицам банки требуют от них залог на недвижимое и движимое имущество (жилые дома, автомобили и т.п.), предоставление соответствующих гарантий работодателей, выдачу поручительств других состоятельных физических лиц (в отдельных случаях практикуется взятие в заклад у заемщиков принадлежащих им государственных, муниципальных и корпоративных ценных бумаг). Кредит-

ным организациям в современных условиях следует также применять требование о получении заемщиками всей причитающейся заработной платы и других регулярных денежных доходов исключительно через банки.

Наряду с этим необходимо учитывать, что привлекательность для населения представляют упрощение в документальном оформлении кредитов, сжатые сроки их предоставления, отсутствие какого-либо залога. Для этой цели необходимо разработать более гибкий подход к определению платежеспособности потенциального заемщика. Несомненно, он должен вызывать доверие у сотрудников банка. Наличие пластиковой карты, водительских прав, мобильного телефона, загранпаспорта может свидетельствовать в пользу заемщика. Иногда достаточно взглянуть на костюм клиента или его автомобиль, чтобы получить объективное представление о его финансовых возможностях. Применение такой практики кредитования способствует повышению доверительности банка в отношении своих заемщиков и их ответственности перед банком. С другой стороны, в целях защиты собственных экономических интересов и вкладчиков банкам следует совершенствовать практику кредитной работы, создавать условия для повышения надежности защиты выдаваемых кредитов.

Для оптимизации оценки кредитоспособности заемщика можно использовать математический аппарат теории «размытых» множеств, где такие критерии, как пол, возраст, профессия и т.д. были бы представлены как нечеткие и выражались с помощью своих функций, соотношением которых определяется качество кредитной операции. Однако на практике такие расчеты сложны, поэтому для их применения создано программное обеспечение «Система поддержки принятия решений», позволяющее за короткий срок путем введения исходных данных заемщика оценить качество выдаваемого кредита. Применение этой или аналогичной методики, учитывающей более широкий спектр показателей кредитной сделки, позволяет минимизировать риск при осуществлении потребительского кредитования, а применение программного обеспечения повышает эффективность данной деятельности.

В отношении потребительских кредитов на покупку товаров длительного пользования они из-за низкой конку-

рентоспособности российских товаров предоставляются в основном на приобретение импортной бытовой техники и иномарок. В данном случае потребительский кредит не способствует увеличению производства в отраслях, ориентированных на внутренний рынок.

В целях дальнейшего развития потребительского кредивания, на наш взгляд, следует расширить для физических лиц (граждан РФ) перечень имущественных налоговых вычетов при определении налогооблагаемой базы, предусмотренных второй (специальной) частью действующего Налогового кодекса РФ (в редакции закона РФ от 29 декабря 2000 г. № 166-ФЗ). В соответствии со ст. 220 Налогового кодекса для физических лиц установлена льгота по налогу с доходов в виде имущественного налогового вычета в сумме, направленной на погашение процентов по ипотечным кредитам, полученным налогоплательщиками в банках РФ и израсходованным ими на новое строительство или приобретение на территории РФ жилого дома либо квартиры.

В связи с низким уровнем жизни и денежных доходов большинства жителей страны имеет смысл распространить практику применения этого имущественного налогового вычета и на проценты по кредитам, выдаваемым банками на приобретение товаров длительного пользования отечественного производства. Эта налоговая льгота способна снизить стоимость розничных кредитных услуг, способствовать росту спроса населения на потребительские кредиты коммерческих банков и увеличению их клиентской базы. В конечном счете это будет стимулировать платежеспособный спрос населения на товары и услуги широкого потребления, особенно длительного пользования, производимые отечественными предприятиями, и таким образом содействовать росту российской экономики.

В перспективе одним из направлений повышения надежности защиты выдаваемых кредитов может являться более тесное сотрудничество коммерческого банка со страховыми компаниями. Страхование кредитного риска как форма обеспечения возвратности кредитов — взаимовыгодная сделка для всех ее участников. Так, в частности, заемщик (страхователь) гарантируется от потери репутации из-за

несвоевременного погашения кредита, банк получает высокие гарантии возвратности кредита (хотя и не является прямым участником страховой сделки), а страховая организация получает вознаграждение за свои услуги в виде страхового тарифа. Есть и другая схема страховой защиты — когда в качестве клиента страховой организации выступает не заемщик, а выдающий кредит банк. Бум потребительского кредитования, когда взаймы можно купить даже недорогой товар, достиг такого уровня, что банку выгоднее потратиться на страховку невозврата кредита, чем работать с массой ненадежных клиентов.

Наряду с тем коммерческие банки должны уделять большое внимание и обслуживанию кредитных карт, что стало одним из важных направлений совершенствования кредитования. Подобные карты только называются кредитными, однако в Российской Федерации это дебетовые карты, т.е. никто фактически клиента не кредитует. В настоящее время этот сегмент рынка имеет все условия для активного развития. Во многих торговых точках Мордовии устанавливаются терминалы для оплаты за товар пластиковой картой. Банковские кредитные карты предполагают участие трех сторон: банка-эмитента кредитной карты, ее владельца и торговой организации, принимающей кредитные карты в качестве платежного средства за товары и услуги. Для получения кредитной карты клиент перечисляет в банк установленную сумму денежных средств, однако оплата товаров и услуг может быть произведена при отсутствии средств на счете клиента, т.е. за счет банковского кредита — овердрафта. Пользователи кредитной карты обязаны ежегодно перечислять определенную сумму за обслуживание и ежегодное обновление карты. Также банк за свои услуги взимает определенный процент с суммы операций.

Принимая во внимание то, что большая часть сотрудников республиканских предприятий, сотрудничающих с банками, — держатели банковских карт (на которые перечисляются их доходы), внедрение практики кредитования посредством банковских карт может значительно увеличить остатки ссудной задолженности и доходы банков от кредитных операций. Гарантией при таком виде кредитования

может служить опять же обязательство-поручительство организации, в которой работает клиент банка, наряду с этим имело бы смысл обращение к единой базе данных, содержащей кредитные истории.

Ликвидация указанных проблем на пути к повышению эффективности банковского потребительского кредита, увеличение многообразия его видов и форм способствуют дальнейшему росту национальной экономики, увеличению платежеспособного спроса населения на товары и услуги, повышению уровня и улучшению качества жизни, снижению уровня бедности населения.

Поступила 30.08.06.

В.В.КУЗНЕЦОВ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы меняется представление и понимание характера социально-экономических процессов в постиндустриальном мире, места и роли в нем человека. Устойчивое развитие территории невозможно без учета в первую очередь интересов человека, не только его минимальных потребностей на выживание, но и культурных, нравственных и др. Все более находит понимание идея о том, что ориентация только на прибыль, сверхприбыль не должна быть целью развития общества. В ходе реформирования социально-политического уклада России в начале 90-х гг. XX в. не были учтены все аспекты этой проблемы и не предприняты контрмеры от чрезмерной дифференциации регионов, расслоения населения, разрушения исторически сложившихся нравственных устоев и др.

Проблема устойчивого развития агропромышленного комплекса в муниципальных образованиях регионов имеет две ярко выраженные стороны.

Во-первых, развитие экономики региона (области, республики) в целом, его отраслей. В современной России этот вопрос все более обостряется в связи с тенденциями к увеличению разрыва в макроэкономических показателях между регионами — лидерами и аутсайдерами.

Во-вторых, состояние сельскохозяйственного производства в целом по России и отдельным регионам. Более 35 % пахотных земель выведено из оборота, объемы сельскохо-

---

КУЗНЕЦОВ Виталий Васильевич, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Ульяновского государственного технического университета, кандидат экономических наук, профессор.

зяйственного производства за годы реформ упали почти на 50 %, на половину и более сократилось количество сельскохозяйственной техники на полях, следствием чего технический уклад в сельскохозяйственном производстве на 40 % и более вернулся в состояние, соответствующее на--- ту XX в.[1] Сельскохозяйственное производство фермера не поднимается выше 2 % объема. Переоформление учредительных документов хозяйствующих субъектов на селе, взамен колхозов и совхозов, в современных условиях не прибавило рентабельности их производства. Россия не может вырваться из зависимости от 35—40 % импорта продовольственных товаров при довольно высоких урожаях зерновых в последние 3—4 года. В последние годы нарастает опасность превышения границы продовольственной безопасности в связи с ростом ввоза продуктов питания из-за пределов России. При пороге продовольственной безопасности в 20 % фактический импорт в целом по группе продовольственных товаров составил 36 %, в том числе по мясу — 47 %, птице — 63 %, животного масла — 52 %, сыров — 36 %, растительного масла — 33 %[2] Произошло существенное снижение объемов централизованных закупок сельскохозяйственной продукции. Особенно пострадало животноводство, не находит развития вторичная переработка сельскохозяйственной продукции.

За период с 1985 по 2004 г. в сельских муниципальных образованиях Ульяновской области на порядок сократилось поголовье мелкого домашнего скота, служившее основной сырьевой базой развития суконной, кожевенно-обувной и текстильной промышленности; в 7 раз сократилась общая численность крупного рогатого скота, в 3,8 раза — численность коров, 6,6 раза — свиней; ранее созданные производственные мощности по переработке мяса загружены лишь на четверть. На 50 % в области сократилось производство мяса и молока, в 1,5 раза — картофеля и т.д. На фоне сокращения объемов производства на сельскохозяйственных предприятиях увеличилась доля продукции, производимая населением. За период с 1985 по 2004 г. выросла в 2 раза доля населения, содержащая домашний скот (свиней, овец и коз). Также выросла доля населения в производстве основных продуктов животноводства (рис. 1). В 2004 г. по

отношению к 1985 г. производство мяса в хозяйствах населения выросло в 2,1 раза, молока — 7 раз, яиц — 6,4 раза, картофеля — 3,7 раза, овощей — 3 раза. Доля валовой продукции, производимой на личных подворьях с учетом фермерских хозяйств, в общем объеме сельскохозяйственной продукции области с 21 % в 1985 г. выросла до 54 % в 2004 г. (43,9 % — 1995 г., 35 % — 1998 г., 41 % — 2000 г., 57 % — 2001 г.)[3]

Главным образом этот прирост достигается за счет расширения трудовых затрат, обслуживающих небольшие земельные участки и домашний скот. Организационная перестройка колхозов и совхозов за эти годы в Ульяновской области сопровождалась сокращением посевных площадей. Объемы производства зерновых за этот период сократились почти на 50 %.

Удельный вес убыточных хозяйств области с 3,3 % в 1990 г. увеличился до 78 % в 2004 г. Структурные изменения в животноводстве и в перерабатывающих отраслях сопровождались изменениями в структуре растениеводства. Животноводство — более трудоемкое производство. Личное крестьянское подворье может осилить значительных объемов производства, которое под силу только немеханизированному труду.

Сокращается кормовая база: более чем в 5 раз сократилось производство корнеплодов, в 4 раза — кукурузы, более чем в 5 раз — заготовка сена. Среднегодовые валовые сборы сельскохозяйственного производства по зерну и сахарной свекле сократились на 1/3, по подсолнечнику — на 1/4 и по картофелю — на 1/5.

Решение проблемы сельскохозяйственного производства, безусловно, надо искать в сфере развития крупного сельскохозяйственного производства. С.Иванов, ссылаясь на опыт сельскохозяйственного производства в США, пишет, что «Конгресс и Администрация США признали бессмысленным продолжать борьбу за сохранение „семейного фермерства“ и взяли курс на ликвидацию „семейных ферм“». На их месте будет создано 100 тыс. крупнотоварных корпоративных хозяйств, которые должны давать Америке около 80 % продовольствия. Модельные агрофирмы, прибыльно функционирующие в Америке, имеют поголовье коров в 2 500

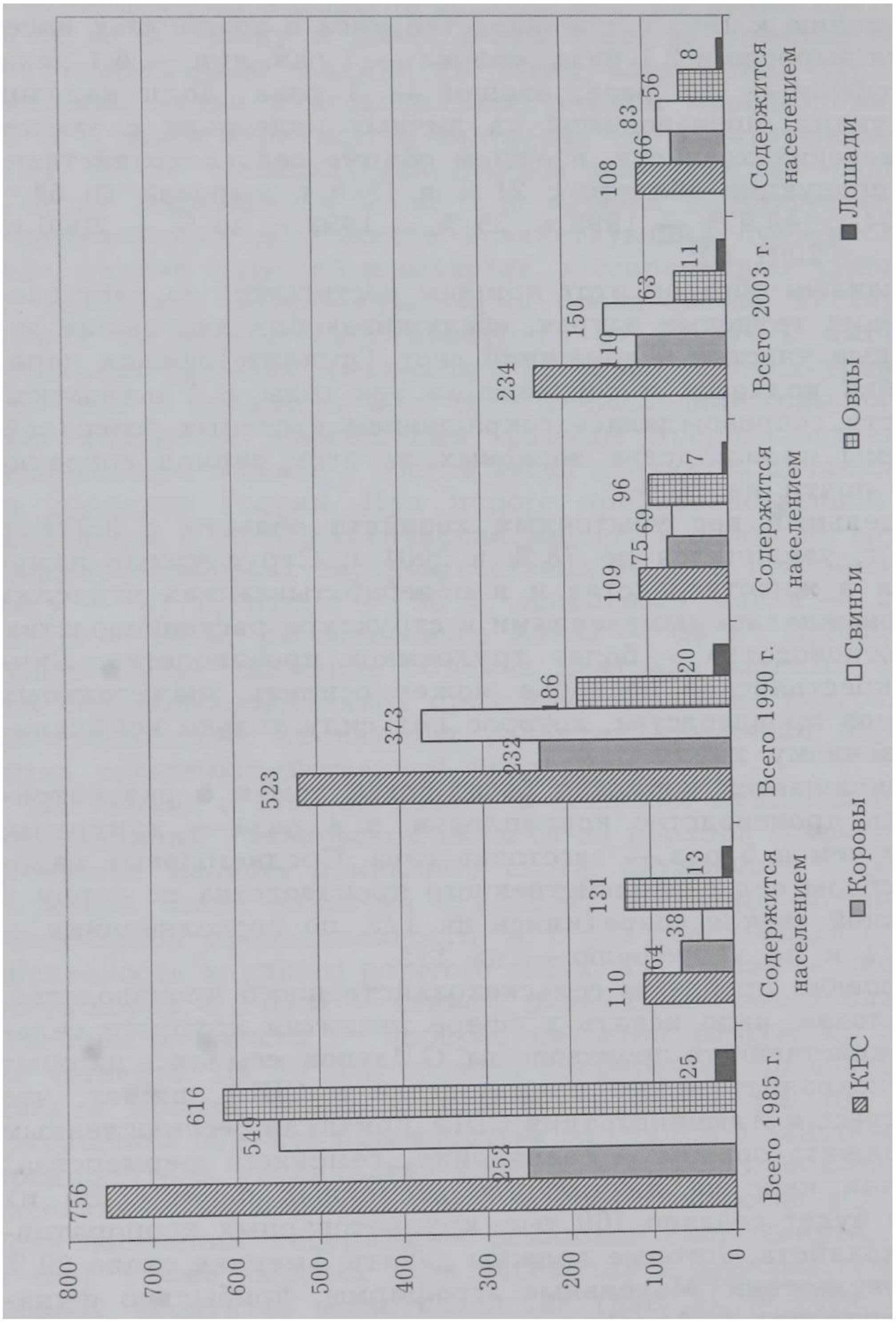

Рис. 1 Поголовье скота в Ульяновской области

голов или хозяйства с земельными угодьями в 4 800 га. Вообще за океаном решили, что их сельское хозяйство „должно быть выведено за скобки рыночных отношений" По этому же пути идет и Европа»[4]

К числу важнейших задач развития агропромышленного комплекса следует отнести работу по организации эффективного взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества трех главных составляющих аграрного сектора Ульяновской области: сельхозтоваропроизводители, личные подсобные хозяйства, переработка сельхозпродукции.

Невозможно административными, волевыми методами перераспределить полномочия и финансовые потоки между этими секторами и добровольно-принудительно согласовывать их противоречивые экономические интересы. В области по сравнению с другими регионами и с Россией в целом сохраняется низкий уровень доходов, особенно в сельском хозяйстве. Причиной этому является изъятие у крестьян товарной массы на натуральной основе: практика обеспечения сельскохозяйственных предприятий энергоресурсами, запасными частями для изношенной техники под будущий урожай. Это лишает сельскохозяйственные предприятия наличных денег для выдачи заработной платы работникам и средств на простое и расширенное воспроизводство. Крестьянское подворье, производящее более 50 % сельхозпродукции, так же как и сельхозпредприятия, ввиду отсутствия развитой рыночной инфраструктуры вынуждено реализовывать свою продукцию посредникам на кабальных условиях.

Вторичная переработка продуктов питания в Ульяновской области по некоторым видам продукции сокращена в десятки раз. Натуральное хозяйство, которое стимулируется самообеспечением населения, не способствует увеличению денежной массы в обороте. Денежные ресурсы, находящиеся в обороте, не участвуют в создании малых производств по вторичной переработке продуктов питания. Они «перетягиваются» соседями (Самара, Татарстан) и рядом местных структур, закупающих сырье (зерно, муку, молоко, сахар, мясо в живом весе) и, переработав его, реализуют в Ульяновской области продукты, лишая регион возможности создания дополнительных рабочих мест и налоговых поступлений.

Реформы начала 90-х гг. XX в. оставили хозяйствующие субъекты, в том числе и сельскохозяйственные предприятия, без оборотных средств. Резко ухудшилось их текущее финансовое положение. Недостаток денежных средств привел к расчетам по бартеру и взаимозачетам. В бартер и

аимозачеты включились посредники. Однако они удовлетворяли прежде всего свои потребности, получали прибыль и по возможности сверхприбыль. При этом они не были озабочены тем, чтобы часть прибыли, по праву принадлежащая сельскому товаропроизводителю, доходила до них. Более того, бартер и взаимозачеты открыли путь теневым операциям, втягивая эту отрасль в криминальную сферу.

Это обстоятельство является одним из факторов снижения инвестиций. За последние 20 лет инвестиции в сельское хозяйство сократились более чем в 6 раз, что привело к снижению поставок в сельскохозяйственное производство: тракторов — в 18,8 раза, автомобилей — 311 раз, зерноуборочных и кормообрабатывающих комбайнов — 59,3 раза. В итоге развитие АПК столкнулось с проблемами реформ, уже 15 лет носящих перманентный характер.

Все это свидетельствует о необходимости разработки механизма регулирования АПК, основа которого — повышение эффективности земледелия, рациональное использование земельных ресурсов при постоянной финансовой поддержке государства.

Сложившаяся экономическая ситуация показывает, что в настоящее время структуры, включая и малое предпринимательство, не обеспечивают устойчивое, эффективное развитие сельскохозяйственного производства в Ульяновской области. Все более актуальной становится необходимость теоретического осмысления данной ситуации в управлении современным агропромышленным комплексом. Направлениями исследований в этой области могут стать разработка схем расширенного воспроизводства сельскохозяйственного производства; создание структур, способных осуществлять эффективное текущее функционирование в современном правовом и экономическом пространстве; выработка общих принципов развития комплекса отраслей, обеспечивающих устойчивое развитие всей экономики во

взаимосвязи с другими отраслями экономики региона; разработка экономико-математических моделей функционирования агропромышленного комплекса и на их основе анализ устойчивости их функционирования[5]

С принятием нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» начался новый этап становления местного самоуправления в России. За 10 лет со времени принятия первого закона в России сложились различные формы организации местного самоуправления. Такая ситуация явилась следствием «законодательной вольности» регионов середины 90-х гг. XX в. Например, в Ульяновской области были сформированы 26 муниципальных образований, в том числе в г. Ульяновске — 4, в области — 22. Они формировались на основе районов, созданных еще в советское время.

Особенностью формирования финансовой системы муниципального образования того времени было то, что в каждом районе формировали собственные бюджеты. Новый закон вводит единую систему формирования муниципального образования по всей России. В соответствии с этим Законодательное Собрание Ульяновской области установило 142 сельских муниципальных образования и 4 в городах (Ульяновск, Новоульяновск, Барыш, Димитровград), каждый из которых будет иметь свой бюджет.

Сложности в финансовой системе и формировании бюджетов имелись и в старом законодательстве. Однако и новый закон, как показывает анализ формирования бюджетов муниципальных образований в 2005 и 2006 гг., до конца не решает эту проблему.

Анализ доходной части бюджетов за 2001—2004 гг., например, Цильнинского района Ульяновской области показывает, что в связи с изменением порядка распределения налогов по уровням бюджетов в 2004 г. снизились поступления собственных доходов района на сумму около 3 млн руб., в том числе за счет передачи налога на имущество организаций в областной бюджет (Закон Ульяновской области от 26 ноября 2003 г. № 060-30) на сумму 1 331 тыс. руб.; в связи с отменой налога с продаж с 01.01.04 г. район теряет еще 1 357,3 тыс. руб., а также 77,7 тыс. руб. — в

связи с отменой целевого сбора на содержание милиции. Суммарная потребность района на 2004 г. составила 161 млн руб. (за исключением ежегодных убытков по содержанию объектов социальной сферы). Фактическое покрытие расходов составило 133,4 млн руб., из них фактические затраты объектов социальной сферы составили 109 млн руб. Из общей суммы расходов было покрыто за счет собственных доходов района 42,9 млн руб., что составило 31,5 %.

В результате анализа финансовой обеспеченности и формирования бюджета Цильнинского района Ульяновской области был выявлен ряд существенных недостатков. Во-первых, несоответствие финансово-экономических возможностей муниципального образования района той ответственности по выполнению двадцати с лишним вопросов местного значения, которые возложены на муниципальные образования. Основной причиной является то, что финансовое состояние сельскохозяйственных предприятий находится на крайне низком уровне. Во-вторых, недостаточность собственной доходной базы, которая в 2004 г. составила по результатам финансово-хозяйственной деятельности 31,5 %. Это обстоятельство приводит к существенной зависимости муниципальных образований от бюджетов других уровней. В-третьих, во многих сельских поселениях недостаточно эффективно используется социальная инфраструктура села, созданная в советское время. Только в некоторых селах здания детских садов, школ находят применение в качестве жилья для молодых семей. В-четвертых, имеются факты передачи муниципальной собственности другим структурам. В-пятых, накопление убытков по содержанию объектов социальной сферы создает ситуацию, когда эти объекты станут абсолютно невыгодными, и муниципальный орган вынужден будет их продавать. В-шестых, за последние 3 года в районе закрыты 2 школы. По сведениям районного отдела образования, готовятся документы по дальнейшему сокращению действующих школ. Кроме того, в малых деревнях сокращаются другие объекты социальной сферы (аптеки, медпункты, почтовые отделения, отделения связи и др.). Эти явления, безусловно, ухудшают социальное положение населения района и демографическую ситуацию на селе.

В ходе изучения реализации Закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» нами проведен опрос жителей ряда сел Ульяновской области с целью выявления их отношения к проводимым реформам по совершенствованию местного самоуправления. Анкетный опрос осуществлен и среди руководителей районных сельскохозяйственных управлений области, а также студентов, обучающихся в Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии.

Население и студенты в большей степени, чем руководители районных сельхозуправлений надеются, что реформирование местного самоуправления приведет к увеличению собственных доходов местного самоуправления (МСУ). Руководители сельхозуправлений больших надежд на увеличение доходов и бюджетов МСУ не возлагают, хотя с оптимизмом относятся к реформированию. Руководители сельхозуправлений и студенты надеются на то, что рентабельная деятельность сельскохозяйственных предприятий станет основой повышения благосостояния жизни села. Однако пока эти надежды призрачны. Это подтверждается тем, что в 2004 г. из 303 крупных сельскохозяйственных предприятий Ульяновской области 39,5 % были убыточными[6] Не нашла поддержку идея передачи земли в частную собственность среди крестьян и большинства студентов. Они считают, что это достояние наших предков, и земля должна быть только в вечном пользовании крестьян, живущих на этой земле.

В последние годы в практике управления сельскохозяйственным производством Ульяновской области появились новые организационные формы: агропромышленные холдинги, объединяющие предприятия промышленности и сельского хозяйства. Коэффициент обновления техники составляет 1/10 долю дореформенного периода. Для оснащения техникой сельскохозяйственных предприятий (крестьянских фермерских и личных подворий) создаются лизинговые компании, малые машинно-технологические и ремонтные структуры.

Индивидуальное крестьянское подворье с участием части городского населения области производят 96 % карто-

феля, 83 % овощей, 75 % товарного мяса, 55 % молока, 50 % яиц от общего объема производства в области. При наличии производственных мощностей, свободной рабочей силы, квалифицированных специалистов город может предоставить необходимую селу малую технику для механизации, автоматизации их труда. Эти вопросы решаемы в рамках межобластной кооперации, опыт организации которой имеется в Ульяновской области.

Муниципальные образования области в настоящее время пытаются организовать на селе производственно-потребительские кооперативы и восстановить потребительскую кооперацию. При этом владельцы земельных паев сохраняют за собой право участия в распределении доходов кооператива. В состав кооператива на равноправной основе могут быть приняты крестьянские фермерские хозяйства и структуры различных форм собственности по вторичной переработке сельскохозяйственной продукции. Кооператив может пользоваться услугами специализированных организаций по ремонту и модернизации техники, выполнению монтажных работ и при условии достаточности финансовых средств осуществлять лизинговые и другие операции по закупке новой техники.

Важнейшей задачей руководителей муниципальных образований, особенно в сельских условиях, является создание условий для более справедливого распределения прибыли и равноправного формирования общественно необходимых затрат между участниками производства и реализации продукции потребителю. Опыт организации финансового взаимодействия между отдельными субъектами АПК в муниципальном образовании Сурского района Ульяновской области показывает, что практика уже отрабатывает отдельные фрагменты финансовых отношений между участниками таких ассоциаций: расчеты осуществляются на уровне фактических размеров затрат по себестоимости, а по результатам реализации продукции доплачивается определенная доля прибыли в соответствии с хозяйственными договорами. Опыт, на наш взгляд, заслуживает внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Яковец Ю.* Экономика России: перемены и перспективы. М, 1996.

[2] См.: *Крашаков А.* Страна на крючке у западных производителей еды и техники // АиФ. 2003. № 24.

[3] См.: Данные Ульяновского областного комитета государственной статистики. Ульяновск, 2004.

[4] См.: *Иванов С.* Картофельная республика // Советская Россия 2003. 30 окт.

[5] См.: *Кузнецов В.В.* Социально-экономические проблемы развития регионов и муниципальных образований. Монография. Ульяновск, 2002.

[6] См.: Экономическое положение Ульяновской области в 2004 году: Стат. ежегодник. Ульяновск, 2005.

Поступила 21.04.06.

О.В.АФАНАСЬЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Концепция устойчивого развития сегодня оценивается как основная идея цивилизационного строительства мира. Сопровождаемый глобальными процессами переход к устойчивому развитию предполагает формирование новой ступени регулирования экономических и социальных отношений на всех уровнях.

Проблема еще более усиливается на микроуровне, где наблюдаются высокая степень физического износа и морального старения элементов материально-технического оснащения исследований и разработок, снижение инновационной деятельности, игнорирование новых прогрессивных технологий в производстве и управлении, предусматривающих качественные изменения во всех сферах деятельности хозяйствующего субъекта. Для того чтобы осуществлять не «догоняющее» развитие, а «подстроиться» под мировые процессы, перейти на траекторию, ведущую к устойчивому развитию, потребуются глубокие структурно-технологические изменения, инновационные трансформации в экономике, поэтому в условиях становления новой модели социально-экономического развития России вопросы устойчивого развития предприятия как элемента российской экономики занимают главенствующее место в теории национального хозяйствования.

В научных публикациях устойчивое развитие предприятия рассматривается в различных аспектах: экологическом, экономическом, финансовом, социальном, техническом и т.д. Однако подобные трактовки, по нашему мнению, не определяют в полной мере его содержание. Понятие «ус-

---

АФАНАСЬЕВА Ольга Вячеславовна, аспирант кафедры экономики и логистики Мордовского государственного университета.

тойчивое развитие предприятия» более широкое, чем экологическое, экономическое, финансовое, технико-технологическое и т.д., так как включает в себя оценку различных сторон деятельности предприятия, имеет более широкий круг исследуемых объектов и характеризует способность предприятия осуществлять качественные преобразования.

Под устойчивым развитием предприятия мы понимаем непрерывный, многоуровнево-иерархический, необратимый процесс качественных преобразований, основанный на предвидении, самоуправлении и самоорганизации, обеспечивающий на основе достижений современной науки и при минимизации разрушительного влияния результатов производственной деятельности на состояние окружающей среды экономический рост хозяйствующего субъекта, его готовность к изменениям в условиях нестабильной внешней среды, не нарушающий безопасности его жизненно важных интересов и ведущий к повышению конкурентоспособности выпускаемой продукции на российском и мировом рынках.

На основе анализа литературных источников и проведенного исследования предприятий по производству электрических машин и электрооборудования нами выявлены основные функциональные составляющие их устойчивого развития (рис. 1).

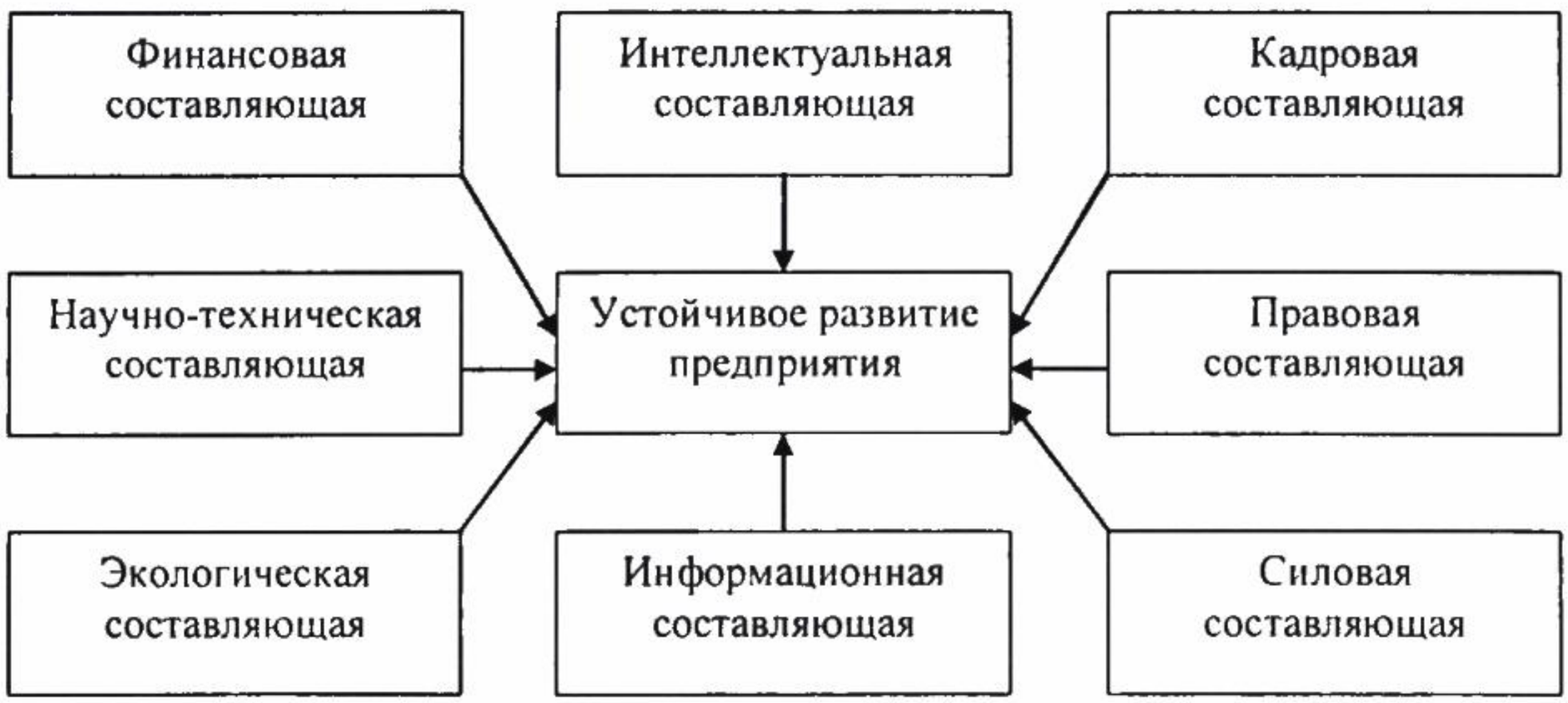

Рис. 1. Основные функциональные составляющие устойчивого развития предприятия

Финансовая составляющая предполагает достижение хозяйствующим субъектом стабильности деятельности, ее финансовой устойчивости и характеризуется показателями

платежеспособности, финансовой устойчивости, деловой активности и рентабельности.

Интеллектуальная составляющая заключается в обеспечении высокого уровня квалификации персонала и его интеллектуального потенциала. Ее характеризуют два наиболее существенных, на наш взгляд, показателя состояния интеллектуального потенциала: образовательный уровень персонала, характеризующий долю сотрудников со средним, средним специальным или высшим образованием, и количество внедренных изобретений, рациональных предложений и патентов на 100 работающих, характеризующее желание и способность сотрудников к научным исследованиям.

Для оценки устойчивости развития кадровой составляющей, предполагающей обеспечение высокой эффективности менеджмента на предприятии, следует, на наш взгляд, использовать шесть показателей, имеющих самостоятельное значение и характеризующих разные ее аспекты: коэффициент текучести кадров, производительность и фондовооруженность труда, уровень средней заработной платы, стоимость объектов непроизводственной сферы, доля социальных льгот, стоимость затрат на обучение сотрудников, приходящиеся на одного работающего.

Технико-технологическая составляющая, заключающаяся в обеспечении технологической независимости и достижении конкурентоспособности технологического потенциала предприятия, представлена тремя наиболее существенными показателями: удельным весом продукции, соответствующей отечественным и зарубежным аналогам; долей изношенного и устаревшего оборудования; долей инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров собственного производства.

Для оценки устойчивости развития правовой составляющей, предполагающей обеспечение надежной правовой защищенности всех аспектов деятельности предприятия, могут быть использованы показатели удельного веса судебных и арбитражных процессов в общем количестве хозяйственных договоров предприятия; доли удовлетворенных требований предприятия и к предприятию, а также доли затрат на юридическое обеспечение деятельности в общей структуре производственных затрат.

Поскольку сущность экологической составляющей состоит в том, чтобы при минимальных затратах на меры по соблюдению на предприятии экологических норм по технологическим процессам и выпускаемой продукции минимизировать свои потери от административных санкций за загрязнение окружающей среды, предлагается для оценки ее состояния использовать долю затрат на охрану окружающей среды в себестоимости реализованной продукции и плату за негативное воздействие на нее на 1 млн руб. реализованной продукции.

Информационная составляющая, заключающаяся в защите информационной среды, коммерческой тайны и достижении высокого уровня информационного обеспечения работы, представлена следующими показателями: доля сотрудников информационно-аналитического подразделения в общей списочной численности; количество основных источников информации, а также используемых методов защиты научно-технических разработок в течение последних трех лет, которые оказывают, на наш взгляд, наиболее существенное влияние на состояние этой составляющей.

Для оценки устойчивости развития силовой составляющей, заключающейся в обеспечении безопасности персонала, капитала, имущества и коммерческих интересов предприятия, могут быть использованы показатели удельного веса сотрудников службы охраны в общей численности работающих и уровня трудовой дисциплины в расчете на 100 работающих.

Совокупность экономических форм и методов воздействия на основные функциональные составляющие для достижения хозяйствующим субъектом стратегических целей устойчивого развития, составляет *экономический механизм устойчивого развития* предприятия.

В соответствии с основными функциями, реализуемыми посредством экономического механизма, для достижения целей устойчивого развития следует выделить шесть его элементов: планирование и прогнозирование; анализ и оценку; регулирование и координацию; организацию, мотивацию, учет и контроль.

Для адекватной оценки эффективности существующего на предприятии экономического механизма устойчивого развития, оценки достигнутого предприятием уровня раз-

вития нами предлагается методика балльной оценки устойчивого развития предприятия, в основе которой — сравнение предприятия по каждому отобранному показателю с условным эталонным предприятием, имеющим наилучшие значения показателей в конкретном виде деятельности. Такой подход соответствует практике рыночной конкуренции, где каждый хозяйствующий субъект стремится к улучшению показателей своей деятельности, позволяет исключить субъективизм, неизбежно присутствующий при использовании метода экспертных оценок, и осуществить оценку устойчивого развития в баллах, присвоенных по каждому оценочному показателю.

Поскольку устойчивость развития предприятия характеризует практически все аспекты его деятельности, то в укрупненном плане сводная балльная оценка устойчивости развития предприятия определяется суммированием балльных оценок отдельных блоков функциональных составляющих. Предприятие, сводная балльная оценка устойчивости развития которого составляет величину, удовлетворяющую критерий устойчивого развития по группе предприятий данного вида деятельности, следует отнести к группе предприятий с устойчивым развитием, а предприятие, сводная балльная оценка устойчивости развития которого ниже этой величины, относится к группе предприятий с неустойчивым развитием.

Значения сводных балльных оценок устойчивости развития группы исследованных предприятий по производству электрических машин и электрооборудования ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Завод „Саранскккабель“» и ОАО «Лисма» в 2000—2004 гг. представлены в табл. 1 и на рис. 2.

Таблица 1

Значение сводной балльной оценки устойчивого развития предприятий по производству электрических машин и электрооборудования в 2000—2004 гг.

Предприятие	Год				
	2000	2001	2002	2003	2004
ОАО «Электровыпрямитель»	40,14	37,70	43,32	50,66	32,43
ОАО «Завод „Саранскккабель“»	28,37	35,89	37,04	39,29	41,59
ОАО «Лисма»	28,31	23,62	9,00	8,87	9,86

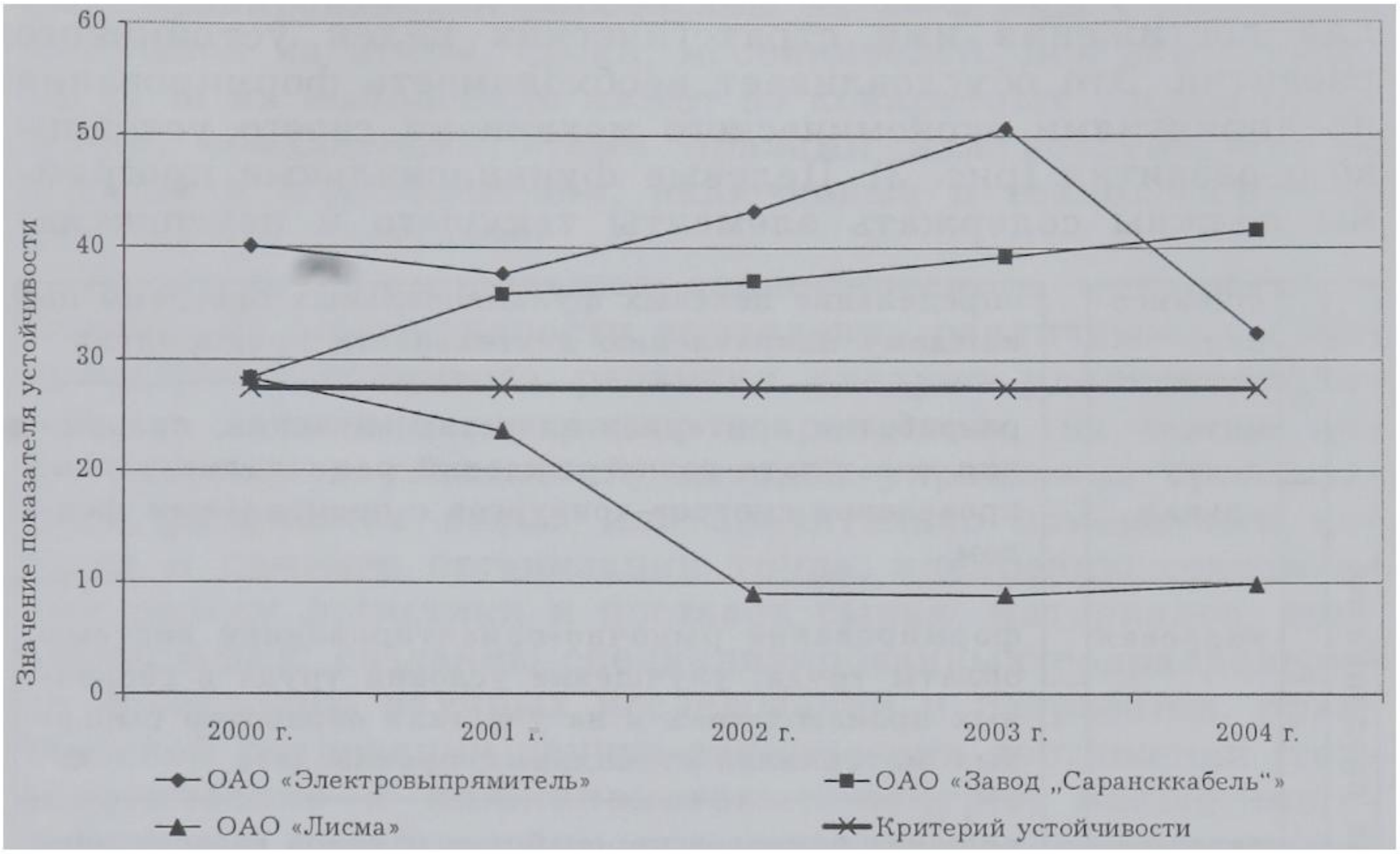

Рис. 2. Устойчивость развития предприятий по производству электрических машин и электрооборудования в 2000—2004 гг.

По результатам расчета критерия можно сделать некоторые выводы. Во-первых, предприятия ОАО «Электровыпрямитель» и ОАО «Завод „Саранскkабель"» имеют устойчивое развитие. Во-вторых, предприятие ОАО «Лисма» с 2001 г. относится к предприятиям с неустойчивым развитием. Причины, приведшие к снижению устойчивости, а также ресурсы, за счет которых можно стабилизировать и улучшить работу предприятия, выявляются с помощью структурного анализа сводной балльной оценки устойчивого развития предприятия.

Проведенное исследование экономического механизма устойчивого развития ряда предприятий по производству электрических машин и электрооборудования показало, что на предприятиях существуют лишь разрозненные элементы экономического механизма устойчивого развития, а по некоторым составляющим этот механизм отсутствует. Это касается в первую очередь интеллектуальной, информационной, экологической составляющих.

Имеющиеся в настоящее время на предприятиях структурные элементы экономического механизма недостаточны

для достижения ими стратегических целей устойчивого развития. Это обусловливает необходимость формирования предприятиями экономического механизма своего устойчивого развития (рис. 3). Целевые функциональные программы должны содержать элементы текущего и перспектив-

Составляющие устойчивого развития предприятия	
финансовая	определение целевых функциональных программ по каждому направлению деятельности предприятия
интеллектуальная	разработка критериев качества обучения, положения о выплате вознаграждений рационализаторам, проведение смотров-конкурсов с премиальным фондом
кадровая	формирование рыночно-ориентированной системы оплаты труда; улучшение условий труда в сборочных производствах и на участках обработки сырьевых материалов стекольных производств
технико-технологическая	решение вопросов переработки отходов на всех операциях; проведение сезонной подготовки техники для ее использования в чрезвычайных ситуациях; обновление механизмов спецназначения (грузозахватных устройств и т.д.), организация ремонта контейнеров
информационная	создание банка данных (с помощью АСУ) о качественных характеристиках имеющихся потенциальных конкурентов и потребителей
правовая	контроль соответствия численности сотрудников юридического управления и его загруженности в данный период времени; добавление функции анализа и оценки показателей качества правового обеспечения
экологическая	составление реальных планов природоохранных мероприятий; ориентация на производство экологически чистой продукции и безотходные технологии
силовая	нацеливание деятельности охранных подразделений в первую очередь на предупреждение нарушений режима и хищений

Рис. 3. Комплекс мероприятий по формированию экономического механизма устойчивого развития предприятий по производству электрических машин и электрооборудования

ного планирования и рассчитаны на 2—3 года с детальной разбивкой на этапы, сроки, исполнителей. Вся ответственность за их выполнение ляжет на конкретных членов правления, обладающих всеми правами для воздействия на службы и подразделения, включенные в технологическую цепочку по программе.

В целях формирования экономического механизма и повышения эффективности управления различными составляющими устойчивого развития следует уделять значительное внимание внедрению современных (на основе информационных технологий) методов управления организацией; разработке новых или значительно измененных методов и приемов организации труда; внедрению современных систем логистики и поставок сырья, материалов, комплектующих; созданию специализированных подразделений по проведению научных исследований и разработок, практической реализации научно-технических достижений (технологические и инжиниринговые центры, малые инновационные предприятия); организации и совершенствованию маркетинговой службы на предприятии.

Таким образом, концепция «комплексной устойчивости» позволит оценить возможности и проблемы конкурентного положения российских промышленных предприятий на внутреннем и мировом рынках, а формирование экономического механизма их устойчивого развития — качественно новых результатов в технической, экономической и социальной областях.

Поступила 23.10.06.

Г.Б.КОЗЫРЕВА

РОЛЬ ЛЕСНОГО БИЗНЕСА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Республика Карелия, обладая мощным стратегическим запасом лесных ресурсов и занимая выгодное геополитическое положение, тем не менее пока не вышла на качественно новый уровень социально-экономического развития региона. Ведущий лесной сектор промышленного производства не создает добавленной стоимости, необходимой для достойного уровня жизни жителей республики, т.е. лесная экономика, работая на принадлежащих всему обществу природных ресурсах, не обеспечивает компенсацию за их использование. Это актуализирует исследования процессов, связанных с формированием новых качественных моделей регионального развития.

Запасы лесных ресурсов Карелии составляют 910 млн куб. м, в том числе хвойных — 818 млн куб. м, или 1,3 % лесных ресурсов России[1] В республике осваивается более 70 % расчетной лесосеки, это один из самых высоких показателей среди субъектов Российской Федерации[2]

В структуре промышленного производства республики лесная экономика занимает ведущее место — ее доля составляет более 55 %. Экспортная составляющая продукции лесного сектора Карелии превышает 60 %. Республика производит 22,6 % общероссийского производства бумаги, деловой древесины — 6,1 %, пиломатериалов — 4,3 %. Однако роль лесной экономики в формировании консолидированного бюджета Республики Карелия сократилась за последние пять лет с 30 до 13 % и в настоящее время

КОЗЫРЕВА Галина Борисовна, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск), кандидат экономических наук.

продолжает снижаться. Тем не менее 44 % экономически активного населения, занятого в промышленности, работает на лесных предприятиях.

Таким образом, лесная экономика пока не уступила своих традиционных позиций другим секторам экономики и является ведущей в экономической и социальной сферах региона, представлена предприятиями лесозаготовительной, целлюлозно-бумажной, лесопильно-деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Однако лесная экономика находится в недостаточно устойчивом состоянии, что обусловлено проблемами функционирования лесного бизнеса.

Во-первых, это экономические проблемы. Как и все отрасли экономики, лесной сектор Карелии испытал полосу кризиса и мощнейший спад производства. В результате большинство предприятий пока не могут выйти на дореформенный уровень. Сегодня производство деловой древесины достигло лишь 60 % уровня 1991 г., пиломатериалов — 41 %, целлюлозы — 62 %. Несмотря на постепенное выравнивание экономического положения, многие лесные предприятия ограничены в оборотных средствах, что не позволяет осуществлять техническое перевооружение при очень высоком уровне изношенности основных фондов. В результате страдает качество продукции. Только 57 % от общего объема поставок пиломатериалов Карелии соответствует экспортным ГОСТам. В результате снижение цены составляет 5—25 дол. за 1 куб. $м^3$.

Лесозаготовительным предприятиям не достает инвестиций для строительства лесных дорог. Действующему лесозаготовительному предприятию, располагающему соответствующими производственными мощностями для промышленного освоения лесного фонда и расчетной лесосекой по аренде, необходимо ежегодно строить в среднем до 25 км лесных дорог. Эти затраты отрицательно отражаются на себестоимости, рентабельности и в итоге конкурентоспособности лесной продукции на внешнем и внутреннем рынках. Кроме того, низкий уровень рентабельности лесозаготовительных предприятий во многом определяет высокая доля ручного труда на лесозаготовках.

Одна их важнейших проблем лесной экономики — в истощении лесосырьевых запасов Карелии. Структура лес-

ного фонда не отвечает современным экономическим требованиям. По данным М.Д.Гиряева, в лесах северо-запада России за последние 35 лет произошли существенное снижение доли спелых и перестойных хвойных древостоев и увеличение доли молодняков и средневозрастных насаждений[4] Такая диспропорция связана с тем, что освоение лесных массивов на протяжении многих лет происходило в наиболее продуктивных лесах и постепенно перемещалось в менее производительные насаждения. «За счет длительного „скрытого“ (в пределах расчетной лесосеки) переруба спелых высокопродуктивных хвойных древостоев определилась устойчивая тенденция накопления в лесном фонде низкопродуктивных, экономически не рентабельных спелых и перестойных насаждений»[5] Результатом такой политики стали современная неэффективная структура и состояние лесного фонда Карелии.

Помимо экономических имеется социальная проблема лесной экономики. Лесной бизнес сегодня не выполняет необходимых функций по жизнеобеспечению лесных поселков. Современное состояние лесных поселков Карелии — это последствие широкомасштабной государственной лесной политики 30—50-х гг. XX в., нацеленной на максимальное использование лесосырьевых запасов региона вахтовым методом. Такая политика обусловила слабое развитие социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, лишило население лесных поселков многих благ, доступных горожанам и жителям аграрных поселений. Вместе с тем труд в лесу был высокооплачиваемым и поэтому привлекательным, несмотря на недостатки сферы жизнеобеспечения и обслуживания. В 70—80-е гг. XX в. социальное состояние лесных поселков постепенно ухудшалось, а к началу 90-х гг. достигло своей критической точки[6].

Основными социальными проблемами лесных поселков являются низкий уровень жизни населения, отсутствие работы, благоустройства, социального обслуживания, всякой перспективы для молодежи и подростков, досуга, ограниченные возможности реализовать свой потенциал, ветхое жилье, плохое транспортное сообщение. Лесные поселки в большинстве своем стали непригодными для жизни людей. Если учесть, что тяжелый труд в лесу, к которому при-

выкли их жители «отбил всякую охоту» работать на земле, причины маргинализации лесных поселков становятся все более понятными.

Острые социальные проблемы лесных поселков объясняются многими обстоятельствами: во-первых, экономическим положением градообразующих предприятий (многие из них прошли через полосу банкротств, а некоторые до сих пор не восстановились после кризиса); во-вторых, несформированной институциональной средой (отсутствие адекватного законодательства не обеспечивает социальной ответственности бизнеса). Даже в поселках, где социально-экономическое положение лесных предприятий стабильно, уровень жизни жителей остается крайне низким. Руководители многих успешных предприятий проводят антисоциальную политику: незаконные увольнения, шантаж работников предприятий, нарушение прав акционеров, скупка обманным путем акций и т.п. Жители лесных поселков становятся заложниками такой политики[7]

Многие проблемы лесного бизнеса связаны с конъюнктурой рынка. Фактор приграничности в период рыночных преобразований стал ключевым в переориентации лесного сектора экономики Карелии с внутреннего российского на мировой рынок. Высокие мировые цены на пиловочник и отсутствие сильных вертикальных структур в лесной экономике предопределили отрыв лесозаготовительных предприятий от внутреннего рынка и их ориентацию на экспорт сырья. В настоящее время не только сами лесозаготовители, но и региональная власть заинтересованы в закреплении такой модели развития.

Результаты анализа современного экономического положения республики позволяют говорить о том, что экономика региона испытывает серьезные структурные проблемы. Экспортная структура Карелии за прошедшие несколько лет практически не изменилась и состоит в основном из продукции низкой степени переработки и сырья, т.е. сырьевая специализация продолжает закрепляться. Так, доля экспортных поставок деловой древесины в экспортной составляющей региона по сравнению с 1995 г. увеличилась в 2 раза, а пиломатериалов — лишь в 1,3 раза. Высокий удельный вес экспорта делает Карелию зависимой от

межгосударственных отношений России и европейских стран. Такая ситуация не может эффективно влиять на структуру экономики. Приходится констатировать, что в настоящее время Карелия в силу исторически сложившейся экономической и политической конъюнктуры является сырьевой провинцией Северо-Запада России.

Как экономические, так и социальные проблемы лесной экономики Карелии вплетены в институциональные контексты. Современность характеризуется быстро изменяющимся институциональным пространством, в котором функционирует лесная экономика. Во-первых, изменяется организационно-правовая структура бизнеса (от самостоятельного предприятия, корпорации до бизнес-контуров, не имеющих институциональной оформленности). Следует отметить, что в настоящее время лесной бизнес региона не консолидирован, развитием лесного сектора в целом никто не управляет. Ввиду разрозненности лесных предприятий отсутствует скоординированная система рациональной организации потоков лесоматериалов. Значительное влияние на ситуацию оказывает политика финских лесных компаний, перерабатывающих значительную часть древесины, заготавливаемой в Карелии: в Финляндию вывозится 95 % необработанных лесоматериалов, 29 % — обработанных лесоматериалов, 21 % — целлюлозы.

Во-вторых, происходит трансформация лесного законодательства. За 15 лет принципиально изменилась организационная система лесопользования от распределения по лимитам, краткосрочной, долгосрочной аренды до (и это реальная перспектива) частной собственности на лес. В данном контексте возникают проблемы формирования института прав собственности на лесные ресурсы. Несовершенный институт создает прецедент борьбы за лесные ресурсы. «Бизнес стремится получить лесосырьевую базу и „выжать“ из нее максимальную прибыль любыми средствами без учета общественных интересов. Региональная власть проводит политику давления на бизнес: через „шантаж“ не дать лесосырьевую базу. Лесная служба пытается проводить политику рационального лесопользования через тот же „шантаж“ бизнеса штрафными санкциями. И только местное сообщество питает иллюзии по поводу перспектив

повышения своего благосостояния от лесного богатства республики»[8]

В ходе перечисленных институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы. Республика Карелия находится в состоянии выбора — продолжить путь сырьевого региона, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал, или выйти на социальные модели развития. Под последними мы понимаем концепцию регионального развития, ориентированную на устойчивое расширенное воспроизводство социума.

Социальное неблагополучие лесных поселков и неэффективная лесная экономика — звенья одной цепи. Как считают эксперты Центра стратегических разработок Санкт-Петербурга, «функционирующие в Карелии лесные производственные комплексы являются хвостами технологических цепочек, развернутых за пределами России. Коридоры развития имеют в основном сырьевую направленность. У каждого из коридоров развития свои системы опорных пунктов на территории, свои пути и способы коммуникации. Это накладывает отпечаток на развитие инфраструктур и населенных пунктов территории, а главное, объективно приводит к фрагментации данного пространства, отсутствию планов и программ его сборки, *а также субъекта, заинтересованного в ней и способного ее осуществить.* Части этого пространства в качестве сырьевых провинций включаются в чужие коридоры развития, а не попавшие в них территории теряют технологии, людей, инфраструктуры, населенные пункты»[9].

Сможет ли Карелия в контексте межстрановых трансформаций, связанных с глобализационными процессами, найти свой «коридор» развития? Кто будет тем заинтересованным субъектом, готовым использовать все имеющиеся шансы на повышение качества региона? Каковы основные механизмы включения стратегического региона России в мировую социально-экономическую матрицу? Эти вопросы предполагают анализ в контексте логики трансграничного регионализма. Региональное приграничное сотрудничество как стратегия, способствующая политической и экономической независимости, широко поддерживается в Европе.

Заказ № 6329

«Регионализация» и «институционализация» — ключевые понятия концепции приграничного сотрудничества. В этом контексте еврорегионы (локальные примеры такого сотрудничества) формируются как средство обеспечения продолжения и стратегического направления сотрудничества.

Основной целью формирования трансграничных регионов является превращение приграничных, периферийных районов в рамках государственных территорий в интегрированные, взаимодополняющие районы, приобретающие функции «передатчика» новой информации, опыта и т.д. Современные потоки финансов, технологий, информации, товаров, рабочей силы, хотя и имеют определенную пространственную локализацию, но тем не менее не могут быть «присвоены» ни одним из географических ландшафтов. Они принципиально трансграничны[10].

Поддержка Европейским союзом приграничного сотрудничества обусловлена многими стратегическими целями. В их числе возможность открытия новых рынков, интересы европейской безопасности, политической стабильности и экономической сплоченности, возможность избежать негативных последствий конкуренции между регионами и в преддверии вступления в ЕС государств Восточной Европы развитие национальной / региональной экономики в постсоциалистических странах. Для достижения этих целей поощряется создание различных межгосударственных органов с обязательствами координировать приграничное сотрудничество. Особенно приветствуется создание еврорегионов и трансграничных ассоциаций местных самоуправлений[11]

В настоящее время формально Карелия включилась в процесс трансграничной регионализации. Объединение трех региональных союзов Финляндии (Северная Карелия, Кайнуу и Северная Остерботния) и Республики Карелия, получившее название еврорегион «Карелия», является в некотором роде «прообразом» трансграничного региона. Эта модель может претендовать на жизнеспособность в адекватных институциональных рамках. Концепция еврорегиона «Карелия» (1999 г.), Устав еврорегиона (2000 г.), создание исполнительного комитета, фонда — это инициативы, ориентированные на формирование таких институциональных рамок. Основными целями создания еврорегиона «Карелия»

являются создание условий для взаимодополняемости различных ресурсов (природных, экономических, трудовых); постепенное сглаживание различий в уровне и качестве жизни по обе стороны границы; сохранение культурного наследия; оптимизация таможенной и транспортной инфраструктуры вдоль 790 км линии карельского участка государственной границы[12].

Мировая практика трансграничного сотрудничества предполагает взаимодействие между равноценными партнерами. В случае с Карелией формирование экономических связей, к сожалению, пока связано с неравноценностью положения участников трансграничного сотрудничества. Продолжается давление на лесной бизнес со стороны сопредельной Финляндии. Подобная ситуация может привести к деструктивным воздействиям на социально-экономическую устойчивость региональной экономики, в частности, к экстенсивным формам лесозаготовки, эмиграции квалифицированной рабочей силы в нецивилизованных формах, импорту низкотехнологичного оснащения, экспорту капиталов и т.п.[13]

Вместе с тем в контексте вступления России в ВТО эти процессы могут быть в некоторой степени смягчены. Основанная цель ВТО — заложить основу свободной торговли без элементов протекционизма на национальном и международном уровнях. Главная задача деятельности ВТО заключается в установлении для всех стран мира общих правил и процедур, касающихся как можно большего числа групп продуктов и услуг в пределах торговли[14] Россия должна будет принять эти правила, иначе ее туда просто не примут. Но пока идут переговоры, на национальном и региональном уровне должна быть выработана адекватная ситуации стратегия действий.

Карелия, не просто как приграничный с ЕС, но и как трансграничный регион, может использовать свой шанс при вступлении России в ВТО. Причем, чтобы не продолжить путь сырьевого придатка, не стать сырьевой провинцией ЕС, региональной власти и региональному лесному бизнесу следует выработать единую систему правил для успешной реализации внешнеторговой деятельности. Одним из основных направлений лесной политики Карелии должны стать

разработка и функционирование региональной системы лесной сертификации, а также максимальное использование уже разработанных в других регионах стандартов.

В настоящее время изменения в мировой торговле лесоматериалами связаны с формированием разного рода ретов, обусловленных ориентацией потребителя на экологически чувствительные рынки. В ряду таких запретов стоят полный и частичный запрет на экспорт, бойкот, запрет на сплошные рубки, ограничения, лесная сертификация. Лесная сертификация возникла как альтернатива бойкотам и является одним из наименее запретительных нетарифных барьеров торговли лесоматериалами.

Это направление мировой торговли развивается в контексте концепции устойчивого развития. Смысл сертификации состоит в изменении экологических и социальных аспектов лесоуправления и лесопользования. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социальной сфере. Несмотря на первоначально кажущуюся экологическую перегруженность и нерыночность системы сертификации, эффекты включенных в этот процесс лесных компаний вполне внушительны. Независимая лесная сертификация дает существенные преимущества, являющиеся гарантией устойчивого развития лесного бизнеса, долгосрочных контрактов с солидными партнерами, а значит, и гарантией устойчивого сбыта продукции в перспективе. Уполномоченной комиссией ЕС принято следующее определение: «Система лесной сертификации и связанная с ней классификация являются *рыночными инструментами*, которые, прежде всего, нацелены на продвижение устойчивого лесоуправления и использование лесной продукции, поступающей из восстанавливаемых и устойчивых источников»[15]

Следует отметить, что крупнейшие мировые лесные компании активно включились в процесс сертификации лесов. Такие страны, как Швеция, Германия, Финляндия, Австрия, сертифицировали 100 % лесных площадей, Польша — более 50 %. К этому же показателю стремятся Прибалтийские страны. В настоящее время в России сертифицировано около 9 млн га леса. Наиболее активно этим занимаются лесные компании Архангельской и Иркутской

областей, а также Республика Коми и Красноярский край[16] Республика Карелия занимает пассивную позицию. В регионе имеется только два проекта по сертификации лесов. Такая пассивность дорого «обойдется» лесному бизнесу Карелии. В данной ситуации можно предположить, что экономически слабый и институционально не защищенный лесной бизнес Карелии не готов сегодня выходить на социально ответственные модели поведения.

По оценкам экспертов, уже через 5—10 лет российский экспортный рынок будет открыт только для сертифицированной продукции, а к 2007 г. ее доля составит в России не менее 70 %[17] «Лесная сертификация — это инструмент конкурентной борьбы: хочешь оставаться на рынке — организуй свое хозяйство и производство экологически и социально ответственно»[18]

В данном контексте возникает закономерный вопрос «Готов ли лесной бизнес Карелии интегрироваться в цивилизованный мировой рынок с учетом всех его требований или ему достанутся его окраины со всеми вытекающими последствиями?».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шегельман И.Р., Пономарев Ю.И.* Региональная стратегия лесопромышленного комплекса. Петрозаводск, 2004.

[2] См.: Карелия в цифрах / Комстат РК. Петрозаводск, 2004.

[3] См.: *Машков С.Л., Макарихин А.В.* Факторы увеличения прибыльности лесопильного производства // Принципы совершенствования системы управления региональным лесопользованием. Петрозаводск, 2004. С. 47—53.

[4] См.: *Гиряев М.Д.* Лесоводственные и экономические аспекты организации лесопользования // Лесное хозяйство. 2002. № 2. С. 2—5.

[5] *Шегельман И.Р., Пономарев Ю.И.* Указ. раб.

[6] См.: *Козырева Г.Б.* Институциональные вопросы развития лесных поселений Карелии // Перемены в сельской России: 1993—2003: оценки, подходы, методы (материалы международного семинара). Петрозаводск, 2005. С. 187—200.

[7] Там же.

[8] *Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Гурова С.А.* Сельские сообщества Карелии: влияние неформальных институтов на градации, современность, перспективы. Петрозаводск, 2004. С. 125.

[9] Доктрина развития Северо-Запада России. СПб., 2001. С. 18.

[10] См.: *Кастельс М.* Глобальный капитализм // Экономические стратегии. 2000. № 3. С. 35—48.

[11] См.: *Скотт Дж.* Кочующие границы // Материалы междунар. семинара, Нарва, 12—16 нояб. 1998 г. / Под ред. О.Бердниковой, В.Воронкова // Труды ЦНСИ. Вып. 7. СПб., 1999; Электрон. ресурс [режим гупа: http://www.indepsocres.spb.ru/7r.htm].

[12] См.: *Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Гурова С.А.* Приграничные локальные сообщества: карельская модель трансграничного сотрудничества. Йоунсуу, 2004.

[13] См.: *Шлямин В.А.* Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 гг. Петрозаводск, 2000.

[14] См.: *Птичников А.В.* Леса России: независимая сертификация и устойчивое управление. М., 1999.

[15] Там же. С. 18.

[16] См.: Зеленый билет. Лесная сертификация откроет для России мировые рынки // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.lesgazeta.ru/cgi-bin/get_art.cgi?id=318&pr].

[17] Там же.

[18] См.: Деловой Петербург // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.spbgid.ru/index.php].

Поступила 02.03.06.

Ю.И.БАЗАЕВ

СПЕЦИФИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОРПОРАЦИИ РЕГИОНА

Реформирование агропромышленного производства существенно изменило структуру организационно-правовых форм хозяйствования, при этом вместо различного рода крупных предприятий и организаций хозяйствования созданы акционерные общества и товарищества, ассоциации кооперативов и крестьянских (фермерских) хозяйств, производственные кооперативы (коллективные предприятия), совместные предприятия и фермерские хозяйства.

Одним из ведущих направлений проводимой реформы следует считать развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Сельскохозяйственные предприятия различных организационно-правовых форм должны кооперироваться друг с другом, объединять свои ресурсы для наращивания производства продукции, ее надежного хранения и эффективной переработки, для совместного выполнения трудоемких и дорогостоящих работ (заготовка кормов и семян, проведение химических и мелиоративных работ и т.д.). Соседние хозяйства могут совместно строить цехи и предприятия по переработке продукции. Участвовать в процессе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции могут предприятия различных форм собственности: государственные, коллективные и акционерные предприятия, фермерские и личные подсобные хозяйства и др. В то же время аграрное реформирование должно осуществляться в условиях различных форм собственности и хозяйствования с максимальным учетом принципа добровольности.

БАЗАЕВ Юрий Иванович, соискатель кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

С учетом состояния аграрной сферы наиважнейшим путем улучшения экономического климата является создание крупных интегрированных формирований на основе углубления интеграции и кооперации по горизонтали и вертикали производства, переработки, закупки, реализации продук-
и, с возможным участием финансовых структур.

Интегрированные формирования можно образовывать по отраслевой принадлежности (отраслевые, межотраслевые формы), масштабам деятельности (районные, областные, межобластные типы укрупненных организационно-правовых форм хозяйствования), продуктовой диверсификации (многопрофильные, монопрофильные), по продуктовому направлению сельскохозяйственных предприятий (хозяйства молочные и мясные, свеклосеющие и др.) и перерабатывающих предприятий соответствующего профиля.

Создание новых хозяйственных форм способствует решению ряда задач: развитию производственной кооперации вдоль технологических цепочек АПК и в сфере реализации готовой продукции; установлению долговременных партнерских отношений между сельскими товаропроизводителями и предприятиями пищевой промышленности, а также кредитно-финансовыми учреждениями через развитие товарного кредита и финансового лизинга; улучшению инвестиционных условий в АПК, концентрации инвестиционных ресурсов на приоритетных направлениях развития этого комплекса; внедрению прогрессивных технологий в сельскохозяйственное производство, технологическому обновлению пищевой промышленности; развитию рыночной инфраструктуры в АПК; совершенствованию организации закупок и поставок продовольствия в федеральные и региональные фонды.

В современной экономике АПК ведущую роль играют крупные структуры (акционерные общества, компании, корпорации, концерны, ассоциации, консорциумы, холдинги, финансово-промышленные группы), деятельность которых рассчитана на местный, национальный и мировой рынки. Только крупным фирмам доступны массовое производство, экономия общественного труда через масштабы производства, комбинирование, обеспечение занятости, накопление капитала для инвестиций в развитие производства и науч-

но-технический прогресс, устойчивое и прочное экономическое положение в экономике.

Крупные производства могут оказаться выгодными лишь при наличии обширного рынка сбыта его продукции. Такое объединение позволяет облегчить условия существования в рыночной экономике, реализовать предоставляемые предприятиям широкие права и свободу в выборе потребителей и поставщиков продукции, формировании структуры выпускаемой продукции, распределении прибыли, инвестиций, установлении цен и тарифов.

Во второй половине 90-х гг. XX в. получили широкое распространение и стали перспективной формой объединения кооперативов и интегрированных организаций такие формы: *агрофирма*, в рамках которой осуществляется производство сельскохозяйственной продукции, ее заготовка, хранение, переработка и реализация готовых к употреблению продуктов; *агропромышленная компания* (открытое акционерное общество, созданное по административно-территориальному принципу); *агрокорпорация* — межотраслевое объединение всех агрокомпаний одного или нескольких административных районов, работающих по принципу холдинга.

Агропромышленная компания (открытое акционерное общество) представляет собой отраслевое объединение интегрированных в ней предприятий по производству, заготовкам, переработке и реализации продукции, создаваемое по административно-территориальному принципу, как правило, в границах административных районов с централизацией функций управления и регулирования экономических отношений между предприятиями, входящими в компанию. В зависимости от технологических особенностей продуктовых и агросервисных отраслей могут быть сформированы агрокомпании различных типов (хлебная, сахарная, плодоовощная, молочная, мясная и др.).

Процессы создания гибких и глубоких интегрированных связей сельскохозяйственных товаропроизводителей с перерабатывающими и обслуживающими предприятиями получили в 1997 г. новое развитие. Имеется достаточно примеров успешной работы интегрированных структур. Создание объединений может идти также по линии образования

концернов, ассоциаций, консорциумов, холдингов, финансово-промышленных групп.

Образования холдинговых компаний и инвестиционных фондов — это финансовые институты, играющие важную роль в координации и финансировании научно-технических

маркетинговых проектов, обеспечивающие финансовую поддержку демонтажа устаревших мощностей и «перелива» капитала в эффективные сферы деятельности.

В Республике Мордовия в 2003 г. создан агропромышленный холдинг «Талина». В агрохолдинг вошли предприятия сельского хозяйства, переработки и реализации мяса, обеспечив замкнутый производственно-сбытовой цикл, охватывающий все этапы производства мясных продуктов: выращивание и откорм скота, производство готовых мясоколбасных изделий и деликатесов, их реализацию. Управляющей компанией стала ЗАО «Талина». В корпорацию входят три мясоперерабатывающих предприятия. Объемы производства мясопродуктов растут. В 2005 г. прирост составил 68,5 % по сравнению с 2004 г., прибыль увеличилась на 26,8 %.

Несмотря на рост основных экономических показателей, предприятия испытывают трудности с закупкой сырья. В первую очередь это связано с сокращением поголовья крупного рогатого скота и свиней в республике, начавшееся с середины 80-х гг. XX в. и сегодня составляющее около 50 % от того периода.

Это побудило агрохолдинг активизировать работу по производству высококачественного сырья, поэтому в корпорацию включены сельскохозяйственные предприятия, специализирующиеся на выращивании племенных свиней и их последующем откорме по интенсивным технологиям: ЗАО «Мордовский бекон», ЗАО «Мордовский бекон — Ковылкино», ЗАО «АгроАрдатов» и ООО «Симбирский бекон». Реализацию произведенной продукции осуществляет ЗАО «Торговый дом „ТАЛИНА“», ООО «Самарский торговый дом „Атяшево“», ЗАО «МясК°». Продукция реализуется не только в Мордовии, но и Татарстане, Чувашии, Башкирии, Ленинградской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, Оренбургской, Самарской, Нижегородской, Кировской и Владимирской областях.

В агрохолдинг входит ОАО «Мордовский комбинат хлебопродуктов», осуществляющий приемку, переработку, хранение и реализацию хлебопродуктов (мука, крупа, комбикорм и др.). Кроме этого в составе корпорации имеются предприятия производственной инфраструктуры: ЗАО «Талина-Автотранс», ЗАО «Агроводоканал», ЗАО «Агро-Содействие», ЗАО «БАМ Саранск» и ООО «Независимая сельскохозяйственная лаборатория „Мокша“». Эти предприятия оказывают транспортные услуги, осуществляют продажу и сервисное обслуживание сельскохозяйственной техники и оборудования для пищевой промышленности. Агрохолдинг «ТАЛИНА» продолжает процесс диверсификации своей деятельности. В его состав также включены организации социальной сферы («Талина-Радиосеть» и некоммерческое партнерство «Спортивный клуб „ТАЛИНА“»). Таким образом, соединение в одной компании предприятий единой технологической цепи обеспечивает экономическую устойчивость и высокую эффективность.

Поступила 21.09.06.

Т.Е.МИНЯКОВА

ЭТАПЫ ПЕРЕВОДА СИСТЕМЫ ЖКХ РЕГИОНА НА РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Реформирование системы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), перевод ее на рыночные условия хозяйствования являются одной из самых «болевых точек» социально-экономических трансформаций практически во всех регионах страны.

Средняя обеспеченность населения Ульяновской области жильем на одного жителя с 16,6 кв. м в 1990 г. выросла до 21,1 кв. м в 2004 г.[1] При этом ввод в действие жилых домов по области из года в год снижается (рисунок). Если в 1985 г. общий ввод жилья в эксплуатацию составил 811,8 тыс. кв. м, то в 2004 г. — только 157,2 тыс. кв. м. За этот период произошли существенные изменения в структуре собственников жилья. Его удельный вес в государственной собственности с 83,0 % в 1990 г. снизился до 6,7 % в 2004 г., а в частной собственности за этот же период увеличился с 12,5 до 68,0 %.

Изменение структуры жилого фонда в основном происходит по причине смены основных инвесторов этой отрасли. Из табл. 1 видно, что при общем росте жилого фонда на 20,0 % за период с 1990 по 2004 г. жилой фонд в частном секторе вырос на 210,0 %. За счет частных инвестиций введено в 2004 г. 81,2 тыс. кв. м жилья, что составляет 51,6 % от общего ввода жилья по области. Одновременно с вводом нового жилья происходит увеличение жилищного фонда в собственности граждан (260,0 %) за счет приватизации государственного жилого фонда. По состоянию на 1 января 2005 г. приватизировано 70 % жилищного фонда, к концу рассматриваемого периода жилой

МИНЯКОВА Татьяна Евгеньевна, ассистент кафедры экономики и менеджмента Ульяновского государственного технического университета.

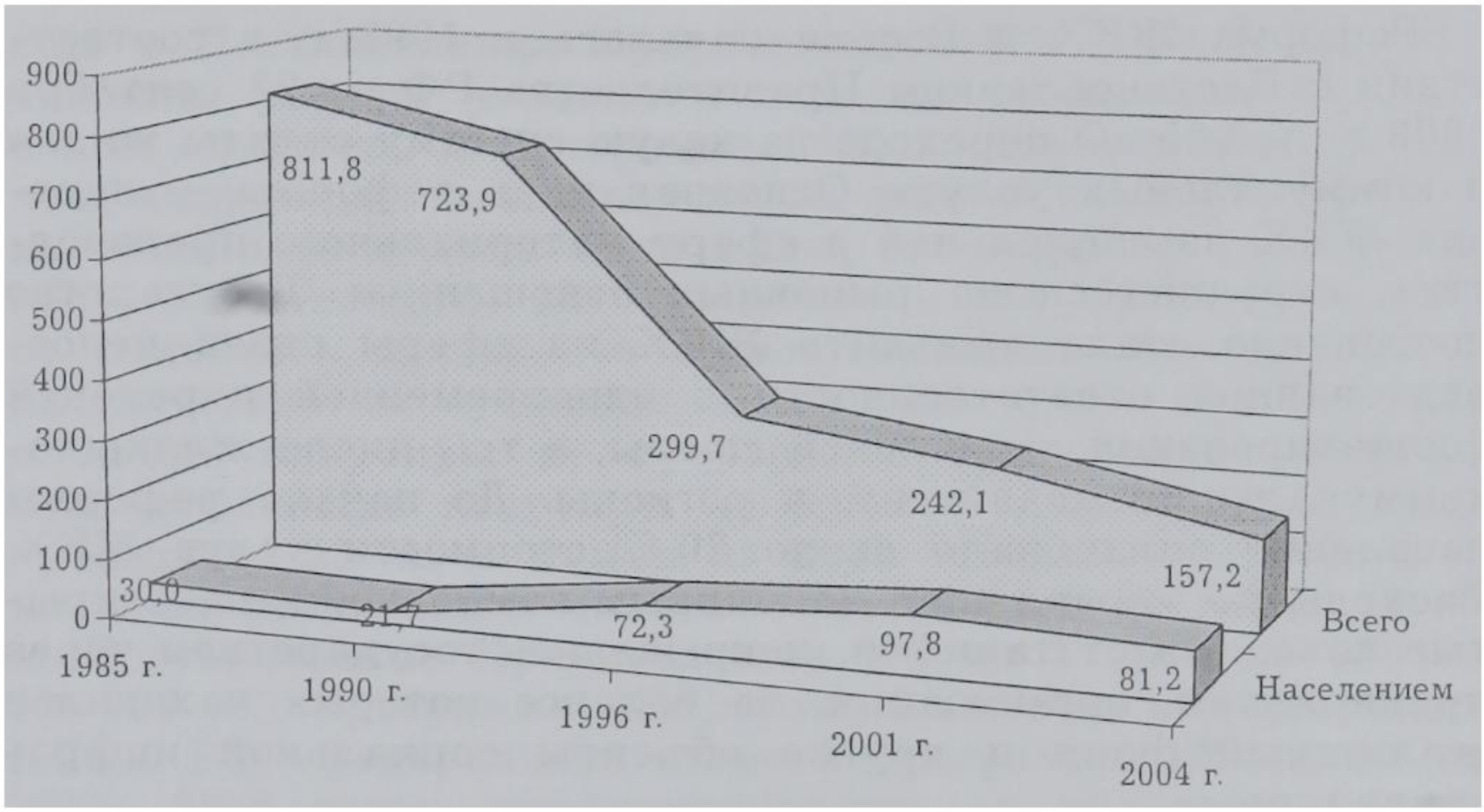

Рис. Ввод в действие жилых домов в Ульяновской области

фонд в государственной собственности сократился до 17 % от всего жилья, бывшего в государственной собственности. Жилой фонд в муниципальной собственности вырос на 25,0 %. Такой рост произошел в основном за счет передачи ведомственного жилого фонда на баланс муниципалитета. Жилой фонд, находящийся в смешанной форме собственности (на балансе предприятий и организаций), сократился со 100 до 20 %. Кроме того, часть жилого фонда, не приватизированная населением, остается в распоряжении муниципалитетов.

Таблица 1

Жилищный фонд, тыс. кв. м

Показатель	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2004 г.	2004 г. к 1990 г., %
Жилищный фонд — всего	23 655,0	27 303,9	27 821,1	28 504,2	120
В том числе частный	9 220,6	15 733,3	17 217,6	20 163,9	210
Из всего фонда:					
— в собственности граждан	7 329,8	12 724,2	14 079,8	19 175,2	260
— государственный	9 249,7	2 753,8	23 89,2	1 565,9	17
— муниципальный	5 167,0	7 313,8	6 984,1	6 442,4	125
— смешанные формы собственности	—	1 464,8	1 185,8	314,7	20

Реформа ЖКХ в России началась в 1993 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2003 г. № 935 «О переходе на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг». Основная идея реформы — перевод ЖКХ из социальной в сферу материального производства, строящегося на рыночных отношениях. Государство постепенно стало выводить ЖКХ из сферы своей непосредственной ответственности с одновременной передачей финансирования социальной сферы, в том числе жилищно-коммунального хозяйства, в регионы. До начала реформы население оплачивало около 20 % стоимости услуг ЖКХ. Расходы по управлению жилищным комплексом, не покрытые доходами от тарифов, покрывались государством через предприятия, организации, на балансе которых находился жилищный фонд и другие объекты социальной инфраструктуры.

Анализ соотношения расходов населения и других структур на покрытие затрат ЖКХ в г. Ульяновске показывает, что в 1990 г. доля населения на покрытие расходов ЖКХ не превышала 20 %, а доля государства составляла 70 %. Усилиями администрации Ульяновской области и г. Ульяновска доля затрат населения в покрытии затрат услуг ЖКХ к концу 2004 г. была доведена до 87 %.

Программа Правительства РФ «Жилище» предусматривает, что основные бюджетные средства на реализацию программы будут выделяться из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. В связи с освобождением предприятий и организаций от расходов по содержанию «социалки» расходы по ремонту, содержанию котельных, хозяйств водоснабжения и водоотведения, содержанию детских садов, школ и т.п. легли на плечи муниципальных образований, а в сельских районах области — на региональный бюджет, так как там собственные источники формирования бюджетов в лучшем случае достигают 30 % потребностей на выполнение функций по самоуправлению территорий. Более того, население не располагает достаточными средствами для покрытия расходов на услуги ЖКХ в полном объеме.

Идея покрытия расходов на жилищно-коммунальные услуги слабозащищенным слоям населения была заложена

еще в Постановлении Правительства РФ 1993 г. На протяжении реформ условия и порядок предоставления субсидий менялись. В Программе 2001 г. остановились на том, что жильцы должны платить за жилье не более 22 % от их семейного дохода. Если плата за квартиру, отопление, воду, канализацию, электричество и газ превышала 22 % от семейного дохода, то семья считалась малоимущей и имела право на субсидию, но только в том случае, если площадь квартиры не превышает «социальные нормы». Общая площадь квартиры на одного человека не должна превышать 33 кв. м, семью из двух человек — не более 42 кв. м, из нескольких человек — на каждого не более 18 кв. м. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2001 г. № 797 «О программе „Реформирование и модернизация НСКХ РФ“ федеральной целевой программе „Жилище“ на 2002—2010 годы» предусматривает: «в условиях полной оплаты жилищно-коммунальных услуг населения потребность в финансировании жилищной субсидии, начиная с 2004 г., составит около 40 млрд руб. в год и может возрасти в случае опережающего роста тарифов на газ и электроэнергию». Программа «Жилище» предусматривает создание системы персональных социальных счетов граждан. На эти счета перечисляются адресно (малоимущим) субсидии на оплату жилья. Практика участия бюджетов различных уровней в покрытии затрат на жилищно-коммунальные услуги населению показывает отсутствие механизма, ограничивающего складывающуюся стоимость услуг ЖКХ, особенно на энергетические услуги.

Реализация национальных проектов, принятых Правительством РФ на 2006—2007 гг., предполагает снизить износ объектов ЖКХ с 60 до 51 %[2]. Кроме того, предусматривается расширение жилищного строительства за счет ипотечного кредита населения. Выдачу ипотечных кредитов предполагается увеличить в 7,6 раза, за счет чего объемы строительства жилья должны быть увеличены на 37 %. На эти цели Правительство РФ в течение двух лет предполагает направить 132,1 млрд руб.

Объекты ЖКХ в настоящее время находятся в сильно изношенном состоянии. По сведениям Госстроя России, на устранение износа объектов и завершение реформы ЖКХ

необходимы вложения в сумме 540 млрд руб. С введением Жилищного кодекса РФ окончание реформирования ЖКХ передается на уровень муниципальных образований и одновременно устанавливается 100 % оплата населением услуг ЖКХ. С введением этих норм, сопровождающихся организационными мерами (обязательный переход в товарищества собственников жилья и управляющие компании), основная оплата за ремонт и восстановление объектов ЖКХ, по всей вероятности, будет перенесена на текущие тарифы по оплате услуг ЖКХ.

Таким образом, строительство и ввод жилья, финансирование и реформирование в целом ЖКХ из социальной сферы переводятся в производственную, реализуя принципы рыночной экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Экономическое положение Ульяновской области в 2004 г. Ульяновск, 2005. С. 321.

[2] См.: Национальные проекты России // АиФ. 2005. № 43.

Поступила 21.04.06.

А.Н.ФЕДОНИН

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК В РАЦИОНАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИХ ПРОДУКТИВНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ АПК

Сельское хозяйство является одной из ведущих отраслей экономики и важнейшим звеном агропромышленного комплекса Республики Мордовия. В современных условиях возрастает необходимость научного обеспечения аграрного производства. Сегодня актуальны фундаментальные исследования в области генетики, селекции, физиологии животных. Они способствуют повышению эффективности технологий производства животноводческой продукции. Превращение идей, научных разработок в новые организационно-экономические и технологические решения, использование их в производстве с целью получения более качественной и дешевой продукции являются основой инновационного процесса в региональном АПК. Существенно оптимизировать процесс инновационного развития регионального АПК может, на наш взгляд, использование биологически активных добавок в рационах сельскохозяйственных животных и птицы.

Под биологически активными веществами условно понимают препараты различного происхождения, стимулирующие увеличение продуктивности сельскохозяйственных животных при нормальных условиях кормления и содержания, не являющиеся основными компонентами корма, способные при поступлении в организм животных ускорять их рост и развитие. К ним относятся витамины, антибиотики, гормональные препараты, минеральные вещества, фермен-

---

ФЕДОНИН Александр Николаевич, соискатель кафедры частной зоотехнии Мордовского государственного университета.

ты, тканевые препараты, транквилизаторы, кремний и железосодержащие препараты, оказывающие значительное влияние на обмен азотистых веществ, углеводов, липидов, энергии, на процессы роста и развития организма животных, формирование тканей, органов и состояние здоровья.

Биологически активные добавки необходимы в первую очередь высокопродуктивным животным и молодняку разных видов. Более того, особой восприимчивостью к биологически активным добавкам и адекватной реакцией на их включение в состав рационов отмечается молодняк крупного рогатого скота и свиней в период их выращивания и откорма[1] По мнению М.Г.Воронкова, среди биологически активных веществ особый интерес представляют кремнийорганические синтетические препараты — силатраны. Они обладают широким антибластическим, антисклеротическим, адаптогенным, пилотропным, бактерицидным, фунгицидным, интексицидным и инсектореппелентным действием. Широкий диапазон биологического действия силитранов как биостимуляторов нового типа и поколения позволяет с успехом использовать их в самых различных областях сельского хозяйства[2]

К настоящему времени наиболее известными и апробированными из них считаются мивал, мигуген, крезацин, крезивал, креасил, карбокрезан, этиран, феррозан и черказ.

Практика применения ростостимулирующих биологически активных добавок в кормлении сельскохозяйственных животных и птицы свидетельствует, что введение их в рационы снижает затраты кормов на единицу продукции, повышает приросты, улучшает кондиции животных. В своих исследованиях, проведенных в хозяйствах Мордовии (Агрофирма «Октябрьская», птицефабрика «Атемарская», ОПХ «Ялга» и др.), сотрудники Мордовского государственного университета отмечают успешность применения некоторых из них в качестве стимуляторов роста животных. Показательными являются исследования А.С.Федина, проведенные на откормочных бычках, валушках и подсвинках, с использованием мивала. В результате было выявлено положительное действие добавки на переваримость, использование питательных веществ и в итоге на повышение среднесуточных приростов животных[3] В опытах Н.И.Канд-

рашкина применение креасила в рационах ремонтных свинок крупной белой породы позволяет нормализовать обмен веществ, улучшить гематологические показатели и повысить среднесуточные приросты подопытных животных[4] Аналогичные результаты при использовании кремнийсодержащего препарата (этиран) в рационах ремонтных свинок получены и А.А.Вельмякиной[5]

В опытах В.В.Демина при изучении влияния железосодержащей биологически активной добавки (феррозан) в профилактике анемии поросят было установлено, что оптимизация данного препарата в рационах подопытных животных способствует улучшению интенсивности их роста, увеличению количества железа в сыворотке крови новорожденных поросят и предотвращению развития у них анемии[6]. Такие же результаты при использовании аналогичного препарата в качестве кормовой добавки в рационы ремонтных телок и свинок были получены А.П.Зинкиным и Т.Н.Кандрашкиной[7]

До настоящего времени зоотехническая наука не располагает достаточным объемом информации о влиянии ферросила на организм беременных и лактирующих животных, поэтому изучение этого вопроса является актуальным и представляет несомненный интерес для науки и производства.

В связи с исключительным значением составляющих ферросила для организма животных нами с целью изучения его действия на обмен веществ и продуктивность супоросных и подсосных свиноматок, рост и сохранность полученных от них поросят был проведен опыт в производственных условиях свиноводческого комплекса ОПХ «Ялга» Мордовского НИИСХ. Было отобрано 40 голов свиноматок крупной белой породы после первого опороса и плодотворного покрытия их хряками-производителями этой же породы, которых разделили на 4 группы по 10 голов в каждой. В рационы свиноматок первой опытной группы ежедневно добавляли препарат в количестве 3 мг/кг живой массы, второй и третьей — 6 и 9 мг/кг соответственно.

Исследование показало, что включение данного препарата в рационы свиноматок в количестве 9 мг/кг живой массы животного способствует повышению переваримости

и использования питательных веществ подопытными животными. Следует отметить, что свиноматки третьей группы лучше переваривали все питательные вещества, кроме клетчатки, по сравнению с животными из первой опытной группы, которые получали самую низкую дозировку ферросила. Результаты исследований также показали, что средняя дозировка препарата — 6 мг/кг живой массы — оказала лучшее влияние на переваримость питательных веществ, чем 3 мг/кг, однако разница по всем показателям, кроме сухого вещества и сырого протеина, между группами была недостоверной.

Причиной ухудшения переваримости питательных веществ в данной группе, по-видимому, является изменение микробиологических процессов в пищеварительном канале животных.

Значительный практический и научный интерес представляют данные по усвоению беременными свиноматками азота рационов. В сложных процессах обмена веществ между организмом и внешней средой ведущее место принадлежит обмену белков. Это объясняется в первую очередь присущими им специфическими физико-химическими и биологическими свойствами, характеризующими их как носителей жизни, а также тем, что они представляют собой структурные элементы тела животных.

Азотистый обмен заметно усиливается в связи с ускорением роста тканей в теле матери и плода, роста и подготовки к лактации молочной железы. В этот период у животных проявляется важная физиологическая особенность — способность резервировать при благоприятных условиях питания органические и минеральные вещества. Величина этих запасов нередко превышает в два раза и более отложение вещества в теле плода[8] В наших исследованиях баланс азота рационов во всех группах был положительным, но в то же время отмечены некоторые различия в процессах его усвоения, связанные с количеством добавляемого препарата в рационы. Мы пришли к выводу о том, что для оптимизации обмена азота в организм супоросных свиноматок необходимо ежесуточно скармливать в составе рационов ферросил в количестве 9 мг/кг живой их массы.

Учитывая тот факт, что в состав изучаемой добавки входит около 20 % кальция, нами была поставлена задача изучить влияние добавки различных доз ферросила на использование этого элемента супоросными свиноматками. Полученные данные по использованию кальция показывают, что баланс этого элемента у всех животных также был положительным, и лучшее отложение как в абсолютном (7,44—8,94 г), так и в относительном (31,53—34,86) выражении наблюдается у маток опытных групп на фоне изучаемых дозировок ферросила. Наибольшее же удержание элемента в теле было у свиноматок из третьей группы. Меньшие дозировки препарата (3 и 6 мг/кг живой массы) приводят к снижению удержания кальция в теле свиноматок первой и второй групп по отношению к третьей. Изучая влияние добавок различных дозировок ферросила в рационы свиноматок на использование ими фосфора нами было установлено, что баланс этого элемента у животных из всех групп (как азота и кальция) остается положительным.

Известно, что супоросным маткам с низким уровнем гемоглобина в крови для предупреждения развития у них малокровия и рождения мертвых поросят необходимо применять железосодержащие препараты. В связи с тем, что в состав препарата ферросил входит около 15 % восстановленного карбонильного железа, было целесообразно изучить влияние добавок различных дозировок данного препарата в рационы супоросных свиноматок. Проведенные исследования показали, что различные дозировки ферросила оказывают неодинаковое влияние на использование этого элемента супоросными свиноматками.

Обобщая полученные в опыте данные, можно заключить, что наиболее благоприятные условия для перевариваемости питательных веществ, использования кальция, фосфора и железа создаются при добавке в рационы супоросных свиноматок оптимального количества (9 мг/кг живой массы) ферросила. Это является реальной основой для проявления высокой продуктивности животных, что и было подтверждено опытным путем.

Добавка данного препарата в рационы свиноматок в разные периоды их физиологического состояния оказала в целом положительное влияние на интенсивность их роста.

Так, при взвешивании подопытных животных перед опоросом самые высокие приросты массы тела оказались у свиноматок из третьей опытной группы. Если у животных из контрольной группы масса тела к этому периоду увеличилась на 44,6 кг, то из третьей — на 51,3 кг ($P < 0,05$), то на 15 % выше. При этом среднесуточные приросты живой массы в третьей группе также были на 60,9 г выше ($P < 0,05$), чем в контрольной группе. Животные первой и второй групп, получавшие меньшие дозировки (3 и 6 мг/кг живой массы), также превосходили контрольных по этим показателям, однако разница при этом была невелика.

В связи с тем, что молоко матери является единственным и незаменимым кормом в первые дни жизни поросят, для его синтеза организм матери расходует большое количество запасов питательных веществ. В результате чего за время лактации происходит снижение живой массы свиноматок. Величина снижения массы тела зависит как от запасов питательных веществ в организме матери, так и от количества рожденных поросят и длительности подсосного периода. Результаты наших наблюдений показали, что за период лактации у свиноматок опытных групп, получавших разные дозировки добавки препарата, были меньшие потери живой массы, чем контрольных.

Дозировка препарата оказала положительное влияние и на плодовитость свиноматок. Так, скармливание ферросила в таком количестве увеличило многоплодие у животных третьей опытной группы по сравнению с контрольной на 31,1 %. Меньшие дозировки препарата (3 и 6 мг/кг живой массы) оказались малоэффективными, хотя многоплодия свиноматок, получавших эти дозировки, были выше, чем в контрольной группе. Неодинаковой была в группах и масса поросят при рождении. Поросята от маток, получавших ферросил, хотя и были более крупными, однако разница в массе была недостоверной.

Таким образом, применение биологически активных веществ в кормлении сельскохозяйственных животных позволяет нормализовать обмен веществ, увеличить интенсивность их роста, снизить затраты кормов на единицу продукции. Поэтому в настоящее время наряду с применением уже известных ростостимулирующих препаратов необходи-

мо расширять исследования в направлении использования новых добавок с целью получения от животных более экологически чистой продукции высокого качества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кузнецов С.Г.* Минеральные добавки и витамины для животных // Достижение науки и техники АПК. 1999. № 5. С. 34—35.

[2] См.: *Воронков М.Г.* Кремний и жизнь // Наука и человечество: Международный ежегодник. М., 1988. С. 145—157.

[3] См.: *Федин А.С.* Кремний в питании молодняка сельскохозяйственных животных: Автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. Саранск, 1995.

[4] См.: *Кандрашкин Н.И.* Влияние креасила на обмен веществ и продуктивность молодняка свиней: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Саранск, 2002.

[5] См.: *Вельмякина А.А.* Влияние кремнийорганического соединения этирана на гематологические показатели молодняка свиней / А.А.Вельмякина, А.Ф.Крисанов, Н.В.Кафтоенкова, И.И.Назарова // Новое в кормлении и разведении сельскохозяйственных животных: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2003. С. 74—77.

[6] См.: *Демин В.В.* Влияние феррозана на обмен веществ и продуктивность супоросных свиноматок: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Ульяновск, 2004.

[7] См.: *Зинкин А.П.* Влияние ферросила на обмен веществ и продуктивность ремонтных телок: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Саранск, 2005; *Кандрашкина Т.Н.* Влияние ферросила на обмен веществ и продуктивность ремонтных свинок: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Саранск, 2006.

[8] См.: *Кокорев В.А.* Биологическое обоснование потребности супоросных свиноматок в макроэлементах. Саранск, 1990.

Поступила 10.08.06.

В.Ю.ПЕТРОВ
Н.Н.МАТУШКИН
^.А.ТАШКИНОВ
.А.КУЗНЕЦОВА
В.Д.ЧЕРКАСОВ
С.И.ПАХОМОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

В настоящее время становится чрезвычайно актуальной проблема повышения эффективности взаимодействия науки, образования и производства в ходе реализации образовательной, научно-исследовательской и опытно-внедренческой составляющих подготовки научных кадров высшей квалификации.

Основными аспектами интеграции науки и высшего образования являются экономический, основанный на объединении ресурсов и экономических механизмов научного и образовательного комплексов для получения народно-хозяйственного и коммерческого эффектов; организационный, предполагающий интеграцию научных организаций и вузов в единые научно-образовательные комплексы; инновационный, обеспечивающий интеграцию инновационных потенциалов сферы науки и высшего образования.

ПЕТРОВ Василий Юрьевич, ректор Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

МАТУШКИН Николай Николаевич, проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

ТАШКИНОВ Анатолий Александрович, первый проректор — проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук, профессор.

КУЗНЕЦОВА Татьяна Александровна, доцент кафедры конструирования радиоэлектронных средств Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук.

ЧЕРКАСОВ Василий Дмитриевич, проректор по научной работе Мордовского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, начальник отдела департамента научно-технической и инновационной политики Министерства образования и науки Российской Федерации, кандидат химических наук.

Целью сотрудничества вузов, институтов и учреждений РАН, прикладных НИИ, предприятий и организаций всех форм собственности, строящегося на основе принципа единства образовательной, научной и инновационной деятельности, является подготовка кадров для науки и высоких технологий; использование кадрового и материально-технического потенциала РАН и других академий; стимулирование научных исследований в ведущих университетах; концентрация усилий академической и вузовской науки на приоритетных направлениях; совместное использование дорогостоящего и уникального оборудования для реализации всех компонентов программ подготовки кадров высшей квалификации.

Особенностями интеграции науки и образования являются совместное использование ресурсов (материально-технических, кадровых, финансовых); конвергенция (взаимное проникновение); сближение технологий; объединение.

По типу различают институциональную (образование новых институтов) и функциональную (совместная деятельность) интеграцию. Виды интеграции определяются параметрами систем и среды функционирования и подразделяются на структурно-организационный, материально-технический, кадровый.

К формам интеграции относят совместные научно-образовательные объединения, где партнерами являются вузы, академические и отраслевые научные организации; совместную научно-образовательную деятельность; центры передовых исследований, формируемые на базе объединения ведущих вузовских и академических научных коллективов и финансируемые на конкурсной основе; совместные инновационные структуры (испытательные центры, опытное производство, научные и технологические парки и технополисы (наукограды), научно-технические и инновационные фирмы, инкубаторы технологий и бизнеса и т.д.).

В настоящее время 73 % всех организаций, выполняющих исследования и разработки, находятся в государственной собственности, им принадлежит 86 % основных средств, численность персонала, занятого в госсекторе науки, составляет 77 %. В соответствии с действующей нормативно-правовой базой к субъектам государственного сектора на-

уки отнесены: государственные унитарные предприятия; государственные учреждения; хозяйственные общества, в уставном капитале которых более 50 % акций (долей) находятся в государственной собственности или других хозяйственных обществ, относящихся к государственному сектору. Основная деятельность этих организаций должна быть связана с выполнением исследований и разработок. Частный научный сектор, который мог бы составить конкуренцию государственному, так и не получил существенного развития.

К основным субъектам (фигурантам) процесса интеграции относят вузовский сектор (51,4 % общей численности ученых), академический (29,5 %), сектор прикладной науки и производства (19,1 %).

Для оценки эффективности процесса интеграции науки и образования могут быть выделены две категории индикаторов: функциональные, связанные с реализацией стратегических приоритетов государства, прежде всего обеспечение позитивных структурных сдвигов в экономике и воспроизводство общественных благ; экономические, связанные с обеспечением поступлений в бюджет, привлечением и освоением внебюджетных средств, ростом рыночной стоимости организаций науки и др.[1]

Недостаточный уровень функциональной эффективности совместной деятельности всех секторов российской науки и системы образования, характерный для современного этапа, определяется рядом причин.

Несовершенство структуры (используемые организационно-правовые формы). За прошедшее десятилетие количество учреждений в науке увеличилось в 1,5 раза. Большинство организаций продолжают оставаться в форме учреждений и государственных унитарных предприятий, что препятствует развитию внебюджетного финансирования, росту капитализации и инвестиционной привлекательности этих организаций.

Избыточный размер и раздробленность сектора науки, в частности, наличие в его составе организаций, не реализующих национальные научные, образовательные и инновационные программы, не обеспечивают концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития науки и техники.

Существенная неравномерность размещения по территории страны и недостаточная значимость в составе ряда принципиальных структурных элементов не обеспечивают функциональной и территориальной целостности национальной инновационной системы.

Низкая бюджетная обеспеченность и слабо развитые механизмы привлечения внебюджетного финансирования научных работников способствуют невысокой результативности научных исследований.

Дефицит профессиональных управляющих, отсутствие практики привлечения к управлению организациями образования и науки специализированных компаний и фондов приводят к неэффективному менеджменту в этих организациях.

Неопределенность целевых индикаторов деятельности научных организаций, преимущественно однолетний цикл финансирования существенно снижают программный потенциал развития.

Недостаточный уровень экономической эффективности деятельности всех секторов российской науки определяется низким уровнем бюджетного финансирования; разрывом связей с научными учреждениями неуниверситетского сектора (РАН, отраслевые НИИ), в частности, отсутствием интеграции ресурсов (кадры, финансы, материально-технические ресурсы); разрывом связей с производством (промышленное производство переживает спад, и индустриальные предприятия не заинтересованы в научно-поисковых исследованиях); отсутствием нормативно-правовой базы развития инновационной инфраструктуры на базе вузов и научных учреждений (и, как следствие, малые внебюджетные поступления от инновационной, научной и опытно-внедренческой деятельности); малой заинтересованностью бизнес-структур в перспективных поисковых исследованиях (большие риски, малое развитие венчурных форм стимулирования НИР и НИОКР — фондов и др.).

До сих пор не найдены решения проблем повышения эффективности процесса интеграции, возникающих из-за особенностей законодательного регулирования научной и образовательной деятельности в Российской Федерации. Основными различиями принципов, правил и методов го-

сударственного регулирования образовательной деятельности и научной деятельности в России являются, во-первых, для образовательной деятельности, в отличие от научной, обязательна процедура лицензирования; во-вторых, для образовательной организации действующее российское законодательство регламентирует организационно-правовую форму учреждения, в отличие от научных организаций, где спектр форм более широкий; в-третьих, научная и образовательная системы страны различаются по организационной структуре. Образовательные учреждения можно достаточно точно классифицировать в соответствии с уровнями образования. Градация и классификация научных организаций более сложна. Существует три вида основных научных направлений: академическая, вузовская наука, а также направление, в которое включены ведомственные научные организации. Внутри каждого направления можно выделить организации, ведущие фундаментальные либо прикладные научные исследования.

Важным индикатором эффективности интеграционных процессов в сфере образования и науки является качество подготовки кадров высшей квалификации (высшее и послевузовское образование), во многом определяющее уровень развития интеллектуального потенциала страны. При этом под качеством подготовки понимается характеристика уровня соответствия результатов реализации образовательной программы установленным целям, определяемым заданными квалификационными требованиями к выпускнику, а в конечном счете — приобретенными компетенциями.

К основным показателям интеллектуального потенциала, во многом определяющим виды процесса интеграции, относят кадровые, материально-технические, результативные, социоинформационные, организационно-правовые.

Для исследования проблемных аспектов деятельности основных субъектов процесса интеграции с точки зрения выделенных категорий индикаторов эффективности на основании SWOT-подхода нами выделены основные факторы и условия повышения эффективности подготовки кадров высшей квалификации, определяемые интеграционными процессами (таблица).

Таблица

SWOT-анализ влияния интеграционных процессов на качество подготовки специалистов

Субъект	Вид интеграции	Внутренняя среда		Внешняя среда	
		Strengths (силы)	Weaknesses (слабости)	Opportunities (возможности)	Threats (угрозы)
1	2	3	4	5	6
Вузы	Организационная	Статус образовательного учреждения	Подразделения не подпадают под определение научной организации	Создание крупных инновационных научно-образовательных центров, диверсификация программ подготовки в соответствии с диверсифицированными требованиями рынка труда	Несовершенство нормативно-правовой базы
	Материально-техничекая	Аудиторный фонд, лабораторное оборудование	Выработан ресурс, низкое финансирование, отсутствие оборудования для масштабных НИР и НИОКР	Обновление за счет притока дополнительных средств, создание центра коллективного пользования	Недостаточное финансирование и государственная поддержка
	Кадровая	Студенты, магистранты, аспиранты, докторанты, ППС, УВП	Низкая мотивация к научной работе всех категорий обучаемых (в том числе вследствие несовершенства программ подготовки); старение ППС, УВП	Повышение квалификации, мобильности	Низкая оплата труда, низкий престиж научно-педагогической деятельности

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
РАН	Организационная	Статус научного учреждения	Не является образовательным учреждением	Создание крупных инновационных научно-образовательных центров	Несовершенство нормативно-правовой базы
	Материально-техничекая	Уникальное научное оборудование	Необходимы обновление и постоянная поддержка; низкое финансирование	Обновление за счет притока дополнительных средств	Недостаточное финансирование и государственная поддержка
	Кадровая	Научные сотрудники РАН	Сокращение численности, старение	Приток молодых научных кадров	Низкая оплата труда, низкий престиж научной деятельности
Промышленность	Организационная	Предприятия и организации всех форм собственности	Сокращение, реструктуризация	Создание инновационной инфраструктуры	Несовершенство нормативно-правовой базы
	Материально-техничекая	Производственное и опытно-конструкторское оборудование	Выработан ресурс, необходима модернизация	Модернизация за счет трансферта высоких технологий	Недостаточное финансирование и государственная поддержка
	Кадровая	Широкий штат	Понижение квалификационного уровня за счет оттока в бизнес-структуры	Приток квалифицированных кадров	Низкая оплата труда, низкий престиж производственной деятельности

Проведенное исследование показало, что проблемные элементы для всех групп являются практически идентичными: износ и моральное старение исследовательского и опытно-конструкторского оборудования вследствие недостаточного финансирования; «вымывание» кадровых ресурсов и их постоянно снижающийся квалификационный уровень из-за низкой мотивации к научной деятельности; неустойчивое положение научно-образовательных структур в условиях современной экономики по причине несовершенства нормативно-правовой базы.

Анализ продемонстрировал очевидность преимуществ, которые получат все участники процесса интеграции: создание и развитие инновационной инфраструктуры; модернизация материально-технического оборудования; решение проблемы высококвалифицированных кадров; воспроизводство научного и научно-педагогического потенциала страны. Более того, сотрудничество вузов и научных организаций способствует развитию действующих внутрисистемных и внешних связей, создаваемых в ходе реализации научно-образовательного процесса.

Результатом интеграционных процессов в сфере образования и всех секторах науки является, в первую очередь, прирост интеллектуального потенциала, обусловливающий повышение качества образования; обеспечение адаптации образовательных учреждений и выпускников вузов к социально-экономическим и культурным условиям и конъюнктурным изменениям рынка труда; вовлечение в инновационный научно-исследовательский и образовательный процесс профессорско-преподавательского состава, научных работников, всех категорий обучающихся и специалистов; создание условий и возможностей для реализации крупных программ и проектов образовательного, экономического, социального и технологического характера, имеющих федеральный, региональный, межрегиональный и отраслевой уровени, активизацию научных исследований и инновационной деятельности; повышение эффективности использования интеллектуальных, материальных, финансовых, информационных ресурсов структурных подразделений университетского комплекса для удовлетворения требований социально-экономического развития регионов; повышение

роли вуза в социально-экономическом, технологическом, образовательном и культурном развитии регионов.

Широкое сотрудничество вузов с производственным сектором и бизнесом в рамках совместных программ и контрактов способствует повышению научно-технической подготовки студентов и преподавателей, решает проблему трудоустройства выпускников, а именно: стимулирует вузы пересматривать программы подготовки и учебные пособия в соответствии с изменяющимися требованиями экономики, делает возможным привлечение специалистов фирм к реализации программ спецкурсов, НИР и практик, решает проблемы технической модернизации лабораторного фонда и технического оснащения учебного процесса, решает проблему финансирования актуальных научных исследований; способствует развитию академической и научной мобильности студентов и преподавателей, способствует развитию автономии вузов, обеспечивает интеграцию науки, производства и образования, в том числе международную, увеличивает мотивацию студентов и аспирантов к практической деятельности, вовлекая в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу до завершения программ подготовки.

С другой стороны, промышленные корпорации и фирмы также выигрывают от совместной работы с вузами: они привлекают к исследованиям работников вузов, повышают квалификацию собственных сотрудников, стимулируют инновации, обогащают практику посредством участия в различного рода совместных симпозиумах, конференциях и семинарах, получают возможность выпуска наукоемкой продукции, готовят специалистов высшей квалификации и нужного профиля.

Анализ результатов исследования позволяет сформулировать основные направления повышения эффективности интеграции образования и науки: сохранение научных школ; развитие вузовского сектора науки, придание вузам статуса научно-исследовательских организаций; диверсификация форм взаимодействия вузовской и академической науки; формирование единого информационного и коммуникационного пространства (межвузовские, межрегиональные, международные связи и обмен информацией); наращивание

научного потенциала вузов; разработка инновационных научно-образовательных программ подготовки; интеграция вузовского сектора науки на региональном, государственном и международном уровнях для реализации научных программ; создание условий для творческого роста обучающихся и подготовка научных кадров высшей квалификации; диверсификация источников финансирования НИР (гранты, венчурный капитал, договорная деятельность с хозяйствующими субъектами, коммерциализация научных разработок, научное консультирование, экспертиза, информационные услуги, проектные, организационные услуги, реализация патентов, лицензий и др.); отказ от административных методов управления НИР; привлечение внебюджетных средств.

Выбор типов, видов и форм интеграции необходимо производить исходя из конкретных условий с учетом сложившихся внутрисистемных и внешних связей на основе принципов единства научной, образовательной инновационной деятельности; взаимовыгодного партнерства; соответствия системы подготовки требованиям рынка труда и социально-экономического развития регионов; эффективного использования ресурсов системы регионального образования и науки, инновационной инфраструктуры; необходимости интеграции в международное пространство образования и научных исследований.

Модернизация системы высшего и послевузовского образования на основе интеграции образовательной и научной деятельности вузов предполагает структурно-содержательную оптимизацию всех составляющих подготовки кадров высшей квалификации с учетом позитивного отечественного и зарубежного опыта. В связи с этим дальнейшие исследования в области повышения эффективности интеграционных процессов в сфере образования и науки должны быть направлены на разработку нормативно-правовой и методической базы, обеспечивающей деятельность совместных научно-образовательных и инновационных структур, формирование механизмов государственной поддержки, создание эффективной системы мониторинга и управления.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Федоров И.Б.* Интеграция науки и образования: ключевые моменты // Высшее образование сегодня. 2005. № 6. С. 8—13.

Поступила 12.11.06.

Заказ № 6329

Л.А.АУХАДЕЕВА

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Коммуникативная культура является системообразующим фактором профессионально-педагогической деятельности учителя, основой реализации всех функций и видов педагогической деятельности. Она является обязательной составляющей общей и профессионально-педагогической культуры учителя. Поэтому целенаправленное формирование коммуникативной культуры является важнейшей составляющей профессиональной подготовки будущего педагога и обязательным условием его всестороннего воспитания и профессионально-личностного развития.

Коммуникативная культура как важнейшая характеристика личности формируется в определенной социальной среде, имеющей тот или иной уровень коммуникативной культуры и национально-этнические особенности. В процессе социализации, индивидуальной коммуникативной деятельности эти особенности трансформируются в индивидуально-личностные характеристики коммуникативной культуры.

Для повышения качества подготовки студентов педагогического вуза (будущих учителей городских и сельских школ Республики Татарстан) к профессионально-педагогической деятельности и совершенствования технологии формирования их коммуникативной культуры актуальны изучение опыта коммуникативной деятельности студентов педагогического вуза, определение показателей коммуникативной культуры и факторы, влияющие на ее становление и развитие.

АУХАДЕЕВА Людмила Александровна, доцент кафедры истории педагогики и этнопедагогики Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат педагогических наук.

На основе результатов анализа многочисленных исследований нами выделены 5 наиболее значимых показателей коммуникативной культуры (условно обозначим их символом «*У*»): коммуникативные способности (*У*1), организаторские способности (*У*2), общительность (*У*3), интегративные коммуникативные умения (*У*4), культура речи (*У*5). Была дана и суммарная оценка коммуникативной культуры по всем ее показателям (*УС*).

Наряду с этим были выделены 20 факторов, влияющих на становление и развитие коммуникативной культуры и характеризующих социальное окружение, условия коммуникативной деятельности и индивидуально-психологические особенности личности будущего специалиста. Каждый фактор имел определенное порядковое и смысловое значение («*Х*»): фактор состава семьи (*Х*1), интенсивность общения в семье (*Х*2), образование родителей (*Х*3), количество друзей (*Х*4), интенсивность общения с друзьями (*Х*5), доброжелательность отношений (*Х*6), удовлетворенность отношениями (*Х*7), толерантность (*Х*8), отношение к учебе (*Х*9), успеваемость в вузе (*Х*10), уровень познания самого себя (*Х*11), интенсивность влияния социума (через систему образования) (*Х*12), уровень речевого развития (*Х*13), осознанность выбора профессии (*Х*14), успеваемость в школе (*Х*15), наличие и уровень владения компьютером (*Х*16), наличие домашней библиотеки (*Х*17), состояние здоровья (*Х*18), темперамент (*Х*19), занятия самовоспитанием и самообразованием (*Х*20).

Анализ осуществлялся путем применения метода математической статистики: определения уровней связи между показателями коммуникативной культуры и факторами, влияющими на них, на основе математических расчетов коэффициентов корреляции. Для этого каждому показателю коммуникативной культуры и каждому фактору давалась количественная (балльная) оценка на основе использования комплекса известных психолого-педагогических методов и специально разработанных методик.

Изучалась коммуникативная деятельность 400 студентов 1—5-х курсов Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, которые дифференцировались на сельских и городских, юношей и девушек, русских и татар.

Основной задачей исследования было определение значимости показателей в характеристике коммуникативной культуры: установление уровня влияния на показатели коммуникативной культуры ряда факторов, характеризующих социальные условия, коммуникативный опыт и свойства личности студентов с учетом особенностей условий жизни и социокультурной среды (город—село) до поступления в Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Таблица 1

Взаимосвязи показателей коммуникативной культуры (*У*) между собой и с ее суммарным показателем у студентов педагогического вуза в целом (*О*), по отдельности, поступивших на учебу из городов (*Г*) и сельских районов (*С*) Республики Татарстан

Показатель коммуникативной культуры		Коэффициент корреляции					*	#
		У2	*У3*	*У4*	*У5*	УС		
Коммуникативные способности *У1*	О	0,702	0,549	0,567	0,453	0,762	0,606	5
	Г	0,688	0,599	0,551	0,541	0,770	0,630	3
	С	0,711	0,487	0,593	0,357	0,754	0,580	5
Организаторские способности *У2*	О		0,565	0,656	0,497	0,808	0,646	3
	Г		0,532	0,628	0,481	0,785	0,623	4
	С		0,596	0,689	0,525	0,833	0,671	3
Общительность *У3*	О			0,650	0,579	0,768	0,622	4
	Г			0,633	0,555	0,762	0,616	5
	С			0,669	0,615	0,773	0,628	4
Интегративные умения *У4*	О				0,555	0,937	0,673	2
	Г				0,581	0,932	0,665	2
	С				0,528	0,946	0,685	2
Культура речи *У5*	О					0,694	0,556	6
	Г					0,726	0,577	6
	С					0,661	0,537	6
Суммарный показатель *УС*	О					—	0,794	1
	Г					—	0,795	1
	С					—	0,793	1

* — Средние значения коэффициентов корреляции показателей между собой.

\# — Место каждого показателя по величине среднего значения коэффициентов корреляции.

Результаты первого этапа исследования (табл. 1) показывают, что распределение показателей коммуникативной культуры по силе их корреляции между собой имеет сходство и одновременно различие при сравнении данных всей совокупности студентов с данными студентов разных регионов республики. Например, сходство состоит в том, что суммарный показатель занимает первое место (1), что вполне объяснимо, поскольку это обобщающий показатель; ведущую позицию среди всех остальных показателей коммуникативной культуры (2) занимают интегративные коммуникативные умения (У4), а самое последнее место (6) — показатель культуры речи (У5). Кроме того, порядковое распределение у студентов из села не отличается от общего порядкового распределения всей совокупности студентов.

Различие состоит в том, что другие показатели коммуникативной культуры (У1, 2, 3) в отдельных группах занимают различные места. Так, если показатель коммуникативных способностей (У1) у студентов из города занимает третье место, то у студентов из села — пятое и др.

Полученные результаты позволяют констатировать, что каждый из показателей коммуникативной культуры имеет характерные особенности связей с другими показателями в зависимости от того, какой контингент студентов он характеризует.

Обобщая результаты первого этапа исследования, необходимо отметить, что во всех исследуемых группах показатели коммуникативной культуры обнаруживают связи, определяемые как заметные (4-й уровень), реже — сильные (5-й уровень) или умеренные (3-й уровень). Показатели коммуникативной культуры по уровню взаимосвязей между собой имеют определенные сходства и различия в зависимости от того, из каких регионов Республики Татарстан поступили студенты на учебу — городов или сельских районов.

Интегративные коммуникативные умения являются самым значимым показателем по уровню связи с суммарным и с каждым отдельным показателем коммуникативной культуры у сельских и городских студентов. Следовательно, он оказывает наибольшее влияние на отдельные показатели и

на коммуникативную культуру в целом и может рассматриваться как центральный, объединяющий все остальные характеристики коммуникативной культуры.

Культура речи у тех и других студентов имеет меньшую связь с другими показателями и оказывает наименьшее влияние на коммуникативную культуру в целом, что особенно выражено у студентов из села. Остальные показатели отличаются по уровню связей между собой: коммуникативные способности занимают у городских студентов 3-е место, у сельских — 5-е; организаторские способности городские студенты ставят на 4-е место, сельские — на 3-е; общительность у городских студентов находятся на 5-м месте, у сельских — на 4-м. Кроме того, у студентов из села обнаруживаются связи самого высокого — 5-го уровня (между коммуникативными и организаторскими способностями), и низкого — 3-го уровня (между коммуникативными способностями, общительностью и культурой речи). У городских студентов подавляющее большинство показателей имеет достаточно высокий — 4-й уровень связи между собой, исключение составляет связь 3-го уровня — между организаторскими умениями и культурой речи.

Таким образом, в результате исследования выявлены различия связей между показателями коммуникативной культуры у студентов педагогического вуза, поступивших на учебу из городов и сельских районов Татарстана.

На втором этапе исследования был проведен анализ связей между показателями коммуникативной культуры и индивидуально-психологическими особенностями личности, условиями социального окружения и коммуникативной деятельности как факторами, влияющими на становление и развитие коммуникативной культуры будущего специалиста (табл. 2).

Из общего обзора таблицы видно, что связи между показателями коммуникативной культуры и влияющими на них факторами самые различные по уровню: от статистически определяемых как отсутствие связи (1-й уровень) до связей, определяемых как сильные (5-й уровень). У некоторых факторов (X2, 3, 4, 5, 7, 12, 13, 15, 17, 20) преобладают заметные связи — 4-й уровень, у других (X1, 9, 10) — умеренные и даже слабые (X8, 16, 18). Причем

Таблица 2

Уровни взаимосвязи между основными показателями коммуникативной культуры (*У*) и факторами, влияющими на них (*X*) у студентов из города (*Г*) и села (*С*)

У/X		Значения уровней взаимосвязи (от 1 до 6-го уровня) и соответствующие им коэффициенты корреляции (r) 1 — нет взаимосвязи (r = 0,0—0,09), 2 — связь слабая (r = 0,1—0,29), 3 — связь умеренная (r = 0,3—0,49), 4 — связь заметная (r = 0,5—0,69), 5 — связь сильная (r = 0,7—0,89)																			#
		X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	X11	X12	X13	X14	X15	X16	X17	X18	X19	X20	
У1	Г	2	4	4	4	4	4	4	2	2	2	3	4	4	3	3	2	4	2	3	3	63
	С	2	4	3	3	4	3	4	2	2	3	4	3	4	4	3	2	3	2	4	4	63
У2	Г	3	5	4	4	3	3	3	1	2	2	4	5	5	3	4	1	4	2	3	4	65
	С	2	4	4	4	4	3	4	2	2	4	3	4	4	4	4	1	4	1	4	4	66
У3	Г	3	4	4	4	4	4	4	1	3	2	4	5	4	4	4	1	4	1	3	4	67
	С	3	4	4	4	5	3	5	2	1	3	4	4	5	3	4	2	4	2	4	4	70
У4	Г	3	4	4	4	4	4	3	2	3	3	4	4	4	4	4	1	4	1	3	5	68
	С	2	4	4	4	4	4	5	2	3	3	4	4	5	4	4	1	4	2	4	5	72
У5	Г	2	3	3	3	3	4	3	1	3	3	3	4	4	3	3	1	4	1	3	3	57
	С	3	4	4	4	4	3	4	1	2	4	3	3	4	3	4	1	3	1	4	3	62
УС	Г	3	4	4	4	4	5	3	2	3	3	4	5	4	4	4	1	4	1	3	5	70
	С	2	5	4	4	5	4	5	2	2	4	4	4	5	4	4	1	4	2	4	5	74
*	Г	16	24	23	23	22	24	20	9	16	15	22	27	25	21	22	7	24	8	18	24	390
	С	14	25	23	23	26	20	27	11	12	21	22	22	27	22	23	8	22	10	24	26	408

— Сумма уровней связи всей совокупности факторов.
* — Сумма уровней связи каждого из факторов с показателями.

необходимо отметить, что случаев отсутствия или связей слабых (1-й и 2-й уровни) значительно меньше, чем связей более выраженных — заметных или сильных (4-й и 5-й уровни). Это характерно и для городских, и для сельских студентов.

Для определения степени влияния всей совокупности факторов на каждый из показателей определялись суммарные значения уровней связи каждого из факторов с конкретным показателем коммуникативной культуры (крайний правый столбец табл. 2), которые располагались в порядке уменьшения этой суммы (табл. 3).

Таблица 3

Порядковое распределение уровней связи между показателями коммуникативной культуры и всей совокупностью влияющих на них факторов у студентов из города и села

Показатели коммуникативной культуры (У)	№	1	2	3	4	5	6
	Г	УС	У4	У3	У2	У1	У5
	С	УС	У4	У3	У2	У1	У5
Сумма уровней связи всей совокупности факторов (Х) с каждым из показателей (У)	Г	70	68	67	66	63	57
	С	74	72	70	66	63	62

Результаты анализа показали порядковое распределение показателей коммуникативной культуры: на первом месте — суммарный показатель (УС), что совершенно естественно, поскольку он дает обобщенную оценку. Среди отдельных показателей наиболее сильно связан со всей совокупностью факторов показатель интегративных коммуникативных умений, далее — общительность, организаторские и коммуникативные способности и меньше всех — культура речи. Необходимо подчеркнуть, что порядок распределения показателей коммуникативной культуры одинаков как у городских, так и у сельских студентов.

Таким образом, среди пяти отдельных показателей коммуникативной культуры больше всего со всей совокупностью рассматриваемых факторов связан показатель интегративных коммуникативных умений культуры. Это дает основания считать, что и на данном этапе исследования этот показатель может рассматриваться как центральный. Дальнейший анализ позволяет сделать выводы о влиянии

каждого фактора на все показатели коммуникативной культуры и по суммарному значению уровней связи каждого из факторов с показателями определить их порядковое распределение.

Дальнейший анализ позволяет сделать выводы не только о влиянии каждого фактора на показатели, но и выделить наиболее значимые, определить место каждого в иерархии факторов, влияющих на становление и развитие коммуникативной культуры будущего учителя. По степени влияния на коммуникативную культуру и ее показатели каждого из факторов можно выделить ведущие, основные, вспомогательные и дополнительные факторы (табл. 4). Во всех выделенных группах наблюдается большое количество факторов, одинаково значимых для становления коммуника-

Таблица 4

Отличительные особенности иерархии факторов студентов педагогического вуза Республики Татарстан
(совпадающие факторы выделены курсивом)

Городские студенты	Сельские студенты
Ведущие	
Интенсивность влияния социума, *уровень речевого развития*	Удовлетворенность отношениями, *уровень речевого развития*, интенсивность общения с друзьями, самовоспитание и самообразование, интенсивность общения в семье
Основные	
Интенсивность общения в семье, *доброжелательность отношений*, *наличие домашней библиотеки*, самовоспитание и самообразование, *образование родителей*, *количество друзей*, интенсивность общения с друзьями, *уровень познания самого себя*, *успеваемость в школе*, *осознанность выбора профессии* и удовлетворенность отношениями	Темперамент, *образование родителей*, *количество друзей*, *успеваемость в школе*, *уровень познания самого себя*, интенсивность влияния социума, *осознанность выбора профессии*, *наличие домашней библиотеки*, успеваемость в вузе и *доброжелательность отношений*
Вспомогательные	
Темперамент, *состав семьи*, *отношение к учебе*, успеваемость в вузе	*Состав семьи*, *отношение к учебе*, толерантность
Дополнительные	
Толерантность, *состояние здоровья*, *наличие компьютера*	*Состояние здоровья*, *наличие компьютера*

тивной культуры городских и сельских студентов. Это позволяет считать, что данная совокупность факторов является необходимой и достаточной для характеристики условий формирования коммуникативной культуры будущих педагогов.

На становление и развитие коммуникативной культуры студентов из сельских районов наибольшее влияние оказывают удовлетворенность отношениями, уровень речевого развития, интенсивность общения с друзьями, самовоспитание и самообразование, интенсивность общения в семье, в то время как у городских — только факторы интенсивности влияния социума и уровня речевого развития.

Таким образом, в проведенном исследовании обнаружены зависимости между показателями и факторами коммуникативной культуры как статистически, математически значимые. Факторы, характеризующие социальное окружение, коммуникативную деятельность и индивидуально-психологические особенности личности студентов, по-разному влияют на становление и развитие их коммуникативной культуры. Это зависит от того, в каких регионах Республики Татарстан они жили и воспитывались до поступления в Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. Полученные результаты имеют, на наш взгляд, большое практическое значение для совершенствования технологии формирования коммуникативной культуры будущего учителя в условиях профессиональной подготовки, индивидуализации и дифференциации этого процесса.

Поступила 31.03.06.

М.И.КАРГИН

СИСТЕМНО-КОНТЕКСТНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ РЕГИОНА

В ряде регионов России происходит интенсивное становление психологических служб. Республика Мордовия в этом отношении исключения не составляет. В структуру психологической службы республики входят психологическая служба в системе образования, здравоохранения, министерства внутренних дел, министерства социального обеспечения, а также социально-психологическая помощь при республиканском молодежном центре. Осуществляются попытки создания психологической службы на производстве.

Наиболее развитой из вышеуказанных является психологическая служба в системе образования. Согласно Закону «Об образовании», в каждом образовательном учреждении должен быть психолог (педагог-психолог), деятельность которого регламентируется инструктивным письмом от 24 декабря 2001 г. № 29/1886-6. Первая психологическая служба в системе образования Мордовии была организована в 1989 г. на базе общеобразовательной школы № 7. На сегодняшний день в республике насчитывается около 3 тыс. образовательных учреждений, и только в 98 из них есть психологи, из них примерно 60 — в образовательных учреждениях г. Саранска, остальные — в городах и крупных районных центрах. Контроль за работой психологов в сфере образования осуществляют методические центры. Так, в 1994 г. при Государственном управлении образованием организована психологическая служба с целью координации деятельности педагогов-психологов г. Саранска.

КАРГИН Михаил Иванович, заведующий кафедрой специальной и прикладной психологии Мордовского педагогического института, кандидат психологических наук, доцент.

Несмотря на интенсивное развитие психологической службы, в Мордовии существует ряд проблем в ее структуре. Прежде всего это отсутствие разработанной единой методологической основы деятельности педагога-психолога, учитывающей региональные особенности; нет единой апробированной концептуальной модели, которая была бы положена в основу работы всех существующих психологических служб республики; продолжается спор относительно идей, лежащих в основе школьной психологической службы.

Решение этих проблем затрагивает все стороны деятельности педагога-психолога: организационную, методическую, научно-исследовательскую и др. Однако в первую очередь они связаны с разработкой принципиально новых методологических подходов деятельности педагога-психолога в общеобразовательных учреждениях, в том числе внедрение психодиагностики в школьную практику.

Создаются новые организационно-методические предпосылки для активного внедрения психодиагностики в практику образовательных учреждений. В своем развитии новые подходы психодиагностики в образовании должны исходить из актуальных задач школьной психологической службы. На наш взгляд, одной из главных задач психологической службы в школе является участие во всем комплексе воздействий на школьника с целью «производства» самодеятельной личности, способной не только хорошо учиться, быть полноценным членом школьного коллектива, но и включаться в иные виды деятельности по окончанию школы. Психологическая служба не просто должна ограничиваться ориентацией на создание наиболее комфортных условий для осуществления учебно-воспитательного процесса. Спектр ее целей простирается гораздо дальше, обеспечивая перспективу дальнейшей деятельности ученика.

Работники психологической службы в школе должны в своей повседневной практике иметь дело со школьником. Каждому из них понадобится социальная, социально-психологическая, профессиональная подготовка, умение быстро включаться в новую деятельность. В зависимости от содержания этой деятельности можно строить и систему дифференцированной работы психологической службы школы с тем или иным контингентом учащихся, а также препода-

вателями. В любом случае следует стремиться к тому, чтобы школьник постепенно становился субъектом целеполагания и целеосуществления, субъектом своей собственной деятельности.

Одно из наиболее трудных направлений работы, на наш взгляд, состоит в соединении обучающих и воспитывающих воздействий в едином процессе формирования личности ребенка. Здесь необходимо создание системы воспитывающего обучения, при котором сам способ организации и осуществления учебного процесса включал бы и обучающее и воспитывающее влияние.

Принцип совместной, коллективной деятельности должен быть поставлен впереди принципа индивидуализации обучения. Последнее в своем крайнем выражении часто приводит к отграничению интересов индивида от интересов коллектива. Между тем только в коллективе, в совместной с другими деятельности уникальные особенности индивида могут получить определенность и развитие. Индивидуальность — это следствие коллективности, поэтому принцип индивидуализации сохраняет свое значение только в качестве подчиненного принципа коллективной, совместно-разделенной деятельности. Это положение чрезвычайно важно для работников психологической службы школы, поскольку его основные усилия направлены на воспитание личности в учебном коллективе. Изменяя структуру коллектива и содержание его деятельности, можно направленно менять и структуру личности отдельных его членов[1]

В качестве особой задачи возникает необходимость разработки оценочных процедур, тестов, определяющих не только уровень развития индивида, индивида в коллективе, но и самого коллектива. Исследования в области социальной психологии показали, что 80 % подростков подвержены феноменам социального конформизма. Таким образом, понять и спрогнозировать поведение подростка можно только исходя из знания особенностей конкретной группы, в которой он находится.

Исследователи должны решить, насколько группа способна двигаться в пространстве и во времени за счет не только индивидуальных качеств, но и потенциала самой группы, выделяя при этом судьбу группы, ее потенциал.

Это актуализирует разработку методик, диагностирующих групповой статус, совокупный интеллект, самосознание группы, ее творческий потенциал.

Эти идеи, высказанные А.А.Вербицким в 1982 г., дали толчок развитию нового направления — системно-контекстной психодиагностики (СКП-диагностики). Она направлена на изучение, во-первых, отдельного индивида в коллективе и, во-вторых, потенциала коллектива, состоящего из индивидов. Д.Б.Элькониным сформулированы основополагающие теоретико-методологические положения, принципиально важные для диагностики развития учащихся. В частности, он критиковал гипотетическо-структурно-феноменологическое описание, характерное для зарубежных теорий, лежащих в основе психологических тестов способностей и личности. Этому подходу он противопоставил генетический: без знаний генетического механизма способностей и личности невозможно понять их сущность, а тем более контролировать их развитие[2] Ю.В.Карпов и Н.Ф.Талызина отмечают, что стадии интеллектуального развития ребенка могут быть установлены только в процессе формирования у него новых действий, то есть с помощью генетического метода[3] Б.Ф.Ломов выделил шесть принципов или норм описания психических явлений[4]

Говоря о системном подходе, подразумевают позицию исследователя и арсенал средств, фиксирующих изучаемый предмет как многокачественный, целостный и изменяющийся. Динамическое единство различного, то есть система, анализируется в терминах элементов и структуры, части и целого, организации и координации, развития, иерархии, измерений и уровней, выражающих современный строй любой позитивной науки. Специфика системного познания состоит в возможности описания интегральных образований действительности[5].

Большинство психологических исследований, проводимых в русле традиционной психодиагностики, изучают те или иные стороны и свойства личности. Фрагментарность, односторонность, частичность психологических исследований являются, с нашей точки зрения, главными причинами недостаточной практической реализации психологических знаний. В психодиагностике системный подход означает, что

можно лучше понять испытуемого, рассматривая его не только через призму индивидуально-психологических особенностей, но и с точки зрения целого, в контексте (отсюда и системно-контекстная психодиагностика) социальных связей, составной частью которых он является.

Реализация принципов системного подхода к описанию и выявлению психических явлений предполагает две специфических особенности изучаемых явлений, используемых нами в развитии СКП-диагностики. Первая особенность заключается в том, что психодиагностическая деятельность должна основываться на двух принципах. Во-первых, проведение работы в плоскости теоретических знаний, прежде всего о сущностных свойствах изучаемого явления, которые служат необходимой исходной базой исследований. Во-вторых, направление эмпирической работы на выявление определяющих оснований личности и последовательного обобщения выделяемых показателей.

Идеи контекстного подхода в психологии и педагогике вот уже 25 лет интенсивно развиваются в научно-педагогической школе А.А.Вербицкого. Именно в русле этой теории термин «контекст», заимствованный из лингвистики, рассматривается как психологическая категория. В то же время, несмотря на широкое использование в психологической литературе термина «контекст», при объяснении различных механизмов психического отражения он еще не получил общепризнанного статуса психологического понятия, а тем более категории[6].

Контекст можно определить как систему внутренних и внешних факторов, условий поведения и деятельности человека, влияющих на особенности восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации, определяющих смысл и значение этой ситуации как целого и входящих в него компонентов. Соответственно выделяются внутренний и внешний контексты. Внутренний — это система уникальных для каждого человека психофизиологических, психологических и личностных особенностей и состояний, его установок, отношений, знаний и опыта; внешний — система предметных, социальных, социокультурных, пространственно-временных и иных характеристик ситуации действия и поступка. Интеграция множества смыслообразующих кон-

текстов в сознании, мышлении, поведении и деятельности человека создает неповторимый для каждого образ мира и себя в нем, выступает механизмом порождения разнообразия человеческих индивидуальностей в процессах образования, жизни и профессиональной деятельности[7]

Внутренний и внешний мир дан человеку не «сам по себе», а в тех или иных предметных и социальных контекстах; объяснение любого психического явления требует изучения как контекста, в котором оно происходит, так и внутренней природы самого явления.

Игнорирование контекста, в котором разворачивается то или иное событие, является причиной многих проблем, возникающих в науке, социально-экономической сфере, образовании и в жизни отдельного человека. Необходимы глубокие исследования влияния контекста на исследуемые феномены, выделение видов контекстов, их уровней и взаимосвязей. Учет различных контекстов значительно расширяет границы познания, в том числе обогащает предметно-смысловое поле образования, открывает новые перспективы в проблемном поле развития образования. Интеграция множества смыслообразующих контекстов в психике, сознании, мышлении, поведении и деятельности человека создает неповторимый для каждого образ мира и себя в нем, выступает механизмом порождения разнообразия человеческих индивидуальностей в процессах жизни, профессиональной деятельности и образования[8]

Рассматривая СКП-диагностику, необходимо объяснить ее отличие от групповых тестов и психодиагностики межличностных отношений. Основная цель разработки групповых тестов заключается в стремлении повысить эффективность практических служб психодиагностики за счет увеличения контингента обследуемых[9] В психодиагностике межличностного общения изучается само общение или дается социально-психологическая характеристика личности (группы)[10]

В СКП-диагностике в отличие от традиционной решается новая, причем двойная задача: во-первых, определяется уровень развития индивида как члена коллектива с точки зрения его вклада в потенциал коллектива (группы, команды); во-вторых, выявляется потенциал развития самого

коллектива. Традиционное тестирование, ориентированное на отдельного индивида, на современном этапе может оказаться ограниченно пригодными для решения задач школьной психологической службы.

Исследуя коллектив, необходимо остановиться на том, что он, во-первых, оказывает не только позитивную, но и негативную роль в воспитании личности ученика и, во-вторых, мало констатировать, что коллектив влияет, необходимо понять, от чего зависит это влияние и как оно осуществляется. Поэтому, работая, например, с трудными подростками и исследуя отклонения в их поведении, следует рассматривать среди прочих величину самого отклонения.

Рассматривая потенциал развития коллектива, можно обратиться к рассмотрению закономерностей развития, например, ученического класса как некоторой психологической общности, оценивать уровень его развития. В этом отношении имеет смыл развести два разных направления исследований: социально-психологическую диагностику уровня развития класса и оценку личностного самочувствия ученика в этом классе.

Психологическая служба призвана создавать комфортные условия осуществления учебно-воспитательного процесса в школе, а также обеспечить перспективу дальнейшей деятельности ученика. По нашему убеждению, СКП-диагностика способствует успешному решению этих задач.

Использование СКП-диагностики в школьной психологической службе происходит на фоне внедрения компетентностного подхода в российское образование. Этот подход является системным, междисциплинарным, в нем есть и личностные, и деятельностный аспекты, прагматическая и гуманистическая направленность. Компетентностный подход усиливает практико-ориентированность образования, его предметно-профессиональный аспект, подчеркивает роль опыта, умений практически реализовать знания, решать конкретные задачи[11] Развитие компетентностного подхода происходит в контексте внедрения профильного обучения в Республике Мордовия.

Таким образом, применение СКП-диагностики в школьной психологической службе в Мордовии позволет реали-

зовать перспективные задачи школьной психологической службы в свете модернизации российского образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Вербицкий А.А.* Психологическая служба в школе (материалы круглого стола) // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 84—85.

[2] См.: *Эльконин Д.Б.* Психолого-педагогическая диагностика: проблемы и задачи // Избр. психологические труды. М., 1989. С. 294—300.

[3] См.: *Карпов Ю.В., Талызина Н.Ф.* Критерии интеллектуального развития детей // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 52—59.

[4] См.: *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В.А.Барабанщикова, Д.Н.Завалишиной, В.А.Пономаренко. М., 2003.

[5] См.: *Барабанщиков В.А.* Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 29—46.

[6] См.: *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.

[7] См.: *Он же.* Контекст как смыслообразующая психологическая категория // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всерос. съезда психологов, 25—28 июня 2003 г. Т. II. СПб., 2003. С. 98—101.

[8] См.: *Вербицкий А.А., Дубовицкая Т.Д.* Контексты содержания образования. М., 2003.

[9] См.: *Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.* Словарь-справочник по психологической диагностике. СПб., 2005.

[10] См.: *Шевандрин Н.И.* Основы психологической диагностики: Учебник: В 3 ч. М., 2003. Ч. 2.

[11] См.: *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М., 2004.

Поступила 07.02.06.

Н.Н.ЛОГИНОВА *С.В.ПЕРШИН*

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Механическое движение населения — важнейший компонент социально-демографического развития региона. Воздействуя на демографическую ситуацию, миграция формирует глубинные изменения в воспроизводстве и демографической структуре населения. Успех реализации социально-экономических реформ, характер политических процессов и основные события общественной жизни непосредственно связаны с направленностью и темпами миграций.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации подчеркивается, что миграционные процессы влияют на государственную безопасность, общественное согласие, экономическую и демографическую ситуацию в стране[1]. Президент Российской Федерации В.В.Путин, обращаясь 10 мая 2006 г. с Посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, в качестве одного из

ЛОГИНОВА Нина Николаевна, доцент кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

ПЕРШИН Сергей Викторович, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

основных способов решения демографической проблемы назвал эффективную миграционную политику[2].

Миграция тесно связана с особенностями социально-экономического развития региона. Население Республики Мордовия только в XX в. уменьшилось почти на 400 тыс. чел., а сельских жителей стало меньше на 900 тыс. чел. (рисунок). Основной причиной сокращения численности жителей Мордовии являлось то, что с середины XX в. сальдо миграции было в основном отрицательным (табл. 1).

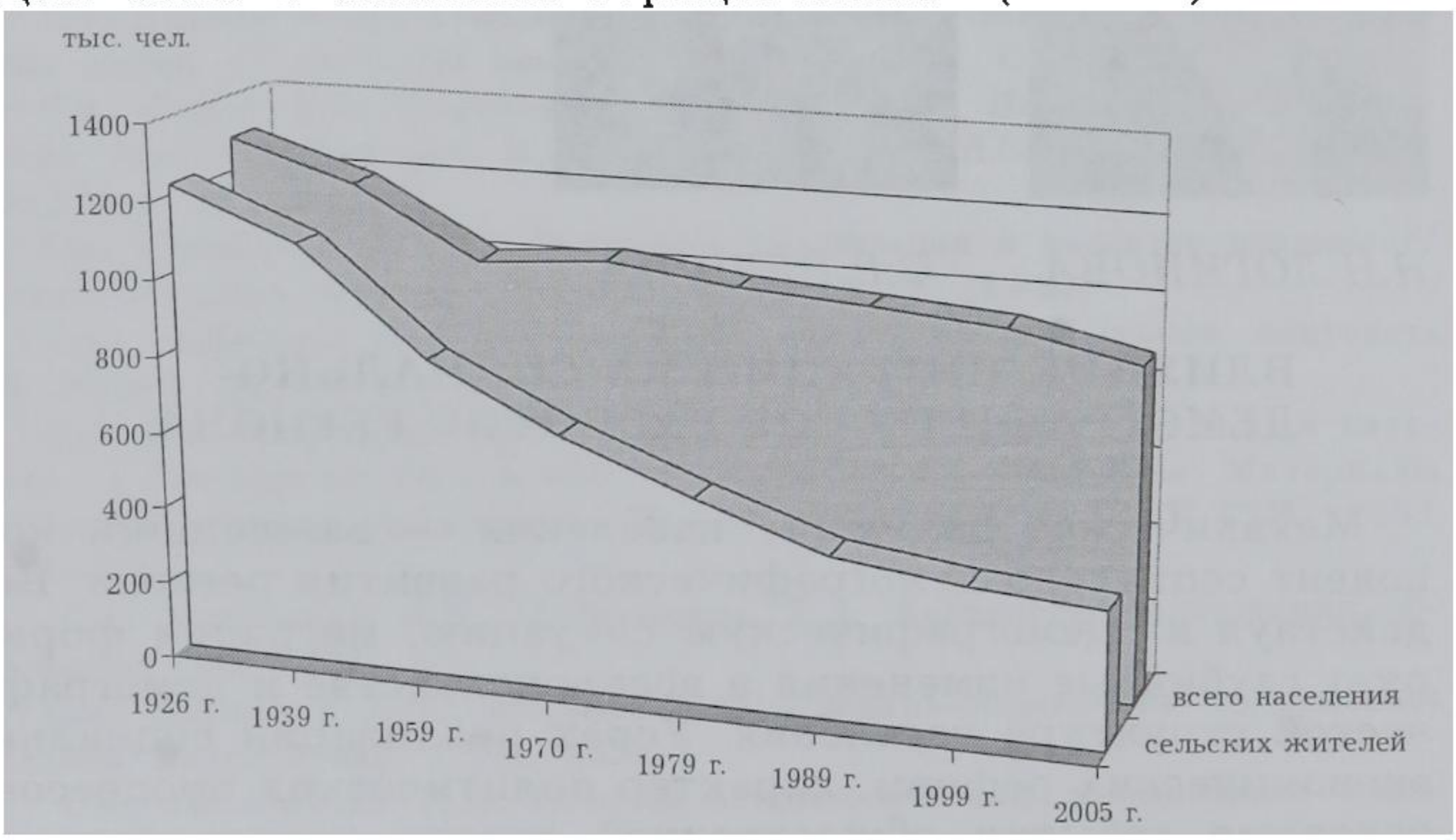

Рисунок. Динамика численности сельского населения Мордовии в 1926—2005 гг.

В 60—70-е гг. XX в. из сельской местности выбывало на 2—3 тыс. чел. больше, чем прибывало в городскую. Жители Мордовии выезжали, минуя свои города, включая столицу г. Саранск, в другие районы страны (Нижегородскую, Пензенскую, Самарскую, Московскую области, а также в г. Москву). Особенно активно население Мордовии стало покидать пределы республики в начале 70-х гг. XX в. Отрицательный коэффициент миграционного прироста в этот период был максимальным (в сравнении с другими регионами Волго-Вятского экономического района). В 1971—1976 гг. в республике отмечен самый высокий отток населения в Нечерноземной зоне РСФСР — 53,2 %.

Таблица 1

Миграция населения Мордовии, чел.[3]

Год	Всего		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост (убыль)
1950	27 830	22 894	4 936
1955	17 430	17 142	288
1960	40 749	42 246	-1 497
1965	34 045	33 947	98
1970	42 788	46 019	-3 231
1975	43 141	43 291	-150
1980	36 624	38 897	-2 273
1985	41 233	41 606	-373
1990	32 694	30 887	1 807
1995	18 845	17 934	911
2000	11 350	12 989	-1 639
2001	9 861	12 438	-2 577
2002	8 705	11 309	-2 604
2003	10 569	13 027	-2 458
2004	10 844	13 332	-2 488
2005	9 621	11 990	-2 369

Современная миграция усиливает депопуляцию в республике, в связи с этим необходимо исследовать факторы, влияющие на ее формирование, разработать и принять меры, способствующие эффективному управлению миграционными потоками. Статистические данные свидетельствуют о том, что население продолжает выезжать за пределы региона. В 2002 г. убыль за счет миграции составила 2 531 чел., в 2003 г. — 2 515 чел. Особенно существенной в исследуемый период была разница между числом прибывших и убывших в г. Саранске, а также Темниковском и Атюрьевском районах. Более благоприятная обстановка сложилась в Рузаевском, Краснослободском, Ромодановском, Большеберезниковском и Кочкуровском районах[4]

В 2004 г. миграционная убыль составила 2 269 чел., хотя следует отметить, что за счет незначительного увеличения числа прибывших из других регионов России отток по сравнению с 2002 г. несколько уменьшился. Среди российских территорий наибольшее число жителей из Мордовии по-прежнему принимают г. Москва и Московская область (66,8 %), Нижегородская (10,3 %) и Самарская (3,4 %) области; 62 % перемещений населения связаны с внутриреспуб-

ликанской миграцией, характеризующейся оттоком жителей из села.

Численность постоянного населения республики к началу 2006 г. составила 856,8 тыс. чел., из которых 506,9 тыс. (59,2 %) — горожане и 349,9 тыс. (40,8 %) — сельские жители (табл. 2). Общая численность населения за 2005 г. уменьшилась на 9,8 тыс. чел., или на 1,13 % (в 2004 г. — на 9,5 тыс. чел., или на 1,08 %). Сокращение населения происходило как за счет превышения числа умерших над числом родившихся (в 2,0 раза), так и за счет миграционной убыли (2,4 тыс. чел.). Число горожан сократилось на 3,5 тыс. чел., или на 0,7 %, сельских жителей — на 6,3 тыс. чел., или 1,8 %.

Снижение численности населения отмечено во всех административных районах республики и многих населенных пунктах, кроме пгт Зубово-Поляна (прирост на 0,6 %), пгт Атяшево (0,4 %), пгт Ялга (0,3 %) и пгт Луховка (0,1 %). Наиболее высокими темпами население сокращалось в Темниковском (на 3,1 %), Кадошкинском (2,8 %), Атюрьевском (2,6 %), Дубенском (2,5 %), Инсарском (2,4 %) и Тенгушевском (2,2 %) районах, что обусловлено как естественной убылью, так и миграционным оттоком населения. Наименьшие потери населения зафиксированы в сельской местности Рузаевского (на 0,4 %) и Лямбирского (0,7 %) районов, а также в Чамзинском районе (0,6 %).

На начало 2006 г. в г. Саранске проживало 297,1 тыс. чел. За 2005 г. жителей столицы стало меньше на 2,1 тыс. чел. Потери населения сложились как за счет миграционного оттока (он составил 53,2 % в общей убыли населения города), так и за счет естественного движения населения.

Анализ статистических материалов позволяет сделать вывод о том, что самой высокой миграционной подвижностью обладает население в трудоспособном возрасте. Его доля в общем объеме миграции составила 72,8 %, в том числе более 46 % — молодежь в возрасте 16—29 лет. Число выбывших из Мордовии в трудоспособном возрасте (9 478 чел.) на 23,3 % больше, чем прибывших (7 690 чел.). По причине поиска работы из республики по межобластному потоку выбыло в 3,6 раза больше, чем прибыло на ее территорию. На смену места жительства оказывают

Таблица 2

Компоненты изменения численности населения Республики Мордовия[5]

Регион	Численность населения на 1 января 2005 г., чел.	Изменения за год			Численность населения на 1 января 2006 г., чел.	Общий прирост (снижение) за год, %
		естественный прирост (убыль)	миграционный прирост (убыль)	общий прирост (убыль)		
Республика Мордовия	866631	−7429	−2369	−9798	856833	−1,13
В том числе:						
— городское население	510399	−2215	−1303	−3518	506881	−0,69
— сельское население	356232	−5214	−1066	−6280	349952	−1,76
г.Саранск и подчиненные его администрации населенные пункты	326294	−1068	−1063	−2131	324163	−0,65
г.Ковылкино и подчиненные его администрации населенные пункты	21486	−148	−94	−242	21244	−1,13
г.Рузаевка	48973	−339	−46	−385	48588	−0,79
Ардатовский район	30694	−414	−62	−476	30218	−1,55
Атюрьевский район	11435	−109	−189	−298	11137	−2,61
Атяшевский район	21834	−310	−132	−442	21392	−2,02
Большеберезниковский район	15194	−305	48	−257	14937	−1,69
Большеигнатовский район	9219	−143	−27	−170	9049	−1,84
Дубенский район	15661	−243	−142	−385	15276	−2,46
Ельниковский район	12924	−175	8	−167	12757	−1,29
Зубово-Полянский район	64153	−525	−191	−716	63437	−1,12
Инсарский район	15183	−213	−144	−357	14826	−2,35
Ичалковский район	22238	−334	12	−322	21916	−1,45
Кадошкинский район	8988	-99	−152	−251	8737	−2,79
Ковылкинский район	24375	−511	2	−509	23866	−2,09
Кочкуровский район	11442	−196	51	−145	11297	−1,27
Краснослободский район	28075	-377	49	-328	27747	-1,17
Лямбирский район	33515	−222	−1	−223	33292	−0,67
Ромодановский район	21642	−217	−10	−227	21415	−1,05
Рузаевский район	18810	−239	157	−82	18728	−0,44
Старошайговский район	15125	−202	−39	−241	14884	−1,59
Темниковский район	19839	−362	−250	−612	19227	−3,08
Теньгушевский район	13667	−248	−47	−295	13372	−2,16
Торбеевский район	22593	−201	−125	−326	22267	−1,44
Чамзинский район	33272	−229	18	−211	33061	−0,63

существенное влияние различия в социально-экономическом положении, уровне и качестве жизни населения регионов. Население выезжает в развитые в экономическом отношении и социально привлекательные районы страны.

Эмиграция населения Мордовии обусловлена в первую очередь сокращением численности занятого населения, отсутствием широкого выбора вакантных рабочих мест и невысоким уровнем заработной платы. В конце 2005 г. средняя заработная плата работников предприятий республики составила 4 961 руб., в то время как в среднем по России она достигла 7 933,8 руб., в Центральном федеральном округе — 8 733,3 руб., в Северо-Западном — 9 191,1 руб., в Приволжском — 6 079,5 тыс.

Среди прибывших в 2003 г. почти 19 % мигрантов имели высшее образование, а среди выбывших — 24 %. Прибывшие из других регионов России старше 14 лет основными обстоятельствами переселения указывали причины личного, семейного характера и возвращение к прежнему месту жительства (80 %); выбывшие — причины личного характера (60 %) и трудоустройство (17 %).

Миграция населения региона делится на три потока: международный, межрегиональный и внутрирегиональный (табл. 3). По численности наиболее существенным потоком мигрантов в Мордовии является внутрирегиональный, составляющий 69 % всего числа прибывших и 55 % выбывших. Межрегиональный поток миграции начал усиливаться в 1997 г. Сальдо межрегиональной миграции увеличилось с −1 615 чел. в 1999 г. до −2 547 в 2005 г.

Международная миграция представлена обменом населением между Мордовией, странами СНГ и Балтии. В 1994 г. сальдо миграции с этими странами составляло +3,2 тыс. чел. и являлось фактором компенсации депопуляции населения, но в 2003 г. оно составило всего +164 чел., а в 2005 г. — 178 чел. Первая волна мигрантов наблюдалась из Азербайджана, вторая — из Узбекистана, Грузии, Армении и Таджикистана. В настоящее время в Мордовию переселяются в основном из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркмении. Миграционные потоки из этих стран вызваны в первую очередь более резким, чем в России, падением уровня жизни. Кроме того, причиной переселений нередко

становится умышленное «выдавливание» русских из политической, экономической и научной сфер жизни общества.

Таблица 3

Миграция населения в Республике Мордовия по потокам, чел.[6]

Показатель	Число прибывших		Число выбывших	
	2004 г.	2005 г.	2004 г.	2005 г.
Миграция — всего	10844	9621	13332	11990
из нее:				
в пределах России	10603	9318	13182	11865
В том числе:				
внутрирегиональная	7718	6630	7718	6630
межрегиональная	2885	2688	5464	5235
международная миграция	241	303	150	125
В том числе:				
со странами СНГ и Балтии	232	290	109	88
с другими зарубежными странами	9	13	41	37
Внешняя (для республики) миграция	3126	2991	5614	5360

Следует упомянуть о том, что миграция оказала влияние на размещение населения Республики Мордовия. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Мордовии зарегистрирован 1 351 сельский населенный пункт, где проживало 422,4 тыс. чел. В 2005 г. в республике числилось 1 290 сельских населенных пунктов и 356,2 тыс. чел. сельского населения. По сведениям на 1 января 2005 г., в Мордовии насчитывалось 11 населенных пунктов без проживающего населения. Наибольшее сокращение населенных пунктов произошло в Большеигнатовском, Чамзинском, Зубово-Полянском и Лямбирском районах. Абсолютная численность сельского населения за последние 20 лет снизилась практически во всех административных районах республики, кроме Лямбирского. Наибольший показатель миграции был характерен для малых поселений сельской местности.

Проведенное исследование позволило установить, что важнейшим фактором депопуляции населения Мордовии является отрицательное сальдо миграции. Сложившаяся в регионе конфигурация миграционных процессов характеризуется оттоком специалистов с высшим и средним профессиональным образованием за пределы республики; сокращением численности и доли прибывших в республику из-

за ее пределов мигрантов репродуктивного возраста; слабо регулируемым внутриреспубликанским движением.

По подсчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук, уже в 2009 г. начнется «обвальное» сокращение предложения рабочей силы[7] Экстренные меры по повышению рождаемости, предпринимаемые Правительством РФ, на наш взгляд, смогут изменить ситуацию на рынке труда в лучшем случае после 2030 г.

Таким образом, в самое ближайшее время следует ожидать повышения конкуренции между российскими регионами в привлечении рабочей силы. Анализ статистики позволяет сделать вывод о том, что *стартовые позиции Мордовии в этой конкурентной борьбе не являются выигрышными.* Критический уровень численности и доли сельского населения, достигнутые в результате движения населения в XIX—XX вв., повлияли на то, что в аграрной сфере дефицит работников ощущается уже в настоящее время.

На наш взгляд, назрела необходимость разработки новых отраслевых и территориальных программ социально-демографического развития Республики Мордовия. В первую очередь необходимо попытаться сдержать отток населения за пределы региона. Руководством республики уже предпринимаются определенные меры по предоставлению жилья (служебного, через потребительские ссуды, ипотеку и проч.) остающимся в сельской местности специалистам. Другая реальная возможность сокращения численности выехавших за пределы Мордовии в современных условиях — своевременное информирование об имеющихся вакансиях и создание рабочих мест.

Необходимо активизировать привлечение трудоспособных граждан из-за пределов республики. Уже сегодня на региональном рынке труда имеются рабочие места, не востребованные жителями республики. Вакансии, не заполняемые местными безработными и ждущие мигрантов, сконцентрированы в основном в жилищно-коммунальном хозяйстве и агропромышленном комплексе республики.

Достаточно эффективным средством привлечения и закрепления мигрантов, на наш взгляд, являются государствен-

ные программы адаптации переселенцев в социально-трудовую сферу (образование, жилье, социальное обеспечение, материальная помощь и др.). Необходимо создать инфраструктуру, обеспечивающую селекцию и интеграцию мигрантов (центров тестирования, повышения или смены квалификации мигрантов, а также их жилищное, трудовое и социальное обеспечение).

В указанном направлении проводится работа в ряде российских регионов. Реализация миграционных программ в экстренном порядке начата в Челябинской, Читинской, Пензенской и Свердловской областях. Так, например, в Свердловской области в 2004 г. создан Миграционный центр, призванный помочь мигрантам из стран СНГ в трудоустройстве (оформление документов, создание бытовых условий и проч.). Следует упомянуть о том, что определенное внимание следует уделить созданию образа «миграционно привлекательного» региона (благоприятная обстановка при приеме и в повседневной жизни мигрантов, включая формирование доброжелательного отношения к ним со стороны населения).

На наш взгляд, предложенные меры позволят более тесно увязать государственную миграционную политику с насущными задачами социально-экономического развития отдельно взятого региона и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года // Рос. газ. 2001. 16 окт.

[2] См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. // Рос. газ. 2006. 11 мая.

[3] См.: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2005. С. 72.

[4] Там же. С. 73—74.

[5] См.: Миграции населения: Стат. сб. № 910. Саранск, 2006. С. 10—12.

[6] Там же. С. 11—13.

[7] См.: *Хамраев В.* Разрешите поселиться // Коммерсантъ Власть. 2006. 27 марта. С. 19.

Поступила 21.06.06.

О.В.НЕСТЕРОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП МИГРАНТОВ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Идеологические, культурные и социально-экономические трансформации российского общества в последние десятилетия наложили отпечаток на социокультурную обстановку Российской Федерации и ее регионов. Сложность описания современной социокультурной ситуации состоит в том, что создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной присутствием сложных связей между отдельными элементами этих процессов. Нарастание к концу XX в. процессов глобализации и регионализации вызвало настоятельную потребность в изучении их специфики для решения насущных проблем современного и перспективного развития регионов, для выбора стратегии этого развития.

Сформировавшийся в настоящее время социетально-деятельностный подход позволяет сформировать представление о социуме как противоречиво-целостной системе. В рамках этого подхода в достаточной мере реализуется социокультурный принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социальности. Эти методологические подходы особенно ценны, поскольку позволяют последовательно проанализировать аспекты, связанные с достаточно обширным полем взаимодействия мигрантов как носителей различных культур с социокультурным пространством регионального социума Республики Мордовия, который мы рассматриваем как развивающуюся и открытую к культурному диалогу социокультурную систему.

НЕСТЕРОВА Ольга Валерьевна, соискатель отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Особенно важно для социокультурного исследования региона то, что социетально-деятельностный подход позволяет связать цивилизационный и формационный подходы. Если цивилизационный подход охватывает устойчивые компоненты истории (антропологические, этнические, культурные), а формационный концентрирует внимание на более изменчивых (социальных, личностных) структурах, то социетально-деятельностный подход выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого (личности и общества, культуры и социальности)[1] Это позволяет объединить методологические достижения изучения социокультурных систем в культурологии, социологии, этносоциологии, философии, истории, регионологии, антропологии и этнографии для исследования социокультурных аспектов миграционных процессов на региональном уровне.

Республика Мордовия отличается не только территорией, административными границами, своеобразным экономическим развитием, но и особенностями социальных и культурных отношений, спецификой связанных между собой локально-этнических ментальностей, что позволяет говорить о ней как о регионе не только с точки зрения административной или экономической единице, но и как о социокультурной общности. Все этносы, населяющие Мордовию, находятся друг с другом в тесном культурном взаимодействии. На территории республики проживают представители славянского, финно-угорского и тюркского миров. Культурный диалог пронизывает всю их жизнь. Он является средством осуществления коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Взаимодействие культур, их диалог — наиболее благоприятная форма развития межэтнических, межкультурных отношений.

Миграционные процессы — явление сложное, противоречивое и болезненное, вызванное, как правило, внутрисоциальным напряжением, носящее общемировой, глобальный характер. Столкновения цивилизаций, глобализация и регионализация, интеграция и дезинтеграция являются отличительными чертами современного уровня развития человечества. Эти процессы оказали влияние и на Мордовию, найдя свое проявление в наиболее типичных для региона миграционных потоках: эмиграция, иммиграция, вынужденная, внешняя трудовая и незаконная миграции.

С начала 90-х гг. XX в. в Мордовии, как и в России, в силу известных причин происходит активизация этносов как субъектов и объектов этнополитических процессов. При этом в развитии национальных и федеративных отношений постепенно выделяется фактор особой этнической группы — диаспоры, активизация ее национального самосознания и культурной самоидентификации. Обретение стабильных жизненных условий и перспектив этнического существования являлось целью, преследуемой переселяющимися группами или соединенцами (семьи, родственные объединения), которым приходилось строить собственную нишу в новой социокультурной среде, пройти необходимые стадии адаптации.

Особенно ярко стали себя проявлять эти процессы в республике в начале 1990-х гг. В этот период на территории Мордовии возникают культурно-национальные центры и объединения, основной целью которых было сохранение этнокультурных особенностей и национального своеобразия в многонациональном и полиэтническом регионе. С 90-х гг. XX в. и по настоящее время в регионе существует ряд организаций, представляющих интересы представителей нетитульных этносов и объединяющих представителей различных этносов, длительное время проживающих на территории республики, и мигрантов. В Мордовии с конца 1990-х гг. существует Национально-культурная автономия татар, с июня 1991 г. — Мордовское республиканское общество татарской культуры «Якташлар» («Земляки»)[2], с декабря 2005 г. — местная национально-культурная автономия украинцев Республики Мордовия. Помимо этих официально зарегистрированных в Министерстве юстиции национальных общественных объединений на территории Мордовии в 1992—2004 гг. функционировало культурно-просветительское общество азербайджанцев «Юрддаш» которое, однако, прекратило свое существование. Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные официально зарегистрированные национально-культурные объединения являются наиболее стабильными и проверенными временем.

Возникновение национально-культурных объединений, обществ и автономий на территорию Мордовии достаточно четко заявляет о наличии в республике культурной иден-

тичности. Особенно ярко она показала себя в среде татар: в 1991 г. 1,4 %, а в 2004 2,1 % всего татарского населения были переселенцами на территорию Мордовии[3] Вопрос этнокультурной идентичности особенно активизировался в связи с проведением в 2002 г. Всероссийской переписи населения. Н.В.Шилов подчеркнул: «Лидеры одних национально-культурных организаций Республики Мордовия чрезвычайно обеспокоены тем, чтобы не потерять этническую самобытность и раствориться среди другого этноса, а активистов других национально культурных организаций волнует обратная проблема: не выпасть из контекста единого большого этноса, разделенного на субэтносы»[4]

Анализ содержания деятельности культурно-просветительских организаций показывает, что происходит активное освоение этнической культуры, главным образом, языка, возрождаются религиозные праздники и прежде забытые культы. Идет апелляция к далекому прошлому, традиции как источнику легитимности или несправедливости сегодняшнего состояния.

Практически все исследуемые национально-культурные организации и общества были зарегистрированы в период с 1991 по 2005 г. Обнаруживается схожесть «биографий» этноориентированных организаций. Они стремятся заявить о себе как о факторе не только культурного, но и политического поля. О своих проблемах и интересах татары заявляют в общественно-политической газете «Юлдаш», издаваемой с 2005 г. Что касается отражения общественно-политических и религиозных интересов мусульман Мордовии, в том числе мигрантов из стран СНГ и ближнего зарубежья, то они находят свое отражение в издании с марта 2001 г. газеты «Ислам в Мордовии» и Интернет-сайте с одноименным названием.

Необходимо отметить, что в Мордовии не наблюдается отчетливого противостояния местных православных и духовных мусульманских лидеров, хотя у последних достаточно четко видна ориентация на Татарстан и религиозные центры в Средней Азии и Саудовской Аравии.

Главными проблемами исследования состояния и характера социокультурных отношений этноконфессиональных групп мигрантов и местного населения являются объектив-

ная оценка и определение перспектив их взаимодействия в рамках регионального социума. Возможность оценки состояния этих отношений основывается на междисциплинарном подходе в анализе объективных условий, в которых эти отношения формируются. Для многонациональной и поликонфессиональной Мордовии эффективная национально-культурная политика выступает важнейшим инструментом поддержания социально-политической, экономической целостности и общественного согласия. Такая политика невозможна без учета специфики этничности народов России. Переходный характер развития российского общества современной культуры требует осмысления этих проблем на региональном уровне, что неразрывно связано с вопросами взаимоотношения культур, этносов, социальных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 20.

[2] См.: Общественные движения в Мордовии. Документы и материалы / Авт.-сост. В.В.Маресьев. М., 1993. С. 245—250.

[3] См.: *Нежданов В.А.* Миграция населения в Республике Мордовия // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 2: Приволжский федеральный округ. М., 2004. С. 135.

[4] См.: *Шилов Н.В.* Перепись населения: различные точки зрения // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. № 99. С. 24—23.

Поступила 08.08.06.

М.В.КАЙМАКОВА

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА РЕГИОНА

Экономические, политические, социальные процессы в стране обусловливают необходимость анализа вопросов, связанных с развитием и становлением новых форм дифференциации сельского населения. В связи с этим нами был проведен опрос жителей ряда сел в Цильнинском и Карсунском районах Ульяновской области (209 чел.), руководителей районных сельскохозяйственных управлений (18 чел.), а также студентов старших курсов, обучающихся в Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии (145 чел.).

Опрос был направлен на выявление различных аспектов жизни села: перспективы развития села и местного самоуправления; состояния культуры; традиций крестьянства; отношения крестьян к собственности; участия работников села в распределении результатов своего труда.

Согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления РФ», главной целью реформы местного управления является более полное и эффективное решение повседневных проблем жителей муниципальных образований. Этим и было обусловлено содержание большинства вопросов анкеты. На вопрос «Какие положительные результаты Вы ожидаете от реформирования местного самоуправления?» более оптимистичными оказались ответы руководителей районных сельскохозяйственных управлений: 56 % из них уверены в том, что реформа МСУ положительно повлияет на будущее села; в группе студентов эта цифра составила 43 %, а среди остального населения — 24 %. Население и студенты в большей степени, чем

КАЙМАКОВА Мария Васильевна, соискатель кафедры экономики и менеджмента Ульяновского государственного технического университета.

Заказ № 6329

руководители районных сельхозуправлений надеются, что реформирование местного самоуправления приведет к увеличению собственных доходов МСУ Руководители сельхозуправлений больших надежд на увеличение собственных доходов и бюджетов МСУ не возлагают, хотя в целом с оптимизмом относятся к реформам. Очевидно, руководителям в большей степени известны потенциалы, заложенные на решение финансово-экономических вопросов в российском и региональных законах по реформированию МСУ Студенты, выходцы из сел, не ожидают больших изменений в культурных, нравственных традициях на селе.

Отвечая на вопрос «Какие пути Вы видите в развитии Вашего муниципального образования?», студенты выразили надежду на то, что рентабельная деятельность сельскохозяйственных предприятий будет основой повышения благосостояния жизни села. Однако понимание руководителями сельхозуправлений фактического положения экономики сельхозпредприятий вынуждает их, очевидно, надеяться в большей степени на целевые государственные, региональные программы развития села. Это подтверждается тем, что в 2004 г. из 303 крупных сельскохозяйственных предприятий Ульяновской области 119 были убыточными, а 184 — прибыльными[1] Следовательно, с реформированием местного самоуправления возникает проблема реформирования сельскохозяйственного производства, повышения заинтересованности субъектов хозяйствования в улучшении эффективности производства. В связи с этим на вопрос «Какие Вы видите пути увеличения доходной части бюджета?» 61,1 % руководителей указали вариант «развитие экономики села», 44,4 % — «привлечение средств из бюджетов других уровней», 38,9 % — «развитие малого предпринимательства».

Также был задан вопрос руководителям райсельхозуправлений «Как Вы оцениваете понятие „неперспективные деревни“ и право их сохранения?». Вариант ответа «существование деревни не должно зависеть от экономической целесообразности» выбрали 38,9 %; «деревня — элемент социальной структуры и должна сохранять историческую память ее жителей» — 61,1 %.

Основной целью функционирования объектов социальной инфраструктуры является полное и всестороннее развитие

человека путем удовлетворения его бытовых, культурных и духовных потребностей. Создание условий для устойчивого развития сельских территорий во многом зависит от решения социальных проблем села. Анализ результатов исследования свидетельствует, что выпускники сельскохозяйственной академии не хотят возвращаться по окончании обучения на работу в село. Несмотря на увеличение численности студентов, проблема миграции молодых специалистов из сел в города обостряется. Это актуализует вопрос восстановления системы распределения выпускников сельскохозяйственных вузов и обеспечения их жильем и социальными гарантиями, выделяя им жилищные сертификаты. Без расширения жилищного строительства на селе, обустройства его социальной инфраструктуры кадровая проблема села, по нашему мнению, не будет решена.

Только 10 % студентов планируют работать по избранной профессии в сельскохозяйственных предприятиях. Основной причиной своего решения они считают низкий уровень заработной платы и невозможность быстрого (в течение двух-трех лет) обустройства жилья и быта. Следовательно, нежелание выпускников сельхозакадемии трудиться на селе прежде всего обусловлено социально-экономическими факторами.

Социальное преобразование села, формирование в сельской местности оптимальной среды обитания — важнейший фактор эффективного использования земельных ресурсов. Приоритетными направлениями земельной политики Ульяновской области являются организация эффективного использования всех земель; обеспечение государственного регулирования земельных отношений в целях сохранения особо ценных земель, а также земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых природных территорий.

Относительно вариантов использования земли 53,6 % жителей села отдают предпочтение сдаче земельных паев в аренду (фермерам, сельхозпредприятиям). Они хотя бы имеют возможность получить арендную плату в натуральном виде, например, фуражным зерном, заготовкой и перевозкой кормов, предоставлением фермерской техники для вспашки огородов. 16,7 % жителей села выбрали индивидуальную деятельность на правах крестьянско-фермерского

хозяйства; 28,7 % — семейную форму; 1,0 % — работу по найму на собственника земли. Работать по найму на собственника земли крестьяне не хотят, но избыток рабочей силы и отсутствие работы на селе формирует слой сельских жителей, готовых не только продавать свои знания, навыки и умения, но и «служить» хозяину. 72,2 % руководителей сельхозуправлений и 42,1 % студентов «ратуют» за индивидуальную деятельность на правах крестьянско-фермерского хозяйства; 11,1 % руководителей сельхозуправлений и 35,2 % студентов — за семейную форму; 55,6 и 14,4 % соответственно — за сдачу земельных паев в аренду.

На вопрос «Почему крестьяне, по Вашему мнению, не оформляют документы на владение земельным паем?» были получены следующие результаты (рис. 1).

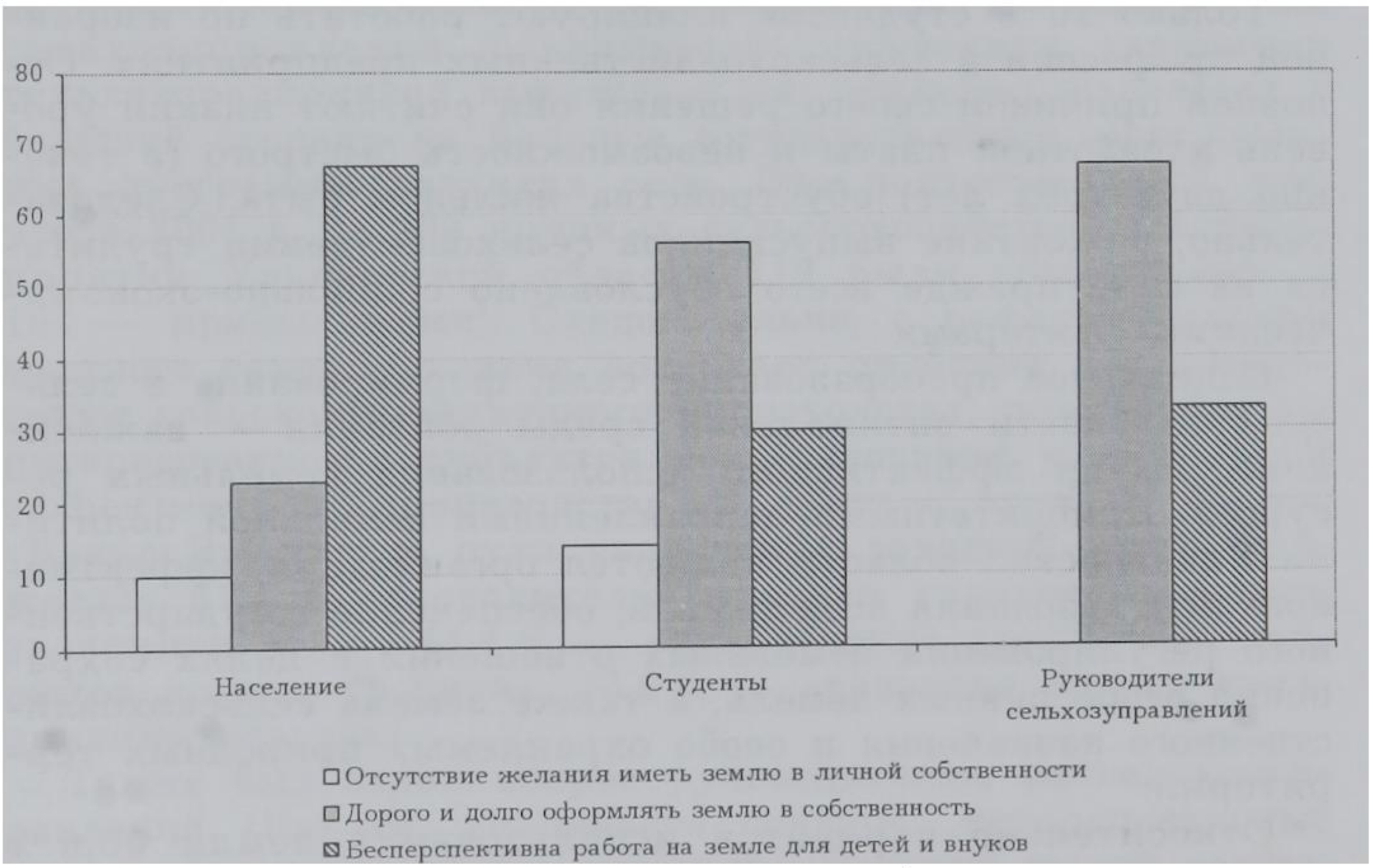

Рис. 1. Причины, по которым крестьяне не оформляют документы на владение земельным паем

Большинство крестьян (67 %) считают, что бесперспективно иметь в собственности участок земли для детей и внуков. Кроме того, обработка земли без соответствующей

техники для них обременительна. 23 % населения не оформляют земельные паи в собственность вследствие дороговизны и сложности этой процедуры. 10 % не желают иметь землю в личной собственности. Не видят перспективы работы на земле 33 % руководителей сельхозуправлений и 30 % студентов.

Не нашла поддержку идея передачи земли в частную собственность среди крестьян и у большинства студентов. На вопрос «Как Вы относитесь к продаже земли?» были получены весьма показательные ответы (рис. 2).

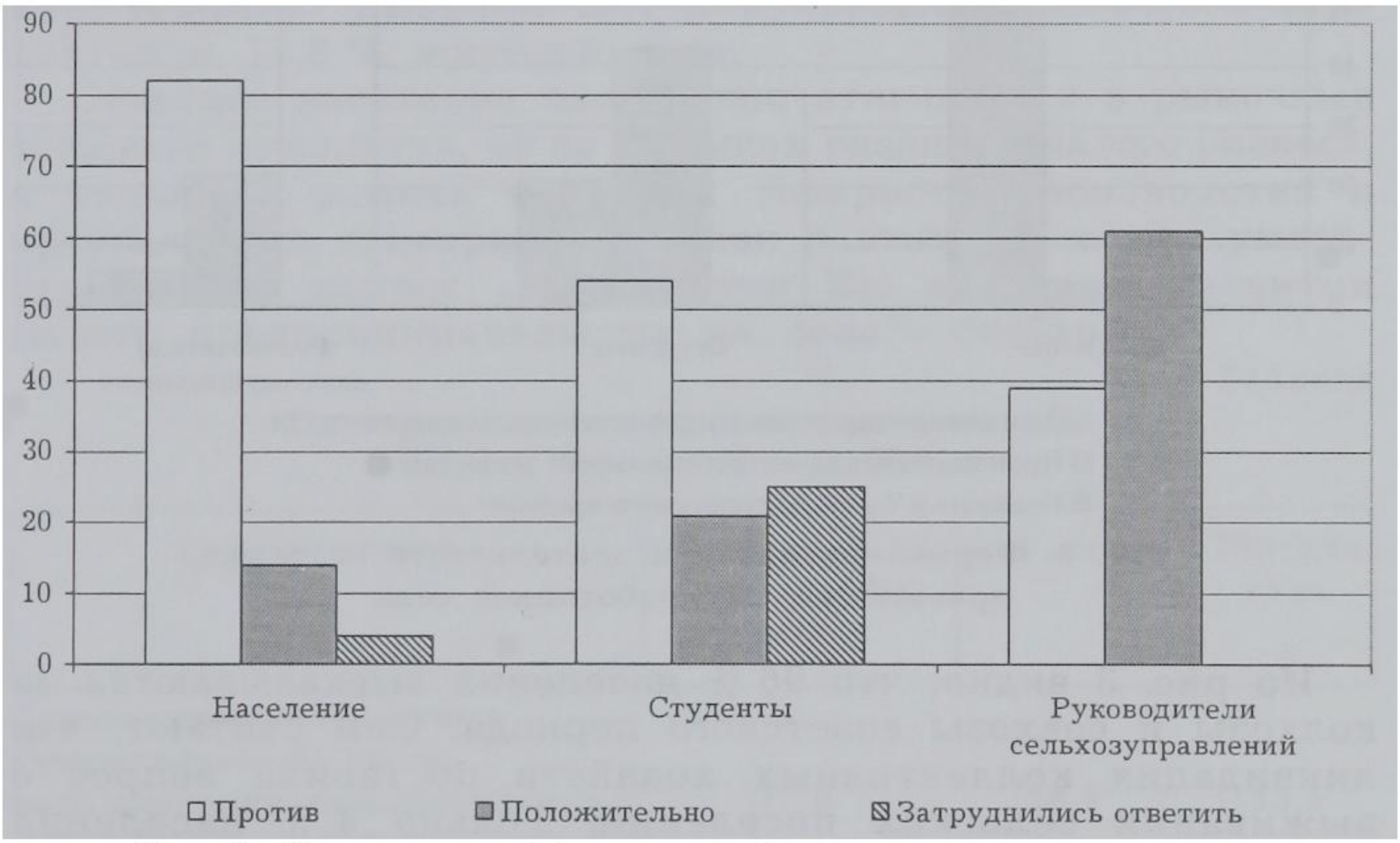

Рис. 2. Отношение руководителей, студентов и населения к продаже земли

Население в целом и студенты категорически против продажи земли, так как это, по их мнению, достояние наших предков, и земля должна быть только в вечном пользовании крестьян, живущих на ней. 14 % населения, 21 % студентов и 61 % руководителей относятся положительно к продаже земли.

Анализ результатов исследования показал, что переоформление учредительных документов хозяйствующих субъектов на селе взамен колхозов и совхозов не прибавило рентабельности их производству. В связи с этим ответы

на вопрос «Какую форму организации деятельности на селе Вы считаете приемлемым для работников села?» вполне естественны (рис. 3).

Рис. 3. Формы организации деятельности на селе, приемлемые для работников села

Из рис. 3 видно, что 96 % населения высказываются за колхозы и совхозы советского периода. Они считают, что ликвидация коллективных хозяйств поставила вопрос о выживании сельских поселений. Только 4 % населения высказались за производственно-потребительскую кооперацию. Что касается руководителей сельхозуправлений, то большинство опрошенных (72 %) — за сельхозпредприятия с привлечением наемного труда, 22 % — за производственно-потребительскую кооперацию, 6 % — за колхозы и совхозы советского периода. 43 % студентов ответили в пользу производственно-потребительской кооперации, 36 % — за сельхозпредприятия с привлечением наемного труда, 21 % выбрали вариант «колхозы и совхозы советского времени».

Высокая доля сторонников наемного труда из числа чиновников объясняется, на наш взгляд, сформировавшейся

психологией наемных работников в структурах управления. Население категорически не воспринимает наемный труд — работу на собственника.

Большинство руководителей (83,3 %) считают, что основными причинами, тормозящими развитие крестьянских (фермерских) хозяйств, являются недостаток кредитных ресурсов, у студентов эта цифра составляет 3,4 %, а у населения — 14,8 %. 90,9 % жителей, 66,7 % руководителей и 41,4 % студентов назвали низкие цены на производимую продукцию. Вариант «высокие цены на сельскохозяйственную технику» выбрали 44,4 % руководителей, 33,8 % студентов и 14,8 % жителей села.

Сельское население постепенно втягивается в рыночные товарные отношения, но не в рамках развития малого бизнеса, а только в рамках развития товарного производства в крестьянских подворьях. В связи с этим мы сочли уместным задать вопрос «Какие пути Вы видите в развитии малого предпринимательства на селе?» (таблица).

Таблица

Пути развития малого предпринимательства на селе, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Руководители сельхозпредприятий	Студенты	Жители села
Самозанятость населения выкармливанием скота, выращиванием сельхозкультур	77,8	28,9	53,5
Привлечение отдельных структур промышленных предприятий	5,6	22,1	13,9
Создание производства по использованию местного сырья	33,3	32,4	7,2
Не видим перспектив развития малого предпринимательства	—	16,6	25,4

Показательно, что руководители сельхозуправлений не видят перспектив развития малого предпринимательства. Из них 77,8 % высказались за самозанятость населения выкармливанием скота, выращиванием сельхозкультур, 33,3 % — за создание производства по использованию местного сырья, 5,6 % — за привлечение отдельных струк-

тур промышленных предприятий. 32,4 % студентов выбрали вариант «создание производства по использованию местного сырья», 28,9 % — «самозанятость населения вскармливанием скота и выращиванием сельхозкультур», 22,1 % — «привлечение отдельных структур промышленных предприятий». Основная масса жителей (53,5 %) предпочли самозанятость населения вскармливанием скота и выращиванием сельхозкультур. На это ориентирован и национальный проект «Развитие АПК», предусматривающий два основных направления: ускоренное развитие животноводства и стимулирование развития малых форм хозяйствования в АПК. Ориентация на малые формы обосновывается тем, что в них производится большая доля продукции сельского хозяйства (61 %).

Тем не менее нам представляется, что это временные вынужденные меры. Развитие сельскохозяйственного производства будет осуществляться благодаря созданию крупных сельскохозяйственных предприятий и комплексов. В целом опрос показал, что очевидна необходимость безотлагательного принятия органами местного самоуправления мер, направленных на стабилизацию и устойчивый рост сельской экономики, повышение уровня оплаты труда, качества жизни населения и нравственное оздоровление жителей деревень.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Экономическое положение Ульяновской области: Стат. сб. Ульяновск, 2004. С. 291.

Поступила 21.04.06.

Л.Н.ЛИПАТОВА
И.В.ЕГОРОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕГИОНА

Начиная с середины 80-х гг. XX в. социально-трудовые отношения в России претерпевают существенные изменения, которые носят неоднозначный характер. Особенности современного состояния социально-трудовых отношений в российском обществе, на наш взгляд, определяются рядом обстоятельств. В первую очередь тем, что новые отношения складываются не естественно-историческим путем, а в соответствии с волей и действиями людей, сознательно определяющих и реализующих программы социально-экономического реформирования страны. Поэтому велика роль так называемого субъективного фактора и, как следствие, непредсказуемы ход процессов и возможные результаты, существует опасность значительных отклонений от выбранного вектора преобразований, появления негативных последствий в социально-трудовой сфере.

Бурно протекающие в российском обществе процессы, запаздывание разработки необходимых для регулирования социально-трудовых норм и нормативов обусловили преобладание элемента стихийности в поведении субъектов этих отношений. Это в равной степени относится и к наемным работникам, и к частным предпринимателям, работодателям. В практику хозяйствования входят неинституциональные отношения и нормы, значительная часть которых носит социально деструктивный, а порой и криминальный характер. Больше всего нарушений отмечается в сфере занятости и оплаты труда.

Серьезной проблемой современной России стала незаконная трудовая деятельность. Точные границы теневой

ЛИПАТОВА Людмила Николаевна, заместитель генерального директора по персоналу и социальным вопросам Саранского приборостроительного завода.

ЕГОРОВ Игорь Владимирович, ассистент кафедры экономической теории Саранского кооперативного института.

занятости установить невозможно. По данным Госкомстата СССР, в конце 80-х гг. XX в. в теневой экономике производилось 6 % ВВП, в середине 90-х гг., по разным оценкам, — от 20 до 40 %[1] По другим источникам, в неформальном секторе экономики России на регулярной и нерегулярной основе работают 7,5 млн чел., занятых в течение полного рабочего дня, что составляет 11,6 % от общей занятости[2]

Рабочие места в этом секторе обеспечивают средствами к существованию значительное число людей. Вместе с тем занятость в неформальном секторе нередко характеризуется низкой производительностью, плохими, порой основанными на эксплуатации условиями труда, невысокой заработной платой, слабой социальной защищенностью. Формируется слой граждан, имеющих деформированную структуру мотивации труда, придерживающихся деструктивной модели социально-трудовых отношений. Эти явления и тенденции представляют серьезную опасность для экономической и социальной безопасности нации, поэтому их изучение и формирование системы адекватных мер по оздоровлению социально-трудовой сферы должны стать одной из приоритетных задач российской внутренней политики.

Особую актуальность приобретают проблемы формирования социально-трудовых отношений на уровне предприятия. Проводимые в стране преобразования привели к большим переменам в социально-трудовой сфере, в частности, функции государственного управления существенно сокращены, работодатели самостоятельно решают вопросы нормирования и оплаты труда, формируют персонал предприятия, обеспечивают охрану труда и т.д.

При несогласии сторон возникают споры и конфликты, ведущие к дестабилизации коллектива и значительным экономическим потерям вследствие протестов и забастовок. Своевременное урегулирование трудовых конфликтов способствует нормализации социальной обстановки в коллективе, от которой во многом зависит эффективность производства в целом.

Наиболее ярко характеризует состояние социально-трудовых отношений на предприятии отношение работников к

своему труду, во многом определяющее их поведение. Важнейшим условием формирования положительного отношения работников к труду является система стимулирования труда. Одно из центральных мест в этой системе занимает оплата труда.

Современную ситуацию в сфере оплаты труда в России характеризуют низкая воспроизводственная функция заработной платы (в настоящее время минимальная заработная плата, установленная государством, не достигает и 1/4 прожиточного минимума); задержки с выплатой заработной платы (в начале 2004 г. объем просроченной задолженности по заработной плате на российских предприятиях превысил 24,4 млрд руб.); сокращение доли заработной платы в совокупном доходе работника (доля заработной платы в совокупном доходе работника в среднем в РФ в 1992 г. составляла 74 %, в 1997 г. — 66 %, в настоящее время — 63 %); чрезмерная необоснованная дифференциация в оплате труда различных категорий работников (разрыв в оплате труда, по данным официальной статистики, составлял в 2003 г. 30 раз, причем нередко эти различия определяются не квалификацией и результативностью труда, а действиями руководства предприятия)[1]. Эти и другие изменения в системе оплаты труда привели к значительному снижению производственной активности работников, деформации отношений в трудовых коллективах.

Негативно воздействуют на отношение работников к труду и неблагоприятные условия труда на рабочем месте. Несмотря на вызванное падением производства сокращение численности занятых в экономике России, доля работающих в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, в последние годы возросла. Увеличился и удельный вес работников, выполняющих тяжелый физический труд. Существенные изменения условий труда вызваны старением техники и технологий, отсутствием денежных средств на обеспечение охраны труда, недопониманием новых собственников важности этой работы, ослаблением контроля со стороны государства. Это создает угрозу здоровью и жизни для работающих на этом оборудовании. Настало время говорить о необходимости гуманизации условий труда.

Для выявления основных направлений трансформации социально-трудовых отношений на трех предприятиях республики в 2005—2006 гг. было проведено социологическое исследование: ОАО «Трест „Мордовпромстрой“», ОАО «Саранский приборостроительный завод», ОАО «Темниковский завод сухого обезжиренного молока». В опросе участвовало 852 чел., представляя все категории работников. В ходе опроса выявлены изменения в экономическом поведении и мотивации работников, их отношении к своему труду, его условиям и оплате.

Один из важнейших параметров социально-трудовых отношений — *удовлетворенность работников своим трудом*. По данным опроса, почти 45 % работников вполне удовлетворены своим трудом, недовольных — 32 %. Наиболее высока доля положительных ответов среди служащих, немного меньше — среди инженерно-технических работников, меньше всего — среди неквалифицированных рабочих.

Низкая удовлетворенность трудом работников в возрасте до 20 лет, вероятно, связана с тем, что невысокий уровень образования и пока небольшой опыт не позволяют им получать высокую заработную плату, достичь высокого социально-профессионального статуса и признания в коллективе. Доля респондентов, удовлетворенных трудом, сравнительно высока среди работников в возрасте 50 лет и старше, т.к. они имеют за плечами значительный стаж работы, достигли высокого профессионально-квалификационного уровня.

Удовлетворенность трудом зависит и от стажа работы на данном предприятии. Каждый второй респондент, проработавший на предприятии менее 5 лет, отметил, что вполне удовлетворен своей работой, немного меньше доля положительных ответов среди опрошенных со стажем работы более 20 лет. 40 % из группы работников со стажем 5—9 лет тоже отмечали удовлетворенность своим трудом. Такой же результат и среди опрошенных со стажем 15—19 лет. Меньше всего положительных ответов среди людей, имеющих стаж работы на данном предприятии 10—14 лет.

Отношение к труду во многом зависит от того, соответствует ли выполняемая работа специальности по образо-

ванию: вынужденный или добровольный отказ от работы по полученной в учебном заведении специальности часто негативно сказывается на удовлетворенности работника своим трудом. Почти 60 % опрошенных, у которых выполняемая работа соответствует полученному образованию, вполне удовлетворены своим трудом. Среди респондентов, работающих не по специальности, положительных ответов в 1,4 раза меньше, почти 44 % из них не удовлетворены своим трудом (таблица).

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы своим трудом?», %

Категория работников	Вариант ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
В целом по выборке	44,8	32,9	22,3
Пол			
Мужчины	49,7	28,1	22,2
Женщины	41,9	35,7	22,4
Возраст, лет			
До 20	19,9	60,0	20,1
20—29	44,7	32,2	23,1
30—39	38,3	33,3	28,4
40—49	46,6	33,3	20,1
50 и старше	54,1	26,8	19,1
Образование			
Неполное среднее	46,1	39,9	14,0
Среднее	37,0	40,4	22,6
Неполное высшее и высшее	55,2	22,4	22,4
Профессия, квалификация			
Инженерно-технические работники	58,0	22,7	19,3
Служащие	68,3	14,4	17,3
Рабочие			
Неквалифицированные	29,9	46,5	23,6
Квалифицированные	47,2	25,3	27,5
Стаж работы на данном предприятии, лет			
До 5	50,9	23,4	25,7
5—9	40,5	38,8	20,7
10—14	37,3	36,2	26,5
15—19	40,0	36,7	23,3
20 и более	45,0	37,3	17,7

Согласно данным обследования, более 42 % работников признали, что в настоящее время работают с большей интенсивностью, чем 5 лет назад. Также около 64 % инже-

нерно-технических работников, более 50 % служащих и квалифицированных рабочих отметили рост интенсивности труда в последние годы. Обращает на себя внимание то, что более 46 % неквалифицированных рабочих особых изменений в напряженности труда не отметили, а доля тех, о считает, что стали работать более интенсивно, почти в 2 раза меньше, чем среди квалифицированных рабочих.

Цель проведенного обследования — оценить *изменения условий труда на предприятиях* за последние 5 лет. Более 40 % опрошенных работников заявили, что за данный период условия труда ухудшились. Особую обеспокоенность вызывают ответы неквалифицированных рабочих — менее 7 % из них говорили об улучшении условий труда; удельный вес тех, кто утверждал обратное, составил 58,8 %. Можно предположить, что на обследованных предприятиях за последние 5 лет решены некоторые проблемы организации труда квалифицированных работников и управленческого аппарата, но мало что предпринималось для улучшения условий труда рабочих, особенно занятых тяжелым, неквалифицированным трудом. Такой подход может способствовать нарастанию напряженности в социально-трудовых отношениях.

Одним из важнейших факторов трансформации социально-трудовых отношений являются коренные *изменения в оплате труда*, формирующие трудовую мотивацию работников. Отставание роста заработной платы от темпов инфляции, нарастание дифференциации в оплате труда не могут не сказаться на отношении работников к своему труду, предприятию и его руководству, на социально-психологическом климате в коллективах, в конечном счете на результатах деятельности предприятия в целом.

Согласно данным проведенного опроса, у большинства работающих денег хватает только на приобретение продуктов питания (60 %). Многие работающие не могут обеспечить себе даже полноценное питание (30 %) и лишь 8 % могут приобретать все необходимое. Мужчины в большинстве случаев зарабатывают больше, чем женщины.

Относительно благополучны в материальном плане служащие. Среди них реже всего встречались люди, ограниченные в питании, а доля лиц, имеющих денег достаточно, чтобы приобретать все необходимое, была наибольшей

(16 %) — это в 1,4 раза больше, чем среди инженерно-технических работников, и в 2,5—3,4 раза больше, чем среди рабочих. Самые низкие доходы имеют неквалифицированные рабочие. Среди них удельный вес тех, кому денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, более чем в 2 раза больше, чем в других профессионально-квалификационных группах (43 %), а относительно обеспеченных — менее 5 %.

На отношении работников к труду и предприятию сказывается не только размер заработной платы, но и то, насколько адекватна она затратам физических и интеллектуальных сил человека в процессе труда, а также насколько справедливо распределяются средства, идущие на оплату труда. Как показал опрос, подавляющее большинство работников обследованных предприятий (74 %) считают, что их заработки не соответствуют затратам и напряженности труда. Доля лиц, считающих иначе, составила 7,4 %.

Важным фактором, оказывающим негативное воздействие на социально-трудовые отношения, является *углубление дифференциации в оплате труда различных категорий работников*, часто необоснованное. Более 50 % опрошенных считают, что разрыв в заработной плате не должен превышать двух-трех раз. 12 % респондентов допускают 4—7-кратные различия, а 8 % считают, что ограничений быть не должно.

Проведенное исследование показало, что одна из важнейших причин негативных изменений в социально-трудовой сфере — недооценка новыми собственниками необходимости применения научных принципов организации и стимулирования труда, что привело к росту интенсивности труда и нарастанию часто необоснованной дифференциации заработной платы. Невозможность обеспечить своим трудом достойную жизнь себе и членам своей семьи, недооценка трудового вклада работников, существенные различия в оплате труда рядовых работников и руководителей негативно сказываются на отношении работников к своему труду и предприятию, способствуют углублению и обострению противоречий в трудовых коллективах.

Одна из важнейших составляющих социально-трудовых отношений на предприятии — *взаимоотношения между работниками*. Почти 50 % опрошенных не отметили суще-

ственных изменений в этой сфере. Большинство квалифицированных рабочих признали, что изменения последних лет не коснулись их отношений с коллегами. Среди служащих доля лиц, полагающих, что за последние годы взаимоотношения в трудовых коллективах улучшились, в 5—2 раза больше, чем в других профессионально-квалификационных категориях опрошенных. Каждый второй из числа опрошенных отметил, что удовлетворен морально-психологическим климатом в коллективе, отрицательных ответов было почти в 2 раза меньше. Среди мужчин положительных ответов было в 2,5 раза больше, чем отрицательных; они чаще, чем женщины, выражали удовлетворенность обстановкой в коллективе. Удовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе других выражали инженерно-технические работники (60 %). Самый низкий уровень удовлетворенности ситуацией в коллективе отмечен среди неквалифицированных рабочих.

Одно из серьезных негативных последствий проводимых в стране реформ — *снижение степени социальной защищенности работников*. Результаты социологического опроса позволяют выявить основные изменения в этой сфере на обследованных предприятиях. Более 44 % опрошенных считают, что за последние 5 лет степень их социальной защищенности снизилась. Доля тех, кто утверждал, что в данный период ситуация изменилась в лучшую сторону, составила лишь 2,9 %, или в 15 раз меньше. Почти 25 % респондентов полагают, что уровень социальной защищенности работников за последние годы не изменился.

Наиболее часто о снижении степени социальной защищенности говорили работники 40—49 лет. Наименьшей, но весьма значительной была доля таких ответов среди респондентов 20—29 лет (39 %). Ни в одной из возрастных групп удельный вес оптимистичных оценок не превысил 4 %. Респондентов со средним, незаконченным высшим и высшим образованием, отмечавших снижение уровня социальной защищенности в последние годы — 46 %. Среди опрошенных с неполным средним образованием доля таких ответов была почти в 2 раза меньше.

Более половины инженерно-технических работников убеждены, что за последние 5 лет уровень социальной

защищенности работников на предприятиях отрасли существенно снизился — это самый большой среди профессионально-квалификационных групп показатель. Близок к нему удельный вес таких ответов среди рабочих (46—47 %). На этом фоне выделяются служащие — менее 1/3 из них говорили о негативных изменениях в системе социальной защиты, но, скорее всего, не потому, что многие из них почувствовали себя более защищенными. В этой группе опрошенных доля тех, кто отметил позитивную динамику, наименьшая.

Одним из основных субъектов социально-трудовых отношений, призванных активно защищать интересы работника, является *профсоюзная организация*. Как показали результаты опроса, авторитет профсоюзных организаций на обследованных предприятиях невысок. Только 19 % опрошенных считают, что профсоюзная организация защищает их интересы, почти столько же признали, что их профсоюзные лидеры в трудовых спорах обычно принимают сторону администрации, 21 % отметили, что профсоюзы участвуют в организации труда и отдыха работников, почти 30 % опрошенных считают, что их профсоюзы ничего полезного не делают.

Важнейшая характеристика социально-трудовых отношений на предприятии — *соблюдение (или нарушение) норм трудового законодательства*. Результаты опроса показали, что в этом вопросе на обследованных предприятиях не все благополучно. Менее 17 % опрошенных работников согласились с тем, что на их предприятии положения Трудового кодекса соблюдаются, 23,8 % признали, что соблюдаются только некоторые нормы, а 20 % работников сообщили, что большинство правовых норм на предприятии игнорируется.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены наиболее значимые факторы снижения степени социальной защищенности работников, трудовые права которых нередко нарушаются. Значительная часть работников чувствует себя незащищенной еще и потому, что в случае возникновения сложной конфликтной ситуации не надеется на помощь администрации предприятия, вышестоящей организации или профсоюзного комитета. Отмечается значительная социально-профессиональная дифференциация.

Происходящие на большинстве российских предприятий перемены не всегда благоприятно сказываются на отношениях в сфере труда. Опрос позволил выявить наиболее острые проблемы трансформации социально-трудовых отношений. Это *снижение уровня удовлетворенности тру-_м, ухудшение условий труда, нарастание (часто необоснованное) дифференциации в оплате труда, обострение противоречий между работниками и руководством предприятий, усложнение межличностных отношений, снижение степени социальной защищенности работников и др.*

Проведенный анализ свидетельствует, что за последние 5 лет на предприятиях Республики Мордовия в отношении работников к своему труду и в условиях труда произошли существенные изменения. Это связано с преобразованием социально-трудовой сферы в целом, трансформацией структуры собственности, либерализацией экономической жизни, падением уровня жизни россиян, изменением статуса занятости большинства работающих граждан, отсутствием на большинстве предприятий эффективных систем оплаты и стимулирования труда, развитием главного субъекта социально-трудовых отношений — наемного работника, повышением его требований к содержанию, оплате и условиям труда, распространением нестандартных форм занятости, ослаблением контроля государства над соблюдением работодателем трудового законодательства и другими факторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шмелев Н.* Неплатежи — проблема номер один российской экономики // Вопросы экономики. 1997. № 4. С. 29; *Яковлев А., Воронцова О.* Методические подходы к оценке величины неучтенного наличного оборота // Вопросы экономики. 1997. № 9. С. 115.

[2] См.: Федеральная целевая программа содействия занятости населения РФ на 1998—2000 гг. // Рос. газ. 1998. 12 сент.

[3] См.: Социальная корпоративная политика: проблемы, опыт, перспективы / Под общ. ред. Н.А.Волгина, В.К.Егорова. М., 2004. С. 293—294.

Поступила 21.09.06.

Е.Н.СУНЯЙКИНА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕЖСЕКТОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ

При рассмотрении межсекторного взаимодействия анализу подлежит весь спектр отношений, складывающихся между государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями (НКО). Представители каждого сектора имеют разные возможности и ресурсы развития, а также участия в решении проблем социальной сферы. Но несмотря на различия и связанные с ними противоречия, они с каждым годом накапливают опыт совместного решения актуальных проблем развития регионов.

Механизм межсекторного взаимодействия — это сообща разработанная группа правил, способов, технологий по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ (проектов, акций), встроенная в схему функционирования социальной сферы на данной территории, направленная на решение социально значимой проблемы[1] Анализ практики межсекторного взаимодействия, сложившегося в разных регионах России, позволяет выделить пять групп таких механизмов, а именно: конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные, комплексные, или комбинированные.

Конкурсные механизмы реализуются тогда, когда НКО выигрывает конкурс, организованный по специальной, заранее разработанной схеме. В эту группу входят механизмы социального заказа субъекта РФ, муниципального социального заказа, муниципального социального гранта, гранта субъекта РФ, тендера, конкурса социальных проектов, конкурса для НКО по различным номинациям, конкурса

СУНЯЙКИНА Екатерина Николаевна, аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

авторских вариативных программ, конкурса на получение кредита и др.

Например, во Владимире в 1999 г. принято положение «О муниципальном социальном гранте»[2]. В Иркутской области под эгидой губернского собрания общественности проводится областной конкурс общественно значимых проектов[3] Конкурс финансируется отдельной строкой в бюджете области. В Краснодаре действует конкурсный механизм распределения бюджетных средств на поддержку общественных объединений[4] Ежегодно проводится конкурс вариативных программ отдыха, оздоровления, занятости детей, подростков и молодежи среди молодежных и детских общественных организаций края. Организатором выступает Комитет по делам молодежи администрации Краснодарского края. Проекты победителей финансируются из краевого бюджета. В Петрозаводске и Мурманске в 2006 г. впервые прошли конкурсы муниципальных грантов для НКО. В Пскове положение о муниципальном гранте находится на рассмотрении городской думы. В Москве регулярно проводится конкурс социально значимых программ некоммерческих организаций под эгидой Комитета общественных и межрегиональных связей[5].

В Мордовии на заседании Общественной палаты в феврале 2002 г. принято решение о проведении конкурса общественно значимых проектов НКО на получение социального гранта Главы Республики Мордовия. В результате положительную оценку и финансирование из средств резервного фонда Главы РМ получили 20 проектов общественных организаций. С 2000 г. Государственный комитет РМ по делам молодежи ежегодно проводит республиканский конкурс проектов и программ молодежных и детских объединений «Молодежь Мордовии», который стал одним из примеров тесного сотрудничества власти и НКО, эффективного распределения средств на молодежную политику.

Социально-технологические механизмы базируются на социальной технологии, созданной НКО и выгодно отличающейся по эффективности использования средств и качеству результатов от иных технологий или подходов, применявшихся государственными или муниципальными учреждениями. Сюда попадают хосписы, приемные семьи,

экологические экспертизы[6], новые подходы к психологической реабилитации наркоманов, гражданские действия по защите окружающей среды в форме судебных исков[7], специальные модели социализации детей-инвалидов[8], умственно отсталых детей[9], концепция реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска[10], программа общественного развития муниципальных образований в малых городах и др.

В Нижнем Новгороде возобновлена социальная технология, созданная объединенной в 1912 г. Всероссийской лигой для борьбы с туберкулезом с целью проведения просветительской работы среди населения и организации сбора средств в рамках дня белой ромашки. По инициативе центра поддержки некоммерческих организаций «Служение», Нижегородской службы добровольцев и при содействии фтизиатрических служб города и области, администрации области эта акция с успехом проводится каждый год.

В Мордовии активное применяются технология проведения летних лагерей трудового актива для сельских школьников, реализуемых детско-юношеским движением «Истоки», методики организации лагеря для трудных подростков, проводимого Ассоциацией педагогических отрядов Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева, программа трудового лагеря Ассоциации учащейся молодежи Мордовии для детей-сирот, обучающихся в учреждениях начального профессионального образования.

Организационно-структурные механизмы характеризуются тем, что органы государственной власти совместно с гражданскими объединениями, действующими на той же территории, образуют новую структуру, которой делегируется часть функций по решению социально значимых задач через вовлечение граждан и общественных объединений при финансовой поддержке со стороны власти. Примером стал открытый в Москве центр «Социальное партнерство»[11], созданное во Владимире «Городское общественное собрание» — организация, призванная объединить городские некоммерческие организации для успешного взаимодействия с властью. В г. Челябинске образовано муниципальное учреждение «Центр общественных объединений», а в Челя-

бинской области — Областной центр социального партнерства[12]. Подобным центром в Мордовии является Мордовский республиканский молодежный центр, аккумулирующий в регионе программы разнопрофильных молодежных объединений. В 2005 г. усилиями Госкомитета РМ по делам молодежи в Институте повышения квалификации Мордовского государственного университета введена специальность «Работа с молодежью», где проходят обучение организаторы детского и молодежного общественного движения.

Процедурные механизмы взаимодействия включают правила сотрудничества НКО и власти при решении определенных задач, формирующих в ходе совместного обсуждения и чаще всего оформляющихся в виде временного соглашения, например, различного рода общественные палаты, комитеты, форумы граждан, круглые столы, координационные советы, общественные советы, общественные слушания. Так, 17 октября 2000 г. вышел Указ Главы Республики Мордовия «О создании Общественной палаты при Главе Республики Мордовия». Цель данного органа — обеспечение взаимодействия между республиканскими органами государственной власти и общественными объединениями, подготовка решений по важнейшим социальным, экономическим, политическим и иным вопросам с учетом общественного мнения, создание механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. К сожалению, за пять лет функционирования Общественная палата в Республике Мордовия так и не смогла стать реальным и доступным инструментом межсекторного взаимодействия в регионе, и в начале 2006 г. было принято решение переформировать ее в выборный орган по аналогии с Общественной палатой РФ. В ее новый состав вошли лидеры политических партий, общественных движений, национально-просветительских организаций, профсоюзов, представители религиозных конфессий, правозащитники, видные деятели науки и культуры (51 чел.).

Вопросы взаимодействия и сотрудничества власти и некоммерческих организаций обсуждаются на заседаниях Совета по координации молодежных программ и поддержке молодежного движения при Главе РМ. Его участниками

являются представители исполнительной и законодательной власти, вузов, ссузов, лидеры молодежных НКО. С 2003 г. при Госсобрании РМ действует Молодежная общественная палата, где НКО региона представляют доклады по проблемным вопросам развития социальной сферы и отчеты о проделанной работе.

Комплексные или комбинированные механизмы представлют собой системы взаимодействия, имеющие черты, как минимум, любой пары вышеназванных. Например, фонды развития местного сообщества[13] (объединяют черты конкурсных, технологических и организационно-структурных механизмов), фонды развития местного сообщества на базе общественно-активных школ[14], ярмарки НКО[15], ярмарки социальных проектов и услуг[16] и т.п. Сочетание многолетних российских ярмарочных традиций с современными, публично-конкурсными демократическими инструментами и социальными технологиями позволяет достичь высокого социального и социально-экономического эффекта.

Существующие прецеденты проведения ярмарок социальных проектов продемонстрировали возможности НКО, генерирующих огромное многообразие проектно оформленных позитивных и конструктивных социальных инициатив, социально ответственного бизнеса, готового софинансировать в режиме грантов инициативные проекты. Данная социальная инновация, появившаяся всего 5—6 лет назад, вышла на уровень федеральных округов (в Приволжском уже прошли четыре таких ярмарки: в Перми — 2000 г., Саратове — 2001 г., Тольятти — 2002 г., в Нижнем Новгороде — 2003 г.), а в 2004 г. — на федеральный уровень. Для участия в Федеральной ярмарке социальных проектов поступило 1 886 тыс. заявок из 83 субъектов федерации[17] Грантовый фонд ярмарки составил 300 млн руб. Средства на реализацию своих проектов получила 271 общественная организация. По словам Президента РФ В.В.Путина, эти социальные проекты продемонстрировали свою эффективность и впоследствии будут использоваться другими субъектами, оказывая помощь властям при реформировании социальной сферы страны.

Перечень приведенных выше механизмов, конечно, не исчерпывает все многообразие практики межсекторного

взаимодействия, но в целом отражает характерные ее черты и тенденции. Опыт внедрения указанных механизмов в некоторых регионах России показывает, что консолидация усилий нескольких секторов общества позволяет повысить эффективность использования бюджетных средств, расширить ресурсную базу целевых социальных программ путем вовлечения в их реализацию населения, коммерческих организаций и общественных объединений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Хананашвили Н.Л.* Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, практика). М., 2001. С. 15.

[2] См.: Владимирцы решают социальные проблемы города. Владимир, 1999.

[3] См.: Конкурс авторских вариативных программ на соискание грантов администрации Иркутской области // Некоммерческий мир. 2000. № 3. С. 12—13.

[4] См.: О взаимодействии организаций третьего сектора с государственными органами в сфере социальной политики. М., 1999. С. 34—36.

[5] См.: Конкурс программ (проектов) общественных объединений и НКО г. Москвы в 1998 г. / Известия Комитета общественных и межрегиональных связей. М., 1998. № 1. С. 43—44.

[6] См.: Федеральный закон «Об экологической экспертизе» // Собр. законодательства РФ. 1995. Ст. 4556.

[7] См.: *Васильева М.И.* Судебная защита экологических прав. М., 1996.

[8] См.: *Кац Л., Кац Ю., Голубева А. и др.* Социальная защита детей-инвалидов и их родителей. Владимир, 1999.

[9] См.: *Доненко И., Заярная О.* Возможности общественных организаций в области психического здоровья. М., 1995.

[10] См.: Защита прав ребенка. Социальные и юридические аспекты. М., 1999.

[11] См.: Центр взаимодействия общественных и государственных структур «Социальное партнерство» / Известия Комитета общественных и межрегиональных связей. М., 1998. № 1. С. 38—43.

[12] См.: Особенности развития социального партнерства в индустриальном регионе России. Златоуст, 2000.

[13] См.: Годовой отчет Общественного фонда Тольятти. Тольятти, 2000.

[14] См.: *Тэлли Дж.* Общественные фонды по всему миру: построение эффективной системы поддержки. Красноярск, 2000.

[15] См.: Все вместе. Ярмарка НКО Волго-Вятского региона. Нижний Новгород, 1999.

[16] См.: Ярмарка социальных проектов и услуг НКО Калуги и Калужской области. Калуга, 1998.

[17] Телеграфное агентство Приволжья // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.nta-nn.ru/?id=68516].

Поступила 11.10.06.

А.Ф.КУЗНЕЦОВ

ПОТРЕБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНА

Критериями развития региона являются не только хозяйственно-экономические, но и социальные цели. Это говорит о том, что отбор вариантов развития региона происходит на этапе сбалансирования, когда предварительно сформированы конкретные социальные требования и экологические стандарты. На этом этапе отбор вариантов должен осуществляться по принятому экономическому критерию. Таким образом, необходимость сбалансирования выдвигает экономические требования производства потребительных стоимостей, при которых в более полной мере может осуществляться хозяйственно-экономическое и социальное развитие. Критерий социальной сбалансированности в этом случае предопределяет действие параметров производственного критерия, который, в свою очередь, должен конкретизироваться с помощью определенных условий, включающих ресурсообеспеченность. На основании оценки существующих подходов предлагается в качестве такого критерия рассматривать потребительную силу общества — его способность к потреблению, так как если общество ставит своей целью построить социально ориентированный рынок, социально ориентированную рыночную экономику, то для достижения этой цели необходимо ориентировать хозяйственно-экономические отношения и социальную сферу на человека.

Потребление является не менее значимым процессом, чем материальное производство, производительный труд, поскольку именно в этой сфере «создается способность к труду, т.е. труд в состоянии его возможности, потенциаль-

КУЗНЕЦОВ Андрей Федорович, старший преподаватель кафедры информационных систем в экономике и управлении Мордовского государственного университета.

но, ибо потребление порождает способности производителя»[1] Особо выделяется созидательная функция потребления: недаром потребление называют потребительным производством; обладание человека предметом в потреблении считается способом развития человеческих способностей.

ономическая функция потребления направлена на решение задачи обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы требуемого количества и качества, повышение трудовой активности. Эта функция выполняется путем создания условий для более полной реализации стимулирующего влияния закона возвышения потребностей на производство. Потребление выполняет побудительную функцию, ибо воспроизводит потребность. Потребление определяет «предмет производства как внутренний образ, потребность и цель и этим создает потребность в новом производстве, что, стало быть, является идеальным внутренним побудительным мотивом производства»[2] Для удовлетворения потребностей общества, коллектива и каждого человека должно быть произведено определенное количество продовольственных и непродовольственных товаров, а также оказано необходимое количество различного рода услуг, причем продукты как потребительные стоимости должны предлагаться (производиться) лишь в известном объеме.

Общая характеристика потребительной силы общества нуждается в конкретизации со стороны ее обусловленности потребительской природой самих благ и общественными нормами (стандартами), определяемыми свойствами социально-экономического и политического устройства общества. Если подходить с первой позиции, то потребность всегда предполагает предмет ее удовлетворения, зависит от него, т. е. в данном случае объем потребности выражается количеством специфических благ (определенного качества), служащих потреблению. Обычно блага имеют свою собственную природную меру, в качестве которой могут выступать тяжесть, плотность, длина и т.д. Вследствие этого, например, величину потребности в хлебе и хлебных продуктах можно измерить в тоннах, которые одновременно являются и мерой его полезности. Например, для населения Республики Мордовия полезным будет ежегодное потребление 200 тыс., а не 300 тыс. т хлеба. Здесь возни-

кает необходимость рассмотреть разумные потребности, отвечающие требованиям нормального воспроизводства населения и свободного всестороннего развития личности.

В случае, когда возникает проблема удовлетворения нужных для развития общества и человека потребностей, лучшим критерием могла бы служить разумность потребностей, которые характеризуются определенными принципами. Так, на основе данных физиологии, медицины, социальной гигиены, психологии, экономической теории, социологии и других наук можно определить круг разумных потребностей и оптимальные нормы их удовлетворения для данного исторического периода. Можно принять за рациональную норму разработанный Институтом питания Российской академией медицинских наук набор основных продуктов питания в расчете на одного члена семьи, содержащий не менее 300 тыс. калорий в год и достаточный для нормальной жизнедеятельности. Нормы рационального потребления можно охарактеризовать как рекомендуемые наукой размеры потребления отдельных материальных благ и услуг, необходимые для удовлетворения разумных потребностей человека. Рациональный нормативный набор создается на основе объективного развития потребностей современного человека, семьи, домашнего хозяйства под воздействием экономического, научно-технического и социального прогресса. Рациональные нормы по продуктам питания, предметам одежды и отдельным видам услуг исчисляются в расчете на душу населения, а нормативы рациональной обеспеченности населения товарами длительного пользования — на 100 семей, или на 1 тыс. чел. Физиологические нормы потребления продуктов питания дифференцированы по половозрастным группам населения и по природно-климатическим зонам.

По Мордовии потребность населения в социальных услугах можно установить, используя нормы рационального потребления, установленные для данного региона, а также исходя из того, что численность постоянного населения республики на 2005 г. составила 856,8 тыс. чел.[3]

В табл. 1 представлена структура потребительских расходов населения Республики Мордовия за 1999—2005 гг. Особое внимание следует уделить расходам на оплату услуг.

Таблица 1

Структура потребительских расходов домашних хозяйств Республики Мордовия в 1999—2005 гг. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), % к итогу*

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Потребительские расходы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе на:							
Продукты питания	62,8	53,3	49,0	46,1	45,2	40,09	40,06
Непродовольственные товары	24,8	32,0	35,3	36,8	35,4	40,2	38,2
Алкогольные напитки	2,1	2,5	2,2	2,1	2,3	1,9	1,5
Оплату услуг	10,3	12,2	13,5	15,0	17,1	17,0	19,7
В том числе:							
Жилищно-коммунальные услуги	4,8	5,0	5,6	6,9	7,1	7,3	8,8
из них оплата жилья	1,9	1,5	2,0	2,2	1,3	1,0	1,4
электроэнергии	0,7	0,8	0,8	0,9	1,0	1,1	1,1
газа	1,8	1,8	1,5	1,5	1,6	1,8	2,1
центрального отопления	0,1	0,3	0,7	1,1	1,2	1,3	1,6
воды и др. коммунальных услуг	0,3	0,6	0,6	1,2	2,0	2,1	2,6
Прочие бытовые услуги	0,7	1,3	0,9	1,1	1,8	2,2	1,7
Услуги учреждений культуры	0,1	0,1	0,1	0,2	0,4	0,3	0,3
Услуги в системе образования	0,3	0,8	1,6	1,3	2,1	1,4	2,6
Медицинские услуги	0,2	0,2	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2
Санаторно-оздоровительные услуги	0,1	0,2	0,1	0,4	0,2	—	0,5
Услуги пассажирского транспорта	2,4	2,6	2,5	2,2	2,5	2,3	2,1
Услуги связи	1,6	1,8	1,7	1,7	2,1	2,3	2,7
Прочие услуги	0,1	0,2	0,6	0,8	0,6	0,9	0,8

* Рассчитано на основе данных Мордовиястата.

Следует отметить, что услуги — особый вид потребительной стоимости. Время производства услуг совпадает со временем их потребления.

В соответствии с общероссийским классификатором «Платные услуги населению» к ним отнесены бытовые, жилищные, коммунальные, пассажирского транспорта, связи, культуры, туристско-экскурсионные, физической культуры и спорта, медицинские, санаторно-оздоровительные, правового порядка, по содержанию детей в детских дошкольных учреждениях и проч. Платное потребление осуще-

ствляется за счет личных домохозяйств населения, т.е. средств семейного бюджета.

Бесплатные (нерыночные) услуги относятся в основном к услугам учреждений образования, здравоохранения, культуры, искусства, средств массовой информации (кроме печати), социального обеспечения, физической культуры и спорта. Это, как правило, социально ориентированные услуги. Если они и оцениваются, то по экономически незначимой цене. Таковой формально считается цена, если она покрывает меньше 50 % затрат на оказание услуги.

Таким образом, потребление в зависимости от вида потребляемых благ делится на потребление материальных благ, имеющих вещную форму, и потребление услуг. Следовательно, можно установить меру потребительной способности населения в услугах.

На современном этапе реформирования экономики остро стоит вопрос развития жилищной сферы. Это важная социальная проблема, связанная с развитием экономики. Ее решение способствует успеху проводимых в стране реформ, снижению социальной напряженности. В целях ускорения решения жилищной проблемы в интересах граждан, эффективного проведения жилищной реформы в современных условиях разработан национальный проект «Доступное и комфортное жилье». Можно рассчитать потребность населения Мордовии в услугах жилищно-коммунального хозяйства, используя рекомендуемые рациональные размеры потребления услуг данного вида (табл. 2).

Таблица 2

Потребность населения Республики Мордовия в услугах жилищно-коммунального хозяйства в 2005 г., кв. м*

Показатель	Рекомендуемые рациональные размеры потребления	Потребность населения на уровне норм рационального потребления	Фактическая обеспеченность населения	Отношение фактической обеспеченности к потребности населения	
				кв. м	%
Общая площадь жилых домов	на 1 жителя				
	21,5	18836150,00	16833568,35	-2002581,65	89,37
В том числе:					
— город	20,3	10570210,00	9062778,26	-1507431,74	85,74
— село	23,6	8387440,00	7770790,10	-616649,90	92,65

Уровень жизни человека во многом зависит от условий его проживания, к которым относятся наличие и состояние жилья, его благоустройство. Для удовлетворения потребности населения республики в этих видах услуг на уровне рациональных норм потребления в 2005 г. необходимо было обеспечить городское население централизованным отоплением в количестве 7 157 737 Гкал, городское и сельское население централизованным холодным водоснабжением — соответственно в количестве 233 795 300 и 78 543 400 л в год, централизованным горячим водоснабжением — 39 312 850 и 2 736 580 л в год, электроэнергией — 1 043,1 и 433,2 млн кВт час в год, сетевым газом — 219,7 и 157,1 млн куб. м в год, сжиженным газом — 2 343,2 и 9 062,7 т, гостиничными местами — в количестве 10,21 и 1,28 тыс. мест в год.

Определив потребность населения республики в услугах туризма и отдыха, можно сделать вывод: для того чтобы удовлетворить потребности населения Мордовии в 2006 г. в услугах туризма и отдыха (на уровне норм рационального потребления), необходимо обеспечить все население республики домами отдыха и пансионатами на 5 256,60 мест, туристическими учреждениями — на 7 884,9 мест.

Что касается обеспеченности населения в образовательных услугах, то необходимо сказать, что в 2001/2002 учебном году население республики было обеспечено общеобразовательными школами в количестве 763 единиц, в 2005/2006 учебном году эта величина снизилась до 692 в связи с общим сокращением населения. При этом численность учащихся школ за соответствующий период снизилась с 122,1 до 89,2 тыс. чел., учителей — с 13,9 до 11,9 тыс. чел. Услуги в системе образования включают также и услуги высших и средних специальных учебных заведений. Так, население Мордовии с 1999 по 2003 г. обеспечено двумя государственными высшими учебными заведениями, в 2004—2005 гг. — тремя, в 1999—2005 гг. — одним. С 1999 по 2005 г. число студентов в этих учебных заведениях возросло с 28 706 до 43 549 чел. На 10 тыс. чел. приходилось в 1999/2000 учебном году 299 студентов высших учебных заведений, в 2005/2006 — 493 чел. Количество средних специальных учебных заведений за анализируемый период

осталось без изменений и составило 21. С 1999/2000 по 2005/2006 учебный год число студентов в них увеличилось с 14 300 до 16 807 чел. На 10 тыс. чел. населения в 1999/2000 учебном году приходилось 154 учащихся средних специальных учебных заведений, в 2005/2006 — 196, т.е. рост этого показателя составил 42 учащихся.

Оценивая потребности населения Мордовии в услугах торговли, можно воспользоваться при расчете нормами рационального потребления этого вида услуг, а также численностью постоянного населения республики. На 2005 г. потребности городского населения в магазинах не были удовлетворены на 50 131,95 кв. м, отклонение потребностей от норм рационального потребления в продовольственных магазинах составило 13 384,07 кв. м и непродовольственных магазинах — 47 948,51 кв. м, а также в рынках — 2 575,59 кв. м.

Исходя из расчета потребительной способности населения Мордовии в услугах физической культуры и спорта в соответствии с рациональными нормами, можно сказать, что в 2005 г. необходимо было обеспечить население спортивными залами общей площадью 133 605,25 кв. м; плавательными бассейнами — 23 391,87 кв. м зеркала воды; физкультурно-оздоровительными и спортивными сооружениями для единовременной пропускной способности — 166 897 чел. Фактически же население республики было обеспечено спортивными залами в 2005 г. — на 30,58 %; плавательными бассейнами — 5,25 %; физкультурно-оздоровительными и спортивными сооружениями единовременной пропускной способности — 9,04 %.

На территории Мордовии в 2005 г. функционировало 22 музея, из них 1 историко-революционный и исторический, 4 мемориальных, 15 краеведческих, 2 искусствоведческих и литературных. В 2005 г. количество посещений музеев составило 215,3 тыс. чел. К числу учреждений искусства относятся театры, по данным на 2005 г. на территории республики функционируют (и их количество осталось без изменений) 5 профессиональных театров. Однако количество посещений театров сокращается (с 227,8 до 140,6 тыс. чел.). К числу бесплатных услуг, оказываемых населению, относятся услуги библиотек. В 1999 г. на территории

Мордовии действовало 607 библиотек, в том числе 94 в городах и поселках городского типа и 513 в сельской местности. В 2005 г. количество библиотек сократилось до 590, из них 88 в городской местности и 502 в сельской.

Таким образом, количественно потребительная способ-:ть населения, рассчитанная на основе рациональных норм потребления, служит ориентиром для производства, нацеливает его на выпуск определенного количества продуктов питания, непродовольственных товаров, а также на оказание нужного количества услуг. Рациональный потребительский бюджет является социальным нормативом, ориентированным на действительную общественную потребность, важнейшим критерием оценки достигнутого в обществе уровня потребления, соответствия между сложившейся и его рациональной структурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

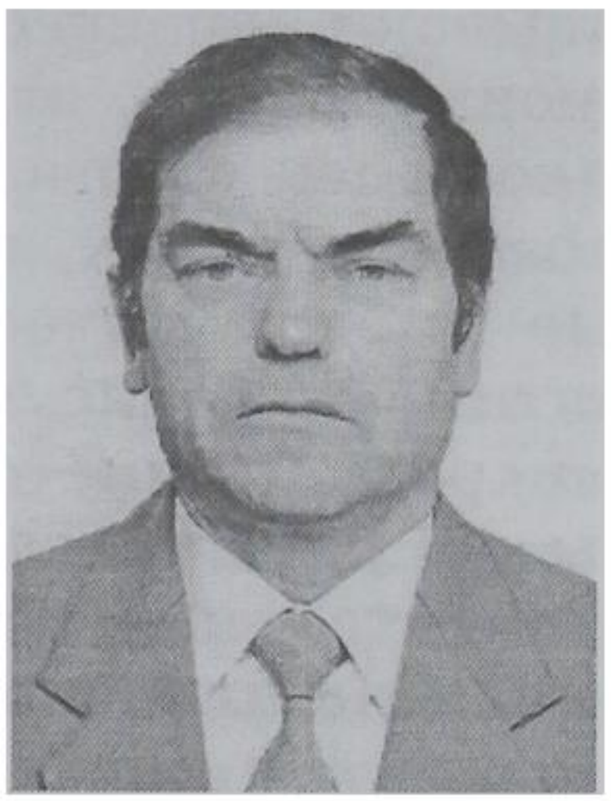
[1] *Ельмеев В.Я.* Трудовая теория потребительной стоимости — новая парадигма экономической науки. СПб., 1996. С. 85.

[2] Там же. С. 27.

[3] См.: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006.

Поступила 14.06.06.

М.М.ГЕРАСЬКИН М.И.КУДАШКИН

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОЛАНДШАФТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА

В качестве экспериментальных проектов внутрихозяйственного землеустройства на агроландшафтной основе группой специалистов Государственного университета по землеустройству были составлены проекты по сельскохозяйственному производственному кооперативу (СХПК) «Аловский» Атяшевского района и по СХПК «Рассвет» Ардатовского района, отражающие идентичные природные, экономические и социальные условия значительной части территории Республики Мордовия. Первое хозяйство расположено в Приволжской лесостепной зоне опольно-эрозионного типа агроландшафта, а второе занимает часть Северо-Приволжской лесной и Приволжской лесостепной зон с полесским и опольно-эрозионным типами агроландшафта.

Превращение природной лесной экосистемы в зону интенсивного и техногенного земледелия вызвало в обоих

ГЕРАСЬКИН Михаил Михайлович, ассистент кафедры землеустройства Государственного университета по землеустройству (г. Москва), кандидат экономических наук.

КУДАШКИН Михаил Иванович, заведующий отделом агротехники Мордовского научно-исследовательского института сельского хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник.

Заказ № 6329

хозяйствах значительную эколого-ландшафтную нарушенность земель. Сильное отрицательное влияние на плодородие земель хозяйств оказывают процессы водной эрозии, особенно в опольно-эрозионном типе агроландшафта, где примерно на половине площадей прогнозировалось дальшее ухудшение водно-физических и агрохимических свойств почвы. Природные и экономические условия экспериментальных предприятий, особенно компактность землепользований, величина и размещение селений предопределили стабильные формы организации сельскохозяйственного производства. Экспериментальные хозяйства несколько отличаются друг от друга как по площади, так и по своему устройству.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий СХПК «Аловский» — 5 048,77 га, из них пашни — 4 507,26 га. Его специализацией является зерново-мясомолочная продукция с развитым производством сахарной свеклы. По проекту землеустройства предусматривается четыре специализированные бригады: кормопроизводящая (почвозащитный и кормовой севооборот), свекловодческая и две тракторно-полеводческие (полевой севооборот с чередованием культур в агроэкологических участках во времени).

Второе хозяйство по своим размерам и хозяйственной деятельности во многом уступает первому. Сельскохозяйственных угодий в СХПК «Рассвет» — 2 016,39 га, из них пашни — 1 500,0 га. Специализация — зерново-мясомолочная. В хозяйстве имеется одна специализированная тракторно-полеводческая бригада, обслуживающая два полевых, один почвозащитный севооборот и внесевооборотные участки. Во всех введенных севооборотах соблюдается чередование культур во времени на каждом однородном агроэкологическом рабочем участке. Здесь внедрен внутрихозяйственный расчет. Хозяйства традиционно сохраняют отраслевую (цеховую) организационно-производственную структуру управления, опирающуюся на высокую самостоятельность бригад в установленных границах.

В динамике состава и соотношения земельных угодий преобладают разнонаправленные тенденции. С одной стороны, неуклонно возрастала распаханность сельскохозяйственных угодий, с другой — пашня активно занималась, особен-

но в середине 60-х гг. XX в., под полезащитное и иное лесоразведение.

Для эколого-ландшафтного обоснования проектов землеустройства на агроландшафтной основе, оценки его природоохранной организации территории сформирована специальная система показателей и выполнены необходимые расчеты (таблица).

Освоенность и распаханность угодий в этих хозяйствах очень высока. Так, в СХПК «Аловский» освоенность угодий составляет 91,1 %, распаханность — 89,3 %, в СХПК «Рассвет» — соответственно 91,2 и 72,5 %. Это свидетельствует о значительном агропромышленном потенциале хозяйств, выражающемся сильнонарушенным состоянием агроландшафта (соотношение угодий: пашня > 70 %).

Задача установления агроландшафтного состава и соотношения угодий в экологическом плане решается увеличением доли средостабилизирующих угодий (лесные насаждения, пастбища, сенокосы) с одновременным сокращением площади пашни. Сдвиги в структуре земельных угодий экспериментальных хозяйств были подчинены решению задачи восстановления саморегулирующей способности ландшафта, приспособлению форм землепользования и его пространственной организации к природному разнообразию территории при неуклонном росте продуктивности и производительности обрабатываемых земель.

С научной точки зрения не совсем корректно устанавливать соотношение с жестко фиксированным количеством того или иного угодья, так как удельным весом пашни можно либо смягчать, либо обострять экологическую обстановку. Это доказывает существовавшая до землеустройства структура угодий в СХПК «Рассвет» (пашня, кормовые угодья, леса и кустарники) — 66,4 : 4,1 : 2,8 % — приведенная к соотношению 67,9 : 14,1 : 3,8 %. По СХПК «Аловский» пашня несущественно сокращается с 81,5 до 81,3 %.

В СХПК «Рассвет» путем уменьшения освоенности территории с 93,6 до 91,2 % увеличилась распаханность за счет трансформации неэффективно используемых, но плодородных угодий с 71,0 до 74,4 %, понижая тем самым в экологическом плане планку или предел допустимости с учетом сопоставимости и анализа агрохимических резуль-

Таблица

Эколого-ландшафтное обоснование при агроландшафтной организации территории экспериментальных объектов

Показатель	Ед. изм.	СХПК «Аловский»		СХПК «Рассвет»	
		На год землеустройства	По проекту	На год землеустройства	По проекту
Доля пашни, луга, лесонасаждений в землепользовании	%	81,5:0,1:2,7	81,3:2,0:2,9	66,4:4,1:2,8	67,9:14,1:3,8
Количество участков на пашне	шт.	58	69	48	67
В том числе агроэкологически однородных	шт.	18	69	13	67
Средняя площадь агроэкологического участка	га	78	65	31	22
Коэффициент дифференциации пашни	ед.	12,5	16,62	3,23	4,27
Коэффициент экологической стабильности территории	ед.	0,20	0,22	0,19	0,21
Коэффициент экологического влияния угодий	ед.	0,97	1,01	1,09	1,14
Коэффициент эрозионной опасности с/х угодий	ед.	0,49	0,36	0,37	0,26
Коэффициент эрозионной опасности пашни	ед.	0,52	0,38	0,44	0,29
Величина смыва почвы от водной эрозии (основополагающая в республике)	т/га	5,3	2,9	6,9	4,2
В т.ч. гумуса	т/га	0,22	0,14	0,29	0,18
Индекс эколого-ландшафтного разнообразия территории	м/га	25	32	47	61
Длина экотонов на 1 га пашни (густота сети)	м/га	27	38	55	77
Индекс продуктивности агроландшафта с учетом «краевого эффекта»	балл	4,4	6,2	7,9	10,5
Коэффициент антропогенной нагрузки (по 5-балльной шкале)	балл	4,0	3,9	3,7	3,6
Коэффициент относительной напряженности эколого-хозяйственного состояния	ед.	0,01	0,02	0,02	0,03
Коэффициент устойчивости земледелия (анализировались показатели 1975 — 2003 гг.)	ед.	до 1998 г. 0,47	на 2002 г. 0,41	на 2002 г. 0,45	ожидается улучшение показателя

татов исследований почв. Залесение и залужение пашни в хозяйстве проводилось на участках с уклоном более 5—6°, pH < 4,5, содержанием гумуса менее 1,5—2,4 и фосфора < 40—45 мг/кг, создавая оптимально-территориальные условия для эффективного использования земли. При выполнении этих мероприятий первоначально руководствовались эколого-ландшафтными критериями, а потом подтверждали их необходимость технико-экономическими показателями неэффективности использования части площадей под этот ценный вид угодья, заменяя его угодьем более низкого ранга (лесом, кустарником, пастбищем или сенокосом), но уже средостабилизирующим для создаваемого агроландшафта. Однако при переводе одного вида угодий в другой, как, например, эродированных и малоэффективных пастбищ в сенокосы или лесные полосы, мы совмещаем повышение продуктивности с созданием одновременной стабильностью формируемых агроландшафтов.

Эффективность трансформации угодий можно оценить по коэффициенту дифференциации пашни или посевов, выражающемуся увеличением обособленности массивов пашни удобной для технологической обработки. Он увеличивается по обоим хозяйствам на 32—33 %.

Рост площади сенокосов в СХПК «Рассвет» (до 311,72 га против 90,23 га), их последующее улучшение и увеличение (на 20,0 га) полезащитных и других древесно-кустарниковых насаждений расширяет зону связывания и трансформации энергии и вещества. В результате частично восстанавливаются природные балансы, нарушенные сплошным освоением в пашню залежных земель, что послужит препятствием для проявления водной и ветровой эрозии почв, различного рода деградации.

В целом по России территория считается экологически стабильной при коэффициенте экологической стабильности, равным 0,68. Республика Мордовия относится к экологически нестабильным территориям ($К_{эк.ст.}$ < 0,33), что требует осуществления кардинальных мероприятий по охране окружающей природной среды. В экспериментальных хозяйствах эта величина не превышает 0,21—0,22, хотя прослеживается увеличение по отношению с годом землеустройства.

В экспериментальных хозяйствах в целях восстановления саморегулирующей способности ландшафта, приспособления форм землепользования и его пространственной организации к природному разнообразию только за счет усиления специализации хозяйств, проведения трансформации и улучшения угодий коэффициент эрозионной опасности сельскохозяйственных угодий и пашни уменьшился почти в 1,5 раза. В СХПК «Рассвет» он сократился с 0,37 и 0,44 до соответственно 0,26 и 0,29. По СХПК «Аловский» этот коэффициент также сократился примерно в 1,5 раза. Следовательно, трансформация угодий и принятая структура посевных площадей отвечают не только запланированным площадям в бизнес-плане хозяйства, но и требованиям экологии, подразумевая восновном уменьшение процессов водной эрозии, сопровождающихся сокращением смыва почвы. В СХПК «Рассвет» смыв почвы уменьшается с 6,9 до 4,2 т/га, в том числе гумуса с 0,29 до 0,18 т/га.

Дифференцированная агроландшафтная организация территории увеличивает длину границ угодий экотонов в СХПК «Аловский» с 27 до 38 м/га, в СХПК «Рассвет» с более благоприятной обстановкой — с 55 до 77 м/га. Это положительно влияет на экологическое разнообразие территории обоих хозяйств и выбор оптимального использования земель.

Пропорционально длине экотонов, особенно границ средостабилизирующих угодий (сенокосов, пастбищ, лесных насаждений), возрастает продуктивность агроландшафта, связанная с влиянием «краевого эффекта». Проектируемая организация территории обеспечивает рост этого показателя в СХПК «Аловский» и «Рассвет» соответственно в 1,4—1,3 раза. Поскольку различные группы угодий оказывают неодинаковое антропогенное воздействие на природный комплекс, нами был выполнен расчет коэффициентов антропогенной нагрузки (по 5-балльной шкале) и относительной напряженности эколого-хозяйственного состояния. Полученные значения этих показателей также в пользу проектируемой организации территории.

Агроландшафтное землеустройство является весьма эффективным средством сохранения природного потенциала земель, его мобилизации через повышение урожайности

сельскохозяйственных культур. Это доказывается повышением коэффициента устойчивости земледелия (*Cv*). Несмотря на то, что этот коэффициент остается низким, характеризующий по-прежнему неустойчивость всего земледелия по хозяйствам, прослеживается тенденция (корреляционный анализ проводится на расчетный срок не менее 20 лет) к его улучшению. Так, до разработки проекта землеустройства в СХПК «Аловский» этот коэффициент по всем культурам составлял 0,39, а с учетом освоения он стал равен 0,36. Следовательно, устойчивость земледелия в хозяйстве зависит не только от плодородия земель. Неоценимая роль в стабильности урожая должна быть отведена землеустройству на агроландшафтной основе, с помощью которого на перспективу создаются новые агроландшафты, отвечающие всем требованиям природопользования.

Приведенные показатели по экспериментальным хозяйствам до проведения землеустройства отражают общую негативную экологическую обстановку. По проектам землеустройства эти показатели значительно улучшаются. Соответственно повышаются дифференциация использования пашни и других видов угодий, экологическое разнообразие и устойчивость территории, благотворность влияния средообразующих угодий на окружающую среду. В результате снижается нагрузка на землю, создаются необходимые условия для сохранения и восстановления утраченного плодородия почв, приостановления, а в ряде случаев полного прекращения, процессов водной эрозии земель, повышения отдачи гектара пашни и общей продуктивности земельных ресурсов. Все это подтверждает необходимость проведения в сельскохозяйственных предприятиях Республики Мордовия повсеместного землеустройства на агроландшафтной основе.

Поступила 15.03.06.

А.В.КАВЕРИН

А.В.НЕНАСТИН

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГРОРЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современных условиях, когда в большинстве сельскохозяйственных предприятий существенно уменьшились инвестиции и наблюдается снижение численности активного трудоспособного населения, особое внимание следует уделять эффективному использованию природного базиса производства. Это справедливо также и потому, что во многих сельскохозяйственных предприятиях республики сложилась далеко не оптимальная структура землепользования, с явным завышением доли пашни, что определяет дополнительные затраты и низкую отдачу. Оптимизация использования агроресурсного потенциала предполагает прежде всего поиск наилучшего соотношения земельных угодий в агроэкосистеме. Необходимо найти такую структуру землепользования, которая в конкретном природно-

КАВЕРИН Александр Владимирович, заведующий кафедрой экологии и природопользования Мордовского государственного университета, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

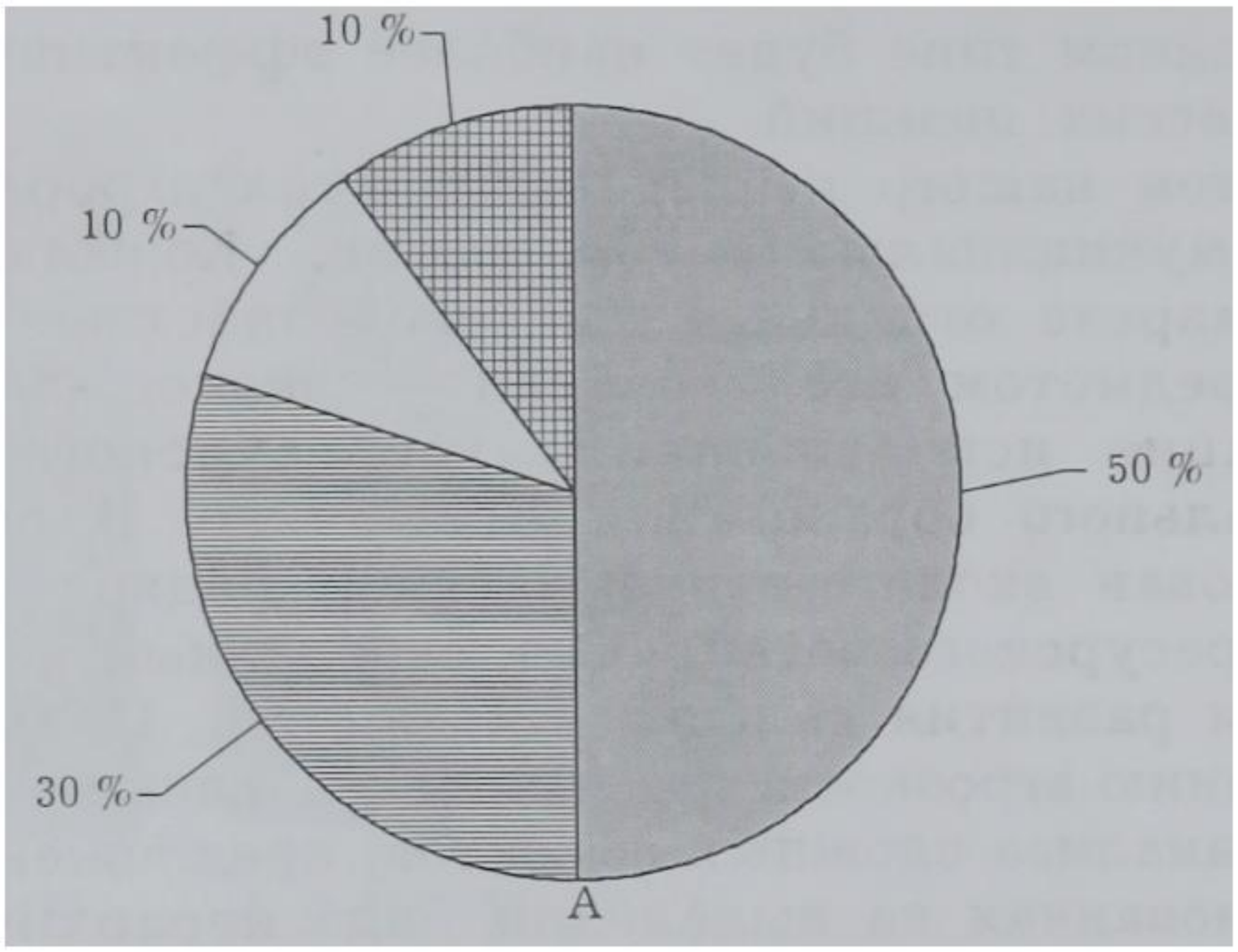
НЕНАСТИН Алексей Владимирович, преподаватель кафедры экологии и природопользования Мордовского государственного университета.

хозяйственном типе будет наиболее эффективна с эколого-экономических позиций.

Объектом нашего исследования стал агроресурсный потенциал муниципального образования Ковылкино, изучаемый в разрезе отдельных сельскохозяйственных кооперативов, предметом исследования — эколого-экономическая оптимизация использования агроресурсного потенциала муниципального образования Ковылкино. В работе продемонстрирован эколого-экономический подход к исследованию агроресурсного потенциала, основанный на оценке землеемкости развития сельского хозяйства. Применительно к исследованию агроэкосистем использовалась методология системного анализа сложных объектов, предложенная Дж.Клиром и основанная на выделении ряда иерархических уровней: исходные системы; системы данных (на данном уровне осуществляется сбор информации об экологических, экономических и других параметрах сельскохозяйственных предприятий и характеристик агроэкосистем; данные для анализа готовятся в разработанной автором электронной (компьютерной) системе «АГРО» (используется оболочка Microsoft Excel); порождающие системы; структурированные системы; метасистемы[1]

На первом этапе на основе почвенно-типологического районирования, бонитировки почв и данных кадастровой оценки земель выделены три группы хозяйств. Для каждой группы рассмотрены теоретические положения оптимальности структуры земельных угодий для эффективного эколого-экономического ведения сельского хозяйства[1] (рис. 1).

На основании этих положений проведена предварительная оценка соответствия наблюдаемой структуры земель с теоретически обусловленной (оценивалось отличие наблюдаемой структуры земельных угодий (площади лесов, населенных пунктов, дорог, залежей, сельскохозяйственных угодий, пашни) от «идеальной») (табл. 1). В каждой группе хозяйств проведена оценка соответствия оптимальности структуры земельных угодий по трехбалльной системе. При этом 1 балл соответствует близкой к оптимальной структуре землепользования, 2 — удовлетворительной, 3 — неоптимальной или неудовлетворительной.

□ Пашня ▤ Сенокосы, пастбища, залежи □ Леса ⊞ Прочие земли

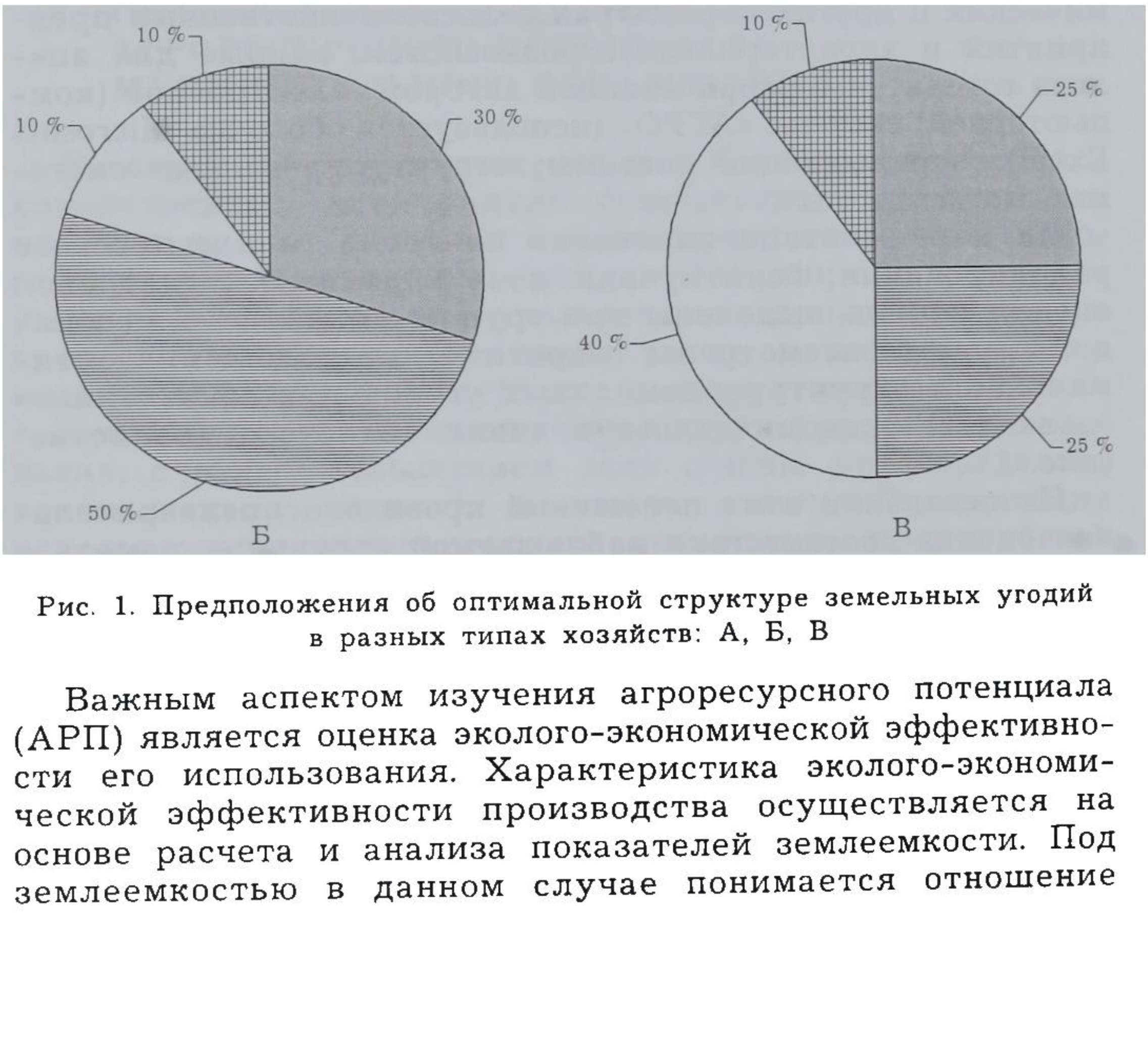

Рис. 1. Предположения об оптимальной структуре земельных угодий в разных типах хозяйств: А, Б, В

Важным аспектом изучения агроресурсного потенциала (АРП) является оценка эколого-экономической эффективности его использования. Характеристика эколого-экономической эффективности производства осуществляется на основе расчета и анализа показателей землеемкости. Под землеемкостью в данном случае понимается отношение

Таблица 1

Показатели землеемкости и степени оптимальности структуры земельных угодий в хозяйствах МО Ковылкино*

Хозяйство	Землеемкость		Оценка оптимальности структуры	
	Исходная, га/v	Приведенная, усл. ед.	Теоретическая	Статистическая
	Группа 1			
Старосамаевский	2,574	2,524	3	3
им. Абсалямова	1,776	3,028	3	3
Михайловский	1,586	2,631	3	3
Мир	3,301	2,498	2	2
Изосимовский	0,900	1,820	2	2
Клиновский	2,946	3,026	2	2
Покровский	3,513	3,683	3	3
Самаевский	3,875	4,657	3	3
Чепурновский	1,538	2,276	2	2
Вечкенинский	1,168	1,656	2	2
Гигант	1,901	2,573	2	2
	Группа 2			
Рыбкинский	1,631	1,553	1	1
Волгапинский	2,368	2,329	1	2
Союз	1,365	2,207	2	2
Дракинский	3,076	2,550	3	3
Васильевский	1,520	1,373	2	2
Казенно-Майданский	3,071	2,619	3	3
Коломасовский	1,544	1,804	2	2
Парапинский	0,819	1,866	2	2
Шадымский	2,572	1,802	3	2
	Группа 3			
Краснопресненский	4,451	1,483	1	1
Мамолаевский	8,749	1,543	3	2
Восток	9,214	2,206	3	3
Заря	4,389	1,675	3	2
Алькинский	8,827	1,818	2	2

* Расчет произведен автором.

затрат земельных ресурсов к приведенной конечной продукции, полученной на основе его использования[2]:

$$З = S_{об} / V, \quad (1)$$

где $З$ — показатель землеемкости; $S_{об}$ — общая площадь хозяйств, га; V — приведенная конечная продукция, т.

Низкая землеемкость свидетельствует об эффективном с эколого-экономических позиций ведении хозяйства, и на-

оборот. Уменьшение землеемкости должно увязывать два процесса: сокращение или стабилизацию потребления земельных ресурсов, с одной стороны, и роста выпуска продукции за счет совершенствования технологий, внедрения малоотходного и безотходного производства, использования ичных ресурсов и отходов — с другой. Используется и обратный показатель, т.е коэффициент ресурсоотдачи (землеотдачи).

Особая задача — оценка интегральных характеристик производства. С этой целью рассчитан показатель *приведенной конечной продукции.* Это обобщенная оценка производства основных видов сельскохозяйственного производства, получаемая путем перевода натуральных показателей производства зерна, молока, мяса в зерновой эквивалент (зерновые единицы). По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия и Управления сельского хозяйства МО Ковылкино, на исследуемой территории в течение последних 5 лет на производство 1 кг молока затрачивалось кормов в массе, эквивалентной 1,3 кг фуражного зерна, на производство 1 кг мяса — 10 кг фуражного зерна. Поэтому для расчета приведенной конечной продукции применяется формула:

$$V = З + 1{,}3\ Мо + 10 Мя, \qquad (2)$$

где V — приведенная конечная продукция, т; $З$ — производство зерна, т; $Мо$ — производство молока, т; $Мя$ — производства мяса, т.

Для дальнейшего статистического анализа требуется приведение к соизмеримой форме и других переменных, отражающих базисные факторы производства: затраты трудовых ресурсов, электроэнергетические затраты, показатели энергетических мощностей, издержки предприятий на производство сельскохозяйственной продукции. Это достигается введением удельных показателей. На рис. 2 и 3 приводятся данные об изменении землеемкости производства в различных типологических группах. Анализ показал, что во всех трех типах хозяйств землеемкость за рассматриваемый период имеет тенденцию к увеличению при общем уменьшении затрат (материальных, трудовых, энергетических), что говорит о падении эколого-экономической эффективности использования сельскохозяйственных угодий на

рассматриваемой территории. Для всех хозяйств с неоптимальной структурой землепользования эта тенденция является доминирующей (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика затрат и показателя землеемкости для хозяйств с неоптимальной структурой земельных угодий

Вместе с тем в хозяйствах с оптимальной структурой, при общей динамике снижения затрат землеемкость достаточна стабильна и изменяется незначительно, а в некоторых даже падает (см. рис. 3). Это предварительно подтверждает основную гипотезу исследования о существенной роли структуры земель в экономически рациональных и экологически устойчивых конечных результатах сельскохозяйственного производства.

Нами также рассмотрены существующие отношения между землеемкостью и факторами производства (затраты труда, оборотных средств, качество почв). Для более удобного анализа (положительный характер зависимостей) взят показатель, обратный землеемкости, т.е. коэффициент ресурсоотдачи (землеотдачи) (рис. 4).

Коэффициенты корреляции Спирмена с другими факторами производства имеют слабовыраженную динамику. Так,

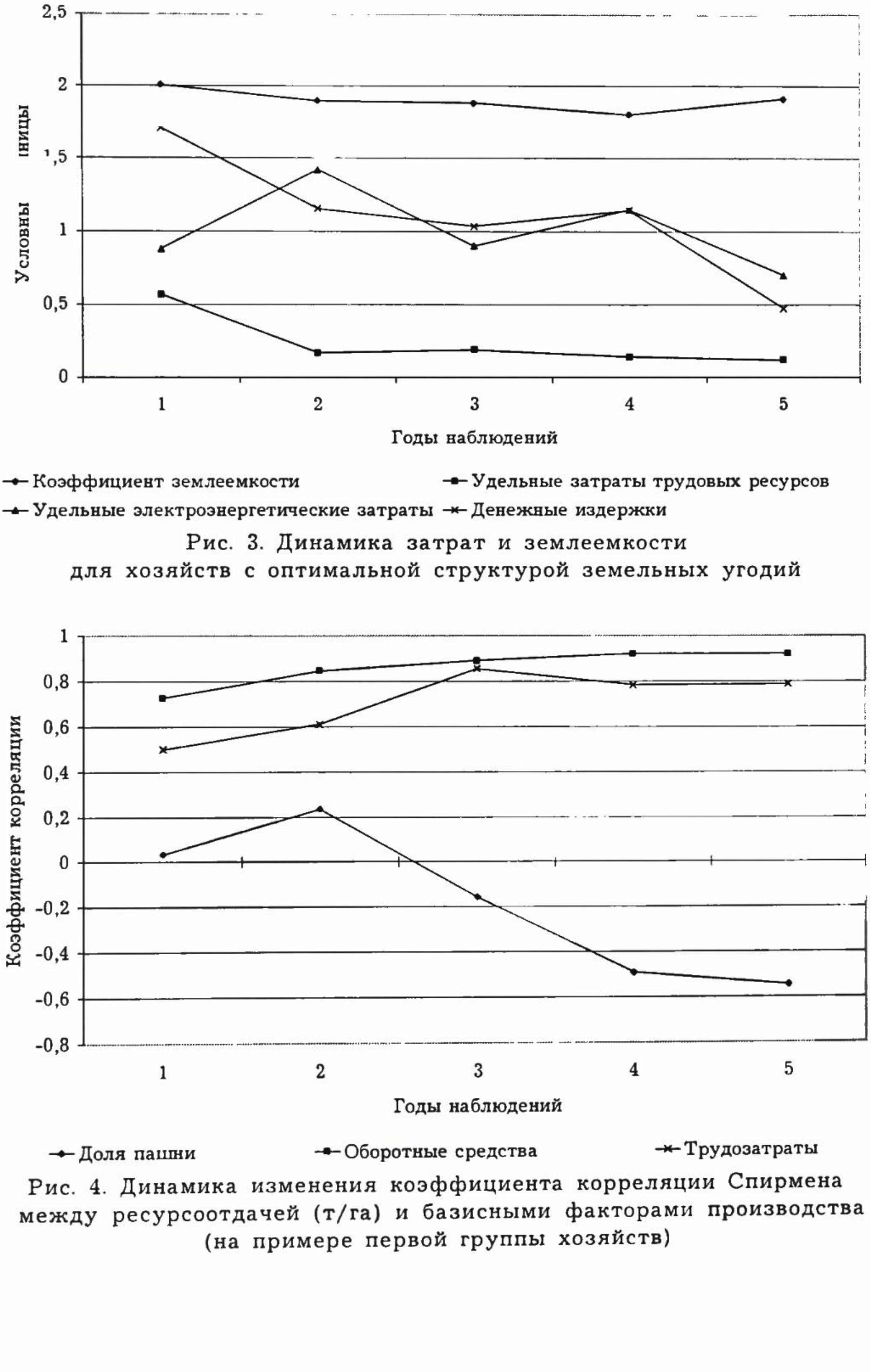

Рис. 3. Динамика затрат и землеемкости для хозяйств с оптимальной структурой земельных угодий

Рис. 4. Динамика изменения коэффициента корреляции Спирмена между ресурсоотдачей (т/га) и базисными факторами производства (на примере первой группы хозяйств)

прослеживается тенденция роста зависимости ресурсоотдачи от затрат оборотных средств и трудовых ресурсов (для всего массива данных). Интересен тот факт, что в первой и второй типологических группах хозяйств отмечается резкое увеличение отрицательной зависимости ресурсоотдачи от доли пашни. Из этого следует, что хозяйства с высокой распаханностью по сравнению с хозяйствами с более низкой распаханностью имели худшую динамику производства (коэффициент землеемкости увеличивался очень быстро). Все это свидетельствует о том, что в условиях, когда достаточно резко снижаются затраты производства (прежде всего оборотные средства и труд), происходит падение ресурсоотдачи. И здесь на первый план выходит показатель эколого-экономической сбалансированности структуры земельных угодий. Наибольшее падение ресурсоотдачи (рост землеемкости) наблюдается в хозяйствах с неудовлетворительной структурой, а в хозяйствах с индексом оптимальности «1» падения почти не происходит даже в условиях уменьшения затрат (см. рис. 2 и 3).

Можно сделать вывод, что наименьшее значение землеемкости в каждой типологической группе наблюдается в хозяйствах с оптимальной структурой земельных угодий. Рост показателя землеемкости происходит по мере ухудшения структуры земельных угодий.

На рис. 5 в качестве примера приведены средние значения землеемкости по всем хозяйствам в зависимости от индекса оптимальности для 2002 г. Аналогичные закономерности характерны и для других лет наблюдений.

Вместе с тем проведенный анализ значимости влияния структуры земельных угодий на землеемкость несколько искажен такими факторами, как качество почв и затраты материальных и прочих ресурсов[3]. Это доказывается тем фактом наличия существенных и значимых связей между землеемкостью и данными факторами. Наша задача прежде всего заключается в оценке роли структуры земельных угодий (не осложненных данными качества почв, денежными и другими затратами). Следовательно, необходимо внести поправки для коэффициента землеемкости на обозначенные выше базисные факторы производства. На основе оценки значимости ранговых мер связей между различны-

Рис. 5. Зависимость средних значений землеемкости по всем хозяйствам от индекса оптимальности

ми вариантами приведенной землеемкости и индексом оптимальности структуры земель выбран вариант расчета приведенной землеемкости с наивысшем уровнем значимости (p — уровень 0,014), в котором в качестве поправочного коэффициента используются среднемногомерный коэффициент затрат и поправка на качество почв (коэффициент рентной оценки). Коэффициенты рассчитаны как отношение данных по хозяйствам (различные виды затрат и рентной оценки земель) к среднеарифметическому значению по району. В результате умножения исходной землеемкости на полученные коэффициенты получается приведенная землеемкость, характеризующая «чистую роль» структуры земельных угодий.

Эти результаты могут быть использованы для уточнения представлений об оптимальности структуры. Необходимо заметить, что расчет исходной и приведенной землеемкости может быть проведен без предварительной оценки структуры земельных угодий. В данном случае мы приходим к решению задачи поиска наиболее оптимальной струк-

туры. На основании данных рассчитанной землеемкости сделаны уточнения изначальных (теоретических) предположений об оптимальности структуры землепользования.

Таким образом, эколого-экономический подход, основанный на оценке землеемкости, позволяет обосновать эффективное использование агроресурсного потенциала путем оптимизации структуры земельных угодий территорий хозяйств. Результаты исследований могут быть основой для принятия экономических, технологических, технических, мелиоративных решений в области регулирования и управления сельскохозяйственным производством и экономикой природопользования. Это открывает значительные перспективы управления, позволяет достичь баланса между высокой производительностью и способностью агроэкосистем к самовосстановлению.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975; *Каверин А.В.* Экологические аспекты использования агроресурсного потенциала. Саранск, 1996; *Лопырев М.И., Макаренко С.А.* Агроландшафты и земледелие: Учеб. пособие. Воронеж, 2001; *Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш.* Экономика природопользования: Учебник. М., 2003; *Ковда В.А.* Почвенный покров, его улучшение, использование и охрана. М., 1981. С. 89—90.

Поступила 12.07.06.

Ю.Н.СУШКОВА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ БАЗА ЭТНИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ У МОРДВЫ

На протяжении тысячелетий народы вырабатывали самобытные системы обычного (нефиксированного) права, на основе которого осуществлялся механизм социальной регуляции. Этнонорматика, выстраивавшая модель правомерного поведения, выступала надежным инструментом воспроизводства народа, его этническим стабилизатором, юридическим гарантом сохранения этноса, упрочения его жизнеобеспечивающих систем. Традиционное правосудие (этноюстиция) представляло собой один из основных институтов обычного права, в рамках которого народом самостоятельно, без вмешательства государственной власти, разрешались спорные ситуации и конфликты. В конце XIX — начале XX в. организационным центром крестьянского самоуправления была община, санкционировавшая на базе обычного права посредством общинных структур (сходов, собраний старейшин) реализацию этнического правосудия.

Традиционное разбирательство производилось в соответствии с общепринятыми в народе нормативными положениями, при объективном анализе комплекса доказательств, собранных в результате самостоятельного расследования по делу. Исходя из ключевой цели правосудия — достижения справедливости, участники процесса обычно в публичной форме оглашали все имевшиеся по спорному вопросу факты, прибегая к различным способам обоснования правдивости своих слов. Глубокое знание крестьянами личностных качеств участников процесса, взаимоотношений односельчан, местных условий, порядков домашней жизни, хо-

СУШКОВА Юлия Николаевна, доцент кафедры теории и истории государства и права Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

рошая осведомленность о происшедшем позволяли подробно изучать нюансы конфликта и принимать справедливое решение.

Доказательства по делу были различными. Значительно облегчало установление истины наличие вещественных, документальных свидетельств, материально подтверждавших тот или иной факт. Так, юридическим маркером права родовой, семейной собственности являлись знаки собственности — «знамена», тамги, клейма, меты, доказывавшие принадлежность обозначенного определенным владельцам (меты на полевых загонах, ушах домашних животных, «бортные знамена» и др.). Клейма ставились на предметах движимой собственности и полосках пахотной земли. Каждый домохозяин имел право избрать себе особый рисунок клейма. Для примера приведем описание некоторых знамен, взятых из писцовых книг письма и меры Д.Пушечникова и А.Костяева за 1624—1626 гг.: «А знамена у них в той вотчине знамя Сараево бараньи рога да два глаза, знамя в вотчине Тетюша Кучюмасова вилы да четыре глаза, знамя Мотяса Гришина лопатка да четыре глаза, знамя Ермензино заячьи уши да два глаза, знамя Чиндясово вилы да четыре глаза, знамя Кобаево три глаза, знамя в той вотчине Сююшево орлов хвост с тремя глазы». Клейма заменяли подписи, в этом значении они встречались на челобитных, которые подавались инородцами московскому правительству о своих нуждах, на документах о межевании земель, в случаях, когда «инородцы являлись понятыми или свидетелями, на купчих крепостях, при передаче своих земель, на дарственных записях». Для русских администраторов применение клейм в качестве подписей не представляло «ничего необычного»[1]

Ввиду отсутствия письменности у мордвы до христианизации знаки собственности выступали единственными «документами», подтверждающими имущественные права. В остальных случаях обычно рассматривались доказательства, главным образом, устного характера, что обусловило выработку самобытных подходов к установлению истины, исходивших из народных знаний о психологии личности, глубокой религиозности и в целом традиционных начал миропонимания.

В процессе ведения дела большое внимание уделялось социальному положению его участников, прежде всего их общественной репутации. От социального имиджа общинника, его семьи и рода во многом зависело, насколько можно доверять сказанным словам, совершенным поступ-

Неслучайно мордовская пословица гласит: «Народное слово — надежное слово». Репутация служила своеобразным залогом правдивости свидетельств. Обсуждение на сельском сходе или собрании старейшин поведения того или иного крестьянина определялось мнением о нем со стороны других общинников. В таких случаях скрытый в другое время механизм воздействия общественного мнения выступал наиболее ярко. Судьбоносная значимость общественного мнения четко осознавалась мирянами, в силу чего каждый старался не подорвать чести своего имени в народе. Вынесение безнравственных поступков на общественный суд осуществлялось не только прямым обсуждением их на сходе, но и в виде апелляции к соседям. По существу, любое широкое сборище в мордовской деревне (от крестин до поминок или хороводов и помочей) могло послужить поводом для апелляции к общественному мнению[2]

Социальное положение общинника определялось различными факторами: репутацией рода и семьи; личным поведением; обладанием высокими нравственными качествами (ум, доброта, сила, трудолюбие, честность и др.); владение трудовыми навыками; авторитет в глазах каждого члена семьи, соседей; отношением к родителям и умершим предкам; участием в общественных работах, помочах. Мнение односельчан учитывалось как при судебных разбирательствах, так и в каждой жизненной ситуации — обретении друзей, выборе супружеской пары, трудовом (договорном) сотрудничестве. Например, при приобретении жилого дома или выборе места для строительства обращалось внимание на социальный статус соседей: чем больше они пользовались уважением, тем престижнее считалось жить с ними рядом. Особое значение людской молве придавалось при выборе невесты, которая должна была славиться в народе своими добрыми качествами, работоспособностью, мастерством в рукоделии и т.п. Репутация отдельного крестьянина влияла на формирование репутации семьи и рода,

переходившей из поколения в поколение. Нередко социальный статус отражался в прозвищах семьи, их кратких характеристиках, которые устойчиво сохранялись на протяжении долгого времени. Так, в мордовских селах нередко называли отдельные рода и семьи по качествам правового характера — «честные», «воровские», «разбойничьи».

Исходя из социального статуса того или иного участника спора, в качестве доказательств применяли устные свидетельства очевидцев. В одной мордовской песне рассказывается, как татарин Семен наблюдал за Машуней, укрывавшей следы убийства своего мужа. В песне поется так «Почему у тебя, Машуня, бок лаптя в крови? Почему, Машуня, пола шушпана забрызгана?». Пытаясь оправдаться, Машуня отрицала свой поступок, на что Семен ответил: «Не ври, Машуня, не ври-ка, сам видел, сам подметил»[3] Свидетеля приглашали в качестве участника процесса и заслушивали публично. Судьи были вправе задавать интересующие их вопросы, чтобы максимально убедиться в правдивости сказанного.

Тесная связь обычного права с религией обусловила широкое распространение древнейшей практики, известной у различных народов мира как божий суд — процессуальная форма, при помощи которой виновность лица устанавливается по результатам испытания, которому это лицо подвергалось. Формы божьего суда были разнообразны, в том числе клятвенные заверения (присяги), жребий, судебный поединок и др.[4]

В традиционном правосудии мордвы устное свидетельство считалось очень весомым аргументом по делу, ибо произнесенная публично ложь могла навлечь гнев не только со стороны мирян, но и божеств. Клеветничество, лжесвидетельство квалифицировались как тяжкие антисоциальные проступки и греховные деяния. В домашних мордовских молениях к верховному богу Нишке-пазу в ряду первых просьб звучало обращение уберечь от клеветников: «Пас, Вере Пас! Сохрани от колдуна и клеветника». О значении слова в разрешении различных дел свидетельствуют многочисленные мордовские пословицы: «При уговоре берегись, а после не сердись», «При уговоре — словом, после делом». По свидетельству К.Мильковича, отно-

сящемуся еще к XVIII в., мордва считала, что в загробном мире «богато» живут лишь честные люди, а «бесчестно пожившие» горят в смоле. Считалось, что боги отворачивались от людей, которые своим поведением оскверняли их честь. «Пас отступается от людей, оскорбляющих его своими беззакониями», — писал Н.Смирнов. В целом мордвины у других народов были известны как «честные люди», которым можно верить на слово. Подтверждением этому является широко бытовавшее до революции правило, которым руководствовались при подрядах и покупках земледельцы в восточных губерниях России: «с подгородными крестьянами и мещанами дела не иметь, татар обязывать строгими условиями на законных основаниях, а мордвину — верить на слово». По наблюдениям известного знатока юридического быта мордвы В.Н.Майнова, совершенные на словах соглашения соблюдались отнюдь «не слабее документальных»[5]

Уникальным гарантом правдивости произнесенного свидетельства, выражавшемся в боязни разгневать богов, убеждении в неотвратимости их возмездия, являлись клятвенные заверения. Большинство клятвенных заверений, практиковавшихся у мордвы, имело древние языческие корни. Судя по сохранившимся историческим и юридическим актам русского делопроизводства XVI—XVII вв., если русское население при спорах с мордвой давало судьям в «божью правду» клятву по «крестному целованию», то мордва — «по своей вере по мордовской», «по своей вере по шерти». М.Гребнев писал, что «язычников русские привели к шерти (присяге)»[6] Например, во время допросов, «учиненных» алатырским воеводой по поводу съезда мордвы и черемис от 25 сентября 1629 г. в д. Чукалы, мордва д. Игнатовы Андрюшка Игнатов и д. Старые Чукалы Сустат Секшенев перед стольником и воеводою Дмитрием Никифоровичем Толочановым, подьячим Григорием Рукавовым свидетельствовали «по своей вере по шерти за себя и за своих товарищей за всю деревню», что в прошлом году «после великодня на семик, был де он в деревне в Новых Чукалех у мордвина у Соваика Мечасова, и в тот де день была деревни Старых и Новых Чукал у мордвы мольба над их родители, по вере осыпали землею — мар; а были на

той мольбе Арзамасская и Нижегородская мордва с женами и с детьми...»[7]

Клятва мордвы «по своей вере» считалась одним из доказательств, подтверждавших истинность оспариваемого факта или события на судебном процессе. При разбирательстве дела братьи Печерского Вознесенского Полянского монастыря с мордвином Ивантой Рамстеевым о владении лесными угодьями за р. Пьяной судьи спросили «Иванти-ных знахорей мордвы Учевата, да Ивана, да Узветя»: «Скажите вы в божью правду, по своей вере по мордовской, чей то лес, где мы стоим». И Учеват ответил: «господине, божия правда, по своей вере по мордовской — яз был, господине молод, а езживал есми, господине, со отцом своим по тем местам, и отец мой, господине, говаривал про те лесы так: „те вото места пригоже государю великому князю“». В списке с грамоты воеводы Ивана Матвеевича Бутурлина, на поместную землю, пожалованную свияжско-му служилому татарину Сюкею Севергозину говорится: «сказали по своей вере — по шерти: исстари тою полян-кою владеет Сюкеев отец Северюзя, лет с сорок, и после отца его Северюзи владеет он Сюкей»[8]

В некоторых мордовских деревнях еще в конце XIX в. давали клятву «через лутошку». Перед испытуемым кла-лась лутошка (очищенная от коры липка), и человек дол-жен был перешагнуть через нее со словами: «чтобы иссох-нуть мне, как эта лутошка, если солгу». В других случаях, например, обращаясь к Богу, мордвины произносили: «Свя-зались мы кушаками — свяжи нас Боже, цепями, кто ту цепь разрубит — чтобы кровь из нас текла»[9]

Подобно некоторым другим народам, мордва нередко клялась богом солнца: «Пусть поразит меня Чипаз, если я вру!». Интересно отметить, что мордва Саранского уезда Пензенской губернии в разное время суток клялась по-разному: утром — «Так же верно, как и восходящее солнце над моей головой!»; в обед — «Так же верно, как и солнце над моей головой!»; вечером — «Так же верно, как и заходящее солнце над моей головой!». Мордва клялась также такими словами: «Накажи меня, Великий бог, пусть ослеп-нут мои глаза и я не смогу видеть сияния солнца, если мои слова — ложь». Обращаясь к верховному богу, мордва

молила его о сохранении от греховных поступков и злых людей: «Нишке паз, верховный бог, ты превыше всех богов... Храни нас от злого человека, плохо думающего, плохое делающего, плохие советы дающего, береги от злого глаза, плохих мыслей... Плохое замышляющего навзничь опрокинь, черной землей сделай, пусть стыдно ему будет, из среды людей выведи!», «чтобы после захода солнца, солнца не видать, если скажу неправду»[10].

Эти клятвенные формулы широко применялись в государственных учреждениях и крестьянском быту. При разрешении семейных конфликтов также прибегали к клятвам. Как зарок не заводить споры клялись следующим образом: «На стол рядом клали два топора, около которых ставили свечу, при этом каждый должен был произнести обязательно по три раза: «Я больше не буду». Огонь гасили и с этого момента все старались жить в мире и согласии. Иначе мог наказать Бог». Отвечая на вопросы относительно нарушения норм обычного права, старожилы мордовских сел часто произносили слово «грех». «Раньше боялись греха и стыда: греха — перед Богом, стыда — перед отцом». В других семьях, давая клятву, говорили: «Да провалюсь я в тартарары, если солгу». Члены семьи также произносили друг перед другом: «Пусть меня парализует, если я солгу»[11]

В зарок правдивости сказанных слов мужики вырывали волос из бороды. В качестве клятвы и способа примирения мордвины развязывали пояс, стелили на землю (на тропу или межу) и переступали через него. Перешагивание через пояс символизировало правдивость произнесенного свидетельства. Переступали также и через луб. «Был такой случай в одной семье. Старший сын-озорник взял без спроса из дома сладости. Когда родители стали спрашивать, кто из сыновей совершил такой поступок, то младший и старший мальчики в доказательство своей невиновности стали переступать через луб. Старший-виновник перепрыгнул через луб высоко, а маленький не сообразил и задел луб ногой. По обычаю, тот, кто наступил — виновен. Но родители, смекнув проделки сына, все-таки выяснили правду и поругали его»[12]

О клятвенных заверениях как гарантии правдивости слов свидетельствуют и материалы мордовского фольклора. «Один

старик рассказывал вот что. Сосед его, однодворец, тоже старик древний, перед смертью признался: был он в мордовском царстве, но на святом писании поклялся никому не говорить, где то царство находится», — повествуется в одной мордовской легенде. На обычно-правовой уклад общины конца XIX — начала XX в. существенное воздействие оказало православие, когда мордва стала клясться также на кресте и иконе: «Икону или крест поцелую — не нарушу обещания»[13] С принятием христианства мордва применяла такие формы божьего суда, как испытание крестом, освященным хлебом, причастием (в отношении лиц духовного звания).

В спорных ситуациях в доказательство правдивости показаний нередко прибегали к клятвам, связанным с культом умерших предков, например, к покойным предкам обращались в том случае, если кто-либо из членов семьи совершал проступок или преступление, но не сознавался в этом, хотя пострадавший и готов был клятвенно подтвердить истинность своих слов. Поскольку не всегда можно было достоверно установить правоту кого-либо из сторон, то глава семьи обращался за помощью к домашним духам: «Покойные предки, отец и мать! Мы молимся вам, мы кланяемся вам, проверьте наше дело. Сноха Тязай клятвенно утверждает, что сноха Мазай ее хотела заколдовать, но сноха Мазай тоже клятвенно уверяет, что Тязай лжет. Кто же из них прав и кто виноват? Установите, кто прав, а кто виноват и накажите виновную!»[14]

У мордвы существовал обычай клясться именем покойного. Н.П.Орлов отмечал, что при этих обстоятельствах приносили с могилы землю, размешивали ее водой и давали пить свидетелю или же обвиняемому. Пьющий говорил: «Возьмите меня к себе, покойные предки, я умру (за это) и в этом году буду захоронен». «Богов защиты дома, как и покойных, призывали наказывать тех, кто осмелился дать ложную клятву и тем очернил честных, невиновных людей. Виновный, который предается суду богов или вскоре умирает, или с ним случается большое несчастье», — продолжал Н.П.Орлов[15]

Отдельные наблюдатели юридического быта мордвы отмечали самобытные способы божьего суда как доказа-

тельства в установлении истины. Например, по свидетельству К.Митропольского, мордва, ежегодно собиравшаяся где-либо при большом озере для судопроизводства над подозреваемыми в каких-либо преступлениях, совершенных в течение года, в целях познания правдивых фактов совер-

ли следующий ритуал: «Судьи, чтобы узнать истину, ...нили „суд Божий": приказывали перевязать серединою бичевы шею обвиняемого и с быстротою перетаскивать его через озеро из конца в конец непременно три раза; оставшегося в живых признавали невинным». При подозрениях кого-либо в краже мордовские судьи давали предполагаемому виновнику выпить смесь взятой с кладбища земли и воды. В случае истинности подозрения виновный, как правило, не решался солгать из опасения, что предки накажут его за это смертью. Гнев предков навлекал на себя у мордвы-мокши тот, кто желал утвердить истину своих слов: «Пусть меня мертвый накажет, если я говорю неправду»[16]

Широко применяемым способом божьего суда был жребий. Жребий считался одним из древнейших традиционных доказательств в разрешении споров и иных дел. Выпадение жребия на конкретное лицо знаменовало для мордвы волю ее верховного бога Шкая, нарушение воли которого, согласно религиозным верованиям народа, влекло наказание. О божественном санкционировании жеребьевки при разборке важных вопросов свидетельствует предание об избрании мордовского царя. Собравшиеся на сходку старики бросили жребий, который пал на крестьянина по имени Тюштянь. Испытывая решение схода и, соответственно, волю Шкая, он поставил перед стариками условие: если воткнутое в землю его «старое и сухое, как кость» кнутовище прорастет и станет яблоней во время опахивания им круговой борозды, то он согласится на царствование. Не успел Тюштянь вернуться на старое место, как увидел цветущую молодую яблоньку. Во время эпидемий язвы на людей или скот несколько девиц обыкновенно в полночь выходили за село, взяв с собой соху и черного цвета котенка, щенка и петуха. Бросали там жребий, кому быть главой в предприятии. Указанную жребием впрягали в соху и помогали ей опахивать борозду вокруг всего поселения[17]

Жребий активно использовался особенно в урегулировании земельных споров. По жеребьевке менялось местонахождение участков без изменения их размеров. В результате в общинах обеспечивалось приблизительное равенство по количеству и качеству крестьянских наделов. Коренные переделы проводились примерно через 6—12 лет. С помощью жребия делились и луговые угодья: если они были разбросаны и их качество неодинаково, подбирались полосы по возможности одинакового достоинства, после чего каждая группа общины получала соответствующее число участков по жребию.

Своеобразной формой судебного поединка были кулачные бои (поединок бойцов), по результатам которых выносилось то или иное решение. Виды кулачных боев — «стенка на стенку», «один на один». Драка кулаками, без применения оружия, при соблюдении определенных правил — одна из старинных форм противоборства, защиты своего права, выражения своего интереса (как личного, так и общинного). «Лежачего не бьют», «не бить сзади», «не иметь злобы на противника», «не бить с подножкой», «биться полюбовно», «не бить ногами», «закладок (заначек, кремней, чугунных перчаток) в руки не брать» — вот наиболее общие правила, освященные многовековой традицией. С помощью кулачных боев делили земли, поля, определяли право пользования водными источниками между различными общинами. Победа в кулачном бою считалась победой в судебном состязании.

В качестве доказательства нанесенной обиды, совершения того или иного неправомерного поступка признавалось выполнение определенного обряда как знака, свидетельствовавшего о существовании конфликтной ситуации. Например, в 1921 г. М.Т.Маркелову в с. Савкине Саратовской губернии рассказали про старинный обычай. Если старую мать переставал слушать ее сын, а в доме, кроме нее, не было никого, кто бы мог проучить строптивца, то мать в знак своего безвыходного положения брала под мышку кусок холста, а в руки свечку и шла на сход, где объявляла старикам о своей беде и о бессилии справиться с ней. Старики, убежденные в справедливости ее слов необыкновенным снаряжением, не долго думая, вызывали непокор-

ного и внушали ему хорошей «встрепкой» способность быть «наперед» покладистым[18].

Среди символических актов, доказывавших принятие обязательств, значительное место занимает рукопожатие. Очевидцы рукопожатия вправе давать свидетельства о

личии у сторон тех или иных договоренностей. Традиция рукопожатия характерна для всех финно-угорских народов, в том числе мордвы.

Для обычного права при рассмотрении дел характерна публичность, нацеленная на демонстрацию случившегося как для посрамления виновного и его семьи, так и для предупреждения неправомерного поведения со стороны других общинников. Суд выполнял прежде всего воспитательную функцию, стремясь изменить нравственность виновного члена общины, направить его на истинный путь. В силу этого кульминацией разбирательства считалось искреннее раскаяние виновного, его признание в содеянном, желание устранить возникшие негативные последствия. Подлинное раскаяние смягчало наказание. Мордовская пословица гласит: «Проступок свой осознаешь — наполовину себя оправдаешь», что уже свидетельствует о более гуманном отношении к повинившемуся человеку[19].

Итак, этническое правосудие (этноюстиция) существенно влияло на формирование правосознания личности. Этнонормативные традиции, в том числе и в сфере доказательств, служили необходимым стражем порядка, обеспечивали сохранение народных ценностей, неотвратимость ответственности, но главное — упрочение веры в справедливость.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рукописный фонд Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. И-130, 137. Л. 181, 127—130, 143, 213, 300; *Харузин Н.* «Знамена» у мордвы в XVI и XVII вв. // Известия Императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при императорском Московском университете. Т. XCVII. Труды этнографического отдела. Т. XIV. Юбилейный сборник в честь В.Ф.Миллера. М., 1900. С. 63—64.

[2] См.: Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / Сост. К.Т.Самородов. Саранск, 1986. С. 185; *Балашов В.А.* Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. Саранск, 1991. С. 60—61.

[3] Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник / Сост. М.Т.Маркелов. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 199.

[4] См.: Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю.Тихомирова. М., 2001. С. 93.

[5] *Майнов В.Н.* Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 215; *Фукс К.* Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал МВД. Часть 34. № 10. СПб., 1839. С. 107; Мордовские пословицы и загадки / Сост. К.Т.Самородов. Т. 1. Саранск, 1959. С. 125; *Милъкович К.* Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбовские епархиальные ведомости. Ч. неоф. 1905. № 18. С. 823; *Смирнов Н.* Мордовское население Пензенской губернии // Пензенские епархиальные ведомости. 1874. № 1—3. С. 98; Народы России. Живописный альбом. СПб., 1880. С. 123.

[6] *Гребнев М.* Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // Самарские епархиальные ведомости. 1886. № 21. С. 429; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. С. 141, 170.

[7] Цит. по: Документы и материалы... С. 280—281.

[8] Там же. С. 141; Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные С.Мельниковым. Т. 1. Казань, 1859. С. 10.

[9] *Малиев Н.М.* Общие сведения о мордве Самарской губернии. Казань, 1878. С. 4; *Майнов В.Н.* Указ. раб. С. 213.

[10] *Harva U.* Die Religiosen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 174; *Hamalainen A.* Das Kultische Wasserfeuer der Mordwinen und Tscheremissen // Journal de la Societe Finno-ougrinne. T. XLVIII. Helsinki, 1936—1937. S. 13—14; Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 12 т. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 185—186; Информация записана в 2005 г. от Н.Ф.Беляевой, 1950 года рождения, уроженки мокша-мордовского с. Польское Цибаево Темниковского района Республики Мордовия.

[11] Информация записана автором в 2003 г. от М.П.Учуватовой, 1927 года рождения, И.И.Горностаева, 1932 года рождения, уроженцев эрзя-мордовского села Шокша Теньгушевского района, Г.Н.Кедяровой, 1934 года рождения, уроженки эрзя-мордовского села Морга Дубенского района Республики Мордовия.

[12] Информация записана в 2005 г. от Н.Ф.Беляевой, 1950 года рождения, уроженки мокша-мордовского с. Польское Цибаево Темниковского района Республики Мордовия.

[13] Цит. по: Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982. С. 55.

[14] Цит. по: *Harva U.* Die Religiosen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 123—125.

[15] Там же. С. 286.

[16] *Митропольский К.* Мордва. Мировоззрение их, нравы и обычаи // Мирское слово. СПб., 1877. С. 74; *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 172.

[17] См.: Легенды и предания мордвы... С. 51—52; *Ауновский В.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии. С. 14.

[18] См.: Саратовская мордва. С. 108.

[19] См.: Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. С. 207.

Поступила 04.07.06.

Е.В.БРЫЖИНСКАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В 1928—1937 гг.

Суды общественной самодеятельности — одна из форм активного участия трудящихся в управлении государством, укреплении законности и правопорядка. В рассматриваемый период они получили широкое распространение и признание среди населения страны и Мордовии в частности.

В 1927 г. на объединенном заседании коллегий НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР при разработке конкретных мероприятий по разгрузке народных судов от дел частного обвинения, возникающих главным образом на почве бытовых форм жизни трудящихся, внесли Наркомюсту РСФСР предложение изъять из производства народных судов в некоторых сельских местностях мелкие иски до 15 руб. Полагалось, что такие дела в основной своей массе нуждаются не столько во вмешательстве суда, сколько в моральном воздействии ближайшей товарищеской среды. Для их рассмотрения предполагалось учредить, в начале в виде опыта в нескольких районах, при сельских Советах ежегодно избираемые примирительные камеры.

Главная цель учреждения примирительных камер (как и впоследствии других форм общественных судов) состояла не только в разгрузке народных судов от мелких уголовных и гражданских дел, но и в передаче этой категории дел на рассмотрение в ином — общественном, товарищеском порядке. Предполагалось, что именно такой порядок рассмотрения мелких бытовых дел окажет большое воспитательное воздействие[1]

БРЫЖИНСКАЯ Елена Владимировна, соискатель кафедры правовых дисциплин Мордовского государственного университета.

Примирительные камеры организовывались в составе председателя и двух членов, избиравшихся сроком на один год. Председатель подлежал избранию сельсоветом из числа его членов, а члены примирительной камеры — из числа местных жителей, пользующихся избирательными правами. За свою деятельность члены примирительной камеры никакого вознаграждения не получали.

К подсудности примирительных камер были отнесены дела по имущественным спорам на сумму не свыше 15 руб. и уголовные дела об оскорблениях, нанесенных словесно, письменно или действием, дела о нанесении ударов и побоев, не связанные с телесными повреждениями. Такие дела подлежали рассмотрению в примирительной камере при условии, что обе стороны проживают в пределах того сельского Совета, при котором работает примирительная камера, или если истец и потерпевший хотя и не проживают в пределах данного сельского Совета, но по собственному желанию обратились не в народный суд, а в примирительную камеру.

Рассмотрение дел должно было проходить публично, но не позже чем через одну неделю со времени поступления дела. Примирительные камеры должны были стремиться к примирению сторон. При разборе дел они не связывались никакими формальными правилами судопроизводства, но должны были известить стороны о слушании дела. Постановление вносилось большинством голосов, излагалось в письменной форме и оглашалось публично.

По уголовным делам могли применять принудительные работы на срок до 7 дней, штраф до 10 руб., общественное порицание, предупреждение, возмещение причиняемого вреда. Производство в примирительных камерах было освобождено от судебных пошлин, канцелярского и гербового сбора[2].

Примирительные камеры в Мордовском округе начали создаваться во второй половине 1928 г. К 1 октября 1929 г. они были организованы в 50 % сельсоветах округа, а к 1 января 1930 г. — в 66,1 %. Личный состав камер был весьма разнообразен (таблица).

Примирительные камеры организовывались на общих собраниях граждан и частично на пленумах сельских Сове-

Таблица

Личный состав примирительных камер Мордовского округа (по 22 районам) на 1 января 1930 г., чел.*

Всего	По полу		По социальному положению						По партийной принадлежности		
	мужчин	женщин	батраков	бедняков	середняков	должностных лиц	служащих	прочих	членов и кандидатов в члены ВКП(б)	членов ВЛКСМ	беспартийных
5778	4688	1390	210	2853	2381	107	212	15	379	225	5174

*Таблица составлена по данным ЦГА РМ, ф. Р.-432, оп. 1, д. 1, л. 35.

тов и везде встречали одобрение трудового населения. При анализе их деятельности, как видно из докладов народных судов Мордовскому окружному суду, выявлено стремление к расширению подсудности, а отсюда — приема дел, не подсудных примирительным камерам. Выявлялись случаи рассмотрения дел о кражах, земельных спорах, словесных оскорблениях сельских должностных лиц, нанесении побоев с телесными повреждениями. В частности, примирительной камерой в с. Дубровское Беднодемьяновского района рассматривались дела о невыплате заработной платы пастухам.

Количество поступающих дел в среднем составляло 7—10 в месяц на район. В числе поступающих дел преобладали дела о потравах, оскорблении словами и действием, нанесении побоев, мелкие гражданские иски. Основными мерами налагаемых взысканий были принудительные работы, штраф, а в отдельных случаях — общественное порицание. Случаи длительного рассмотрения были единичны — в основном от 7 до 10 дней. В тех районах, где председательствовали женщины, примирительные камеры имели больший авторитет среди населения. Работа примирительных камер широко освещалась в местных печатных изданиях[3]

Периодически проводились совместные совещания председателей примирительных камер с народными судьями. Так, на совещании в Беднодемьяновском районе 18 декабря

1929 г. были заслушаны доклады о работе Дубровской и Монастырской примирительных камер. В частности, в с. Монастырское за полгода своей работы в производство поступило 12 дел, из них гражданских — 7, уголовных — 5; разобрано 10 дел. Из неразобранных двух дел одно поступило накануне вечером, а в подсудности другого было сомнение. Все дела задерживались в производстве не более пяти дней.

При вынесении постановлений примирительные камеры учитывали главным образом классовую линию, защиту интересов батрачества. При вынесении меры наказания беднякам давались более легкие, например, общественное порицание, а зажиточным — штраф. Связь примирительной камеры с населением выражалась в широком оповещении дня суда среди населения, в приглашении на свои заседания и совещания народных заседателей. Народ на заседания всегда приходил в большом количестве. По окончании заседания председатель выяснял их мнение, но недовольства, как правило, никто не высказывал.

С момента организации примирительной камеры в с. Дубровское в производство поступило 36 дел, из них 24 — гражданские, 12 — уголовные. Дела находились в производстве не более 7 дней. В основном рассматривались дела об оскорблениях и драках. Здесь камера также пользовалась большим авторитетом среди населения[4]

Не обходилось и без отрицательных явлений. Председатель одной из примирительных камер Зубово-Полянского района был переизбран за бездеятельность[5]. Беднодемьяновская примирительная камера плохо разбиралась в работе, «зачастую не знала подсудности и никаких законов»[6] Отмечая трудности в работе, председатели просили проводить с ними инструктирование со стороны народного суда об увеличении количества совместных совещаний. «Если у суда нет на это средств, то мы можем прийти пешком и на своем содержании, но только пусть нас учат революционной законности. Население нашей работой интересуется, возлагает на нас надежды и мы должны их оправдать и чутко стоять на страже интересов бедноты. Хорошо бы, если нас созвали на курсы и поучили хотя бы неделю»[7], — говорилось в докладе.

Заказ № 6329

В Кочкуровском районе было организовано 7 примирительных камер, охватывающих 29 % сельсоветов района. И везде население к таким судам общественной самодеятельности относились дружелюбно[8] Однако потребности хозяйственного и культурного строительства на селе потребова-
реорганизации примирительных камер и создания вме-
о них сельских общественных судов.

Сельские суды образовывались при сельсоветах в составе председателя, его заместителя и сельских общественных судей численностью не менее 15 чел. Сельские общественные суды рассматривали дела о нарушениях общественной безопасности и порядка, хулиганстве, клевете, об оскорблениях, нанесенных словесно, письменно или действием, о нанесении побоев, не причинивших телесных повреждений, имущественные споры на сумму не выше 50 руб., споры о заработной плате на сумму не выше 25 руб. и др.[9]

В 1929—1930 гг. в связи с развитием колхозного движения в Мордовской автономной области стали возникать товарищеские суды в колхозах. Специального положения о них в РСФСР не было издано, а в своей деятельности они руководствовались законодательством о сельских общественных судах. Параллельно с этим в Мордовской автономной области появились производственно-товарищеские суды, действовавшие на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г.[10] Цель создания данных судебных органов определялась в постановлении следующим образом: «...чтобы привлечь широкие круги рабочих и служащих, государственных и общественных предприятий и учреждений... к борьбе с явлениями, которые дезорганизуют производство, подрывают трудовую дисциплину...»[11] Производственно-товарищеские суды создавались на государственных предприятиях и в учреждениях с количеством рабочих и служащих, превышающих 100 чел.

Законодательство подробно регламентировало порядок выборов в эти судебные органы. Производственно-товарищеские суды действовали в составе председателя, одного или двух заместителей и членов суда в количестве не менее 10 чел. Состав членов суда устанавливался общим собранием рабочих и служащих предприятия. Кандидаты в члены судов выдвигались партийными и профсоюзными

организациями предприятий и учреждений, общественными организациями и отдельными гражданами. Члены производственно-товарищеских судов избирались открытым голосованием на срок до 1 года. Принцип выборности членов производственно-товарищеских судов предполагал их отчетность перед избирателями и возможность досрочного отзыва. Эти суды были полномочны рассматривать дела о нарушении трудовой дисциплины на производстве (опоздание на работу, прогул, появление на работе в нетрезвом виде); систематически небрежном отношении к социалистическому (общественному) имуществу; об оскорблении на рабочем месте; о хулиганстве (не требующем уголовного преследования); об имущественных спорах на сумму не выше 50 руб.; о кражах, совершенных на производстве и т.д.[12]

Заседания производственно-товарищеских судов проводились в свободное от работы время. Дела рассматривались публично в составе не менее трех членов суда. Решение этого судебного органа могло быть обжаловано в профсоюзном комитете предприятия, который имел право отменить решение суда и направить материал на новое рассмотрение. Надзор за деятельностью производственно-товарищеских судов осуществлялся народным судом.

В 1933 г. на территории Мордовской автономной области действовало 1 274 общественных суда, в том числе сельских общественных — 554 (при сельских Советах), колхозных общественных — 628 (при колхозах), товарищеско-производственных — 92 (при фабриках и заводах — 21, совхозах — 38, прочих организациях и учреждениях — 33). В состав общественных судов было избрано 12 515 чел., из них мордвы — 5 437 чел., татар — 448, русских — 6 630 чел. Рабочих среди них было 608 чел., колхозников — 7 518, служащих — 714, единоличников — 3 775 чел.

Только за первую половину 1933 г. общественными судами Мордовской автономной области было рассмотрено 7 773 дела, из них по производственно-трудовым вопросам — 3 893; бытовым — 3 880. Основными мерами наказания по рассмотренным делам были общественное порицание, возмещение имущественного вреда, штраф, общественные работы, постановка вопроса об исключении из профсоюза и увольнение с должности[13] Например, в Арда-

товском районе было организовано 43 сельских, 25 колхозных, 3 производственно-товарищеских суда[14] В Торбеевском районе — 37 сельских, 34 колхозных, 7 производственно-товарищеских. Всего рассмотрено общественными судами района 125 дел, из них сельским судом — 71, колхозным — 40, производственно-товарищеским — 14[15] В Теньгушевском районе было создано 17 сельских, 27 колхозных, 2 производственно-товарищеских общественных суда. Последним рассмотрено 401 дело, связанное с поднятием трудовой дисциплины в колхозах и совхозах, а также дела бытового порядка[16]

По материалам частичного обследования общественных судов можно констатировать, что их работоспособность была по сравнению с примирительными камерами значительно выше. Суды общественной самодеятельности с успехом справлялись с возложенными на них задачами, пользовались большой популярностью среди населения.

Во второй половине 30-х гг. XX в. суды общественной самодеятельности получили еще большее распространение. Они, несмотря на некоторые недостатки, в целом успешно выполняли возложенные на них функции, о чем свидетельствуют многочисленные статьи, заметки, освещающие опыт работы этих судов[17], официальные решения соответствующих органов. Большая роль в руководстве судами общественной самодеятельности принадлежала судебным органам.

В январе 1935 г. в связи с выборами сельских общественных судов председателям центральных исполнительных комитетов АССР, краевых, областных и районных исполкомов было разослано циркулярное письмо Президиума ВЦИК, в котором указывалось на необходимость вовлечения широких масс трудящихся в работу суда. Президиум ВЦИК предложил организовать разъяснительную работу на селе, доводить до сведения населения отчеты сельских общественных судов, популяризовать их работу в печати, добиваться, чтобы в новый состав народных заседателей сельских общественных судов были избраны люди из числа лиц, зарекомендовавших себя на производственной и общественной работе, имеющих практический стаж и авторитет среди населения[18].

Так, придавая особо важное политическое значение кампании по перевыборам сельских общественных судов, объе-

диненное заседание бюро Ичалковского райкома ВКП(б) и президиума райисполкома постановило выделить в помощь народному суду для проведения разъяснительной работы и проведения перевыборов из числа членов пленума РИКа 13 чел. Эти люди должны были провести широкую разъяснительную работу на селе о роли и значении сельских общественных судов, сделать доклады перед населением о деятельности сельских общественных судов и народного суда.

Работа по перевыборам сельских общественных судов проводилась с 1 февраля по 1 марта 1935 г.[19] В результате перевыборной кампании сельских общественных судов было избрано по 546 сельским судам 7 138 чел. председателей и членов сельских судов. Из них колхозников — 81 %, единоличников — 10,4 %, рабочих — 2,0 %, служащих — 6,0 %, членов ВКП(б) и ВЛКСМ — 18,9 %, женщин — 30,2 %. Сделано 504 отчетных доклада перед избирателями, обследован 301 сельский общественный суд, проведено 80 совместных совещаний[20] Всего по МАССР действовало 607 сельских общественных судов[21].

Сельские общественные суды МАССР в 1935 г. значительно улучшили свою работу в части более широкого охвата входящих в их деятельность вопросов, быстроты их разрешения, проведения по рассматриваемым делам разъяснительной работы[22]. Так, при обследовании Инсарским народным судом Красно-Шадымского сельского суда было выявлено, что за период с 1 января по 1 октября 1935 г. поступило 39 дел, из них рассмотрено 37. В основном это были дела мелких правонарушений и дела, связанные с проведением весенне-посевной и уборочной кампаний (мелкие хищения в колхозах, невыход колхозников на работу во время сева, о словесных оскорблениях и пр.). Преобладающими мерами воздействия были штрафы, принудительные работы, выговоры и общественное порицание[23]

Особенно эффективной признавалась работа сельских судов во время весенне-посевных кампаний. Так, в Кочетовском колхозе Инсарского района были случаи невыхода на работу отдельных колхозников. Сельский суд организовал показательный процесс над прогульщиками. В результате 4 прогульщика были приговорены к 5 дням принудительных общественных работ. Процесс освещался в район-

ной печати. После проведения процесса случаи невыхода на работу прекратились[24]

Ичалковским районным народным судом обслуживалось 20 сельских общественных судов, которые были организованы при каждом сельсовете. На территории района имелось также 7 предприятий, 2 животноводческих колхоза и 3 МТС, организовано 7 товарищеских судов. За первое полугодие 1936 г. всего общественными судами было рассмотрено 320 дел, из которых только 9 рассматривались неправильно[25]

С 1936 г. деятельность судов общественной самодеятельности постепенно пошла на убыль, а перед Великой Отечественной войной они практически прекратили свое существование. Это не было связано с появлением каких-либо нормативных актов, узаконивших их ликвидацию. Такой неожиданный поворот их развития объясняется различными обстоятельствами. Одно из них заключается в том, что на местах ослабло руководство общественными судами. Органы юстиции, народные суды, профсоюзы стали меньше интересоваться их работой, и они оказались предоставленными самим себе. Немаловажное значение имело изменение действующего законодательства. В предвоенный период оно развивалось в направлении усиления мер государственного принуждения (в области уголовного, трудового права и др.). В связи с этим многие дела, ранее рассматривавшиеся товарищескими судами, были изъяты из их компетенции. Кроме того, принятая в 1936 г. Конституция СССР, указывая в ст. 102, что суды призваны осуществлять правосудие, не упоминала среди них суды общественной самодеятельности. Все вместе взятое привело к тому, что в предвоенные годы деятельность судов общественной самодеятельности, по существу, была свернута[26] Прекратили они свое существование и на территории МАССР

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кожевников М.В.* История советского суда (1917—1956 годы). М., 1957. С. 210.

[2] См.: Еженедельник советской юстиции. 1928. № 15. С. 463—464.

[3] См.: ЦГА РМ, ф. Р.-432, оп. 1, д. 1, л. 35—36.

[4] См.: ЦГА РМ, ф. Р.-432, оп. 1, д. 1, л. 52.

[5] Там же, л. 36.
[6] Там же, л. 53.
[7] Там же, л. 54.
[8] Там же, ф. Р.-528, оп. 1, д. 1, л. 157.
[9] См.: Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. «О сельских общественных судах»// Собрание Узакононений (СУ) РСФСР. 1930. № 51. Ст. 629.
[10] См.: СУ РСФСР. 1931. № 14. Ст. 160.
[11] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: Сб. докум. / Под ред. С.А.Голунского. М., 1955. С. 527.
[12] См.: Судоустройство СССР и организация работы судов, органов юстиции и прокуратуры / Под ред. В.Б.Алексеева. М., 1983. С. 208.
[13] ЦГА РМ, ф. Р.-458, оп. 1, д. 9, л. 35.
[14] Там же, ф. Р.-432, оп. 1, д. 54, л. 161.
[15] Там же, л. 94.
[16] Там же, л. 250.
[17] См.: *Нюрина Ф.* Органы юстиции на новом этапе // Советское государство. 1932. № 5/6. С. 138—149.
[18] См.: *Кожевников М.В.* Указ. раб. С. 285.
[19] См.: ЦГА РМ, ф. Р.-458, оп. 1, д. 9, л. 259.
[20] Там же, л. 113.
[21] Там же, л. 302.
[22] Там же, ф. Р.-175, оп. 1, д. 177, л. 5.
[23] Там же, ф. Р.-458, оп. 1, д. 9, л. 171.
[24] Там же, л. 113.
[25] Там же, д. 11, л. 95.
[26] См.: *Филиппов Е.И.* История товарищеских судов в РСФСР. Ростов н/Д., 1982. С. 66

Поступила 19.05.06.

А.Г.БЕРМАН

БЕСЕДНИЧЕСТВО И СТАРЧЕСТВО В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В конце XVIII — начале XIX в. утвердившееся в русских православных монастырях старчество широко проникло в крестьянскую среду. Кроме того, в деревнях сохранялась старинная традиция келейничества, своеобразного «монашества в миру», когда крестьяне, формально не уходя в монастырь, отказывались от мирской жизни и, поселившись в отдельной от семьи избе — «келье», посвящали свою жизнь молитве и посту. Распространению келейничества способствовала и традиция паломничества по монастырям, к святыням и популярным в народе старцам-монахам.

В Среднем Поволжье наибольшее влияние на развитие келейничества оказали Саровский и Серафимо-Дивеевский монастыри. Во время паломничеств в монастыри происходила встреча различных социальных групп, и таким образом келейничество проникало в городскую и дворянскую среду. В некоторых случаях полумонашеская жизнь келейных «старцев» и «черничек» делала их авторитетными в крестьянском обществе, тем более что в отличие от односельчан «чернички» в основном были грамотными и зарабатывали на жизнь чтением Псалтыри по умершим и обучением грамоте деревенских детей. Вокруг келейников складывались группы почитателей, что иногда приводило к конфликтам с приходскими священниками, усматривавшими в существовании этих общин угрозу авторитету официальной церкви. Келейничество нередко становилось питательной средой для появления различных мистических движений, в том числе и хлыстовщины, происходило вза-

---

БЕРМАН Андрей Геннадьевич, аспирант кафедры средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного педагогического университета.

имопроникновение и взаимовлияние «старческих» и сектантских групп. В Среднем Поволжье в конце XVIII — XIX вв. сложилась локальная традиция келейничества, получившая в миссионерской литературе название «беседничество».

Свое название это движение получило, оттого что его последователи собирались на внебогослужебные собрания, которые по аналогии с крестьянскими посиделками назывались «беседки». Обычно происхождение «беседников» возводят к деятельности старца Василия Щеглова, в свою очередь бывшего учеником известных в свое время «уренских барышень», сестер-помещиц Анны Андреевны и Дарьи Андреевны (к сожалению, их фамилия неизвестна), живших в с. Большой (Базарный тож) Урень Сызранского уезда Симбирской губернии на рубеже XVIII—XIX вв. «Уренские барышни», по преданию, получив благословение Серафима Саровского, устроили в селе полумонашескую келейную общину, которая пользовалась почитанием среди мистически настроенных людей. Бывали у «барышень» и представители сектантских движений. Так, примерно в одно время с В.Щегловым «подвизался» у «уренских барышень» некто старец Григорий, будущий лидер хлыстов с. Дубовый Умет Самарской губернии[1] Василий Щеглов основал первые общины беседников в Самарской губернии, в селах Черноречье, Красный Яр, Большая Каменка, Хорошенькое. Возможно, проповедь старца Василия не всегда соответствовала православной традиции, что дало повод некоторым священникам обвинять В.Щеглова в хлыстовщине[2]. После смерти старца Василия в 1854 г. беседников возглавила его ученица Анастасия Кузьминична Керова (в монашестве Мария), которую беседники называли «тетушка Кузьминишна». Благодаря ее энергии и авторитету беседничество распространилось по всему Поволжью: Самарской, Симбирской, Казанской, Саратовской и даже Оренбургской губерниям.

В начале «беседки» «Настасьи Кузьминишны» посещались только женщинами: на них читались акафисты, Святое Писание, святоотеческие творения, пелись популярные у келейниц канты. Но со временем, по мере того, как распространялась молва о святости Керовой, число ее последователей увеличивалось. По словам А.Урбанского, «на-

чала она с того, что со слезами и поклонами стала увещевать приходящих быть истинными христианами, учила молитве, воздержанию, умоляла удаляться от всего мирского, оставить прежнюю жизнь, хранить девство, не пить вина, не курить табаку, не есть мяса, не участвовать в играх, играх, или хотя бы даже и невинных забавах и по возможности избегать общения с „грешными“ — т.е. православными людьми, причем собою подавала образец „новой“ благочестивой жизни. Далее, с течением времени, из „святой“ великой подвижницы превратилась уже в „богородицу“, а потом и в „Бога-Господа“, теперь видимо с нами во плоти пребывающего». А «мужички» из простых «чтецов и толкователей» превращались в «вдохновенных учителей», «пророков и апостолов». По мере роста славы и святости своей наставницы беседники все более проникались этим учением и все старательнее отделяли себя от «мирских», «не наших», пока не превратились в «истинных христиан», «людей Божьих», обособившись в тайную общину, отличающуюся крайним пренебрежением к православию и православным и ненавистью к православному духовенству[3] Власти обвинили Керову в сектантстве и в 1891 г. сослали в Суздальский Покровский женский монастырь. Духовной консисторией священникам беседнических приходов Самарской епархии было предписано «иметь неослабное внимание за действиями беседчиков»[4]

В настоящее время движение беседников предстает как вполне православное, однако, на рубеже XIX—XX вв. учение беседников вызывало сильную озабоченность миссионеров средневолжских епархий. В основе этого учения, как и у хлыстов, признание того, что «Дух Божий вселяется в человека в той или другой степени полноты, сообразно степени его совершенства и воспреемлемости: то в степени „апостола“, то „пророка“, то „архангела“, то „богородицы“ (причем, по их выражению, и мужик может быть «богородицей»), то «христа», то, наконец, «бога-саваофа»[5] Однако в отличие от хлыстов беседники не практиковали «радения» для достижения религиозного экстаза, хотя экстатические состояния характерны и для них. Так «тетушка Кузьминишна» говорила: «на меня находит вдохновение, сама даже и не замечаю, как из меня слова

выходят»[6], что весьма напоминает хлыстовскую практику «пророчеств».

Проблема беседников не раз была предметом обсуждения на миссионерских съездах в Самарской и Симбирской губерниях. В Симбирской губернии беседничество было распространено в Сызранском уезде, в селах Жамовке, Новой Рачейке, Кашпирах и Костычах. Отметим, что Сызранский уезд издавна был одним из центров тамбовской разновидности хлыстовщины — постничества. В Костычах еще в конце XVIII в. жил хлыстовский лидер Шамбаров, о котором местные крестьяне рассказывали страшные легенды[7] Активизация келейничества, или, в терминологии уездных священников, беседничества, в конце XIX — начале XX в. связана с деятельностью иеромонаха Сызранского мужского монастыря Власия, экстравагантность поведения которого («юродство») создавала ему славу святого среди местных крестьян. Под влиянием его проповеди крестьяне стали отказываться от супружеских отношений и собираться на внебогослужебные беседы, где пели канты и толковали Библию. Отказ от супружеских отношений приводил к конфликтам в крестьянских семьях, некоторые беседники забрасывали хозяйство и воспитание детей, посвящали все свое время «беседкам» и общению с Власием в Сызранском монастыре. По словам епархиального миссионера, «несчастные мужья, жены, которые увлеклись беседничеством, клянут о. Власия, коему они приписывают этот новый род религиозного ханжества»[8].

В с. Жамковке в 1913 г. возглавлял беседников молодой (около 30 лет) крестьянин Алексей Николаев Лексин. Он убедил нескольких молодых девушек уйти из домов родителей и поселиться для молитвы в особых кельях. Все это не нравилось отцам девушек, но они ничего не могли поделать с ними, так как Лексин внушал им, что в деле спасения родителей слушать необязательно[9] По словам миссионера Михаила Нечаева, Лексин «с женою отказался иметь супружеские отношения, будто бы с ее согласия, но в этой неправде обличила его тут же на беседе, теща его. Говорят, он бил жену свою года два за ее притязания, и та под конец смирилась и покорилась своей участи. Теперь ходит, как черничка, живет в келье мужа; в роде прислуги

для собрания там около 10 девушек. Почитателей Алексия считается около 40 чел. в приходе. Алексий имеет очень много книг религиозно-нравственного содержания и, между прочим, толкования на Евангелии блаж. Феофилакта в русском переводе. Из него он привел место, доказывающее ›аво мирянина назидать и учить. На вопрос, почему он лишает жену супружеских сношений, он вычитал из Евангелия: „или оставит отца или матерь или жену или чада имене Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит“». Кроме того, он привел другой пример: Алексий человек Божий и святитель Иосаф Белгородский ушли из дома родителей без их согласия ради достижения Царства Небесного. Келья Алексия «уставлена вся почти иконами. Тут же помещаются кровати для девушек. В переднем углу стоит аналойчик, на котором производится дненощное чтение Псалтири девушками по очереди. За это они и получают приношения для своего пропитания, как никакими работами не занимаются. По вечерам устраивают собрания, поют и читают под руководством Алексия. Когда мы вошли в келью, Алексия не было дома. Очередная девица не обернулась на нас и, не моргнув глазом, продолжала чтение Псалтири до тех пор, пока мы не сказали, чтобы она перестала. Тогда она и все бывшие девицы подошли к нам под благословение. Вскоре пришедший Алексий сделал то же самое. Это маленький, юркий человек одет был в какой чапан, наподобие рясы, только с русскими рукавами; на голове его была шапка из черного манчестеру, наподобие скуфьи, только не остроконечная, а круглообразная. Он имеет сношения с Афоном, где живет одножитель из кр. Николай Семенов, а теперь иеросхимонах Евфимий, с которым он ведет переписку, спрашивая его мнения и разрешения некоторых вопросов... Мяса не едят, вина не пьют, так как в нем не находят ничего хорошего. В селе их зовут хлыстами. К богослужению в церковь ходят, к духовенству почтительны, но наставлений и советов приходского священника не слушают. Алексей говорит, что ночью он к девицам в келью не ходит, но по слухам, это неправда. У Алексия есть конкуренты, некий Иван, тоже 30 лет. Сначала они дружили, но потом разошлись. У Ивана нет кельи, он довольствуется одною проповедью, в чем-то не

согласен с проповедью Алексия. Мне передавали, что Иван, на пути в Промзино на богомолье, позволял на постоялых дворах развратные действия со своими спутницами»[10]

В с. Новая Рачейка беседников возглавлял отставной солдат Федор Евдокимов Емелин, он же Мальгин, женатый на староверке белокриницкого согласия. Чтобы прославиться в качестве чудотворца, он пришел зимой в волостное правление босиком просить паспорт для паломничества в Киев на богомолье. В Новой Рачейке он прослыл за человека святой жизни, к нему стал ходить народ с просьбами исцелить от различных болезней, которые он лечил разными снадобьями и преимущественно лампадным маслом. Кроме того, Федор юродствовал и пророчествовал[11]

В с. Кашпирах беседничество появилось около 1903 г. Беседы устраивались зимой и летом, в разных домах и продолжались всю ночь. На них пелись духовные стихи, акафисты. Читались листки из Афона, а Евангелие и Библия не читались. Среди кашпирских беседников был грек Василий, представлявшийся юродивым: притворялся пьяным, дурачился. Насмешки над собой Василий считал за подвиг терпения. На собраниях кашпирских беседников бывали пророчества, духовное визионерство: «Я вижу Божью Матерь», «а вот тут апостолы» — говорили участники собраний. Беседники с. Кашпир поддерживали связи с Костычевскими. По словам миссионера, «одна девица села Кашпира, красивой наружности, познакомилась в Костычах с Семой юродивым, побыла на их собрании, где ее угостили чаем с каким-то снадобьем и она почувствовала себя дурно и ей хотелось быть с Семой. Говорили, что насилу могла одолеть это дьявольское наваждение. Ревнителей православия к себе на собрания не допускают, опасаясь их разоблачений, так что никто хорошенько и определенно сказать ничего не может о происходящем на их собраниях»[12]

В Костычах имелось два руководителя беседников: крестьяне Василий Михайлов Катушов (около 60 чел.) и Семен Кириллов Коклюхин (около 45 чел.). Первого называли «Василий блаженный», а второго — «Сема Юродивый». Оба они отличались чудачеством, старались чтобы над ними смеялись и их осуждали, в перенесении насмешек и осуж-

дений они усматривали особый подвиг страдания. Между собой Катушов и Коклюхин общения не поддерживали, считая друг друга конкурентами. Со своими женами и тот и другой не жили, а поселились в отдельных от семей кельях. По словам священника Михаила Нечаева, «у Семы [illegible]елье живут постоянно 3—4 женщины или девицы, не [illegible]стычевские, а из других сел, и часто меняются. Говорят, они разденутся догола и лягут, а Сема лежит среди них и любуется их прелестями. Жена его сначала роптала, но потом смирилась и живет черничкой. Она ходит к „Василию блаженному“ и спит с ним. Сема говорит, что греха с женщинами он не творит, только „разжигается“». Обе общины усердно посещали церковь, стояли на службе чинно, хотя раньше допускали разного рода выходки, чтобы вызвать осуждение окружающих. Под видом юродства Сема иногда «напивался» и играл на гармошке, но Василий от вина воздерживался. Местные крестьяне считали Сему прозорливым, способным угадывать мысли окружающих, имеющим дар пророчества. Кельи обоих были уставлены иконами, а у Семы еще висел портрет знаменитого иеромонаха Илиодора, вначале приятеля, затем непримиримого врага Григория Распутина. Сема и Василий носили обычную крестьянскую одежду, но Сема еще повязывал шею черным или белым шарфиком, очевидно заимствовав этот обычай у скопцов. Подобно хлыстам, Василий и Сема не употребляли в разговоре слов «черт» и «дьявол», заменяя их более нейтральным — «враг». Очевидно, юродства Семы и Василия индуцировали нервные расстройства у некоторых последователей. Так, один из молодых крестьян, некоторое время посещавший собрания у Коклюхина, после женитьбы внезапно стал страдать истерическими припадками, кривляться на улице, одна из последователей Катушова вообще сошла с ума. Миссионеры отмечают, что в Костычах среди последователей обоих старцев много женщин, страдающих кликушеством. Оба старца не занимались никакой крестьянской работой, кормились исключительно за счет своих последователей. Василий даже имел четыре лошади[13] Деятельность костычевских беседников не раз вызывала обеспокоенность светских и церковных властей. Так, в 1904 г. священник с. Костычей обвинял Коклюхина

и Катушова в хлыстовстве, но тогда ограничились только высылкой проживавших у них девиц по местам жительства[14]

Имелись беседники и в Казанской губернии, где они особенно были распространены в Чистопольском уезде, бывшем одновременно центром хлыстовщины. Священники в своих ежегодных отчетах старались фиксировать беседников как сектантов. Так, в ведомости о церкви с. Ермакова за 1905 г. фиксируется 2 бесединческих двора, 5 мужчин и 3 женщины, 16 в приходе с. Мамыково, д. Владимировка — 2 женщины-беседницы, д. Березовка — 3 бесединческих двора, 3 мужчин и 8 женщин-беседниц[15]

Широкое распространение беседников по губерниям Среднего Поволжья ставило перед епархиальными миссионерами вопрос о том, как относиться к этому, новому для них феномену. С одной стороны, ряд признаков сближал беседников с хорошо известными духовенству хлыстами, с другой — отсутствие практики «радений» не позволяло окончательно отождествлять хлыстов и беседников. В 1913 г. сызранский миссионер, священник Михаил Нечаев отмечал в своем докладе миссионерскому съезду: «Судя по тому, что беседники всегда имеют между собою общение, ходят друг ко другу, вместе устраивают беседы, можно заключить, что религиозно-нравственные их взгляды одинаковы. Если бы это было одно шарлатанство, такого общения не могло бы быть, но каждый главарь действовал бы самостоятельно. Значит тут корыстные цели уступают место идее, и только тогда бывает разногласие между ними, когда проповедуются неодинаковые идеи. Поэтому беседники — сектанты организованные или еще только стремящиеся сорганизоваться. Но и беседники эти не простые, каковые есть и в других местах епархий, а хлыстовскою подкладкою. Может быть, это есть особая, новая ветвь хлыстовства. Ведь известно, что всякая секта не стоит неподвижно, а дробится и делится»[16] Аналогичного взгляда на это явление придерживался и священник Владимир Садовский, сравнивавший беседников с появившимися в Петербурге последователями «братца» Ивана Чурикова, основателя секты трезвенников: «Мне думается, что наше „беседничество“ есть, в существе дела, явление однородное с новопоявив-

шемся столичным „трезвенничеством“, представителями которого являются известные „братцы“ Колосков, Григорьев и др. Наши деревенские Алексины, Мальгины, Семы-юродивые и др., в сущности, копируют „препрославленных“ братьев Иванушек»[17]

Таким образом, беседничество в трудах противников и почитателей этого движения из среды православного духовенства предстает как преемственная традиция, восходящая к одному основателю. Однако, по нашему мнению, анализ источников позволяет говорить о полицентричном характере беседнического движения. В Среднем Поволжье традиция старчества и келейничества была распространена достаточно широко. Так, в Арзамасском уезде Нижегородской губернии, в 40-х гг. XIX в. был известен старец Василий Радаев, сосланный в Сибирь за религиозную практику сексуального характера, в Курмышском уезде Симбирской губернии в 1880—1920-х гг. почитанием пользовался Фрол Иванов, впоследствии известный как старец Меркурий. На наш взгляд, как беседничество и старчество, так и хлыстовщину следует рассматривать как развитие народного мистицизма. Эти движения не были изолированными, влияли друг на друга, и в конечном счете беседничество и старчество в некоторых областях, после революции, при общей деградации церковности в 20—40-х гг. XX в. приобрело ряд черт, которые привели к появлению феномена «истинно-православных христиан», несомненно, имеющего сектантские черты. В то же время старчество и беседничество нередко ассимилировали историческую хлыстовщину, как это произошло в приходе с. Козловки Курмышского уезда Симбирской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Серебренитский К.* Дубово-Уметское царство. Потайное учение хлыстовского направления в Самарской области // Электрон. ресурс [режим доступа: http://samara friends-partners.ru/infcent/etnos/1-1997/etnologij/ister-relig-mifologij/dubumetza/index.html].

[2] См.: *Урбанский А.* Религиозный быт беседников // Известия по Казанской епархии. 1903. № 14. С. 558.

[3] Там же.

[4] *Якубовский Б.* История беседничества в Самарской епархии. Два столетия христианской общины. Самара, 2003. С. 24—25.

[5] *Урбанский А.* Указ. соч. С. 561.
[6] Там же.
[7] См.: *Аристов Н.* Раскол в Симбирской губернии // Православный собеседник. 1877. Ч. 1. С. 54.
[8] ГАУО, ф. 134, оп. 7, д. 930, л. 1 об.
[9] Там же, л. 2 об.
[10] Там же, л. 14 об. —16.
[11] Там же, л. 16—16 об.
[12] Там же, л. 16 об. —17.
[13] Там же, л. 17—18.
[14] Там же, д. 716.
[15] ГИА ЧР, ф. 225, оп. 11, д. 3, л. 96 об.
[16] ГАУО, ф. 134, оп. 7, д. 930, л. 19.
[17] Там же, л. 19—19 об.

Поступила 29.05.06.

В.Ф.ЛЁВИН

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО БОРЬБЕ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Российская Федерация взяла курс на приобщение к западно-европейским духовным ценностям, стремясь соблюдать основные права человека, к числу которых относится право свободы совести и вероисповеданий, однако определенная часть населения России, долгие десятилетия находившаяся под мощным прессом атеистического государственного воздействия, оказалась не готова к массовому, порой негативному воздействию новых «модернистских» международных тоталитарных сект и всевозможных пророков. Вне всякого сомнения, слепое копирование западного опыта «насаждения свободы совести» на неподготовленной для этого российской почве для многих жителей страны не сулит ничего хорошего, скорее наоборот, многие, поддавшись на уговоры всевозможных «целителей» и «пророков», теряют семьи, имущество, превращаются в нравственных вырожденцев, готовых не колеблясь исполнять чужую волю.

В общественном сознании бытует мнение о том, что государство как-то должно реагировать на вновь возникающие вызовы современности, защищая, с одной стороны, права граждан на «свободу совести и вероисповедание», что является одним из важнейших проявлений демократии, с другой — оградить других граждан, часто морально и психологически незащищенных, от воздействия антигосударственных околорелигиозных организаций, порабощающих сознание граждан, выводящих их из активной социаль-

---

ЛЁВИН Валерий Федорович, профессор кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета, кандидат юридических наук.

но-экономической деятельности. В связи с этим опыт Российского государства по борьбе с религиозными преступлениями, на наш взгляд, может и должен быть востребован. Разумеется, речь не идет о слепом копировании дореволюционного правового опыта, в котором было много негативного, скорее, речь идет о том, чтобы взять из имеющегося опыта то, что реально может пригодиться в современных условиях.

Во второй половине XIX в., несмотря на либеральные реформы правительства Александра II, в стране продолжалась борьба с религиозными преступлениями. Однако по сравнению с предшествующим периодом начала и середины XIX в. эта борьба стала носить более мягкий характер, уголовные санкции по мерам ответственности были в значительной степени смягчены.

Это можно объяснить некоторыми обстоятельствами. Во-первых, в целом по стране набирали силу либеральные реформы в социально-экономической и правовой сферах. Во-вторых, не стоит забывать о том, что Россия стремилась к сближению с западными демократиями, в первую очередь с английской и французской. В этих странах ответственность за религиозные преступления сведена к минимуму, так как конституционно была провозглашена свобода совести и вероисповеданий. Иными словами, уголовная ответственность наступала не за переход в другую веру либо участие в какой-либо религиозной организации, а за действия, направленные против служителей культа либо способные нанести какой-либо вред церковной собственности.

В России во второй половине XIX в. ответственность за религиозные преступления была ослаблена, хотя составы преступлений, утвердившиеся в российском уголовном праве в предшествующий период XVIII — первой половине XIX в., остались без изменений. В конце XIX—XX вв. нормативные документы, устанавливающие ответственность за религиозные преступления, содержались во II главе Уголовного уложения, которая называлась «О нарушениях, ограждающих веру постановлений». Эта глава введена Законом от 14 марта 1906 г. и состояла из 24 статей, в которых устанавливалась ответственность за различные разновидности религиозных преступлений.

Представляется, что принятие этого закона в разгар первой русской революции (1905—1907 гг.) было вызвано всплеском религиозной преступности, участниками которой становились не только так называемые инородцы, представители нерусских народов и неправославных религиозных конфессий, но и широкие массы представителей городского и особенно сельского населения, направленные против Русской православной церкви как опоры государства и ее служителей на местах.

В период первой русской революции, когда власти, занятые проблемами подавления революционного движения, ослабили борьбу с религиозными преступлениями, активно проводимую в начале XX в., как грибы стали разрастаться многочисленные тоталитарные секты, враждебно относящиеся к политике государства, сбивающие с праведного пути многих граждан. Так, в Казанской губернии наиболее опасной из сект, зарегистрированных на территории края, была секта *хлыстов*, созданная в 1905 г. крестьянином Яковым из с. Шакурово. Провозгласив себя новоявленными «ревнителями благочестия», сектанты завлекали в свои ряды сотни крестьян, бросавших свои семьи и устремлявшихся в неизвестность за новоявленным «пророком». Брак сектанты считали грехом, в результате распадались многие семьи. Посты хлысты распространяли не только на себя и свои семьи, но и на скот и мелкую птицу. Собираясь в уединенных местах, хлысты занимались отправлением оргий, святотатствовали. Две уединенно стоящие избы в с. Шакурово они объявили «монастырем» и превратили в место сборищ. Занимаясь антиобщественной деятельностью, секта отвлекала крестьянское население от общественно полезного труда. Необходимо было принимать срочные меры по нейтрализации негативного влияния сектантов на духовность местного населения края, вырвать крестьян из «цепких лап» адептов-сектантов, вернуть их в свои семьи[1]

В южных уездах Казанской губернии и в северных Симбирской началось массовое отпадение чувашей из православия в сектантство и язычество. Лавирование христиан-чувашей между язычеством и православием проявлялось также во внешних признаках: отправление обрядов и таинств по принуждению, отказ от ношения нательного

креста и т.п. Вообще «двоеверие» было достаточно распространено в Поволжских губерниях. Только в Казанской губернии двоеверцев было несколько десятков тысяч[2]

Наряду с тем, что нестойкие христиане, исповедуя элементы язычества, легко становились добычей настоятелей антиобщественных религиозных сект, местным властям при помощи в том числе и полиции пришлось бороться и с другой опасностью — массовым переходом православных христиан в язычество. В наибольшей степени это касалось черемисов Казанского края. В Царево-Кокшайском уезде (ныне Республика Марий Эл) они создали свой языческий культ *«Кугу сорга»*, что в переводе с черемисского языка дословно означало «большая свечка», так как непременным атрибутом богослужения являлась большая черная восковая свеча[3] Эта языческая секта представляла не меньшую опасность для общества, нежели секта «хлыстов», которая легко заманивала в свои сети легковерных крестьян. Ее жертвами стали несколько тысяч крестьян в селах Ронжинском, Нурминском, Шеньшинском.

Используя христианскую риторику, лидеры сектантов-язычников доказывали своей пастве, что свое происхождение «Кугу сорга» ведет якобы от Адама. Более того, они пытались найти оправдание своей «богоугодной» деятельности в Ветхом Завете, т.е. опирались не на Священное Писание, а на предание. Сектанты-язычники также отрывали легковерных крестьян от своих хозяйств, их деятельность вела к распаду семей, более того, они принуждали крестьян вносить вступительный взнос в «братство» своим имуществом. Жрецы нового культа носили одежду белого цвета, стремились запретить своим прихожанам посещать православную церковь и тем более поддерживать ее материально. Во время богослужения нередко раздавались антиправительственные призывы и проповеди о разгроме близлежащих помещичьих хозяйств.

«Кугу сорга» стремилась донести до сознания своих прихожан негативные националистические идеи, натравить черемисов на русское население, определяя его представителей как «враждебных пришлых людей». Главными аргументами сектантов в пользу отлучения прихожан от православной церкви было стремление убедить народ в том,

что «вера христианская непонятна их языку», «не соответствует преданиям предков», в то время как в культе «Кугу сорга» все понятно. Представляется, что эта секта стала выражением националистических «чаяний» части представителей черемисской народности. Руководил сектой бывший учитель церковно-приходской школы, черемис по национальности, В.Делянов. В полемике с православными миссионерами он пытался оправдать появление своей секты всей предшествующей практикой преследования его единоверцев за язычество, недостаточной удовлетворенностью религиозного чувства, а также высокими денежными поборами, практикуемыми представителями православной церкви[4].

Не меньшую опасность для народной нравственности представляла религиозная секта *штундистов*, возникшая в 1900 г. в Мамадышском уезде Казанской губернии. Ее вдохновителями стали грамотный крестьянин Чекмарев и интеллигент из местных Кондрат Малеванный. Им удалось в 1900—1905 гг. привлечь тысячи последователей. Православному христианству они противопоставляли вероучение, отрицающее роль Христа. В своих проповедях они выражали протестные настроения крестьянской массы и поэтому пользовались у них некоторой популярностью. Местным властям, полиции и приходским священникам пришлось прикладывать немало усилий, чтобы разоблачить в глазах крестьян лживость штундистского учения. Когда терпение властей иссякло, сектантские молельни были разгромлены полицией, а лидеры секты арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Однако сохранившиеся отделения секты продолжили свою деятельность в селах, вовлекая в свои ряды сотни людей[5].

Всего в Симбирском и Казанском крае действовало несколько крупных и мелких религиозных сект, борьба с которыми была чрезвычайно затруднительной[6]. В 1914—1915 гг. в Царево-Кокшайском уезде Казанской губернии в Мушеракском приходе появилась новая чрезвычайно опасная секта — *«Адам-Илень»*, которая на новом, более изощренном уровне практиковала кровавые языческие молебны с многочисленными жертвоприношениями животных. Борьба с ней властей и полиции в связи с тем, что страна находилась в состоянии войны, была чрезвычайно сложной[7]

Власти, понимая всю опасность происходящего, пытались бороться. Понимали необходимость противодействия сектантству и центральной власти. Законом 1906 г. были дополнительно к ранее действующим введены разновидности уголовно-религиозных преступлений: «поношение» нехристианских вероисповеданий[8]; осуществление бесчинства при богослужении неправославных конфессий; самовольное совершение христианского священнодействия неуполномоченными лицами[9].

Была также оставлена ответственность за преступление, связанное с «публичной поддержкой раскола»[10] Борьба с расколом, или старообрядчеством, а также с организациями, представляющими интересы староверов, которая велась с разной степенью интенсивности начиная с XVII в., и реформы патриарха Никона вызвали в появляющейся либеральной и нелегальной революционной прессе наибольшую критику.

Несмотря на все имеющиеся издержки, новое российское законодательство внесло в прежнюю юридическую практику немало серьезных улучшений, хотя и носивших противоречивый характер, например, законом 14 марта 1906 г. введена норма, регламентирующая ответственность за «нарушение свободы индивидуального культа», т.е. при всей нелюбви правительства к раскольникам, магометанам, иудаистам, лютеранам, властям запрещалось вмешиваться в процесс отправления богослужения этим и другим религиозными конфессиям. Был также устранен такой состав преступления, как «отпадение из православия раскольника, ранее обращенного в православие», введено ограничение наказания за ненасильственное совращение из православия в другую веру, когда подобное деяние было совершено предосудительными способами.

Серьезным шагом на пути демократизации законодательства по религиозным преступлениям стала отмена ответственности родителей или опекунов за воспитание детей по правилам «ненадлежащего вероисповедания».

Эти действия можно расценить как выполнение царским правительством части требований участников движущих сил революции. Впервые в российской истории законодательно обеспечивались права других конфессий, кроме

православной церкви, а также полное устранение постановлений о неисполнении религиозных обязанностей (за исключением погребения христиан по христианскому обряду). Важным проявлением демократических устремлений

стей стало также исключение из закона статей об от-

ственности за «отпадение из православия» и переход в другие веры, а также «ненасильственного совращения из одного вероисповедания в другое».

Другим направлением демократизации законодательства по борьбе с религиозными преступлениями стало перенесение в другие главы, не связанные с ответственностью за религиозные преступления таких правонарушений, которые ранее считались религиозными (лжеприсяга, святотатство, оскорбление или насилие над священнослужителем и т.п.). По таким преступлениям, ранее считавшимся тяжкими («богохуление», «кощунство и «совращение») были значительно понижены и смягчены меры ответственности.

Однако по некоторым направлениям наряду с улучшением наблюдалось и ухудшение положения дел, когда за отдельные преступления карательные санкции были значительно усилены. В числе этих составов преступлений, ответственность за которые была значительно ужесточена, можно назвать следующие: распространена наказуемость за «богохуление» на лиц, которые подобные деяния совершили непублично; объявлены наказуемыми факты фанатического самооскопления, либо оскопления другого (положения этой статьи были подвергнуты критике со стороны профессора права В.Вульферта. По его мнению, они оказались по отношению к скопческой ереси более жестокими, чем даже законы, принятые в XVIII в.)[11] Введена статья, в которой устанавливалась ответственность лиц за оскорбление православного священника с целью оказания неуважения к православной церкви.

В то же время в ряде рассматриваемых направлений закон от 14 марта 1906 г. оказался несовершенен, что, по всей видимости, было связано с противоречиями и несогласованностью действий Святейшего синода и Министерства юстиции.

Вновь сформулированный состав такого преступления, как «богохуление», оказался невнятным, подверженным

двойному толкованию. Ряд мероприятий, направленных на ужесточение наказания за религиозные преступления, был осуществлен под давлением членов Особого совещания при Государственном совете, посчитавших, что меры по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за религиозные преступления, предложенные совместным совещанием представителей Святейшего синода и Министерства юстиции, оказались недостаточными.

Таким образом, подходы российского законодательства конца XIX — начала XX в. по борьбе с религиозными преступлениями несколько изменялись. Они носили хотя и противоречивый, но в целом положительный характер, заложили основы будущих демократических преобразований в этой сфере. И несмотря на то, что после октября 1917 г. этим преобразованиям не суждено было осуществиться, в современных условиях положительный опыт такого законодательства может быть востребованным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ), ф. 4, оп. 1, д. 125867, л. 64.

[2] НАРТ, ф. 4, оп. 148, д. 373, л. 102—102.

[3] Там же, оп. 1, д. 125867, л. 68.

[4] Там же, л. 70.

[5] Там же, д. 127975, л. 9.

[6] Там же, л. 29—30.

[7] Там же, оп. 148, д. 373, л. 44—45.

[8] Это деяние было вызвано случаями разгрома мусульманских мечетей и еврейских синагог в период революционных потрясений. Согласно решению Уголовного Кассационного Департамента 1892 г. № 11 и 1899 г. № 21, под такие преступления подводилось «богохуление», или «кощунство».

[9] Это изменение внесено в ст. 1575 «Уложения о наказаниях», которая предусматривала ответственность за совершение неправославным духовенством брачной церемонии, и введено решением Уголовного Кассационного Департамента № 10 в 1891 г.

[10] Ст. 29 «Устава о наказаниях» за совершение нарушений законных распоряжений, основанных на применении ст. 59 вышеупомянутого устава.

[11] См.: *Вульферт В.* По поводу статьи 96 Уголовного уложения // Вестник права. 1904. № 10.

Поступила 28.07.06.

Е.В.АГАЕВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЧУВАШИИ 1920—1941 гг.

Современное российское общество переживает сложный период, характеризующийся глубокими экономическими, политическими и социальными изменениями. Начавшийся интенсивный процесс переоценки места и роли национальной интеллигенции в обществе ставит перед исследователями задачу изучения ее развития, особенно на начальных этапах формирования (1920—1930-е гг.).

Историками, культурологами, литературоведами и искусствоведами в XX — начале XXI в. проведена большая работа по исследованию истории формирования художественной интеллигенции народов России 20—30-х гг. XX в., в том числе чувашского. По объему и структуре исследований, широте охвата истории культурного развития народа, глубине раскрытия можно выделить четыре основных этапа: 20—30-е гг. XX в.; конец 30-х — середина 50-х гг.; середина 50-х — середина 80-х гг.; вторая половина 80-х гг. — настоящее время.

В годы гражданской войны и создания национальных образований разного уровня формировалась «новая» интеллигенция, соответственно появлялись публикации о новой культуре и ее творцах[1] В книге Т.Мансурова была сделана попытка сравнить достижения культуры послереволюционного десятилетия на примере многих народов. При этом важным считалось противопоставление нового старому. Ради показа преимуществ нового строя иногда дореволюционные достижения замалчивались или преуменьшались. В книге

АГАЕВА Екатерина Васильевна, старший преподаватель кафедры философии, истории и права Чувашской государственной сельскохозяйственной академии.

П.Ф.Юдина заслуги по ликвидации неграмотности, подготовке новых кадров специалистов и творческих работников в основном приписывались партийным комитетам и ячейкам РКП(б). Эта тенденция характерна и для книги В.А.Келлера. Авторы этих работ придерживались марксистско-ленинской трактовки классового подхода к интеллигенции.

На первом этапе крупных монографических исследований, посвященных интеллигенции Чувашии, тем более художественной, не было. Имелись лишь общие работы по истории развития культуры Чувашии, в которых была сделана попытка выявить особенности национальной культуры чувашского народа и перечислить успехи культурного развития советской Чувашии[2]

Классовый подход к культуре, оценка ее явлений с позиций диктатуры пролетариата, признание необходимости идеологической борьбы в области культуры присутствовали в работах по истории литературы. И.Д.Кузнецов увязывал становление советской литературы с национально-государственным строительством[3] С таких же позиций написаны статьи и брошюры Н.Я.Золотова[4] и Н.Васильева[5]

Таким образом, в 20—30-е гг. XX в. чувашскими исследователями сделана попытка изучить, наряду с историей народного образования, историю литературы, музыки, изобразительного искусства, проанализировать творчество отдельных композиторов, художников, писателей. Авторы, опираясь на фактический материал, в своих исследованиях показали преобразования культурной жизни, духовный рост населения и лучших его представителей. Слабая сторона этих работ — недостаточный охват источников, т.е. несовершенная документальная база.

В конце 30-х — первой половине 50-х гг. в стране были достигнуты заметные успехи в обучении грамоте взрослого населения, введено обязательное начальное, затем семилетнее образование, расширилась сеть рабфаков, высших и средних специальных учебных заведений. После Постановления ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» были созданы творческие союзы писателей, композиторов, художников, одновременно изучалась их история по горячим следам. В условиях тоталитарного режима и культа личности В.И.Ста-

лина были запрещены художественные произведения репрессированных писателей, художников, композиторов. Культурные ценности оказались недоступными широкой аудитории.

Особое внимание художественной интеллигенции и ее

и в обществе уделили авторы трудов по истории культуры страны М.П.Ким, Г.Г.Карпов, И.С.Смирнов[6], ставшие своеобразными ориентирами для историков национальных республик.

Несмотря на то, что в Чувашии имелись вузы и научно-исследовательские учреждения и в них велась подготовка историков, значительных исследований по истории художественной культуры и ее деятелей еще не было. Имелись лишь отдельные статьи об изобразительном искусстве, театре, музыке, литературе[7]. Несомненный интерес представляет юбилейный сборник, выпущенный к 20-летию Чувашской АССР[8], где содержится большой фактический материал по истории культуры республики, об отдельных творческих работниках.

В популярной литературе, посвященной дореволюционному периоду, как и в первое послевоенное десятилетие, акцент делался на низком экономическом, социальном и культурном развитии чувашей, отсутствии у них национальной буржуазии. Авторы продолжали доказывать обреченность чувашей на «вымирание» и «вырождение», не случись социалистической революции 1917 г.[9] Среди чувашских ученых это утверждение опроверг В.Н.Любимов[10], считавший, что чувашский народ уже в то время сложился в зрелую буржуазную нацию. Следовательно, художественная интеллигенция как выразитель национальной культуры уже существовала и находила отражение в исследованиях. В целом в этот период наблюдалась преемственность в партийном подходе и диктате, продолжалась дискриминационная политика в отношении интеллигенции 30-х гг., связанная с дальнейшим упрочением культа личности Сталина. Умалчивалось о работах репрессированных тогда чувашских писателей, т.е. целый пласт художественной культуры оставался закрытым для оценки. Начиная с середины 50-х гг. по мере реабилитации труды репрессированных стали известны широкой публике, поэтому этот

этап историографии нельзя считать закрытым, он ждет новых исследований.

Во второй половине 50-х — середине 80-х гг. работа историков заметно активизировалась. При Уральском государственном университете был создан Научный совет по истории интеллигенции, проводились научные конференции по истории культуры в Москве, Свердловске. Методическим ориентиром для исследователей стали книги М.П.Кима, Г.Г.Карпова, А.Е.Мординова[11] по общим вопросам культурного развития страны, которые считали началом культурной революции и формирования новой интеллигенции октябрьский переворот 1917 г. Истории интеллигенции были также посвящены работы Б.Д.Лебина, С.А.Федюкина, В.В.Украинцева, И.П.Бармина, Н.М.Катунцевой, П.П.Амелина, В.Л.Соскина и др.[12], написанные в основном в историко-партийном духе. В них обращено внимание на качественные и количественные изменения в среде интеллигенции в 20—30-е гг. XX в.

В большинстве работ об интеллигенции указывается на три источника ее формирования: переориентация, привлечение к советской власти старой интеллигенции, получившей образование до 1917 г.; выдвиженчество — продвижение по службе на руководящие должности и учебу только выходцев из рабочих и крестьян; плановая подготовка интеллигенции в высших и средних специальных учебных заведениях.

В исследованиях 70—80-х гг., посвященных истории интеллигенции СССР, наблюдалась тенденция к широкому обобщению ранее накопленных знаний, выявлению закономерностей ее формирования и деятельности. М.П.Ким, М.Е.Главацкий, В.Т.Ермаков, В.Л.Соскин, Л.С.Сенявский, С.А.Федюкин и др. изучили историю формирования социалистической интеллигенции в целом и отдельных ее групп, пути и особенности этого процесса, доказывая, что руководство партии ориентировало деятельность интеллигенции, в первую очередь художественной, и являлось одним из обязательных условий успешного развития советского общества[13]

Сравнительно беднее представлена историография проблемы истории и общественно-политической деятельности

творческих союзов художественной интеллигенции как в целом по стране, так и в национальных республиках. Это работы В.А.Копырина, Г.А.Бордюгова, В.С.Меметова, Г.М.Смирнова и др.[14] В основном в них рассматривались взаимоотношения КПСС и организаций художественной интеллиген-

1.

Новый этап историографии, начавшийся со второй половины 50-х гг., характеризуется развитием новых подходов, в том числе в исторической науке Чувашии. Исследователи привлекали большее количество источников, особенно из архивных фондов, хотя ограниченный доступ к партийным документам сохранялся, что не позволяло в полной мере изучить проблему. П.М.Михайлов дал оценку достижениям культурного преобразования в республике в годы первых пятилеток[15] Несмотря на небольшой объем его книги, исследование имело важное значение для Чувашии, так как было одним из первых в автономных образованиях РСФСР. Позднее были написаны крупные исследования по истории развития культуры Мордовии, Коми, Марий Эл, Удмуртии с соответствующими разделами о художественной интеллигенции[16]

Вопросы истории народного образования, формирования кадров интеллигенции, культурно-просветительной работы отражены в статьях И.А.Маркелова[17]

Т.С.Сергеевым рассмотрена история формирования и развития культуры Чувашии за длительный период — от переломного 1917 г. до середины 80-х гг.[18] В исследовании затронут большой круг вопросов в области художественной культуры, включая творческую интеллигенцию 20—30-х гг. XX в. Становление и развитие музыкального искусства с 20-х гг. показано в работах Ю.А.Илюхина и М.Г.Кондратьева[19]. Среди исследований проблем становления и развития чувашского театроведения, театрального образования, конкретных театров и их творческих коллективов выделяются работы Ф.А.Романовой и Л.М.Смоляниновой[20]. Развитие чувашской литературы, особенно в 20—30-е гг., рассмотрено в работах Н.С.Павлова, М.Я.Сироткина, К.К.Петрова, Г.Хлебникова[21]. М.Я.Сироткин проделал большую работу по сбору фольклора чувашей, что дало возможность определить предпосылки зарождения профессиональной литера-

туры. Связи чувашской литературы с русской и национальных республик анализировал Е.В.Владимиров[22].

На данном этапе было издано большое количество книг и статей по проблемам развития чувашского изобразительного искусства. Значительные исследования провели Н.А.Ургалкина, А.Г.Григорьев, С.М.Червонная[23] Анализируя литературу второй половины 50-х — середины 80-х гг., можно сделать вывод, что в исследованиях наблюдалась тенденция к выявлению закономерностей формирования и деятельности художественной интеллигенции. Много внимания уделено 20—30-м гг., когда формировались союзы писателей, художников, композиторов. Но сохранявшийся партийный диктат и строгие рамки метода социалистического реализма ограничивали возможности осмысления и объективной подачи этих проблем исследователями.

К началу второй половины 80-х гг. и по настоящее время расширился диапазон исследований проблемы. Роль художественной интеллигенции в жизни общества, история ее формирования, взаимоотношений с партийными и государственными структурами продолжали изучать исследователи разных специальностей: историки, философы, социологи, искусствоведы. Однако М.Е.Главацкий отметил слабую разработанность проблемы формирования художественной интеллигенции в современной исторической науке[24] Это он объяснил прежде всего довольно узкой источниковой базой, недоступностью значительной части архивных документов, что не позволяло полно и объективно изучить процессы, происходившие в среде художественной интеллигенции. В работах, изданных после распада СССР, в условиях многопартийности уже смелее поднимались вопросы самовыражения художественной интеллигенции, отхода от партийного диктата и идеологических штампов. В.Л.Соскин ввел понятие «дискриминация», характеризующее «сущность всей политики власти по отношению к ученым»[25]. «В сущности, — отмечал он, — изучалась не интеллигенция как таковая, а деятельность организаций, не являвшихся выразителем ее специфических интересов, но заинтересованных в использовании интеллигенции как профессиональной группы специалистов умственного труда»[26]. В.С.Волков заметил, что о руководстве КПСС формированием

интеллигенции в последние годы стали нередко писать с сарказмом и рассматривать его как явление негативное. «Между тем, — подчеркивал он, — для вдумчивого и объективного исследователя понятно, что такой тип интеллигенции ... как советская мог возникнуть только под определяющим воздействием, руководством такой партии, как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, следовательно, партийное руководство действительно — закономерность»[27]

С началом «перестройки» в отечественной исторической науке наступили заметные перемены. Этому способствовали реальная гласность, публикация хранившихся ранее в спецфондах документов и архивных материалов. В результате многие позиции, выводы и положения были подвергнуты критическому анализу, появились новые оценки, подходы к событиям и явлениям, началась переоценка места и роли интеллигенции, в том числе художественной, в обществе.

В публикациях 90-х гг. преобладает критический тон по отношению к историческим явлениям, фактам и событиям, особенно касающимся первых лет советской власти[28]. Фундаментальным исследованием истории развития культуры и интеллигенции является исследование Т.С.Сергеева[29], где дан анализ состояния культуры республики с начала XX в. до конца 1980-х гг., показана взаимосвязь чувашской культуры с культурами народов СССР. Имеются разделы о литературе и искусстве 20—30-х гг. в коллективном труде, посвященном истории Чувашии новейшего времени[30]. Параллельно с политическими и социально-экономическими процессами в книге рассмотрены этапы развития чувашской культуры, представлены современные подходы к изучению данной проблемы. В коллективном труде чувашских историков прослежены этапы становления и развития системы высшей школы, приведены сведения о первых чувашах, получивших высшее образование[31] Во второй половине 80-х — 90-е гг. вышли многочисленные исследования в области литературы, музыки, изобразительного искусства, театра, обобщающие историю развития отдельных отраслей художественной культуры Чувашии за разные периоды XX в.[32]

Большинство исследователей-искусствоведов дали объективную оценку развитию художественной культуры Чува-

шии. Однако в ряде литературоведческих и искусствоведческих работ анализ достижений в той или иной отрасли искусства проведен изолированно от других отраслей культуры, без взаимосвязи с общим ходом развития общества. В последние годы большую работу по историографии музыкального образования в Чувашии провел М.Г.Кондратьев. Он продемонстрировал свое понимание эволюции художественной интеллигенции 20-х гг. XX в.[33]

Публикации последних десятилетий свидетельствуют о растущем уровне исследователей, занимающихся историей художественной интеллигенции. Идет постоянное расширение и углубление источниковой базы, более разнообразной становится тематика исследований. В то же время на некоторых работах ученых лежит печать своего времени, и изложенные в них взгляды требуют пересмотра, иногда более детального изучения проблем с современных позиций и достижений исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Керженцев П.М.* К новой культуре. Пг., 1921; *Мансуров Т.* За культурное строительство национальностей. М., 1927; *Благоева С.* Культпоход в национальных республиках и областях. М., 1930; *Юдин П.Ф.* Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции. М., 1933; *Бейлин А.Е.* Кадры специалистов в СССР. Их формирование и рост. М., 1935; *Келлер В.А.* Пролетарская революция и советская интеллигенция. М., 1937.

[2] См.: *Михайлов А.И.* О хозяйственном и культурном строительстве Чувашской Республики. Чебоксары, 1928; *Данилов Д.Д. и др.* Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. М., 1933.

[3] См.: *Кузнецов И.Д.* Национальный вопрос и чувашская художественная литература. Чебоксары, 1931 (на чуваш. яз.).

[4] См.: *Золотов Н.Я.* Краткий очерк народной поэзии чуваш. Чебоксары, 1928.

[5] См.: *Васильев Н.* Краткий очерк истории чувашской литературы / Под ред. И.Н.Бороздина. М., 1930; *Он же.* Чувашская литература на подъеме // Растет Советская Чувашия. Горький, 1934. С. 46—52.

[6] *Ким М.П.* Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955; *Смирнов И.С.* Из истории строительства социалистической культуры. М., 1949; *Карпов Г.Г.* О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954.

[7] См.: *Сокольников М.* О художниках Чувашской автономной республики // Творчество. № 90. 1940. С. 14—17; *Харлампьев Г.* Чувашские

Заказ № 6329

художники в дни Великой Отечественной войны // Ялав. (Знамя) 1946. № 1. С. 31—32 (на чуваш. яз.); *Иванов К.И.* Чувашский академический театр // Ялав. (Знамя). № 4. 1948. С. 25—29 (на чуваш. яз.); *Эсхель А.* Юбилей русского театра // Ялав. (Знамя). № 4. 1952. С. 24—25 (на чуваш. яз.); 15 лет Чувашского государственного театра (1918—1933). боксары, 1933; *Лукин Ф.М.* Чувашская советская музыкальная культура // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 115—146; *Сергеев Г.* За музыку, достойную советской эпохи // Ялав. (Знамя). № 3. 1948. С. 30—33 (на чуваш. яз.); *Дедушкин Н.С., Иванов К.И.* Литература и искусство // 20 лет ЧАССР. Чебоксары, 1940. С. 143—162; *Сироткин М.Я.* Чувашская советская литература: (общий обзор) // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 90—114.

[8] См.: 20 лет ЧАССР. Чебоксары, 1940.

[9] См.: Чувашская АССР // БСЭ. М., 1934. Т. 47. С. 450.

[10] См.: *Любимов В.Н.* К вопросу о возникновении чувашской нации // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1952. Вып. 6. С. 131—165.

[11] См.: *Ким М.П.* 40 лет советской культуры. М., 1957; *Карпов Г.Г.* Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; *Мординов А.Е.* О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры. М., 1959.

[12] См.: *Лебин Б.Д.* В.И.Ленин и научная интеллигенция. Л., 1969; *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; *Украинцев В.В.* КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1966; *Бармин И.П.* Из опыта КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции (1928—1938). М., 1965; *Катунцева Н.М.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М., 1977; *Амелин П.П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970; *Соскин В.Л.* В.И.Ленин. Революция. Интеллигенция. Новосибирск, 1973.

[13] См.: *Ким М.П.* Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983; *Главацкий М.Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987; *Ермаков В.Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1966.

[14] См.: *Копырин В.А.* Коммунистическая партия и художественная интеллигенция // Классы и слои в развитом социалистическом обществе. Свердловск, 1975. С. 118—127; *Бордюгов Г.А.* Организации художественной интеллигенции в переходный период: К истории становления творческих союзов СССР // Социализм и культура. М., 1982. С. 153—164; *Мемстов В.С.* Деятельность Коммунистической партии по реэвакуации и восстановлению работы творческих союзов и художественных коллективов в районах, освобожденных от фашистских оккупантов (1943—1945 гг.) // Партийное руководство деятельностью общественных организаций в период строительства социализма: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1984. С. 108—119; *Смирнов Г.М.* Деятельность Ленинградской партийной организации по совершенствованию организационно-партийной работы в творческих союзах в годы восьмой пятилетки // Там же. С. 120—130.

[15] См.: *Михайлов П.М.* Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957.

[16] См.: *Кисилев А.А.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959; *Безносиков Я.Н.* Культурная революция Коми АССР. М., 1968; *Калачев П.* Социалистическая культура марийского народа. Йошкар-Ола, 1969; *Кузнецов П.П.* Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975.

[17] См.: *Маркелов И.А.* Расцвет культуры в Советской Чувашии // Вопросы истории Чувашии: Учен. зап. Чебоксары, 1965. Вып. 29; *Он же.* Культура возрожденного народа // Чувашия за 50 советских лет: Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1968.

[18] См.: *Сергеев Т.С.* Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары, 1984.

[19] См.: *Илюхин Ю.А.* Музыкальная культура Чувашской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957. С. 293—328; *Он же.* Музыкальная культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1961. Вып. 1; *Он же.* Развитие чувашской советской музыки в 1917—1945 годах // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 41. С. 119—142; *Кондратьев М.Г.* О песенном творчестве чувашских композиторов в 70-е годы // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве: Тр. Чебоксары, 1981. Вып. 107. С. 63—103. *Он же.* Современность и чувашская музыка // Современность и чувашское искусство. Чебоксары, 1984. С. 3—23; *Он же.* Основоположник чувашской профессиональной музыки // Федор Павлович Павлов — композитор и драматург: Сб. ст. Чебоксары, 1984. С. 3—20.

[20] См.: *Романова Ф.А.* Чувашскому музыкально-драматическому театру — пятьдесят лет. Чебоксары, 1968; *Она же.* Театр, любимый народом. Очерки истории Чувашского драматического театра (1918—1968). Чебоксары, 1973; *Смолянинова Л.М.* Русский театр в Чувашии в 1917—1920 годах // Чувашское искусство. Чебоксары, 1971. Вып. 1; *Она же.* Русский театр в Чувашии (1920—1925 гг.) // Чувашское искусство. Чебоксары. 1973. Вып. 2.

[21] См.: *Павлов Н.С.* Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары, 1970; *Сироткин М.Я.* Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956; *Он же.* Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1959; *Петров К.К.* Возникновение чувашской журналистики. Чебоксары, 1983; *Хлебников Г.* Чувашский роман. Чебоксары, 1966.

[22] См.: *Владимиров Е.В.* Великий Октябрь и межнациональные связи чувашской литературы. Чебоксары, 1968; *Он же.* Межнациональные связи чувашской литературы. Чебоксары, 1970.

[23] См.: *Ургалкина Н.А.* Чувашское изобразительное искусство послевоенного десятилетия (1946—1955 гг.) // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 50. С. 3—27; *Она же.* Чувашское советское искусство. 1917—1970. Чебоксары, 1973; *Она же* Изобразительное искусство Чувашской АССР // Изобразительное искусство автономных республик РСФСР. Л.,

1973. С. 371—403; *Она же.* Художники Чувашии. Л., 1978; *Григорьев А.Г.* Художники Чувашской АССР. Л., 1965; *Он же.* Сто тысяч красок. Популярный очерк современного чувашского изобразительного искусства. Чебоксары, 1967; *Он же.* У истоков профессионального изобразительного искусства. Чебоксары, 1978; *Червонная С.М.* Живопись автономных республик РСФСР. М., 1978.

[24] См.: *Главацкий М.Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987. С. 105.

[25] *Соскин В.Л.* Интеллигенция и власть: в поисках новых подходов // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи XX в. Омск, 1993. С. 4.

[26] *Он же.* К новой концепции истории советской интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1995. Т. 1. С. 19.

[27] *Волков В.С.* Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1996. С. 9.

[28] См.: *Сергеев Т.С.* Культура Советской Чувашии. Чебоксары, 1989; Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары, 1992; *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997.

[29] См.: *Сергеев Т.С.* Указ. соч.

[30] См.: История Чувашии новейшего времени. Кн. 1: 1917—1941. Чебоксары, 2001.

[31] См.: Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары, 1992.

[32] См.: *Тенюшев И.Я.* Первые чувашские публицисты. Чебоксары, 1987 (на чуваш. яз.); *Иванов И.И.* На путях художественной зрелости (чувашская литература за 70 лет) // Чувашской АССР — 70 лет: Сб. ст. Чебоксары, 1990. С. 142—154; Чувашское литературоведение и критика: Библиографический указатель. Чебоксары, 1990; *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской литературы. Чебоксары, 1996; *Он же.* О национальном своеобразии чувашской литературы // Проблемы национального в развитии чувашского народа: Сб. ст. Чебоксары, 1999. С. 173—188; *Кондратьев М.Г.* Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР. История возникновения. Этапы развития. Творческие искания. Чебоксары, 1989; *Он же.* О периодизации истории чувашской музыки // Чувашское искусство. Вып. 2. Чебоксары, 1996; *Илюхин Ю.А.* Чувашская народная музыка: Материал к курсу «Культура Чувашского края». Чебоксары, 1992; *Трофимов А.А.* Народное и самодеятельное искусство // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы: Сб. ст. Чебоксары, 1989. С. 72—93; *Вдовцева Л.П.* Талант — всегда загадка: О театральных деятелях республики. Очерки. Чебоксары, 1984.

[33] См.: *Кондратьев М.Г.* Художественная культура Чувашии 1920-х: структура и эволюция // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 23—59.

Поступила 20.06.06.

Т.И.ВОЛОСТНОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОВ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Огромное значение для культурного процесса имеет сопричастность народов к различным воплощениям традиции, в свою очередь, связанной через эмоционально-психологическое восприятие мира с художественным отражением фактов истории в анналах культурных традиций. История мордовского народа, сложные процессы его единения с русским народом, язычество и последующая христианизация явились мощным источником создания художественной летописи культурной традиции мордвы.

Центральное место в культуре древнерусской и древнемордовской народностей занимала языческая религия. Древние воззрения позволяли сложить единую мифологическую картину мира. Развитию языческой культуры характерен ряд этапов: обожествление сил природы; выдвижение культов, в том числе культа предков; поклонение языческим идолам, развитие языческой обрядности.

На первом этапе обожествлялись силы природы, которая представлялась в воображении населенной множеством духов. Поклонялись Матери-Земле, были развиты водяные культы и т.д., почитались леса, рощи как жилища богов. Считали, что у истоков их родословной стоят боги солнца, ветра. На втором этапе у язычников развились верования в творца Вселенной и богинь плодородия. Верили в потусторонний мир, считая, что душа человека, навсегда связанная с материальным миром, принимает иной образ и вселяется в новое тело.

ВОЛОСТНОВА Татьяна Ивановна, аспирант отдела филологии финно-угроведения Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

На третьем этапе развития языческой религии у русских образовывались формы организованной упорядоченной системы магических действий, направленных на практическое служение человеку. В художественном сознании прочно закрепились языческие символы, обряды сопровождались произнесением заговоров, заклинаний, плясками, игрой на музыкальных инструментах, элементами театрализованных действий.

Феномен мифологических представлений мордвы характеризуется как «основной метод общинно-родового мышления с характерным всеобщим одушевлением жизненно-родственных элементов, объединяющий мир и способы существования в нем человека»[1] Поэтому в художественной летописи культурной традиции мордовского народа сохранились черты соединения сверхъестественного и природного начал. Так, в мордовском мифе о рождении мира содержатся исходные мировоззренческие позиции, составляющие суть мифологических воззрений древней мордвы на мир. В мифологических песнях в художественной форме отразились взгляды мордвы на возникновение земли («Мастор»), зарождение определенного миропорядка, обычая[2]. Мордовской мифологии свойственен мотив поднятия земли со дна первичного океана ныряющей птицей[3].

Опираясь на образы устного народного творчества, учеными реконструирован образ Мирового дерева. У мордовского народа в качестве дерева, воплощающего универсальную концепцию мира, могли быть могучий дуб, береза или яблоня. В различных жанрах устного поэтического творчества имеются описания Мирового дерева. Его отличают пышная крона, ветки, достигающие неба, корни, охватывающие всю землю, могучий ствол[4].

Таким образом, у мордвы существовали священные деревья, которые становились культовым эпицентром общинных молений. Художественное отражение этого образа обнаруживается в произведениях устно-поэтического творчества.

Образы небесных светил свойственны как русской, так и мордовской мифологическим системам. Солнце являлось предметом особого почитания и наделялось сверхъестественными свойствами. Как отмечает Н.Г.Юрченкова, по-

клонением мордвы является и другое небесное светило — луна. В большинстве случаев роль луны в религиях мира соответствует ее положению в природе. Поклонение луне по своему значению стоит ниже почитания солнца, несмотря на то что она тоже часто упоминается в заклинаниях[5].

Важнейшей культурной составляющей восточно-славянского общества стало принятие Русью христианства. Перекрестное влияние различных цивилизаций, смешение нескольких субэтнических компонентов оказали плодотворное влияние на духовную жизнь и культуру русского и мордовского народов. Запас прочности культурной традиции мордовского народа оказался столь мощным, что эти процессы в дальнейшем четко выразились в появлении новых ростков этнического культурного развития. Археологические и этнографические данные свидетельствуют, что культурные связи, обогатившие материальную и духовную культуру народов, имели древнюю основу и создали благоприятные условия для развития культурной традиции мордовского народа. Проблема взаимодействия культур соседствующих народов постоянно возникает на разных этапах истории в широком диапазоне культурно-исторического континуума.

Освоение русского фольклора мордвой шло в русле многонационального процесса культурного сближения с русским народом. Мордва многое переняла от русских в фонд своей национальной культуры. Так, например, после христианизации ее национальные праздники и обряды стали строиться по русскому образцу. Перенося на свою национальную почву русские праздники и обряды, мордва вместе с ними перенимала и русские песни, входившие в их состав.

Историческая основа жанров различна, но весь фольклор в целом, в своем содержании и формах неразрывно, многообразно связан с историей. В современной науке нет данных, позволяющих определить, какие жанры или группы жанров русского фольклора начали свое существование в более раннее время, а какие в более поздний период. Нельзя ответить на вопрос, к какому времени относится то или иное произведение по своему происхождению и какой путь бытования и изменения оно прошло. Возникновение

русского фольклора у мордвы трудно поддается датировке. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся и решить эту проблему не так просто. Однако осмысление самого процесса русско-мордовского диалога, его значения в становлении культурной традиции мордвы и, наконец, признаков консолидации культурных миров этих народов имеет большое научное и общественное значение. Так, например, татаро-монгольская агрессия и ордынский гнет крайне отрицательно сказались на всех сторонах социально-экономической жизни мордовской народности, по мнению профессора Н.Ф.Мокшина, ее этнического развития, задержав на многие годы нормальное течение этих процессов, хотя, конечно, не смогли полностью приостановить их[6]. Включение мордовского народа в состав российского государства — прогрессивный шаг и единственно возможный выход для сохранения его самоидентификации как этноса.

В русском фольклоре откристаллизовался довольно большой пласт исторических песен, в содержании и тематике которых отчетливо намечаются две основные линии развития. Одну из них составляют песни, по своему идейному содержанию связанные с идеей создания крепкого централизованного национального русского государства, темой защиты русской земли от иноземных захватчиков. Другую важнейшую линию развития русского исторического эпоса составляют песни о повстанческой революционной борьбе трудового народа против угнетателей и эксплуататоров, песни, воспевающие вождей и участников крестьянских восстаний.

В мордовском фольклоре исторических песен немного. Особое место среди них занимают песни про татарский или турецкий полон. Рядом с другими историческими песнями они стоят несколько особняком. Мордовские песни о полоне очень близки русским. Обнаруживаемые между русскими и мордовскими песнями о полоне связи можно охарактеризовать как историко-типологические и культурно-исторические. Они выражены в сходстве сюжетов и композиции, идейного содержания и жанровых особенностей, отдельных образов и мотивов. Наиболее типичны в этом плане русская песня «Мать встречает дочь в татарском плену», или «Теща в плену у зятя», и мордовская «Вирь чиресэ» («На краю леса»).

Основу сюжетов русской и мордовской песен составляет встреча родственников во вражеском плену: матери с дочерью — в русской, брата с сестрой — в мордовской. Песни начинаются эпизодом пленения татарами (ногайцами) женщины на сенокосе или «у колодца холодного» (русская песня), юноши или во время работы в лесу, или в поле (мордовская песня). Герой мордовской песни (юноша-подросток и лишь изредка взрослый мужчина) при появлении ногайцев пытается спрятаться. Так поступали и герои русской песни в одном из ее вариантов[7]. При пленении мордовский юноша не пытается оказать сопротивление. Такова ситуация и в названном варианте русской песни. Отец и сын спрятались в камышах и не пришли на помощь женщине, когда ее увозил татарин. В мордовской песне ногаец, возвратившись с набега, кричит жене, чтобы она вышла встречать привезенного им раба с хлебом-солью, так как тот будет ей помогать по хозяйству[8] Иногда старый ногаец и ногайка видят в молодом пленнике своего кормильца на старости лет и смотрят на него как на сына. Почти то же самое мы видим и в русской песне[9]. Татарин зовет свою молодую «панью» встречать русскую полонянку, которая, как и пленник в мордовской песне, днем будет работать по хозяйству, а ночью нянчить ребенка. Затем в сюжет обеих песен вплетается колыбельная. В русской песне полонянка знает о том, что нянчит дитя своей дочери, поэтому в ее словах наряду с горькой печалью слышатся и нотки нежности: этот ребенок — ее внук. В мордовской песне пленник не знает, что он нянчит дитя своей сестры, поэтому его колыбельная проникнута жгучей ненавистью к ребенку своих похитителей и виновников своего несчастья[10].

При всем различии содержания колыбельных их роль в сюжете одинакова: они помогают родственникам узнать друг друга. В русской песне колыбельную случайно подслушали «сенные девки» и о странном ее содержании сообщили своей хозяйке, которая пришла к пленнице и спросила, как та узнала свою дочь. В мордовской песне колыбельную подслушала сама хозяйка и, пораженная ее содержанием, вступила в разговор с пленником, спросив, откуда он, как зовут его мать, отца, сестер, братьев и его самого, и убедилась, что он — ее родной брат. Момент узнавания —

самый напряженный в песнях. Это кульминация в развитии действия. Затем следует развязка. В русской песне она, как правило, благополучная: мать уговаривает дочь бежать на Русь. Иногда та соглашается, в большинстве случаев остается с татарином, так как ей жалко бросить детей. Мать либо уходит одна и добирается до дому, либо остается ...ить в качестве няньки вместе с дочерью[11]

Объясняя возникновение последнего мотива в русской песне, В.К.Соколова пишет: «Пока угроза татарских и турецких набегов существовала, в центре песни стоял образ матери, отвергающей дочь, ставшею женой врага. Когда эта угроза отпала, брак с турком или с татарином перестал расцениваться как измена. На первый план выступают уже родственные чувства, отношение матери к дочери и внуку представляется более теплым, любовным. Стал возможен и отказ ее вернуться домой»[12]. В мордовской песне развязка трагическая: хозяйка, сестра пленника, велит мужу отвезти брата домой, но тот в дороге его убивает.

О внутренней близости идейно-художественного замысла, сюжетов и композиции русской и мордовской песен свидетельствует наличие в них второго сюжетного плана, развивающегося параллельно главному. Он заключает в себе предысторию основного повествования о судьбе полонянки, ставшей женой татарина. Действие в обеих песнях разворачивается одинаково: татары нападают на деревню и город и берут в плен девушку, которая становится женой одного из них. И в русской, и в мордовской песнях полонянка, став женой похитителя, является полноправной хозяйкой в его доме, а спустя некоторое время рожает ребенка. Ей требовалась нянька, знавшая ее родной язык, и она послала своего мужа за ней на свою родину: в русской песне — на Русь, в мордовской — на р. Суру или в Пензенский край.

Варианты мордовской песни «Вирь чиресэ», известные под названиями «Ушмань Байкась» («Ушман Байка»), «Илькань Баясь» («Илькин Бая»), «Синькань Баясь» («Синькин Бая»), кроме указанных аналогий с русской песней, имеют и близкие мотивы отказа полонянки вернуться домой. После того, как брат и сестра узнали друг друга, он предлагал ей бежать на родину. Но та отказывалась, сославшись на детей: «Как, братец, убегу? У меня четыре сына»[13]

Приведенный пример указывает на несомненное сходство сюжетов, композиции, отдельных образов и мотивов мордовских и русских песен. Если заинтересоваться, чем это обусловлено, то в первую очередь напрашивается мысль о заимствовании. Однако и русские, и мордовские песни — это прежде всего произведения, созданные на основе национальных фольклорных традиций народов. Аналогичные сюжетные коллизии и ситуации, композиционные приемы, образы и мотивы песен о полоне находим в древнейших памятниках мордовского эпоса — в песнях о Литове и Тюште, отражавших жизнь мордвы периода родоплеменных отношений и военной демократии V—X вв. Из эпоса ведут свое начало мордовские песни о полоне, прием контрастного сопоставления в обрисовке образов героев, поэтические формулы отчаяния и горя. В русских песнях мотив похищения девушек встречается в былинах, свадебной поэзии, сказках.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что указанное сходство — следствие общей поэтической традиции и близости общественно-политических и бытовых ситуаций, изображаемых в песнях. Мордва и русские издавна жили смешанно на одной территории, что открывало широкий простор для возникновения сходных явлений в их материальной и духовной культуре, влияния и заимствования, культурного обмена, усвоении эстетической природы и художественных особенностей произведений, выработки одинаковых критериев в оценке действительности[14] Известно, что сходные конкретно-исторические условия жизни порождают у разных народов сходную идеологию, культуру, мораль, эстетическое мировосприятие и т.д. Сходство жизненных ситуаций предопределяло и встречные течения в фольклоре. Заимствование песни или сказки, «бродячего сюжета» никогда «не является простой случайностью, безразличной для психологии, идеологии и художественных вкусов заимствующей среды»[15]. В XVI — XVIII вв., когда стали фактом деревни и целые районы со смешанным русско-мордовским населением, открылся широкий простор для обмена произведениями фольклора. Создалась такая ситуация, когда мордвин свободно мог слушать русские песни, сказки, а русский — мордовские. При таких обстоятельствах появление произведений, сходство которых обус-

ловлено историко-типологическими и историко-культурными факторами, становилось нормой. Этот процесс и отражен в песнях «Теща в плену у зятя» и «Вирь чиресэ» («На краю леса»).

Определенная общность наблюдается в стилистике и ыке песен, которым свойственно повествование от третьего лица, прерывающееся диалогами персонажей, переходными вставками-комментариями, связывающими один эпизод с другим, вопросительными и восклицательными интонациями. Прием столкновения в плену кровных родственников, их противопоставление друг другу придает драматическую напряженность и лирическую взволнованность песням, подчеркивает остроту конфликта. В мордовской песне прием контрастного противопоставления играет особенно большую роль. С одной стороны, изображается мертвая тишина, необычайный покой в природе, с другой — смятение в душе героя, его противоречивое поведение в плену: непокорность своей участи сочетается с пассивностью.

Мордовская песня отличается от русской главным образом своей архитектоникой. В ее основу положена расширенная анафора или синонимический параллелизм, выражающийся в воспроизведении содержания одной фразы другой, частично или полностью формально одинаково построенными образами. Этот параллелизм присущ песенному фольклору всех финно-угорских народов, поэтому его следует рассматривать как стилистическую особенность мордовской песни, но не как стилистический прием.

Влияние и заимствование в их прямом значении не имеют большого места в фольклоре. Сближение устно-поэтических культур идет на уровне подхода творцов произведений к оценке действительности со сходными или идентичными мировоззренческими и эстетическими критериями вследствие усвоения ими поэтической природы песен своих соседей. Благодаря этому возникают сюжетные и композиционные аналогии в произведениях порой разных тематических групп, где исключаются всякие механические трансформации[16].

Известна на территории Мордовии русская песня «Соловей кукушку уговаривал». В этой песне молодец, желая увезти девушку, прельщает ее рассказами о благах, кото-

рые якобы находятся в его стране — в Казани. В ней поется: «Поедем, девица, во Казань город! / Казань город на красе стоит, / На красе стоит, на крутой горе; / Казаночка-речка медовая течет, / Мелка ключики — зелено вино. / По лугам-лугам трава шелкова, / По горам-горам цветы алые, / Цветы алые все лазоревые».

Выслушав молодца, девушка отвечает: «Не обманывай, добрый молодец! / Я сама давно про то ведаю, / Что Казань-город на костях стоит, / Казаночка-речка кровава течет, / Мелки ключики — горючи слезы. / По лугам-лугам все волосы / По крутым горам все головы / Молодецкие, все стрелецкие».

Русские фольклористы считают, что эта песня возникла на основе предшествовавшей поэтической традиции: «Противопоставление светлым образам мира суровых образов войны в очень родственной стилистической манере встречается уже в „Слове о полку Игореве“, что свидетельствует о большой архаичности песни». Кроме того, «описание Казани — ее красоты и богатства, а затем ее опустошения — есть в „Казанской истории“, и в описании этом ряд образов перекликается с комментируемой песней...»[17] Жизнь мордвы тесно связана с историей русского народа, в лице которого она нашла надежного защитника от внутренних и внешних врагов. Русские и мордовские песни, посвященные удалым добрым молодцам, поражают сходством содержания и образностью. Совместная борьба вызывала общие мотивы в устном творчестве двух народов, в том числе исторических песнях о Е.И.Пугачеве. Актуальность песен о Пугачеве, изображающих славное историческое прошлое народа, народную борьбу против помещиков и чиновников, не утрачивается и в наши дни. На территории Поволжского региона часть этих песен продолжает бытовать в настоящее время. Исполнение русской исторической песни в культурной традиции мордвы не только обогащает репертуар мордовской народной песни, оно становится такой же потребностью народа, как и исполнение своей национальной песни.

В мордовских песнях уделяется большое внимание внешности предводителя народного движения. Он одет в добротный кафтан, подпоясан красным кушаком, на голове — казацкая шапка, на ногах — замшевые сапоги, на руках — рукавицы из бараньей кожи. Внешний портрет народного

освободителя создан под влиянием образов русского фольклора, о чем свидетельствуют прямые заимствования названий одежды (добротный кафтан, красный кушак, замшевые сапоги, казацкая шапка), а также прием раскрытия характера через обрисовку внешних черт героя, что морским историческим песням несвойственно[18].

Отличительными чертами между русскими и мордовскими историческими песнями выступают их отношение к действительности, приемы и методы ее изображения: русская историческая песня тяготеет к конкретизации предмета, выводам через описание частных факторов; мордовским историческим песням свойственна тенденция к обобщению наиболее характерных фактов.

В русских песнях называются месяц, число, место события, имена солдатских командиров, названия крепостей по пути продвижения Пугачева[19], сюжеты мордовских раскрывают основной смысл восстания. Вот как трактуется пугачевская тема в мокша-мордовской песне: «Ой, горит, горит, / что за огонь горит?.. Что за люди собрались у Суры? / Что обдумывать, что решать? / С какими желаниями? / Говорили тихо на разных языках / Мокшане, эрзяне, русские, татары, и чуваши.... / Каких только людей среди них нет. / Огонь трещит, дым поднимается, / Словно дым, поднимается гнев в них, / И словно черные тучи грянут они на богачей...» Как видно из приведенного отрывка, в песне дана общая концепция движения, подчеркнута наиболее характерная его черта — разноязычный состав участников, движимых одним стремлением — сокрушить своих угнетателей.

Часть крестьян, не вступившая в армию Е.Пугачева, не советовала и другим присоединяться к нему, потому что для них он не царь, а простой казак-бунтарь. Свою осторожность они мотивировали возможным гневом царицы, которая могла уничтожить участников крестьянского движения и весь их род. Аналогичное предупреждение не примыкать к Пугачеву потому, что он все равно потерпит поражение, а все его сторонники будут жестоко наказаны, имеется и в русских песнях. Так, в одной из них («Уж ты, ворон сизокрылый...») девушка спросила у ворона, где ее милый. Тот ответил, что он «на литейном заводе» «медны трубы выливает, Емельяну помогает». Однако он напрасно

помогает, так как: «Из России тьма солдат / На Урал идут, / Пугача возьмут, / Полонят его и всю армию»[20] Главный вывод русской песни состоит в том, что поражение пугачевского восстания предопределено. Понимание роли Е.Пугачева как народного заступника, борца за интересы бедных людей наиболее отчетливо выражено в плаче по погибшему: «Емельян, ты наш, родимый батюшка! / На кого ты нас покинул? / Красное солнце закатилось... / Как остались мы сироты горемычны, / Некому за нас заступиться, / Крепку думушку за нас раздумывать...»[21]

Таким образом, элементы сходства в русских и мордовских народных песнях о Е.Пугачеве (понимание антикрепостнической направленности пугачевского движения, поиск хорошего царя, изображение Пугачева народным заступником и т.д.) позволяют сделать вывод о том, что историческое и художественно-эстетическое сознание мордовского и русского крестьянства находилось на относительно одинаковом уровне развития, русские и мордва под одним углом зрения смотрели на существующий общественный строй и на пути его изменения[22]

Песни о Е.Пугачеве — это произведения устного народного творчества в период развитого классового общества, когда народ настолько осознал свое место в этом обществе, что считал себя способным вершить суд над ним. Мордовские песни о Е.Пугачеве наполнены трогательной любовью к вождю крестьянского восстания, поэтому в них использованы эпитеты, подчеркивающие кровную связь народа с Пугачевым, его основные черты (удалой казак, донской казак и др.). В русских песнях этим целям служат в основном традиционные эпитеты (добрый молодец, добрый конь, разудалый молодец и др.), заключающие в себе не столько социальный, сколько эмоциональный смысл. В социально-политическом плане образ Е.Пугачева типологически сходен в мордовских и русских исторических песнях, но в художественно-эстетическом отношении он получил самобытную разработку в духе национальных поэтических традиций творчества двух народов.

Итак, культурная традиция мордовского народа формировалась на основе общности исторических судеб русского и мордовского народов, духовной преемственности, выраженной во внутреннем диалоге их культурных типов. По-

нимание внутренней сущности фактов истории через народно-художественное восприятие, отражающееся в фольклоре, позволяет осмыслить связь фольклора с историей, реконструировать механизм его происхождения через постижение идейной сущности, социальной природы, своеобразия жанров и художественных средств, сложившихся в ьтурной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Юрченкова Н.Г.* Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 5.

[2] См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 12 т. Т. 7. Ч. 1. Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972. С. 10—12.

[3] Там же. С. 11.

[4] Там же. С. 40.

[5] *Юрченкова Н.Г.* Указ. раб. С. 34.

[6] См.: *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы (XIX—XX вв.). Саранск, 1977. С. 96.

[7] См.: Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 34.

[8] См.: Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 116.

[9] Там же. С. 30.

[10] Там же. С. 168.

[11] См.: *Шаронов А.М.* Русско-мордовские фольклорные отношения в песнях о полоне // Социальные конфликты в России XVI—XVII вв.: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 479.

[12] *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI — XVII вв. М., 1960. С. 146.

[13] Мокшень фольклор. Саранск, 1949. С. 126.

[14] См.: *Шаронов А.М.* Указ. соч. С. 482.

[15] *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962. С. 6.

[16] См.: *Шаронов А.М.* Указ. соч. С. 483.

[17] Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 108—109.

[18] См.: *Шаронов А.М.* Русско-мордовские фольклорные отношения (Исторические песни XVI — XVIII вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1973. С. 150.

[19] См.: Исторические песни XVIII века / Сост. О.Б.Алексеева, Л.Е.Емельянов. Л., 1971. С. 273.

[20] Там же. С. 277.

[21] Исторические песни XVIII века. С. 276.

[22] См.: *Шаронов А.М.* Русско-мордовские фольклорные отношения... С. 159—160.

Поступила 06.09.06.

Л.В.АБРАМОВА

«МОЛЕНИЕ О ЛОШАДЯХ» КАК ОТРАЖЕНИЕ СИНКРЕТИЗАЦИИ ФОРМ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ МОРДВЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Процесс христианизации мордвы сопровождался возникновением синкретических форм верований и обрядов, характеризующихся слиянием в сознании людей языческого божества с православными святыми. Это явление ярко иллюстрирует широкое распространение в конце XIX — начале XX в. моления, посвященного лошадям.

Мордовские озксы (моления), как и религиозные праздники других народов, по словам Н.Ф.Мокшина, возникли из традиций общинных работ, в них «очень четко прослеживается их связь с хозяйственной деятельностью, и прежде всего с земледелием»[1]. Их назначением являлось обретение помощи богов в стремлении людей к благополучной жизни, которая невозможна без хорошего урожая сельскохозяйственных культур, наличия скота, его приплода. В число мордовских озксов весенне-летнего цикла входило моление первого выгона скота, проходившее в начале апреля, а в начале лета обязательным было моление о лошадях (алашань озкс). Такой «специализированный» магический праздник-обряд имел логическое основание: лошадь издавна была незаменимым животным в домашнем хозяйстве, поэтому о ее здоровье и размножении мордва молилась особо.

Описывая моление о лошадях, проводимое в с. Баеве Ардатовского уезда Симбирской губернии, Н.Ф.Мокшин приводит записи финского ученого Х.Паасонена, сделанные в 1899 г. и содержащие текст произносимой крестьянами молитвы о сохранении лошадей от болезней, голода, недобрых

АБРАМОВА Людмила Владимировна, заведующая музеем религиоведения Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

людей. В молитве указывается конкретный адресат — Верепаз (языческий верховный бог мордвы), к которому и обращена эта молитва.

В.А.Попков, известный художник Мордовии, использовал этот сюжет при создании живописного полотна, находяще-
эся в фондах музея религиоведения Мордовского государственного университета. Картина имеет соответствующее название («Моление о лошадях») и является авторским повторением произведения, хранящегося в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д.Эрьзи. На полотне автор изобразил группу мужчин разного возраста, пришедших на моление с жертвой, приносимой в дар божеству. Среди разложенных на земле караваев помещена икона с изображением всадников. Ее включение в моление как необходимого атрибута свидетельствует о развитии христианского культа (почитание икон, в частности, иконы святых Флора и Лавра) на фоне еще имеющего место языческого культа. Подобное художественно-творческое видение события и его атрибутики подтверждается свидетельствами очевидцев, которые приводит Н.Ф.Мокшин. Так, один из крупнейших исследователей жизни, быта, культуры мордовского народа М.Е.Евсевьев писал, что в с. Кардафлей Городищенского уезда Пензенской губернии моление о лошадях проводилось на высоком берегу реки, у поваленной сосны, считавшейся священной. К этому месту приносили приготовленные накануне продукты — медовый квас, караваи с запеченным сверху яйцом. «Принесенные караваи раскладывались в ряд на земле, а перед ними на воткнутый в землю шест прикреплялась икона Флора и Лавра с зажженной свечой. Трое выбранных стариков выступали вперед и начинали перед иконой молиться»[2] Здесь же приводятся записи молитвы, в переводе с эрзянского языка на русский она звучит так: «Вере паз, кормилец, Флор-Лавр! Сохрани лошадей (нашей) деревни от всякого зла и лиха. Пусть уродится хлеб и размножится скот».

Упоминание в молитве христианских святых Флора и Лавра, употребление посвященной им иконы имеет свои основания. Христианизация мордвы была следствием признания культа святых — одной из составляющих христианской религии. Издавна считалось, что святые, пребывая

в Царствии Небесном, могут ходатайствовать перед Богом за тех, кто живет на земле. Их представляли особыми посредниками между Богом и людьми, поэтому к их помощи верующие прибегали постоянно, вознося молитвы у иконописных изображений святых, их святых мощей. Были особо чтимые святые, которым верующие молились при различных обстоятельствах. Так, например, считалось, что во время болезни нужно обращаться с молитвами о помощи к святому великомученику и целителю Пантелеймону; о благополучии семейной жизни необходимо молиться мученикам Гурию, Самону и Авиву — покровителям брака; святителю Николаю Чудотворцу издавна возносились молитвы во время путешествий, святому Георгию Победоносцу — в случае военной опасности и т.д.

Опыт обращения к тому или иному святому во время той или иной болезни выявил некоторые совпадения. Одним святым молились при зубной боли, другим — при болезни головы, глаз или ног. По словам В.Лепахина, «нередко святые помогают в тех болезнях, скорбях, искушениях, от которых они страдали сами в своей земной жизни. За терпение и страдания их Господь удостоил Своих святых дара помогать людям именно при этих недугах»[3] Но нередко признанный народом характер помощи святых не имел ничего общего с фактами их биографии. Пример тому — святые Флор и Лавр, считающиеся покровителями коневодства.

Согласно посвященной им статье Месяцеслова, мученики Флор и Лавр — родные братья, жившие во II в. в Византии, затем переселившиеся в Иллирию (ныне — Югославия). Они были камнетесами, проповедовали веру в Христа, за что были брошены в пустой колодец и засыпаны землей. Ремесло братьев, как и их мученичество, не имело никакого отношения к выращиванию коней. Тем не менее народное представление связывало их культ с коневодством. Этот культ был наиболее развит в тех областях, основой жизнедеятельности которых было разведение коней.

Вопрос о соотношении христианских культов с этнокультурой и хозяйственной спецификой затрагивается в работах ряда ученых. Так, Т.А.Бернштам приходит к выводу, что состав почитаемых икон зависит как от сложившихся ранее мировоззренческих традиций, так и от хозяйственной

жизни. Поскольку хозяйственная структура ряда областей складывалась по скотоводческому типу, там получал развитие культ определенных святых. В тех местностях, где разводили крупный рогатый скот, особо почитали святых Ипию, Власия и Модеста. Где же преобладало коневодство, наиболее распространенными были образы Флора и Лавра, а также некоторых других святых, изображаемых на конях: Димитрия Солунского, Бориса и Глеба и даже Георгия Победоносца, считавшегося покровителем диких и домашних животных[4].

По мнению К.В.Цеханской, «поскольку крестьяне со своими нелегкими повседневными заботами вряд ли могли мыслить высокими духовными категориями, то нередко материализовали духовный мир, стремясь приблизить его к себе»[5]. Этот факт объясняет и возникновение иконописных изображений. Процесс сопоставления в сознании человека объективизированных религиозных понятий и представлений с означаемыми духовными категориями достаточно труден. В верованиях христианской мордвы этот процесс, кроме того, осложняется синкретизацией форм, связанной с адаптацией православия к дохристианским верованиям и обрядам. Отсюда — разного рода противоречия, наложения и смешения, отраженные, например, в культе Флора и Лавра в мордовских селах.

Судя по вышеприведенной молитве, в сознании мордвы святые Флор и Лавр претерпели двойное слияние. Во-первых, объединились в единое божество (употребляется единственное число), во вторых, стали восприниматься верховным божеством, т.е. слились с ним, о чем свидетельствует обращение (Вере-паз). Другими словами, в сознании произносящего молитву произошло не только объединение языческого и христианского божеств, но и смещение иерархических позиций — смешались высшая иерархия (Бог) с более низкой (святые).

Православие такого смешения не допускает, что находит подтверждение в визуализации означаемых в иконе, их иерархическом расположении в пространстве иконы. Примером может служить икона из фондов музея религиоведения, имеющая название «Чудо о Флоре и Лавре», датируемая концом XVIII — началом XIX в. Согласно легенде,

у коневодов пропал табун лошадей. Они обратились к святым Флору и Лавру с просьбой отыскать лошадей, те — к Архангелу Михаилу, который, в свою очередь, обратился к Богу; просьба была удовлетворена, табун нашелся.

В иконе соблюдается передача всех иерархических позиций: в нижней части иконы, традиционно ассоциирующейся с земным миром, населенным простыми смертными, изображены лошади с коневодами, сидящими верхом. Их имена — Спевсипп, Елевсипп и Мелевсипп, в переводе с греческого означающие «ускоряющий бег коня», «гонящий коня» и «ухаживающий за конем». Выше даны изображения святых Флора и Лавра, в свое время принявших функции античных братьев Диоскуров — Кастора и Полидевка (Полукса). Они, как люди святые, приближены к миру горнему, небесному, что подчеркивается не только расположением в верхней части иконы, но и размером: их фигуры, как и изображения двух других святых — Модеста и Власия, помещенных в одном ряду с ними, — в два с лишним раза крупнее фигур коневодов. В центре, еще большим по размеру, изображен архангел Михаил. В иерархическом плане он находится на более высокой ступени по сравнению со святыми, что также отражается в иконе. Он стоит на облаках, что можно считать отличительным знаком, указывающим на местонахождение архангела, еще более приближающее персонажа к Богу. И, наконец, центром иконы (и смысловым, и композиционным) является белое полотно с изображением Спаса Нерукотворного, которое архангел Михаил держит в руках, указывая, таким образом, на того, кто занимает главенствующую позицию. В целом иконописцем наглядным образом показана вся цепочка, по которой идет молитвенное обращение — снизу, от земли, к небу, к тому, кто в итоге оказывает помощь. Знание особенностей репрезентации образов, а также наличие соответствующих надписей, сопровождающих изображения, делают процесс идентификации достаточно эффективным. Этот вывод подтверждают слова архимандрита Симеона, сказанные им в «Поучении к простолюдинам об истинных чувствованиях христианина при созерцании в храме Божием святых икон», помещенные в Пензенских епархиальных ведомостях за

1873 г.: «...если бы не было иконы, то они (верующие. — *Л.А.*) затруднялись бы и в самом молении своем»[6]

Казалось бы, икона визуально доступно представляет персонажей, четко регламентируя их количество, иерархическое положение и т.д. Откуда же могло появиться смещение (или игнорирование?) этих важных моментов, имевшее место в молитве перед иконой «Чудо о Флоре и Лавре» во время описанного выше моления о лошадях? Проще всего этот факт можно было бы объяснить неграмотностью крестьян, незнанием языка иконы. Безусловно, в ряде случаев эти причины могли служить основанием для слабой идентификации образов. Но, скорее всего, здесь сыграла свою роль интуиция, осознание того, что святые — лишь посредники в общении людей и Божества, а непосредственным обладателем силы, способной повлиять на явления, события (т.е. исполнителем просьб, отраженных в молитве) является верховное Божество. Причем для мордвы конца XIX — начала XX в. было неважно — языческое это Божество или христианское, о чем свидетельствует сохранившееся до настоящего времени обращение к Верепазу, прежде относящемуся к языческому верховному Богу, а теперь — к православному — Иисусу Христу.

Таким образом, синкретизация форм верований мордвы в конце XIX — начале XX в., нашедшая отражение в «Молении о лошадях», имеет свои особенности, в числе которых объединение языческого и христианского божеств, смещение иерархических позиций объектов молитвы, их количественное смешение как результат признания единственно действенной силы верховного Божества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 119.

[2] Там же. С. 184—186.

[3] См.: *Лепахин В.* Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М., 2002. С. 252.

[4] *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала. Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах. СПб., 1995.

[5] *Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 9.

[6] *Симеон,* архимандрит. Поучение к простолюдинам об истинных чувствованиях христианина при созерцании в храме Божием святых икон // Пензенские епархиальные ведомости. 1873. № 14. Часть неоф. С. 487.

Поступила 31.01.06.

Ю.И.БОКАТИНА

ИСТОРИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема потери личностью своих национальных и культурных истоков. Часто человек не знает своей родословной, не знаком с языком и традициями своих предков, историей своей малой Родины. На наш взгляд, подобные явления обусловлены действием процесса глобализации как объективной тенденции. Однако для человека XXI в. важным становится не только знание мировой истории и культуры, но и понимание региональных явлений, поскольку эти факторы играют значительную роль в формировании его мировоззрения, мировосприятия, патриотизма, отношения к представителям других культур. Неоспоримым остается факт, известный с древности: человек, не знающий истоков, обедняется духовно. Таким образом, следствием невнимания индивида к своим истокам становится кризис общества, разлад человека с самим собой.

Республика Мордовия гордится своей богатой многовековой историей и культурой. Однако, как показывают наблюдения, современные школьники недостаточно знакомы с прошлым родного края. Приобщение учеников к культурному и историческому наследию республики необходимо при изучении различных предметов. На уроке русского языка одним из основных средств реализации данной цели становится историческое комментирование лингвистического явления.

Под историческим комментированием мы понимаем прием обучения русскому языку, носящий попутный характер, основной целью которого является формирование мировоззрения учащихся путем организации их деятельности по выявлению исторического развития лингвистического явления. Этот прием обучения языку представляет собой сред-

БОКАТИНА Юлия Игоревна, аспирант кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического института.

ство реализации принципа историзма, который является общенаучным принципом познания, требует рассматривать объект в самодвижении, изменении, изучать его возникновение, переходы от одних стадий развития к другим. Необходимо отметить, что историческое комментирование
ходит свое выражение в речи и представляет собой специфическую единицу учебного общения.

При использовании исторического комментирования на уроках русского языка с целью актуализации информации об истории и культуре Мордовии внимание учителя будет акцентироваться на рассмотрении фактов лексики, особенно фактов ономастики. Н.Ф.Мокшин отмечает, что, «каждый народ непрерывно ведет имятворчество, создавая свою уникальную ономастическую систему. Данные ономастики — ценнейший источник познания прошлого, особенно при изучении тех этапов и аспектов истории народов, от которых не сохранилось письменных сведений. Развиваясь на стыке ряда наук (истории, языкознания, этнографии, географии), ономастика вносит серьезный вклад в разработку сложнейших вопросов этногенеза и этнической истории народов, формирования и развития их культуры»[1] Историческое комментирование явлений ономастики способствует рассмотрению языковой системы как «средства хранения и усвоения знаний, средоточия духовной культуры народа, основной формы проявления национального и личностного самосознания», открывает широкие возможности для изучения «жизни языка» в его индивидуальных и онтологических проявлениях[2] Следует отметить, что, хотя культура и язык не являются зеркальными отражениями друг друга, неоспоримым является факт: содержанием говоримого является то, что есть или было в объективной действительности.

При объяснении региональных топонимов, этнонимов, антропонимов и т.д. в рамках исторического комментирования для педагога характерно внимание к возникновению слова, выявлению первичного образа, положенного в основу его значения. Как писал В.В.Виноградов: «Восстанавливаемая историческим исследованием схема изменений значений слова не совпадает с живыми представлениями говорящих или говоривших о функциях и употреблении этого

слова»[3] При помощи рассматриваемого нами приема обучения школьник переосмысливает значение слова, причем в его сознании оно получает дополнительные ассоциации с первичным образом, лежащим в основе его семантики.

Так, в ходе исторического комментирования происхождения названия с. *Теньгушево* используются сведения из мордовских и русского языков: «Есть предание о происхождении с. Теньгушева. Его название происходит от слова тьма, потому что в тех краях было множество густых лесов. Хотя известно, что в XVII веке были мордвины с фамилией „Теньгушевы“ Теньгуш — одно из дохристианских имен мордвы; произведено оно, вероятно, от мордовских слов „тинге“ (ток) и „кужо“ (поляна, то есть гуменная поляна)»[4]

Таким образом, историческое комментирование способствует более глубокому восприятию учащимися смыслового поля различных культур, развитию лингвистической и культурологической компетентности.

Название *г. Краснослободск* комментируется при помощи данных русского языка: «Русские мастера и зодчие много столетий назад уже умели выбирать места для городов-крепостей, торговых посадов, речных пристаней, дворцовых сел и слобод. Они учитывали и рельеф местности, и пути сообщения, и своеобразие растительного мира.

Так было и при основании Краснослободска. Поэтому он и получил столь завидное, нечасто употребляемое в городской типонимии имя „Красная Слобода“.

Слово „красный“ издавна обозначает в русском языке не только понятие цвета, но и понятие красоты. Стоит вспомнить такие словосочетания, как „красная девица“, „красная цена“, „красный угол“, „красная площадь“, чтобы лучше понять замыслы и вкусы тех людей, которые заложили первые камни на самом высоком и живописном венце в долине реки Мокши»[5]

В древности слободой называли независимость крестьян от крепостничества, а несколько позже стали называть поселки, где они жили. К XVI—XVII вв. слово «слобода» уже приобрело общее значение: «поселок, пригород, селение подле города». В слободах проживали по преимуществу люди одних профессий, занятий, промыслов[6] Таким

образом, слово «слобода» имело раньше значение «красивое поселение».

При помощи исторического комментирования школьникам даются сведения не только о происхождении названия города, первоначальной семантике слова, но и об истории республики, традициях наших предков, системе их ценностей.

Как уже было отмечено, ономастике как науке присущ интегративный характер. Следовательно, историческое комментирование представляет сложное синкретическое образование, основные компоненты которого — историческое комментирование лингвистического явления, а также комментирование объекта, явившегося источником его названия, с точки зрения истории, культурологии, географии, этнографии и т.д.

На основе анализа текстов исторического комментирования топонимов, этнонимов, употребительных на территории республики, можно утверждать, что в них наблюдается различная степень соотношения лингвистики и других областей научного знания. Так, например, при комментировании названия *г. Темников* выявляется слово, на базе которого образовалось современное название и его значения: «В конце XV века завершается вхождение мордовского народа в состав Российского государства. В XVI—XVII столетиях мордовский край оказался окраинной территорией России. Здесь для защиты от опустошительных набегов степняков стали возводить оборонительные линии, засечные черты с хорошо продуманной системой крепостей. Одной из них был город-острог Темников.

Почему город Темников носит такое имя? Точного ответа на этот вопрос нет. Существует несколько легенд о его топонимике. Одна из них, наиболее вероятная, связывает происхождение названия города с той местностью, где он возник, — темные, дремучие леса. Сохранились предания, что „Темников назван по тайге, лесам, темноте лесной, потому что вся окружающая местность была под лесом, и первые поселенцы расчищали лес“ „Лес в этих местах старики именовали теменью... — „Ходил по лесу, по темени, насилу вышел“, — и так выражались старые люди“ В старинных песнях мордвы этого района можно услышать выражение „Темь-ош“ (Темь-город)»[7]

Для этого комментирования характерна интеграция лингвистики и истории, но лингвистические данные имеют первичную значимость, а исторические сведения несут вспомогательную нагрузку.

Напротив, при объяснении происхождения названия *г. Ковылкино* следует обратиться к рассказу о личности комиссара железных дорог С.Т.Ковылкина, фамилия которого послужила источником названия, о его роли в судьбе города. При комментировании названия *г. Рузаевка* сообщается о татарском князе Уразе: «Свое имя город Рузаевка получил от названия соседнего села Рузаевки. Московский царь ее пожаловал за службу татарскому князю Уразу. В различных отказных книгах этот „сын княж“ именуется то Уразом, то Уразаем, то Рузаем. Соответственно и деревня, возникшая на его земле, называлась в первые десятилетия ее существования или Уразаевой, или Рузаевой, или Уразаевкой. Потом закрепилось более удобное для русского произношения название — Рузаевка»[8].

Как видим, при рассмотрении этих лингвистических явлений на первый план выходят сведения истории, в данном случае выполняющие основную функцию.

Необходимо отметить, что в аспекте речеведения историческое комментирование представляет собой особый тип высказывания, принадлежащий научному стилю речи, научно-учебному подстилю. Информативной основой исторического комментирования, как правило, является научный текст, в котором содержатся сведения о происхождении и истории становления лингвистических явлений, поскольку историческое комментирование как тип высказывания представляет собой интерпретацию первичного текста, преобразование его в новое учебное речевое произведение. При рассмотрении происхождения фактов ономастики Республики Мордовия расширяется группа исходных текстов для исторического комментирования. Так, источниками для создания исторического комментирования в данном случае могут быть не только специальные лингвистические словари, но и исторические очерки, фольклорные произведения. Например, в основу исторического комментирования слова «*Сура*» положены фольклорные предания мордовского народа[9]

В процессе обучения русскому языку историческое комментирование фактов региональной ономастики реализуется в виде таких форм, как историческое наблюдение, историческое сравнение, историческая справка. Следует отметить, что сведения могут преподноситься при помощи объяснительно-иллюстративного (репродуктивного) метода, метода проблемного изложения, эвристического (частично-поискового) и исследовательского методов. Историческое комментирование указанных явлений находит свое место в объяснительной речи педагога, при выполнении упражнений, проведении различных видов грамматического разбора слова, а также объяснительных диктантов, словарно-семантической и словарно-орфографической работы над словом, работы над ошибками, анализе художественных текстов.

Таким образом, можно сделать вывод, что историческое комментирование фактов ономастики Мордовии на уроках русского языка способствует формированию лингвистического мировоззрения школьников, их приобщению к историческому и культурному наследию, росту национального самосознания, интеграции в культуру других народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мокшин Н.Ф.* Ономастика // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 849.

[2] См.: *Зайцева О.Н.* Реализация принципа историзма // Образование в современной школе. 2002. № 4. С. 3.

[3] *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 23.

[4] *Воронин И.Д.* Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967. С. 137.

[5] Там же. С. 186.

[6] См.: Республика Мордовия: Учеб. пособие / Сост.: Т.С.Баргова, Е.М.Голубчик, И.И.Карпов. Саранск, 1998. С. 133.

[7] *Воронин И.Д.* Указ. раб. С. 167.

[8] Там же. С. 123.

[9] См.: *Ануфриева Н.А.* Родиноведение: Учебно-методический комплекс для 5 класса общеобразовательных учебных заведений. Саранск, 1997. С. 136.

Поступила 02.06.06.

С.Н.ОВСЯННИКОВ

СТОЛИЧНЫЙ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЗОДЧИЕ В АРХИТЕКТУРНОМ ПОЛЕ ОДНОГО РЕГИОНА

В конце XVIII в. в русской культуре произошло знаменательное событие. Столица и провинция стали жить по единым архитектурным правилам. Среди причин этого можно назвать и беспрецедентный по тем временам размах строительства, и настойчивую пропаганду современного архитектурного стиля, который нам известен как классицизм. Наконец, нельзя не отметить приспособленность этого гармоничного и, что важно, достаточно экономного стиля к требованиям самого разнообразного строительства.

Единая архитектурная мода распространилась практически по всей стране. Архитектурные новации даже в уездном городе не исчерпывались парой случайных сооружений. Его облик определяли построенные в едином ключе, с использованием внедренных с таким размахом типовых проектов, общественные сооружения (от Присутственных мест до острога), особняки лучших граждан (на облик которых равнялись все остальные) и новые храмы. Даже в деревнях на светелках стали появляться портики с колонками, на наличниках — сандрики с розетками, свидетельствуя о глубокой укорененности нового стиля даже в народном сознании. Вот тут и стало сказываться разное понимание стиля. То, что знал об античной архитектуре зодчий, учившийся в Академии художеств и несколько лет проживший в Италии, было недоступно народному мастеру из глуши, применявшему «вроде бы» те же самые формы. Однако у народного мастера была и своя эстетика, и своя

ОВСЯННИКОВ Сергей Николаевич, заведующий экспозиционным отделом Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

логика. Для нас, два столетия спустя, они не менее правомерны, чем логика его столичного коллеги. Правда, редко бывало так, чтобы мастеру из народа приходилось взаимодействовать с маститым столичным зодчим. Однако на ярославской земле случилось именно так, и мы можем, с известной долей погрешности, персонифицировать столичную и провинциальную составляющие в ярославской архитектуре. Их именами будут Авраам Мельников (1784—1854) и Петр Паньков (1770—1843).

Вероятно, оба зодчих были бы крайне удивлены такому сопоставлению. А.И.Мельников, блестяще закончив императорскую Академию художеств, имел множество академических званий, вплоть до заслуженного ректора, и занимал ведущие должности в центральных строительных учреждениях Российской империи. П.Я.Паньков — «смиренный ростовский самоучка» — только в 49 лет получил от академии за представленные чертежи звание архитектора[1], в связи с чем смог занять пост ярославского губернского архитектора.

Тем не менее творчество этих зодчих постоянно пересекалось. Мельников не раз создавал проекты для Ярославской губернии. Ему довелось проектировать здание Демидовского юридического лицея. Он создал три варианта прекрасного фасада здания, украшенного в средней части великолепным портиком. Проект принес ему заслуженный авторитет, способствуя его продвижению по служебной лестнице, а реальное здание, построенное в 1813—1916 гг. (арх. П.Н.Козлов), в это время представляло собою довольно унылое сооружение из-за отсутствия в Ярославле квалифицированных исполнителей лепнины и венчающего аттика. В 1825 г. внешний вид здания был урегулирован, но по проекту не Мельникова, а губернского архитектора Панькова. Закончив доделки на городском фасаде, Паньков решительно переделал его задний, хозяйственный фасад, выходивший на Волгу. Его центр занял оформленный портиком ризалит лицейской церкви. Малые портики фланкировали композицию бывшего заднего фасада, и даже на торцах появились колонны. М.П.Тубли, констатировав искажение Паньковым проекта Мельникова, отметил «справедливость градостроительного подхода» провинциального зод-

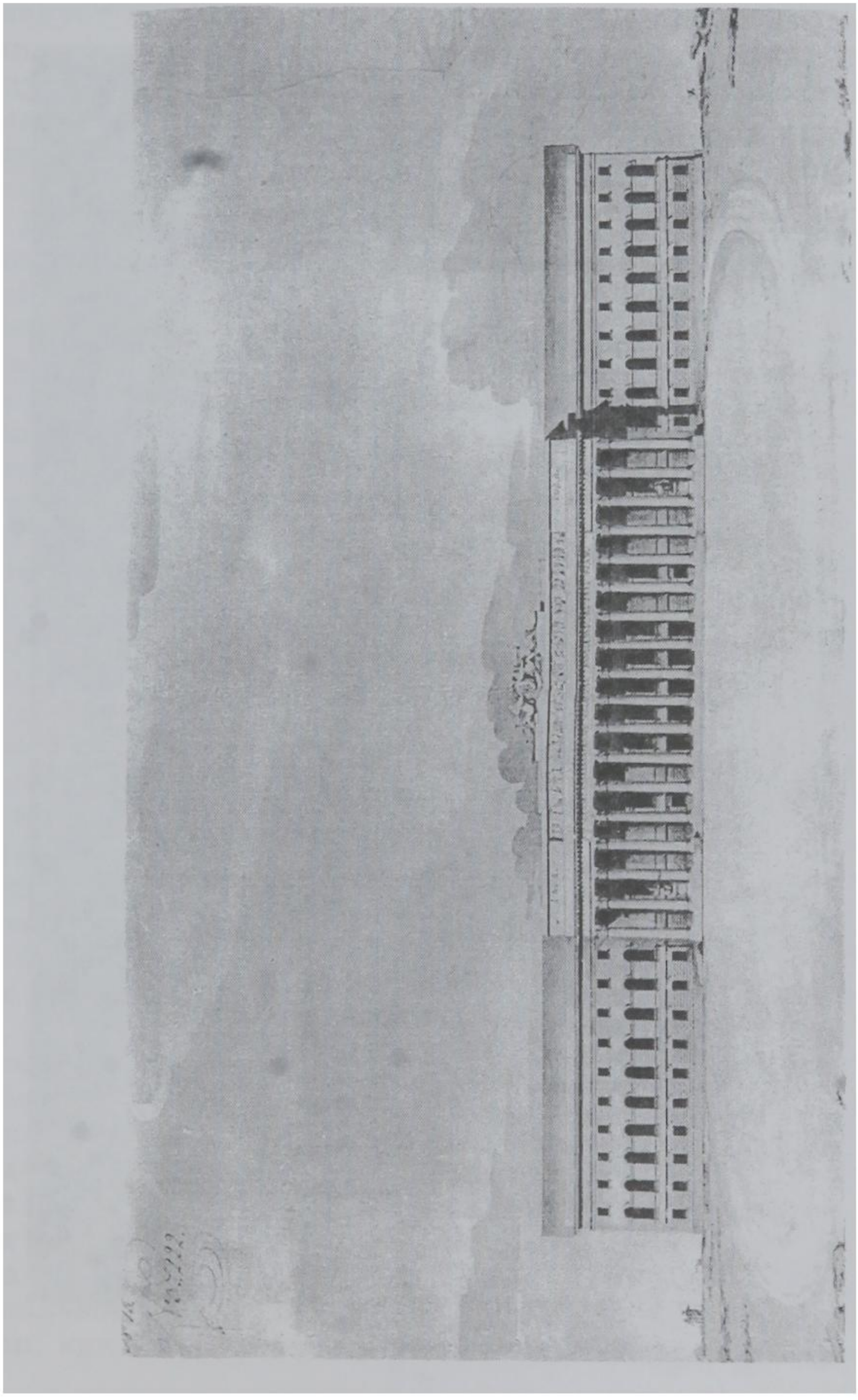

Рис 1. А.И.Мельников. Проект главного фасада здания Демидовского лицея. 1812 г.

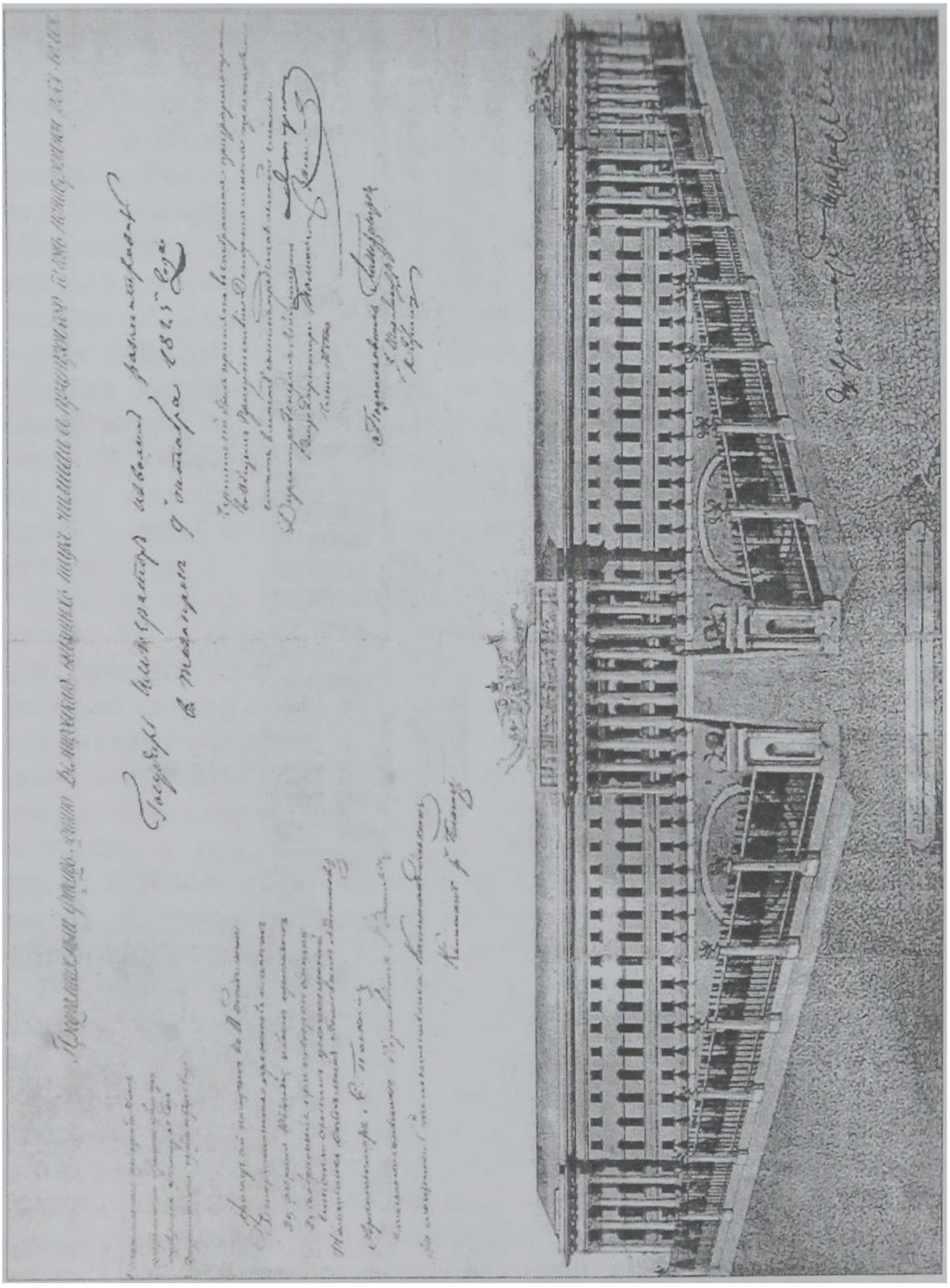

Рис. 2. П.Я.Паньков. Проект перестройки Демидовского лицея. Фасад с реки. 1825 г.

чего[2], принявшего во внимание вид Ярославля с Волги. Следует отметить, что мы обязаны Панькову не только не слишком удачной формой аттика городского фасада. То ощущение парадности и пластической выразительности, выделявшее здание Демидовского лицея среди подобных ему по назначению сооружений, было создано губернским архитектором (рис. 1, 2).

Другой, приведенный в книге Тубли, пример воплощения Паньковым проекта Мельникова — комплекс торговых построек в Ростове, возведенный в начале 30-х гг. XIX в. Можно согласиться с мнением автора, считавшего, что Паньков придал фасадам двора «однообразие и монотонность»[3]. Он просто проигнорировал сооружение предусмотренных в проекте аттиков над центральной и боковыми частями фасада. Однако его решение находилось в русле эволюции общей концепции гостиного двора в Ростове.

От проекта к проекту здесь ясно прослеживается тенденция к минимизации. За грандиозным замыслом Бетанкура, для реализации которого предполагалось частично разобрать Ростовский кремль, через проект И.Шарлеманя, задумавшего здание, окруженное отставной колоннадой, возникли два проекта Мельникова, из которых ростовцы выбрали более дешевый, без колонн и с очень низкими аттиками. Отказавшись и от них, Паньков внес свой скромный вклад в этот процесс. Проще всего объяснить сделанные губернским архитектором в столичный проект изменения чисто экономическими соображениями, как и то, что вместо задуманного Мельниковым двух каре гостиного двора и «дома для продажи мод» Паньков построил лишь одно каре. Практическими соображениями можно объяснить и то, что гостиный двор возведен им на непредусмотренных проектом погребах, арки которых зрительно дублировали основную аркаду, пока в 70-х гг. XX в. не скрылись под культурным слоем. Вероятно, погреба имели практическую цель, однако эта вольность намекает и на, скажем так, не вполне классицистическое понимание гармонии губернским зодчим. Включение же в композицию знаменитой церкви Спаса на торгу — это не намек, а вполне сознательное использование в ансамбле древнерусского памятника. И если, как и в случае с Демидовским лицеем, рассматривать

Заказ № 6329

градостроительную ситуацию, то придется констатировать, что упрощенный паньковский вариант значительно лучше сочетается со знаменитым Ростовским кремлем, чем изначальный.

Мы не имеем данных о возникновении каких-либо коллий при реализации Паньковым других мельниковских проектов: собора Казанского монастыря (1835—1845) в Ярославле и колокольни Успенского собора (проект 1831 г.) там же. Может быть, следствием творчества губернского архитектора является не только несколько провинциальный вид Казанского собора, но и, на наш взгляд, довольно удачное сочетание «византийских» форм последней с архитектурой собора XVII в. и вышеупомянутого Демидовского лицея.

Другим местом творческого взаимодействия Панькова и Мельникова был Строительный комитет при МВД. Мельников вошел в состав комитета одновременно с получением Паньковым должности губернского архитектора и, таким образом, нередко имел дело с его произведениями. Поскольку в большинстве случаев Мельников работал в составе комиссии, мы не можем с абсолютной уверенностью выделять его индивидуальное мнение. Однако то, что он присутствовал на ее заседаниях с завидным постоянством, а также заслуженный авторитет маститого зодчего заставляют предположить, что его вклад в решение судьбы проектов Панькова весьма значителен.

Утверждение проектов провинциального зодчего часто происходило довольно сложно. Проекты Панькова регулярно возвращались на доработку. Так случилось с первым вариантом проекта губернаторского дома в Ярославле[4], признанным слишком скромным для резиденции первого лица губернии[5].

Резко негативную оценку получил в 1836 г. проект каменного «дома для пожарной команды и других помещений», выполненный Паньковым для Рыбинска[6]. Часть претензий комиссии касалась оформления проекта. Комиссия отметила отсутствие пояснительной записки и названий помещений на проекте; такие недостатки, как низкие ворота во двор и установку печей второго этажа без опор. Однако большинство замечаний относилось к области эсте-

тики. Так, «изображенные на углу дома колонны» и «малые колонны с фронтонами внизу каланчи» предлагалось уничтожить «как нехорошего вкуса и увеличивающие без всякой нужды издержки». Судя по этим замечаниям, несохранившийся проект Панькова, возможно, был близок по характеру к прекрасной костромской каланче (1823—1826; арх. П.Фурсов). Однако десять лет спустя подобные «архитектурные излишества» в провинциальной постройке петербургскими архитекторами воспринимались уже без энтузиазма.

Паньков подготовил новый вариант проекта, рассмотренный петербургской комиссией в 1837 г. Опять были технические проблемы (устройство фундамента) и нарекания на пояснительную записку, дублирующую смету. Но на этот раз его признали «в общем виде одобрительным, кроме каланчи». Комиссия решила, что каланча «по мнению ея должна быть построена, как изображено в наклейке над фасадом». Паньков еще осуществлял надзор над постройкой здания, построенного в 1840—1841 гг. и сохранившегося до нашего времени, кроме каланчи, возведенной уже без Панькова, в 1842—1843 гг., и сгоревшей в начале XX в.

В ряде случаев Мельников и Паньков выступали в роли своеобразных конкурентов. Примером может служить проектирование нового рыбинского собора. Из-за неудобства участка для строительства, уже практически занятого более древними зданиями, проектное задание несколько раз изменялось даже на уровне губернии. При рассмотрении проектов в Петербурге возникли новые проблемы. При этом Паньков готовил один за другим многочисленные проектные предложения, раз за разом игнорировавшиеся комиссией, представлявшей собственные варианты построек. Кульминацией противостояния стало «обогащение» губернским архитектором проекта теплого собора, созданного архитекторами комиссии Д.И. и П.И.Висконти в 1837 г. Паньков выступил здесь выразителем мнения Рыбинского городского общества, недовольного скромностью фасадного убранства постройки. Общество «предоставило Рыбинскому городскому голове почетному гражданину Тюменеву исходатайствовать разрешение на сооружение того храма по вновь составленному губернским архитектором проекту,

наружный фасад коего, по мнению общества, более соответствует внутреннему благолепию собора, предположенного к постройке в лучшем месте города»[7]

В ответ комиссия «признала за лучшее проект оной переделать дать фасаду и плану больше правильности тносительно искусства и, по желанию градского общества, более великолепия»[8] Мы не знаем, сильно ли изменил Паньков замысел Висконти. Однако новый проект, подписанный Мельниковым и другими архитекторами комиссии 8 февраля 1838 г.[9], не имел с ним ничего общего. Скорее, он походил на один из некогда выполненных Мельниковым конкурсных проектов Исаакиевского собора. Из-за значительно увеличившихся размеров великолепного ампирного храма пришлось даже снести стоявшую рядом церковь XVII в. Разумеется, по ходу строительства проект пришлось дорабатывать, ибо столичные зодчие проигнорировали стоящую рядом с храмом прекрасную раннеклассицистическую колокольню, спроектировав центрический храм с глухими боковыми куполами, вероятно, для размещения звонниц.

Наиболее ярко различие творчества Панькова и Мельникова предстало при проектировании Крестовоздвиженской церкви в Рыбинске. Первый проект Панькова (1832 г.) был весьма оригинален[10]. Симметричная композиция с аркадами, соединяющими храм с домами причта, была явно навеяна воронихинским Казанским собором, но лихо «дополнена» поставленной сбоку высокой ярусной колокольней. Понятно, что согласовать такое комиссия проектов и смет не могла, предоставив рыбинцам альтернативный проект Мельникова[11] Задуманное им грандиозное здание своими ступенчатыми формами несколько напоминало самое знаменитое петербургское сооружение архитектора — Никольскую единоверческую церковь. Однако тут выяснилось, что заказчики располагали явно недостаточными финансами. Размах фантазии Панькова оказался следствием его математических ошибок. Итогом стал компромисс — архитекторы комиссии (А.И.Мельников, И.И.Шарлемань и Д.И.Висконти) взяли за основу проект Панькова и «придавая оному больше правильности и с возможным сокращением издержек» радикально упростили его, оставив лишь одно здание

церкви, которое и было возведено губернским зодчим в 1834—1846 гг.[12]

Подводя итог, можно констатировать, что при рассмотрении осуществленных и неосуществленных проектов, а также обстоятельств их воплощения выявляется трагическое несходство архитектурного кредо двух зодчих при внешней принадлежности их обоих к стилистике классицизма. Черты провинциализма, проявляющиеся то в одной, то в другой работе Панькова, усугубляются его принципиальностью и высокой работоспособностью, желанием отстоять свой вариант. Служебное положение, да и авторитет Мельникова, в итоге обычно предопределяли судьбу проекта. Однако на практике «последнее слово» неминуемо выпадало на долю Панькова, разумеется, сознательно не стремившегося к отступлениям от проекта.

По прошествии почти двух столетий, с повышением интереса к художественному наследию провинциальной России имена П.Я.Панькова и А.И.Мельникова занимают довольно близкие позиции, если не по своей значимости в истории русской архитектуры, то по своей известности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764—1914 / Сост. С.Н.Кондаков. Ч. 2. Список русских художников. Пг., 1914. С. 369.

[2] См.: *Тубли М.П.* Авраам Мельников. Л., 1980. С. 20.

[3] Там же. С. 91.

[4] См.: РГИА, ф. 1285, оп. 8, д. 1829, л. 5—7.

[5] См.: *Кшукин Д.В.* Из истории строительства губернаторского дома // Путь в науку. Сб. науч. работ аспирантов и студентов исторического факультета ЯрГУ / Под ред. А.М.Селиванова. Ярославль, 2001. С. 69—72.

[6] См.: РГИА, ф. 1287, оп. 31, д. 29.

[7] Там же, ф. 797, оп. 5, д. 15926, л. 4—4 об.

[8] Там же, л. 4 об.

[9] См.: РГИА, ф. 1488, оп. 4, д. 1126 (копии).

[10] В РГИА, ф. 1488, оп. 4, д. 1124, ф. 797, оп. 4, д. 16155 хранятся копии всех упомянутых ниже проектов.

[11] Подлинный чертеж разреза сохранился в Рыбинском музее-заповеднике (РБМ 7094/22).

[12] Снесена в 1930-х гг.

Поступила 26.07.06.

А.Г.БУРНАЕВ

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА

В начале XXI в. осмысление пластики танца в корне меняет старые позиции и представляет сегодня иную модель танцующего «сверхчеловека» (т.е. трансмутацию знака, символа, смысла). Это наглядно продемонстрировали постмодернисты, часто обращаясь к философии Ф.Ницше. Рассмотрим своеобразный диалог Ф.Ницше — Ж.Делёз, открывающий суть культурфилософской ориентации современного танца. Танец в философии Делёза есть маргинальная транспозиция теории Ницше о трансмутации, знаках искусства.

К толкованию истины жестов, движений, пластики, рисунка танца Ницше обращался, говоря о них как «о стране культуры»: «все века и народы пестро выглядывают из-под ваших покровов; все обычаи и верования пестроязычно глаголят в ваших жестах... Исписанные знаками прошлого, а поверх этих знаков замалеванные новыми знаками, — так сокрылись вы от всех толкователей»[1]. Чтобы узнать их, необходимо обратиться к философии Делёза.

Музыку Р.Вагнер определял как оппозицию архитектуре. А.Шопенгауэр архитектуру оценивал как функцию двух сил: несущей и несомой, опоры и тяжести, даже когда они имеют тенденцию смешиваться друг с другом. Ницше в отличие от Вагнера утверждал свою точку зрения — в искусстве танца музыка становится «легкостью, чистой невесомостью», но только в танце «сверхчеловека». Ницше сопоставил божественную игру «танцующей» звезды Лилы с пляской канатного плясуна. Их перекличка в мастерстве своего искусства — «дух тяжести», который создается и разрушается во время танца: кривая линия — истина танца;

БУРНАЕВ Александр Гаврилович, заведующий кафедрой национальной хореографии Мордовского государственного университета, кандидат культурологии, профессор.

прямолинейность статичных «позировок», движений, фигур танца — чистая ложь, но «ложь жестов так же противна и преступна, как лживость слов»[2]; замкнутый круг — время танца. Становится совершенно ясно, мгновенье танца — дух тяжести. «Дух, которому присуща материалистическая тенденция, создает материальные блага, а дух, обращенный к миру внутренних представлений, — духовные, оказывающиеся более долговечными и универсальными»[3]

Ницше, представив фундамент «философии жизни», заложил пролог к новой культурфилософской ориентации современного танца. Он «как бы» призывал к абсолютному господству своего метода, формировал один принцип удовольствия (нирвана — удовлетворение в смерти). В тексте «Танцевальной песни» мы обнаруживаем у него этот смысл. Одновременно он утверждает, что существует искусство, музыка, танец, разум, духовность, добродетель — нечто просветляющее, утонченное, безумное и божественное, ради чего стоит жить на земле[4]. Мысль танца подчинена не натурализму (инстинкту человека), а морали как определенному канону жизни. Потребность в совершенном искусстве разделила актера, лирика, мима, музыканта, танцора в сценическом искусстве по их специализации.

Делёз видит неизменную модель нового искусства не в высшей силе лжи между вершиной и основанием, одной и другой сторонами, а в танцевальном хороводе звезд в мифе об Ариадне, где чистое и истинное — Дионис-бог: «и танцует он, и преображается он, и называет себя “Полигетом”, богом тысяч искр, тоже он»[5] Он умеет делать то, что высшему человеку неведомо — смеяться, играть, танцевать. Но прыгать не означает танцевать или возвышаться, превосходить. Это способ противопоставления преодоления танца прыжкам. Б.Спиноза открыл перед науками новый путь: «Мы не знаем даже того, что может тело, не знаем того, что способно тело, ни того, какие силы ему присущи, ни того, на что они говорят в будущем. Смеяться означает утверждать жизнь и даже присутствующее в жизни страдание. Играть означает утверждать случайность и, путем случайности, необходимость. Танцевать означает утверждать становление и, посредством становления, бытие»[6].

Ницше утверждал, что Заратустра в мифе — «ходатай» Бога, но в христианстве «добрый Бог, равно как и черт, —

то и другое суть исчадия decadence»[7] Герой философа в танцевальной песне говорит: «Даже у наихудшей вещи ноги годятся для танцев: так научитесь же сами, о высшие люди, прямо стоять на ногах!», или «не сердитесь на меня, прекрасные плясуньи, если я слегка накажу маленького ога!... И со слезами на глазах пусть просит он у вас о ляске; а я спою песнь к его пляске: Песнь пляски и насмешки над духом тяжести, моим величайшим и самым могучим демоном, о котором говорят, что он “владыка мира”»[8]

Искреннее и динамичное веселье героя-танцора, героя-игрока составляет задачу сделать нас легкими, научить нас плясать, наделить нас инстинктом игры. Эти превращения артиста-творца и его «мужество одаривать» в творение возможностей жизни Делёз определял понятием трансмутации (переоценка: не изменение ценностей, но изменение стихии, из которой происходит ценность ценностей), которая находится на перекрестке двух неравных генетических линий. Он говорит, что триединство Ницше «смех, игра и танец» — есть утвердительные потенции трансмутации: танец осуществляет трансмутацию тяжелого в легкое, смех — трансмутацию мучения в радость, игры в кости — трансмутацию низкого в высокое. Но соотнесенные с Дионисом танец, смех и игра — это утвердительные потенции отражения (рефлексии) и развития. Танец утверждает бытие становления; смех, его раскаты, утверждают множественное и единое множественного; игра утверждает случайность и необходимость случайности»[9]. Трансмутация достигает силы, способной преобразовывать точку в пространстве, утверждать и находиться в постоянном изменении фиксированной формы (т.е. не принимать определенную «обобщающую» завершенную форму и держаться всегда за один и тот же образец), утверждает Ж.Делез, «но заставит танцевать кровли домов, раскачивать балконы — это то, что в высшей степени свойственно чародею-фальсификатору Р.Вагнеру»[10].

Элемент воображения в искусстве танца представляет собой совокупность и соотнесенность метода и формы. «Форма — это прежде всего отчеканенное, доведенное до совершенства содержание, которое в классическом искусстве выражает мир, каким он должен быть по своей природе — это совершенный, гармоничный, исполненный высоко-

го смысла»[11] Фиксированная форма — это радость, подвижность, воздушная легкость как свирель Диониса, которую можно назвать истиной философии Делёза. Она определяется не музыкой декаданса Вагнера (песнь труда, похоронный марш, танцевальная музыка, развлекательная, застольная, колыбельная как маленький «надоедливый мотивчик», имеющий свой вес), а территориями, атмосферами, родами деятельности, этносами. Необходимо освободить музыку и подойти к ней с другой стороны, оттуда, «где пространства дрожат и рушатся строения, где этносы смешиваются, где высвобождается могучая песнь Земли, где великий Ритурнель изменит, подхватит и повторит арии и все мотивы»[12]

Эти примеры Делёза имеют непосредственное отношение к знакам, отражают теорию М.Пруста: «Все, что нас чему-либо учит, излучают знаки. Любой акт обучения есть интерпретация знаков иероглифов»[13] Знаки являются объектом обучения, а не некоего абстрактного знания, и научиться их читать — это значит прежде всего рассмотреть материю, предмет, существо, как если бы они излучали знаки для дешифровки, интерпретации.

Делёз подчеркивает мысль Пруста о том, что между вещами не существует механических знаков, а между разумами — свободной и непроизвольной связи. Одно вовлечено в другое, обременено и осложнено другим, все — знак, значение, сущность. Все обитает в потаенных зонах, куда мы проникаем, чтобы дешифровать иероглифы и тайны письма. «Не существует ни предметов, ни душ. Есть только тела — тела астральные, тела растительные. Биология была права, если бы знала, что само по себе тело — уже речь. Лингвисты были бы правы, если бы знали, что язык — всегда язык тел. Любые симптомы — слова, но прежде — любые слова суть симптомы. Не удивительно, что истерик говорит своим телом. Он обретает первый язык — истинный язык символов и иероглифов»[13] Его тело, мимика, пластика, артистические позы, даже нос формируют некий единый алфавит, необходимый для того, чтобы понять о чем идет речь.

Произведение искусства порождает знаки и вынуждает их родиться. Творец-мыслитель (художник) — высший интерпретатор знаков, в которых обнаруживается истина.

Мыслить — значит интерпретировать или переводить. Сущность — это одновременно и знак, и значение (и то, что переводится, и сам перевод).

Знаки искусства можно классифицировать, используя идеи Пруста и теорию Делёза: *светские* (они пустые, но них есть нервное возбуждение); *любви* (они лживые, но них страдание, тревога); *чувственные* (они правдоподобные, в них экстраординарная радость, но не тоска). Искусство дает подлинное представление о единстве материального знака и абсолютного духовного смысла. Единством знака и смысла является сущность, она открывается в произведении искусства. Сущность — это идея, она снимает покров с каждого знака искусства (музыкального, танцевального), наделяет реальным существованием, независимостью (от инструментов, звуков музыки, пластики танца). Знаками искусства в большей степени воспроизводят или воплощают, чем создают. В этом состоит превосходство искусства над обыденной жизнью: все знаки, которые мы встречаем в жизни, всегда остаются материальными знаками, а их смысл не является полностью идеальным. В искусстве сущность индивидуализирует предмет, в котором воплощается, и абсолютно детерминирует форму ее выражающую, а также связь знака и значения.

Философия Ж.Делёза — это как выражение некоего универсального Разума, который при выработке ясных и пригодных для передачи определений соотносится с самим собой. Интерпретировать ощущения как знаки, законы или понятия, значит мыслить, обращать свои мысли в духовный эквивалент. Знак — вот то, что вынуждает мыслить, это предмет встречи, гарантирующей неизбежность появления того, что позволяет мыслить. Акт мышления не вытекает из простой и естественной возможности. Творение — это процесс образования акта мышления в самой мысли и, следовательно, содержит в себе нечто, что совершает насилие над мыслью, вырываясь из абстрактных возможностей ее естественного оцепенения. Транслировать, дешифровать, разворачивать есть формы чистого творения, думать — это объяснять, разворачивать, дешифровать.

Таким образом, культурфилософская ориентация постмодернового (авангардного, уникального, универсального) танца как «трансмутация» — это танец «сверхчеловека»

(Ф.Ницше), для нас пластика танцора связана не столько с танцем, сколько с обобщенным проявлением внутреннего состояния интеллектуальной одухотворенности исполнителя. Моделирование в танце знаково-символической субстанции пластики необходимо осмысливать как психические и физические процессы, которые суть двух сторон одного и того же действительного бытия: изнутри душа, а извне тело. Свобода творчества знаковой субстанции формирует единство и многообразие поисков в танце (постмодернистская идея моделирования души и духа человека на основе деконструкции сюжета, композиции произведения). В связи с этим, во-первых, любой предмет превращается в искусство, если он помещен в соответствующие условия; во-вторых, модель искусства — танцевальный хоровод (смеяться, играть, прыгать не означает танцевать, это способ противопоставления либо преодоление прыжков в танце); в-третьих, знаки искусства (светские, любви, чувственные) существуют для дешифровки, являются объектом обучения для интерпретации культурного материала в танце.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 2005. С. 97.
[2] *Фокин М.М.* Против течения / Под ред. Г.Н.Добровольской. Л., 1981. С. 349.
[3] *Дворжак М.* Очерки по искусству средневековья. М., 1934. С. 188.
[4] См.: *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. М.; Харьков, 1998. С. 738.
[5] *Делёз Ж.* Ницше и философия. М., 2003. С. 65.
[6] Там же. С. 336.
[7] *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // Книга для всех и ни для кого. М., 2005. С. 281.
[8] Там же. С. 87—89.
[9] *Делёз Ж.* Ницше и философия. С. 376.
[10] *Он же.* Мистерия Ариадны по Ницше // Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 182.
[11] *Арсланов В.Г.* История западного искусствознания XX века. М., 2003. С. 256.
[12] *Делёз Ж.* Мистерия Ариадны по Ницше. С. 183.
[13] *Он же.* Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 29.
[13] Там же. С. 30.

Поступила 22.06.06.

Мы продолжаем публикацию основных направлений деятельности Научно-исследовательского института регионологии.

Е.А.АБРАМОВА

СЕКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

На современном этапе развития страны основными направлениями социальной политики являются дальнейшее развитие социальной инфраструктуры, максимальный учет и согласование интересов различных социальных слоев, эффективная работа системы социальной защиты.

В последнее время внимание Правительства РФ и Президента В.В.Путина сосредоточено на развитии социальной сферы, практических шагах в реализации приоритетных национальных проектов в таких областях, как здравоохранение, образование, жилье. По мнению В.В.Путина, «во-первых, именно эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества; во-вторых, в конечном счете решение именно этих вопросов непосредственно влияет на демографическую ситуацию в стране и, что крайне важно, создает необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала».

На протяжении 15 лет приоритет в работе сектор социального развития НИИ регионологии отдавал исследованиям и прогнозированию развития здравоохранения, формирования здорового образа жизни, социальной защите и поддержке различных слоев населения, повышению благосостояния людей, обеспечению жильем, развитию физкультуры и спорта, организации досуга, отдыха и туризма.

В конце 90-х гг. XX в. наиболее масштабным исследованием сектора стала реализация международного проекта ТАСИС EDRUS 9602 «Региональная политика, направленная на исправление социально-экономической и правовой асимметрии». Реализация проекта позволила провести анализ динамики основных социально-экономических показателей административных районов республики, выявить

АБРАМОВА Екатерина Александровна, заведующая сектором социального развития региона НИИ регионологии.

группы отстающих в развитии и кризисных муниципальных образований, а также обладающих жизнеспособным экономическим потенциалом. Итогом работы стала разработка предложений по проблемам региональной социальной политики.

С целью повышения уровня и качества жизни населения Республики Мордовия до среднероссийских показателей, улучшения демографической ситуации и развития социально-культурной инфраструктуры региона сотрудниками сектора разрабатывались проекты, касающиеся социальной сферы, к программам перспективного развития Мордовии на период 2000—2005 гг.

В 2001 г. разработаны стратегические ориентиры развития Республики Мордовия до 2010 г., где раскрывалась необходимость всесторонней и взаимосвязанной модернизации экономики и социальной сферы, выявлялись главные инновационные направления социального развития республики. Основные направления формирования социальной политики на региональном и муниципальном уровнях легли в основу разработок проектов развития Рузаевского, Атюрьевского, Ромодановского, Торбеевского районов Мордовии.

Системный кризис и реформы 90-х гг. XX в. в России определили радикальные изменения всех сфер экономики, социальной, политической и духовной жизни народа и страны, которые носят противоречивый характер. Для большинства населения они обернулись резким ухудшением условий жизни и трудовой деятельности. Таким образом, в 2002 г. назрела необходимость формирования качественно новой государственной кадровой политики, государственно-общественной системы управления персоналом. Актуальной задачей стало развитие такой системы в регионах, отраслях, на отдельных предприятиях, учреждениях и организациях всех форм собственности.

Работа над Программой развития региональной системы управления персоналом в Республике Мордовия на период до 2010 г. позволила создать научно-практический документ и выявить основные направления, механизмы и мероприятия по развитию региональной системы управления персоналом в республике, созданию условий для профессионального развития персонала организаций, обеспечения

потребности Мордовии в высококвалифицированных работниках и их эффективного использования, сочетания текущих и долговременных интересов России и республики в использовании имеющегося трудового потенциала.

Основные результаты научно-исследовательских проектов 2000—2001 гг. использованы в работе республиканского вещания по вопросу совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для нужд хозяйственного комплекса Республики Мордовия (18 октября 2001 г.). Научно-методический потенциал разработок также использован в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, министерствами, ведомствами, администрациями местного (муниципального) самоуправления.

Опыт, приобретенный в ходе выполнения заказов Правительства РМ, позволил сотрудникам сектора социального развития с 2002 г. проводить мониторинговые исследования социальной сферы республики и систематически публиковать их в бюллетенях Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Начиная с 2001 г. пристальное внимание уделяется формированию современной государственной кадровой политики. Глава Республики Мордовия Н.И.Меркушкин в Посланиях Государственному Собранию РМ назвал кадровый вопрос определяющим будущее Мордовии.

Кадровые проблемы, отраженные в Посланиях Главы РМ, стали предметом углубленного социолого-статистического анализа, проведенного НИИ регионологии. Исследование включало обоснование построения целостной номенклатурно-конкурсной системы кадровой работы, что предполагает создание и адекватное использование компетентного кадрового резерва, создание организационного механизма пополнения Республиканского банка данных о резерве управленческих кадров, дальнейшее совершенствование республиканского законодательства по вопросам кадровой политики.

В 2005 г. положительному опыту работы с персоналом на крупном предприятии Мордовии ОАО «Рузхиммаш» посвящена работа «Развитие системы управления персоналом в РМ». Успешное функционирование кадровой службы

ОАО «Рузхиммаш» основано на анализе мониторинговых исследований, проводимых социально-психологической службой объединения.

Другим приоритетным направлением исследований сектора является изучение различных аспектов профессиональной реабилитации и занятости инвалидов, разработка для них реабилитационного поля. В 2002 г. эта работа началась в рамках гранта РГНФ «Разработка концепции реабилитационного поля для инвалидов в РМ». Проведенное исследование динамики численности общественных организаций инвалидов в республике выявило необходимость продуманной стратегии действий в их отношении. Были рассмотрены вопросы правового обеспечения реабилитационной политики в отношении инвалидов, представлена схема структуры реабилитационного поля для инвалидов Мордовии, проанализирована деятельность наиболее крупных общественных организаций республики по защите прав инвалидов. Итогом первого этапа работы стала предложенная концепция реабилитационного поля для инвалидов в Республике Мордовия.

На втором этапе исследованы конституционные основы социальной защиты инвалидов и ее нормативно-правовое обеспечение. Оценка правового обеспечения формирования доступной для инвалидов среды жизнедеятельности позволила сформулировать предложения по совершенствованию правовой базы реабилитационной политики в отношении инвалидов, а также по совершенствованию практической реализации законодательства по данному вопросу. Итогом работы над проектом стала предложенная стратегия реабилитации инвалидов в республике. В 2003—2005 гг. работа по этой тематике продолжена в рамках мониторингов «Республиканская система реабилитации инвалидов», «Профессиональная реабилитация и занятость инвалидов в Республике Мордовия».

Актуальным проблемам становления системы благотворительности в Мордовии был посвящен мониторинг «Развитие системы благотворительности в РМ». Система благотворительности в республике в начале 2003 г. находилась в начальной стадии формирования. Налицо были позитивные тенденции ее развития, наблюдалась положительная

динамика количества организаций и частных лиц, принимающих участие в благотворительных акциях, а также объема средств, собираемых в результате их проведения. Работа позволила выявить перспективы развития регионального законодательства в области благотворительности, проанализировать положительный опыт субъектов Российской Федерации по возрождению традиций благотворительности и сформулировать предложения по применению этого опыта в Республике Мордовия.

На протяжении нескольких лет особое внимание сектора социального развития и общественности приковано к проблемам здравоохранения и улучшения здоровья населения. Реализация Концепции охраны здоровья населения на 1998—2005 гг. позволила здравоохранению республики сохранить объем, доступность и качество медицинской помощи. Но в сложившейся ситуации пока преобладают неблагоприятные тенденции ухудшения здоровья населения, особенно детского. Учитывая высокий уровень детской заболеваемости в республике и необходимость проведения детской диспансеризации, подготовлен бюллетень, посвященный итогам детской диспансеризации 2002 г. и основным направлениям решения проблем здравоохранения детей.

Сектор социального развития

Результаты диспансеризации показали, что назрела острая необходимость активизации всей профилактической работы, проведения оздоровительных мероприятий не только на базе учреждений здравоохранения, но и в первую очередь в семье, на базе образовательных учреждений всех типов, формирования в менталитете нации ответственного отношения каждого человека, в том числе и ребенка, к своему здоровью. Эта тематика затронута и в проекте «Улучшение здоровья учащихся как фактор модернизации системы образования» в рамках исследовательской про-

граммы «Научно-методическое обеспечение функционирования и модернизации систем образования» по заказу Министерства образования РФ. Была обоснована идея необходимости сделать более доступными для учащихся спортивные объекты, разработать и реализовать республиканскую программу развития психиатрической помощи учащимся, популяризации здорового образа жизни.

В 2006 г. перспективным направлением работы стала реализация приоритетного национального проекта «Здоровье». Низкая эффективность отечественной системы здравоохранения во многом явилась результатом того, что в последнее время она была ориентирована на развитие стационарной медицинской помощи в ущерб первичным догоспитальным медицинским услугам. Результатами этого структурного «перекоса» стали недостаточная обеспеченность участковыми врачами, низкая оснащенность поликлиник диагностическим оборудованием. Эти факторы существенно снизили качество оказания первичной медицинской помощи, что привело к высокому уровню хронических и запущенных заболеваний, инвалидизации населения.

Меры, направленные на развитие первичной медицинской помощи, призваны повлиять на своевременное выявление и предупреждение многих заболеваний. В рамках обеспечения населения высокотехнологичной помощью в 2006 г. до 700 увеличено число квот на бесплатное лечение граждан республики в федеральных центрах. В настоящее время изучается вопрос о включении республики в перечень субъектов Российской Федерации — «кандидатов» на строительство в г. Саранске в 2007 г. центра высоких технологий по сердечно-сосудистой хирургии и оснащению медицинским оборудованием первой очереди второго пускового объекта республиканской клинической больницы.

В первом полугодии 2006 г. республика на реализацию национального проекта из федерального бюджета получила 113,7 млн руб., которые пошли на денежные выплаты врачам и медицинским сестрам общей практики, участковым терапевтам и педиатрам; проведение дополнительной иммунизации населения; выявление и лечение инфицированных вирусом иммунодефицита человека; родовспоможение и обследование новорожденных детей; проведение диспансеризации работающего населения.

Эта работа позволила выявить основные направления и особенности начала реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в Республике Мордовия. Сегодня важно, чтобы поставленные проектом задачи были решены, выделенные для этого средства с максимальным эффектом использованы для получения конкретного результата от масштабных вложений.

Учитывая современную экономическую ситуацию, диктующую необходимость повышения эффективности социальной политики, назрела потребность в концентрации усилий на решении наиболее острых социальных проблем, выработке новых механизмов реализации социальной политики, обеспечивающих более рациональное использование финансовых и материальных ресурсов. Решать конкретные задачи в социальной сфере предстоит органам государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, исходя из местных условий, уровня экономического развития, демографической ситуации, финансовых возможностей, национальных и культурных традиций населения.

Н.Н.АЗИСОВА
Д.А.КОСТЕНЕЦКИЙ

СОЦИОПАРК «РЕГИОНОЛОГИЯ» КАК ЦЕНТР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И МАРКЕТИНГОВЫХ УСЛУГ РЕГИОНА

Для Республики Мордовия характерна проблема отсутствия специализированных центров по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований, способных самостоятельно качественно и быстро выполнять работы в данном направлении. Вместе с тем исследования в республике проводятся (в основном это услуги фрилан-

АЗИСОВА Надия Низаметдиновна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

КОСТЕНЕЦКИЙ Дмитрий Александрович, заместитель директора НИИ регионологии по связям с общественностью, кандидат социологических наук.

серов). Чаще всего анализируется потребление и сфера услуг, реже — социально-политическая сфера жизнедеятельности регионального социума. Как правило, эти исследования носят эпизодический характер.

Малый бизнес республики не может себе позволить содержание специальных отделов по организации исследований по полному циклу, а средний и крупный — сталкивается с трудностями в кадровом обеспечении имеющихся маркетинговых служб. Также сказывается и отсутствие специалистов, владеющих специальными методиками и программами обработки первичной социологической информации с применением компьютерных технологий. Вышеперечисленное касается не всех участников рынка. Некоторые из них способны проводить маркетинговые исследования самостоятельно. Однако эта ниша в республике еще не занята.

Одним из ведущих социологических центров в Мордовии по праву считается Научно-исследовательский институт регионологии, который можно считать «монополистом» в этой области. Стаж института в области проведения социологических исследований солидный. Еще в 1982 г. на базе Мордовского государственного университета были открыты Проблемная лаборатория социально-экономического развития регионов Нечерноземной зоны РСФСР и Лаборатория социологических исследований, которые впоследствии послужили базой для создания НИИ регионологии. В рамках этих лабораторий осуществлялся мониторинговый анализ проблем развития региона. После создания НИИ регионологии Лаборатория социологических исследований перестала существовать, однако исследования продолжались.

В мае 2001 г. на базе НИИ регионологии вновь создана Лаборатория социологических исследований, которая в основном обеспечивала работу секторов института по разным направлениям, являлась методическим центром по проведению социологических исследований. На момент создания лаборатория владела скудной материально-технической базой, устарелым программным обеспечением по обработке данных.

В 2002 г. сотрудники лаборатории прошли обучение на курсах повышения квалификации по обработке социологи-

ческой информации в Центре социологии культуры г.Казани. Руководством института закуплены программное обеспечение SPSS, новая компьютерная и оргтехника.

Социопарк «Регионология»

К услугам лаборатории стали обращаться физические и юридические лица. Поэтому в апреле 2005 г. на базе Лаборатории социологических исследований ФГНУ «Научно-исследовательский институт регионологии» решено создать социопарк «Регионология» в целях развития социологических и маркетинговых услуг в республике, изучения политических и социально-экономических процессов, конъюнктуры рынка на основе социологической и маркетинговой экспертизы.

Основными задачами социопарка являются разработка, организация и проведение социологических и маркетинговых исследований полного цикла, а также их отдельных этапов; экспертное, методическое и техническое обеспечение социологических и маркетинговых исследований; развитие социологического образования в форме повышения квалификации; совершенствование методик и технологий прикладных социологических и маркетинговых исследований; содействие укреплению и развитию межрегиональных связей между социологическими центрами страны; разработка предложений по совершенствованию деятельности социопарка.

Социопарк предоставляет юридическим и физическим лицам на договорных условиях всесторонний и комплексный набор профильных услуг (консультационные, маркетинговые, социологические, образовательные, информационные и др.). Прежде всего это проведение инициативных социологических и маркетинговых исследований, осуществление подготовительной и организационной работы по проведению массовых и экспертных исследовательских проек-

тов, сбор первичной социологической информации с использованием качественных и количественных методик, статистический анализ социальной информации, подготовка отчетов на основе результатов статистического анализа социальной информации и их электронная презентация, организация и проведение конференций, семинаров по проблемам социально-экономического развития региона.

Необходимость этой структуры подтверждается накопленным опытом, «наработанным» НИИ регионологии за годы своей деятельности. Методика социологических исследований НИИ регионологии неоднократно апробирована. Так, например, вот уже более 10 лет институт реализует проект «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1993, 1995, 1999, 2002, 2005 гг.). Это массовое исследование, охватывающее 2 500 чел. по всей территории Мордовии.

В настоящее время социопарк, исходя из потребностей участников рынка, проводит анализ текущей и ожидаемой ситуации (в республиканском, окружном, российском масштабах) по нескольким направлениям.

1. Анализ тенденций и динамики развития рынка товаров и услуг: исследование конъюнктуры рынка; определение потенциальной и реальной емкости рынка; оценка колебаний спроса и предложения, уровня цен на рынке; анализ тенденций рынка и оценка динамики его развития.

2. Анализ фирменной структуры рынка услуг: характеристика основных организаций-производителей товаров и услуг; анализ конкурентной ситуации, сложившейся на рынке.

3. Анализ аудитории потребителей и ее ценовых ожиданий: оценка покупательских запросов и требований к качеству продукции, информированность населения о товарах и услугах; характеристика мотивов потребительского поведения; анализ цен (оптовые, розничные, контрактные, мировые), влияние фактора сезонности на цену.

4. Анализ эффективности рекламы: оценка реальных и потенциальных каналов сбыта товаров и услуг; характеристика и оценка эффективности каналов распространения информации о деятельности организации.

5. Анализ системы управления персоналом и социально-психологического климата в фирме: определение потребно-

сти организации в квалифицированном персонале; оценка профессиональных и деловых качеств работников организации; исследование профессиональных и межличностных контактов в трудовом коллективе, выявление очагов напряженности.

6. Организационно-методическое и информационно-аналитическое содействие специалистам предприятий и организаций в осуществлении маркетинговой деятельности (в том числе на основе аутсорсинга), их обучение и консультирование.

По результатам проведенной работы социопарк предоставляет рабочие материалы, табличные отчеты для специалистов-маркетологов, компьютерную презентацию результатов исследования, краткие отчеты (резюме исследования), итоговые (полные) отчеты с выводами и рекомендациями, а также проводит презентацию итогов маркетинговой экспертизы для руководителей организаций.

Важное направление деятельности социопарка — обучение заинтересованных участников рынка методикам и технологиям проведения социологических и маркетинговых исследований в форме повышения квалификации. Социопарк совместно с филиалом Волго-Вятской академии государственной службы в г. Саранске проводит курсы повышения квалификации, по окончании которых обучающиеся получают сертификаты соответствующего образца. Слушатели курсов получают профессиональные знания о методиках и технологиях проведения социологических и маркетинговых исследований, обработке социологической информации с использованием программы обработки данных SPSS, методах определения выборки, оценке ее репрезентативности.

За полтора года своего существования партнерами социопарка были Мордовский государственный университет, ООО «РусИнтекс» (г. Москва), ОАО «Мордовская генерирующая компания», Государственный комитет Республики Мордовия по делам молодежи, ЗАО «Европа-ТВ» (Русское радио — Саранск), ОАО «Мордовспирт», ООО «РТКОМ» (ТелеСеть Мордовии — 10 канал) и др.

Социопарк «Регионология» в настоящее время является базовым центром обучения и дальнейшего прохождения практики студентов специальностей «Социология», «Регионоведение» и «Политология».

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3—5 октября 2006 г. на базе Московского государственного университета прошел организованный Российской социологической ассоциацией (РоСА) и социологическим факультетом МГУ всероссийский социологический конгресс «Глобализация и социальные изменения в современной России». Конгресс был призван консолидировать усилия российского социологического сообщества — представителей разных школ, направлений и отраслей социологического знания, вузовской и академической науки.

Программа работы конгресса предусматривала пленарные, полупленарные и секционные доклады, сообщения, круглые столы, дискуссии, встречи с известными отечественными и зарубежными социологами. Участниками конгресса стали ученые из 65 регионов РФ, а также Болгарии, Германии, Китая, Польши, Сербии и Черногории, Франции, Беларуси, Казахстана, Латвии, Молдовы, Украины.

В числе приглашенных — социологи и ученые, работающие в других отраслях социального знания, представители профессиональных и общественных социологических организаций России и стран СНГ, Международной и Европейской социологических ассоциаций. Более 1 300 чел. пожелали участвовать в конгрессе. К началу его работы в оргкомитет было представлено 965 докладов, в том числе 60 от иностранных участников. Доклады опубликованы в 16 томах тезисов докладов и выступлений всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». За три дня работы конгресса в его работе приняли участие 1 024 чел.

Председатель оргкомитета конгресса ректор МГУ академик В.А.Садовничий открыл работу научного форума. С вступительным словом выступил президент РоСА, декан социологического факультета МГУ профессор В.И.Добреньков. С докладами на пленарном заседании выступили В.А.Садовничий — «Гуманитарное образование и университет», почетный председатель РоСА, президент Российской академии социальных наук, научный руководитель Института социально-политических исследований РАН академик РАН Г.В.Осипов — «Социология в системе научного управления российским обществом», вице-президент Российской социологической ассоциации, декан социологического факультета СПбГУ профессор Н.Г.Скворцов — «Глобализация и структуры повседневности», вице-президент РоСА, директор Института социологии РАН, член-корреспондент РАН М.К.Горшков — «Россия — новая социальная реальность: к общим выводам социологического анализа», В.И.Добреньков — «Россия в поисках национальной идеологии», вице-президент РоСА, заведующий кафедрой социологии безопасности социологического факультета МГУ, член-корреспондент РАН В.Н.Кузнецов — «О миссии российской социологии в становлении новой московско-шанхайской модели миропорядка».

В заключение пленарного заседания состоялось вручение премий им. П.А.Сорокина и И.Г.Петровского, а также награждение победителей и лауреатов конкурса имени Н.И.Кареева.

Лауреатами премии им. П.А.Сорокина за выдающийся вклад в развитие социологической науки

стали экс-президент Международной социологической ассоциации, профессор А.Мартинелли (Болонский университет, Италия) и член-корреспондент РАН Н.И.Лапин (Институт философии РАН, Моск-

Премией им. И.Г.Петровского за цикл научно-педагогических работ отмечены профессор Г.Ф.Кунцев (ректор Тюменского государственного университета), профессор Н.Г.Скворцов (декан факультета социологии СПбГУ), профессор А.И.Сухарев (директор НИИ регионологии при Мордовском государственном университете, Саранск), профессор Ю.Г.Волков (проректор Ростовского государственного университета).

Работа четырех состоявшихся далее полупленарных заседаний охватывала наиболее актуальные направления социологической науки. В рамках первого полупленарного заседания «Состояние социологического знания и современные социальные теории» выступили с докладами профессор С.А.Кравченко — «Главные тенденции развития мировой социологической мысли: по материалам XVI Всемирного социологического конгресса»; профессор И.Ф.Девятко — «Социологическая теория сегодня: типы, проекты, стратегии и перспективы»; профессор Г.Г.Татарова — «Методологическая травма социолога: к вопросу интеграции знания»; профессор В.П.Култыгин — «Новации в мировой социологической методологии»; профессор Покровский Н.Е. — «Глобализация и пустота: принцип усложнения, потребление и глокализация»; профессор А.Б.Гофман — «Социологические подходы к анализу традиций»; профессор Филиппов А.Ф. — «Теории социальных событий».

На втором полупленарном заседании «Трансформация России: традиции и инновации» доклады сделали член-корреспондент РАН, профессор Н.И.Лапин — «Динамика ценностей и социальное самочувствие россиян»; профессор Г.Н.Соколова — «Социальные проблемы развития рыночных отношений в контексте глобализации (на примере Республики Беларусь)»; профессор А.И.Антонов — «Современные особенности демографической ситуации в России и стратегия демографической политики»; профессор Ю.П.Аверин — «Глобализация и стигматизация в условиях современной России»; профессор В.В.Локосов — «Трансформация национальной государственности как глобальный вызов».

В программе третьего полупленарного заседания «Динамика социально-политических процессов» были заслушаны доклады профессора В.А.Никонова — «Социально-политический процесс в современной России и предстоящий избирательный цикл»; члена-корреспондента РАН, профессора Ж.Т.Тощенко — «Актуальные проблемы государственно-религиозных отношений»; члена-корреспондента РАН, профессора В.Н.Иванова — «Безопасность культуры — основа безопасности России»; профессора С.А.Маркова — «Повестка дня: 2007—2008».

На четвертом полупленарном заседании «Социологическое образование и общество» были представлены доклады профессора В.А.Шаповалова — «Высшее образование в поликультурном обществе»; профессора Г.Ф.Куцева — «Современному обществу — современный университет»; члена-корреспондента РАО профессора С.И.Григорьева — «Основные факторы и условия развития социологического образования в России начала XXI столетия»; профессора

Г.Е.Зборовского — «Социологическое образование и социологическое знание: проблемы взаимосвязей»; профессора М.Ф.Королева — «Механизмы гарантий качества высшего профессионального образования»; профессора Г.Г.Силласте — «Социологическое образование как фактор конкурентоспособности специалиста».

Во второй день работы конгресса работало 36 секций, представлявших соответствующие направления социологической науки. Большой интерес вызвала работа секций истории и теории социологии, социологии безопасности, математического моделирования социальных процессов, социологии семьи и демографии, социологии молодежи, социологии организации и управления, социологии политических процессов, социологии образования, социологии регионального и городского развития, военной социологии, социологии коммуникативных систем и др. Из 972 чел., приславших заявки на участие в работе секций, прибыли 879, из них 423 выступили с докладами и сообщениями.

После завершения работы секций был организован просмотр документального фильма «Повинуемость» («OBEDIENCE», USA, 1965) с комментариями автора русского перевода А.Я.Воронова. После демонстрации фильма состоялось продолжительное активное обсуждение специалистами разных областей (включая представителей естественно-научных и технических специальностей), в ходе которого высказано мнение о необходимости формирования новой концепции человека, опирающейся, в частности, и на результаты исследований С.Милгрэма.

В третий день работы конгресса состоялось 6 круглых столов, посвященных наиболее актуальным социальным проблемам современной России: «Молодежь в поликультурном глобальном пространстве», «Социология рыночных реформ в России», «Отношение населения приграничных регионов России и Белоруссии и расширение Европейского сообщества», «Духовная и социально-демографическая безопасность современного российского общества», «Благотворительность в современной России: проблемы и перспективы», «Новое предметное поле развития российской социологии и социологии образования начала XXI века: обретение и потери, новые перспективы и угрозы».

Вторую половину дня открыло расширенное заседание Учебно-методического совета по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью УМО по классическому университетскому образованию, в котором приняли участие 115 чел., в том числе 92 представителя региональных вузов.

Основным вопросом повестки дня стало обсуждение новых учебно-методических документов государственного стандарта 3-го поколения по направлению 040200 «Социология» для бакалавров, специалистов и магистров. На заседании утверждены Перечень компетенций, установленных как значимых при проектировании государственного стандарта, и Перечень дисциплин специализации по специальности 040104 «Организация работы с молодежью».

Особую заинтересованность вызвало обсуждение документа «О перечне направлений высшего профессионального образования РФ для ГОСТ 3-го поколения» (рабочие материалы № 17), где специальности 040102 «Социальная антропология» и 040104 «Организация

работы с молодежью» без всякого профессионального обоснования были отнесены не к направлению 040200 «Социология», как это должно было быть, а к направлению 040100 «Социальная работа». В
зи с этим было оглашено письобращение к директору Департамента государственной политики в образовании с просьбой об устранении этой ошибки.

Кроме этого были заслушаны сообщения о развитии специальностей 040104 «Организация работы с молодежью» (профессор Н.Л.Смакотина) и 040102 «Социальная антропология» (профессор Н.Г.Скворцов). Утверждены рекомендации об открытии специальностей (10 учебных заведений) и утверждены заключения для получения грифа УМО по классическому университетскому образованию.

Под председательством президента Российской социологической ассоциации профессора В.И.Добренькова оживленно прошло заседание правления РоСА. В соответствии с повесткой дня председатели и представители 52 региональных отделений РоСА были ознакомлены с информацией о деятельности ассоциации в течение трех лет ее существования — к началу работы конгресса была издана брошюра, освещающая историю создания и деятельности международных, зарубежных и отечественных социологических ассоциаций и содержащая подробную информацию о Российской социологической ассоциации. В обсуждении перспектив и путей развития РоСА выступили председатель Новгородского отделения РоСА профессор А.М.Осипов, председатель Вологодского отделения РоСА доцент А.А.Мехова, председатель Краснодарского отделения РоСА профессор А.М.Петров, председатель Тюменского отделения РоСА профессор В.В.Гаврилюк, председатель Архангельского отделения РоСА профессор Т.С.Шамсутдинова, член Московского отделения РоСА профессор С.А.Шаронова, член Иркутского отделения РоСА доцент М.В.Лисаускене.

Постоянным вопросом на всех заседаниях правления и президиума РоСА является прием в ассоциацию новых региональных отделений. За три года в РоСА были приняты семь новых отделений. На отчетном заседании в РоСА приняты организации Республики Марий Эл и Сахалинской области. На конгрессе о желании вступить в РоСА высказались социологи Чувашской Республики и Калининградской области.

Конгресс завершился заключительным пленарным заседанием, на котором руководители секций и круглых столов подвели итоги работы и высказали предложения по совершенствованию работы исследовательских комитетов РоСА.

Ученый секретарь
Всероссийского
социологического конгресса
профессор
И.П.РЯЗАНЦЕВ
(г.Москва)

ОПЫТ РАБОТЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

В Европе государственные академии весьма малочисленны. Так, во Франции число академиков — 50 чел. Невелика их численность и в США, хотя там развиты общественные академии, например, Американская академия инженеров и механиков насчитывает 100 тыс. членов и имеет мировое значение. Работа в этом направлении ведется и в России. Создан ряд общественных академий, среди наиболее авторитетных и признанных в России и мире следует назвать Российскую академию естественных наук (РАЕН), имеющую региональное отделение в Мордовии, насчитывающее более 30 членов, его руководителем является доктор технических наук, профессор П.П.Лезин.

В структуру Мордовского отделения академии входят секции: историко-социологическая, включающая педагогику и психологию; медико-биологическая; аграрная (агрономия, почвоведение, ветеринария и зоотехния); инженерные науки. Отделение имеет президиум, состоящий из руководителей секций.

РАЕН ведет активную работу по координации деятельности научной общественности, решению актуальных проблем развития академической и прикладной науки России. Академия издает шесть научных журналов по ведущим направлениям ее развития, проводит четыре ежегодные международные и всероссийские научно-практические конференции.

В мае 2006 г. академия отпраздновала десятилетие своей деятельности, она аккредитована в 56 субъектах Российской Федерации, ежегодно растет число ее членов. Сегодня в ее работе принимают участие 350 действительных членов и 120 членов-корреспондентов.

За сравнительно небольшое время своей деятельности РАЕН на региональном, российском и международном уровнях провела ряд актуальных конференций: «Информационные технологии для университетов и высших учебных заведений», «Приоритетные направления науки, техники и технологий», «Фундаментальные исследования в биологии и медицине», «Управление производством» и др. Весьма востребованными в научной среде являются издаваемые РАЕН журналы: «Успехи современного естествознания», «Фундаментальные исследования», «Современные наукоемкие технологии», «Современные проблемы науки и образования».

Академия уделяет большое внимание развитию фундаментальной науки в регионах России. По просьбе Мордовского отделения РАЕН активно участвовала в представлении республиканских ресурсосберегающих технологий (г.Саранск, июль 2006 г.) на форуме «Русское поле». В дальнейшем такое плодотворное сотрудничество будет продолжено.

Председатель
Мордовского отделения РАЕН
профессор П.П.ЛЕЗИН

ANNOTATIONS

Problems of Regional Socium Development.
Main trends in the analysis of regional socium development as well as priority trends of its complex and balanced evolution are treated in the article.

I.V.Bakhlov. Soviet Federalism: Ideological Beginnings and Conceptual uliarities.
Ideological beginnings and conceptual peculiarities of Soviet federalism on the basis of the analysis of evolution of ideas by V.I. Lenin and All-Russian Communist Party of Bolsheviks relatively state structure of Russia are presented in the article.

M.E.Buyanova. Evaluation of Regional Risks in the Southern Federal District Regions.
The indices and methods for evaluation of Regional Risks in social and economic development of the regions after the example of the republics and regions comprising the Southern Federal District are presented in the article.

M.R.Dolotkazin. Programme and Special Management of Regional Innovation Activity Development.
Issues of state support for innovation activity in the region after the example of the Republic of Tatarstan as well as measures taken by the Government of the Republic with the purpose of increase of competitiveness of regional industrial enterprises innovation activity are treated in the article.

E.N.Korolyova. Typology of Municipal Entities in Regional Development.
The article is devoted to the analysis of different approaches to different types of municipal entities. Their typologies are presented in the article.
Main Indices of Social and Economic State of the Russian Federation Constituent Entities in the 1st Half of 2006.

I.N.Krutova. On Implementation of National Project «Development of Agri-Industrial Complex» in the Republic of Mordovia.
The analysis of implementation of national project «Development of Agri-Industrial Complex» in the Republic of Mordovia is presented in the article. Its positive and negative points are highlighted. Measures aimed at its optimisation are offered.

L.V.Ivanenko. Territorial and Organisational Forms of Regional Economics.
The analysis of different territorial forms of regional economics such as industrial centre, holding, financial and industrial groups, industrial agglomeration, territorial and industrial complexes and clusters is presented in the article.

T.A.Frolova. Development of Consumer Crediting as Factor for Business Demand Stimulation in the Region.
Different trends in the development of consumer crediting in the Republic of Mordovia which can stimulate business demand are analysed in the article.

V.V.Kuznetsov. Problems in the Development of Agricultural Production in Municipal Entities of the Ulyanovsk Region.
The analysis of present stage and problems of regional agricultural production as well as rural municipal entities functioning is carried out in the article. Ways for optimisation of production activities and increase

of population living standard in the rural area of the Ulyanovsk Region are offered.

O.V.Aphanasyeva. Formation of Economic Mechanism for Sustainable Development of an Enterprise.

One of the possible approaches to the development of sustainable development of an enterprise and formation of its economic mechanism is presented in the article. Basic functional components to be taken account of in the formation of economic mechanism for sustainable development of an enterprise are determined. Methods for evaluation of sustainable development are offered, recommendations are made.

G.B.Kozyreva. Role of Forest Business in Social and Economic Development of the Boundary Region (after the example of the Republic of Karelia).

The article is devoted to the analysis of the present state of forest business in the Republic of Karelia as well as to the perspectives of its co-operation as a transboundary region with foreign partners in the context of Russia entering WTO.

Yu.I.Bazaev. Specific Features of Agricultural Corporation in the Region.

The necessity of establishing and development of versatile agricultural corporations in the present-day conditions is analysed in the article. Positive experiences as well as problems in operation of the established in the Republic of Mordovia agri-industrial holding "Talina" are presented in the article.

T.E.Minyakova. Stages of Transfer of Housing and Communal Services System of the Region into Marketing Conditions.

The analysis of present state of the system of housing and communal services in the Ulyanovsk Region is presented in the article. Stages of its transfer into marketing conditions and problems arising in the course of this process are determined.

A.N.Fedonin. Efficiency of Utilisation of Biologically Active Additions in Rations of Cattle and Poultry as Factor for Increase of their Productivity in Regional Agri-Industrial Complex.

On the basis of the research the author determines different degree in the efficiency of biologically active additions in the rations of cattle and poultry. Special attention is paid to ferrosil.

V.Yu.Petrov, N.N.Matushkin, A.A.Tashkinov, T.A.Kuznetsova, V.D.Cherkasov, S.I.Pakhomov. Efficiency of Integration of Education and Science as Basis for Increase of Quality in Education of Higher Qualification Personnel.

Basic trends, types, kinds and forms of integration processes in science and education as well as advantages being given to the participants of integrative processes are presented in the article.

L.A.Aukhadeeva. Distinctive Features of Communicative Culture of Pedagogical University Students in the Republic of Tatarstan.

The analysis of different features of communicative culture of students of the Tatar Humanitarian and Pedagogical University coming from cities and rural districts of the region is presented in the article.

M.I.Kargin. Systematic and Contextual Psychodiagnostics in Compulsory Schools of the Region.

The article is devoted to the formation of psychological departments in the Republic of Mordovia. Special attention is paid to systematic and contextual psychodiagnostics in compulsory schools of the region.

N.N.Loginova, S.V.Pershin. Influence of Migration on Social and Demographic Development of the Region.

An attempt to analyse the influence of migration on social and demographic situation in the Republic of Mordovia is made in the article. Different ways for regulation and optimisation of migration flows are offered in the article.

O.V.Nesterova. Socio-Cultural Aspects in Inter-Relations of Groups Migrants and Local Population of the Region.

An attempt to analyse some socio-cultural aspects in inter-relations of local population and migrants in the Republic of Mordovia in the conditions of globalisation and regionalisation is made.

M.V.Kaimakova. Problems of Complex Development of a Rural Entity in the Region.

On the basis of the results of sociological research carried out in the Tsilninsky and the Karsunsky districts of the Ulyanovsk Region the analysis of present stage and perspectives for the development of a rural entity is made.

L.N.Lipatova, I.V.Egorov. Transformation of Social and Labour Relations in Enterprises of the Region.

On the basis of the applied sociological research main tendencies in transformation of social and labour relations in industrial enterprises of the Republic of Mordovia are highlighted in the article.

E.N.Sunyaikina. Regional Aspect of Inter-Sector Interaction in Russia.

Various groups of mechanisms for inter-sector interaction existing in different regions of Russia are analysed in the article. Special attention is paid to inter-relations between State Power Bodies of constituent entities of the Russian Federation and non-commercial organisations functioning in their territories.

A.F.Kuznetsov. Consumption of Social Services by Population of the Region.

Consumption of different social services by population of the Republic of Mordovia is analysed in the article. Consumption force of the regional population is quantitatively determined.

M.M.Geraskin, M.I.Kudashkin. Basic Parameters of Efficiency in Agri-Landscape Organisation of Territory of the Region.

After the example of experimental farms evaluation of basic parameters of ecological stability of agri-landscape is made. The expediency of territorial organisation on the agri-landscape basis is substantiated.

A.V.Kaverin, A.V.Nenastin. Ecological and Economic Optimisation of Utilisation or Agri-Resource Potential in a Municipal Entity.

Agri-resource potential of Kovylkino municipal entity of the Republic of Mordovia is analysed in the article. Methods for its ecological and economic optimisation and utilisation are offered.

Yu.N.Sushkova. Probative Basis for Ethnic Justice among Mordva People.

Foundations for probative basis of traditional ethnic justice of the Mordva people are described in the article. Wide-spread ways for determining the truth on a point at issue are analysed. Application of property signs characteristic for Finno-Ugric peoples is under research. On the base of archival, field, monographic materials the author presents the system of evidences used through millenniums up to the beginning of the XX century.

E.V.Bryzhinskaya. Organisation and Activity of Courts of Communal Action in the Territory of Mordovia in 1928—1937.

The activity of courts of communal action in the territory of Mordovia in 1928—1937, namely, court of conciliation, rural, unofficial, personnel and communal courts is analysed in the article.

A.G.Bergman. Besednichestvo and Starchestvo in the Middle Povolzhje.

The article is devoted to the religious and mystical movement in the Middle Povolzhje — the besedniki. The conclusion on common roots and inter-influence of the besedniki and the khlysts sect is made. Never before published archival materials are used in the article.

V.F.Lyevin. Russian Legislation on Struggle with Religious Crimes in the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries.

Changes in Russian legislation on struggle with religious crimes in the end of the XIX — the beginning of the XX centuries are analysed in the article. Contradictory but in general positive character of the changes is underlined.

E.V.Agaeva. Historiography of the Problem of Artistic Intelligentsia of Chuvashia in 1920—1941.

Stages in the studies on artistic intelligentsia are determined in the article. Contribution made by the researchers of each stage into general studies of the problem is evaluated. Historiographic survey on chronological principle is made.

T.I. Volostnova. Artistic Resemblance of Historic Facts in Cultural Tradition of the Mordva People.

The article is devoted to the problem of inter-relation of cultures of neighbouring peoples, research of artistic chronicle of cultural tradition of the Mordva people, complicity of peoples to different personifications of the tradition which through emotional and psychological perception of the world is connected with artistic resemblance of historical facts in the annals of cultural traditions.

L.V.Abramova. «Praying about Horses» as Reflection of Syncreticity of Faiths and Rites of Mordva in the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries.

The article is devoted to the problem of identification of Holy images in the icon. Using the materials of the Museum of Religious Studies under the Mordovian State University the author shows the specificity of image perception, conditioned by the process of syncreticity of the Mordva faiths in the end of the XIX — the beginning of the XX centuries.

Yu.I.Bokatina. Historical Comments on a Linguistic Phenomenon as Means for Research of History and Culture of the Region.

Historical comments on onomastics facts of Mordovia which promote the formation of linguistic ideology of school students are analysed in the article.

S.N.Ovsyannikov. Capital and Provincial Architects in Architectural Sphere of the Region.

The analysis of work of capital and provincial architects (A. Melnikov and P.Pankov) in the territory of the Yaroslavl province in the middle of the XIX century is carried out in the article.

A.G.Burnaev. Cultural and Philosophicals Foundation of Modern Dancing.

Original creative dialogue between F. Nietzsche — G. Deleuze revealing the essence of cultural and philosophical foundations of dancing is analysed

in the article. Dancing in the philosophy of G. Deleuze is treated as marginal transposition of F. Nietzsche theory on transmutation and signs of art.

E.A.Abramova. Social Development Sector of the Region.
The analysis of main trends of scientific and research activities of regional social development sector of Scientific and Research Institute of Regionology under the Mordovian State University is presented in the article.

N.N.Azisova, D.A.Kostenetsky. Socio-Park «Regionology» as Centre for Social and Marketing Services in the Region.
The analysis of main trends in the activities of socio-park of Scientific and Research Institute of Regionology under the Mordovian State University is presented in the article.

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Е.Н.Маскаева*
Корректоры *Л.В.Калачина, О.В.Жур*
Макет *И.А.Пакшиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 11.10.06. Подписано в печать 20.11.06. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 21,28. Тираж 1000 экз. Заказ № 6329.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@yandex.ru, rri@moris.ru

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.